№ 1 LA CAUSE DES COSAQUES PARIS

Февраль 1931 г.
Цѣна номера во Франціи 4 фр.

Février 1931
Prix du numèro 4 frs en France

КАЗАЧЬЕ ДѢЛО

ОРГАНЪ ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА

(MENSUEL)

Organe de „La Ligue de la Renaissance des Cosaques"

Донской Войсковой Кафедральный Соборъ въ г. Новочеркасскѣ.

№ 1 LA CAUSE DES COSAQUES PARIS

Февраль 1931 г.
Цѣна номера во Франціи 4 фр.

Février 1931
Prix du numèro 4 frs en France

КАЗАЧЬЕ ДѢЛО

ОРГАНЪ ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА
(MENSUEL)
Organe de „La Ligue de la Renaissance des Cosaques"

Донской Войсковой Каѳедральный Соборъ въ г. Новочеркасскѣ.

Журналъ «КАЗАЧЬЕ ДѢЛО» — органъ «Лиги Возрожденія Казачества, издаваемый на средства ея членовъ-казаковъ, зарабатываемыя личнымъ, почти исключительно, физическимъ трудомъ. Администрація, Редакція и Сотрудники журнала работаютъ безвозмездно.

Казаки! Прислушайтесь къ голосу нашихъ братьевъ, идущему съ Родины, къ голосу погибающихъ въ страшныхъ мукахъ нашихъ родныхъ и близкихъ. Казачество уничтожается не только въ бытѣ, экономикѣ, въ духовномъ содержаніи, — оно истребляется физически, истребляется систематически, въ силу опредѣленно выработаннаго плана, ибо оно не пріемлетъ и не можетъ пріять коммунистической идеи и практики.

Казаки или разстрѣливаются или массами высылаются на другія, гиблыя, окраины Россіи. Ихъ земли и имущество передается вселенцамъ — великороссамъ, являющимся горячими исполнителями и проводниками идей и плановъ коммунистической власти.

«Еще немного времени—и казачество погибнетъ»,—такъ въ предсмертныхъ судоргахъ наши родные и близкіе взываютъ къ намъ о спасеніи.

Казаки! намъ никто не поможетъ. Будущее нашей Родины зависитъ только отъ насъ. Время не терпитъ. Десять лѣтъ надеждъ на «другихъ» принесли намъ разочарованіе и гибель нашихъ Родныхъ Краевъ. Пора одуматься и, дружно сплотивъ во-едино наши силы, нашу волю, нашу горячую любовь къ Родинѣ, организованно, настойчиво и неуклонно стать на работу во имя спасенія нашихъ дорогихъ отцовъ, матерей и братьевъ, нашихъ прекрасныхъ, безмѣрно любимыхъ Казачьихъ Земель.

«Лига Возрожденія Казачества» присоединяетъ свой голосъ къ голосу Родины и зоветъ Васъ, братья-казаки, къ дружной работѣ въ ея рядахъ. Сейчасъ или никогда, ибо время не терпитъ — завтра будетъ уже поздно.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
«ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА»

Наши задачи сегодняшняго дня.

Въ 1917 году, послѣ Московскаго Государственнаго Совѣщанія, покойный Атаманъ А. М. Калединъ пришелъ къ убѣжденію, что «Россія можетъ быть спасена только по частямъ». Прогнозъ, какъ показали послѣдующія событія, былъ правильнымъ, но покойный Атаманъ не сдѣлалъ изъ него нужнаго логическаго вывода — и погибъ. Довести мысль Каледина до ея логическаго конца выпало на долю Атамана П. Н. Краснова, провозгласившаго въ 1918 году Донъ самостоятельнымъ государствомъ. Не теоретическія разсужденія, но вся сумма событій, вся обстановка даннаго момента и историческія предпосылки властно диктовали этотъ актъ.

Начавшаяся съ момента свержения царскаго правительства анархія, а особенно захватъ власти большевиками, съ обнаженной очевидностью показали,

что Казачество и великорусскій народъ представляютъ два совершенно различныхъ міра;

что исторія поставила лицомъ къ лицу съ одной стороны — анархическія, пріявшія разбойно-большевицкій режимъ россійскія народныя массы, съ другой — государственно настроенное, воспитанное въ традиціяхъ свободы и порядка казачество;

что между казачествомъ и Россіей, не смотря на ихъ трехвѣковое сожительство, никакой органической связи не существовало;

что объединяла эти два разныхъ міра совершенно механически только царская власть, въ силу того мистическаго ореола, которымъ въ глазахъ казачества были окружены носители этой власти — русскіе монархи.

Оборвалось это звено, и казачество отвалилось отъ Россіи; при чемъ особенно знаменательна та безболѣзненная легкость, съ какой произошла эта операція, не вызвавшая никакого протеста, ни удивленія, ни сомнѣнія со стороны не только казачьихъ массъ, но и отдѣльныхъ его представителей и принятая всѣмъ казачьимъ народомъ, какъ нѣчто вполнѣ естественное и непререкаемое.

Для тѣхъ, кто знаетъ казачью психологію, кто заглядывалъ въ его исторію, такое явленіе нисколько не неожиданно.

Жившее когда-то самостоятельной жизнью, вынесшее кровавую жестокую борьбу въ теченіе вѣковъ противъ ассимиляторской политики россійской власти, сохранившее память о старой своей независимости, вѣками противопоставлявшее себя Московіи, — казачество въ дни революціи и анархіи ясно увидѣло, что дальнѣйшее сожительство и сотрудничество съ русскимъ народомъ немыслимо, что идти по одному пути съ Москвой для него органически невозможно. И казачья душа властно потребовала возврата къ тѣмъ формамъ бытія, въ которыхъ казачество существовало двѣсти съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ.

Особенно показательно и доказательно то обстоятельство, что ни одна часть коренной Россіи (не говоримъ о Грузіи, Латвіи, Финляндіи и др.) — скажемъ, какая-либо Воронежская, Костромская губерніи — и не подумали пойти по аналогичному съ казачествомъ пути. Ясно, что тамъ не имѣлось для этого ни историческихъ, ни психологическихъ основаній.

Можетъ быть, безсознательно, инстинктивно, но полярную противоположность двухъ міровъ — великорусскаго и казачьяго — признала и та «бѣлая» часть русскаго народа, которая въ дни большевизма искала спасенія именно въ казачьихъ Земляхъ, а не въ россійскихъ губерніяхъ.

Эту противоположность признавали и нынѣ признаютъ и большевики, что такъ опредѣленно выражено было когда-то Троцкимъ, заявившимъ, что «казачій фронтъ важнѣе нѣмецкаго».

Къ сожалѣнію, Казачья Старшина—наши вожди, наша интеллигенція, — отворвавшаяся отъ своего народа, получившая образованіе въ россійской школѣ, воспитанная въ духѣ московско - петербургскаго централизма, матеріально и служебно съ нимъ связанная, не поняла и не использовала въ борьбѣ съ большевиками національнаго подъема казачьихъ массъ и привела насъ къ страшной, а главное — объективно не оправдываемой, катастрофѣ.

Казачья верхушка пошла по тѣмъ же путямъ, по которымъ ея предшественница, Войсковая Старшина, въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ вела казачество къ потерѣ свободы, къ уничтоженію вольностей и правъ на самобытное, «по своему присуду», устройство своей жизни, а вслѣдствіе этого къ экономическому упадку и къ полному его порабощенію центральной власти, къ превращенію въ аракчеевскія поселенія.

Члены Особаго Совѣщанія при гинералѣ Деникинѣ чрезвычайно характерно опредѣляли линію поведенія Казачьей Старшины въ годы гражданской войны: «какъ только», говорили они: «ушелъ Атаманъ Красновъ, Донское Правительство сдѣлалось ручнымъ».

Отдавая казачество въ руки Добровольческаго Командованія, смотрѣвшаго на казачество, какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей и глубоко враждебнаго казачьей идеологіи, наша Старшина угашала національный порывъ массъ и разрушала ихъ боеспособность.

Мы не будемъ распространяться о Кубанской трагедіи — она у всѣхъ въ памяти. Замѣтимъ только, что въ рѣшающій моментъ, когда однимъ

мощнымъ ударомъ могла быть сокрушена на Маныч большевицкая военная сила, духъ и порывъ у Кубанцевъ былъ окончательно угашенъ Верховнымъ Командованіемъ, опиравшимся на Казачью Старшину.

Здѣсь, за-границей, уже одиннадцатый годъ Казачья Старшина идетъ по том уже пути — она ничему не научилась. Какъ въ стародавнія времена Старшина обивала пороги московскихъ бояръ — «за церковь, за крестное цѣлованіе и за Московское Государство была вездѣ со бояры и воеводы», — такъ и сейчасъ она топчется въ переднихъ «Возрожденія», «Послѣднихъ Новостей», «Дней» и другихъ россійскихъ организацій во имя будущихъ эгоистическихъ интересовъ.

Итакъ, минуло уже десять лѣтъ нашему пребыванію за границей и шатанію по переднимъ россійскихъ организацій, претендующихъ на водительство антибольшевицкимъ бѣженствомъ. Десять лѣсъ въ жизни человѣка — срокъ огромный, цѣлая эпоха. Но, очевидно, и слѣдующее десятилѣтіе намъ суждено провести внѣ Родины и такъ далѣе, ибо нѣтъ никакихъ реальныхъ указаній на возможность измѣненія существующаго въ Сов. Россіи режима въ сколько нибудь обозримомъ будущемъ. Къ этому заключенію насъ приводятъ свѣдѣнія, съ той стороны получаемыя. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и иностранные наблюдатели, посѣщающіе Россію, которые удивляются «долготерпѣнію» русскаго народа.

Для насъ въ этомъ «долготерпѣніи» нѣтъ ничего неожиданнаго, ибо оно красной нитью проходитъ по всей россійской исторіи и вытекаетъ изъ основной черты великорусскаго народа — его глубокой пассивности и рабской покорности: и двухсотпятидесятилѣтнее татарское иго, и многовѣковое помѣщичье рабство, и современная коммунистическая тиранія естественно обусловливаются этой основной расовой чертой великорусскаго племени.

И мы, казаки, связавъ свою судьбу съ великорусскимъ народомъ, должны идти съ нимъ нога въ ногу и нести всѣ послѣдствія нашего съ нимъ попутничества.

Въ теченіе десяти истекшихъ лѣтъ мы не проявили никакой самостоятельности въ смыслѣ изысканія путей къ приближенію часа освобожденія нашей Родины. Слѣпо ввѣривъ судьбу своей Старшинѣ, мы черезъ нее оріентировались на русскую эмиграцію, жили ея лозунгами, шли ея путями.

Впрочемъ, у россійской эмиграціи — говоримъ о ея «вождяхъ»—собственно и путей то никакихъ не было и нѣтъ. Десять лѣтъ она безнадежно топчется на мѣстѣ, увязнувъ въ пустой интеллигентской фразеологіи, не создавъ ни одной мощной и вліятельной организаціи, — безъ опредѣленнаго плана, безъ пафоса, безъ тѣни активности.

Одни изъ «вождей» держали ставку на внутренній взрывъ — русскій-де народъ изжилъ большевизмъ и скоро его сброситъ; другіе расчитывали на эволюцію совѣтской власти; третьи возлагали надежды на иностранное вмѣшательство.

Казачество россійскимъ «пророкамъ» вѣрило и очутилось у разбитаго корыта: черезъ десять лѣтъ отъ вожделѣнной цѣли мы стоимъ дальше, чѣмъ были отъ нея въ первые годы эмиграціи, ибо на одиннадцатомъ году нашего бѣженства россійскіе «водители» принуждены расписаться въ полномъ своемъ банкротствѣ.

Не такъ давно на одномъ публичномъ собраніи г. Милюковъ въ своемъ докладѣ призналъ категорически, что надеждъ на революціонный взрывъ русскаго народа, вслѣдствіе его пассивности, нѣтъ и что онъ, Милюковъ, расчитываетъ только на эволюцію совѣтской власти — мы понимаемъ эту оговорку, какъ фиговый листочекъ, въ который не вѣритъ и самъ авторъ.

Нѣсколько ранѣе соціалистъ Бунаковъ-Фундаминскій на собраніи «Дней» высказалъ тотъ же безнадежный взглядъ на революціонныя способности русскаго народа, но въ болѣе рѣзкой формѣ.

На-дняхъ П. Б. Струве охарактеризовалъ положеніе въ Россіи и въ эмиграціи въ столь же пессимистическихъ и безнадежныхъ тонахъ, какъ и Милюковъ, и Фундаминскій.

Такъ говорятъ представители трехъ наиболѣе замѣтныхъ теченій бѣженской политической мысли, и они правы, ибо русскій народъ не оказалъ и не думаетъ оказывать никакой воли къ сверженію большевизма, да и не въ его это характерѣ. Онъ показалъ себя достойнымъ своего историческаго прошлаго — и татарскаго, и помѣщичьяго рабства.

И такъ, оріентируясь черезъ свою Старшину на россійскихъ «водителей», казачество, оказывается, въ теченіе десяти лѣтъ молилось пустому мѣсту.

Что касается надеждъ на иностранное вмѣшательство въ цѣляхъ возстановленія Единой, Недѣлимой Россіи, то онѣ столь же тщетны, какъ и расчеты на революціонныя и эволюціонныя возможности.

Америка далека и совершенно не заинтересована, чтобы нести жертвы во имя прекрасныхъ глазъ Великой Россіи. Германія прямо и кореннымъ образомъ заинтересована въ неприкосновенности большевизма, ибо въ Сов. Россіи она имѣетъ неисчерпаемую матеріальную силу, которую она въ любую минуту можетъ использовать на борьбу съ цѣлью реванша противъ своихъ враговъ. Польша и др. Лимитрофы?.. но они отлично знаютъ, что возстановленная сегодня Россія завтра пожелаетъ положить руку на ихъ самостоятельность. Задача Франціи — созданіе и сохраненіе Великой Польши, какъ ея вѣрной союзницы. Интересы Англіи исторически противоположны интересамъ Рос-

сіи, которую она считала и считаетъ угрозой своимъ азіатскимъ владѣніямъ, всегда и всѣми средствами старалась парализовать развитіе мощи Россіи и, наконецъ, когда-то устами Ллойдъ-Дрожрджа, въ дни его премьерства, недвусмысленно высказала свое къ ней отношеніе: «Слава Богу, первая цѣль войны достигнута — въ Россіи революція!»

Наконецъ, надо задать себѣ вопросъ: если бы катастрофа случилась не съ Россіей, а съ другимъ государствомъ — съ Англіей, Германіей — стала ли бы Россія возстанавливать могущество потерпѣвшей крушеніе страны? Никогда: мощное государство является и мощной угрозой.

Такимъ образомъ, Великія Европейскія Государства прямо заинсересованы въ существованіи ослабленной Россіи. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что и этотъ путь, указываемый русской эмиграціей, къ желанной цѣли насъ не можетъ привести.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны поставить точку на нашихъ стремленіяхъ къ освобожденію Родныхъ Краевъ? Конечно, — да, если мы хотимъ идти по путямъ, диктуемымъ русскими «водителями». Нѣтъ, — если мы имѣемъ желаніе и волю идти собственными путями, жить своимъ разумомъ.

Въ томъ отрицательномъ отношеніи Великихъ Державъ къ Великой Россіи, о которомъ мы выше говорили, имѣются элементы, могущіе быть съ успѣхомъ использованными Казачествомъ для освобожденія своихъ Земель.

Будучи заинтересованными въ политическомъ ослабленіи Россіи, Великія Государства, однако, заинтересованы и въ уничтоженіи совѣтской власти, являющейся угрозой міровой цивилизаціи и внутреннему порядку всѣхъ странъ; они также заинтересованы и въ томъ, чтобы 150 милл. людей, населяющихъ одну шестую часть свѣта, свободно могли заняться производительнымъ трудомъ и приняли бы участіе въ міровомъ хозяйственномъ оборотѣ, т.-е. заинтересованы въ экономическомъ возрожденіи странъ и народовъ, составляющихъ СССР.

Эти цѣли могутъ быть достигнуты только тогда, когда отъ бывшей Россійской Имперіи, а нынѣ отъ Совѣтской Сатраніи, отдѣлятся нѣкоторыя ея части, имѣющія всѣ данныя для самостоятельнаго существованія и созданія изъ себя независимыхъ государствъ.

Таковы — Украина, Казачьи Земли, Грузія. Въ послѣднее время выдвинутъ вопросъ объ образованіи въ Сибири независимаго буфернаго государства. Идея эта и одобряется и принимается дальневосточными оффиціальными представителями «бѣлаго движенія».

Естественно, что отрывъ отъ Сов. Россіи и возрожденіе Сибири, Украины, Грузіи и Казачьихъ Республикъ нанесетъ смертельный ударъ совѣтской власти и вызоветъ такія же и по тѣмъ же методамъ устремленія и въ Бѣлоруссіи, и въ Туркестанѣ и пр. и явится возбудителемъ активности и въ центральной Россіи.

Вотъ перспективы, надъ которыми надо подумать, вотъ пути, на которые надо стать, если мы хотимъ ускорить часъ освобожденія своихъ Земель.

Говорятъ, что такой путь — преступленіе противъ Великой Россіи. А гдѣ она? Ея нѣтъ. Есть совѣтскій адъ, гдѣ въ безумныхъ страданіяхъ мучится несчастный народъ.

Спрашивается, что важнѣе — благо ли народа или отвлеченный фетишъ — Единая, Недѣлимая Россія? Освобожденіе отъ большевицкаго ужаса, свободная, спокойная человѣческая жизнь и самостоятельное распоряженіе своими судьбами въ небольшомъ государствѣ или безконечный голодъ, разстрѣлы, мученія во имя далекой и, можетъ быть, неосуществимой Россіи въ ея прежнихъ границахъ?

Спросите себя и отвѣтьте честно: государство ли для народа или народъ для государства; суббота ли для человѣка или человѣкъ для субботы?

Осознавши правильность вышеуказанныхъ путей, мы не должны сидѣть сложа руки. Необходима интенсивная работа по организаціи Казачьихъ Земель во имя освобожденія и возрожденія Родныхъ Краевъ.

Нужно во что бы то ни стало наверстать время, преступно потерянное на буксирѣ россійскихъ «водителей».

Есть соображенія и другого порядка, диктующія неотложность работы въ этомъ направленіи. Европа переживаетъ очень тревожный моментъ. Война у всѣхъ на языкѣ, она виситъ въ воздухѣ, война съ несомнѣннымъ участіемъ Сов. Россіи, пожалуй, ею же и вызванная. Много въ такомъ разѣ шансовъ за то, что война повлечетъ за собою революціонный взрывъ, первымъ дѣломъ, наиболѣе здоровыхъ частей Россіи — Украины, Грузіи, Казачьихъ народовъ — и новую жесточайшую анархію и гражданскую войну. Чтобы не быть захлестнутымъ событіями, Казачество должно встрѣтить ихъ во всеоружіи организованныхъ самостоятельныхъ государствъ въ союзѣ съ другими государственными образованіями.

«Лига Возрожденія Казачества» считаетъ такой путь единственнымъ залогомъ не только физическаго спасенія, но и возрожденія и дальнѣйшаго развитія духовной и матеріальной мощи нашихъ Родныхъ Краевъ на началахъ самостоятельнаго «по своему присуду», распоряженія своими судьбами.

Донской Войсковой Кафедральный Соборъ въ г. Новочеркасскѣ.

Есть для насъ. Донцовъ, въ далеко необычайной судьбѣ Войскового Новочеркасскаго Собора нѣчто символическое и предуказующее. Какъ нынѣ мы, пережилъ и Соборъ тяжелую трагедію, пока не утвердился мощнымъ красавцемъ - гигантомъ на твердомъ кряжѣ.

Три раза его воздвигали, пока не засіяли его золотые куполы надъ безграннымъ Родными Степями.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ заложили Соборъ — и заложили на слабомъ, песчаномъ грунтѣ. Довели уже до куполовъ, какъ вдругъ онъ рухнулъ.

Второй разъ углубились больше, но не дошли до настоящей, твердой основы, и опять Соборъ, почти уже законченный, обвалился — только остались однѣ стѣны.

И, наконецъ, только въ третій разъ, когда прорыли гору до матерого камня, до непоколебимой основы — только тогда его громада твердо и несокрушимо вросла въ Родную Землю — вросла на вѣки вѣковъ и величаво царитъ надъ Донскимъ просторомъ.

Мы, Донцы, при Калединѣ, тоже расчистили почву и хотѣли воздвигнуть зданіе свободнаго казачьяго бытія, но, по Старшинскому плану, построили это зданіе на наносномъ пескѣ — на оглядкахъ въ Московскую сторону: заботились не о своемъ Куренѣ, а о Московской Избѣ. И постройка рухнула, а подъ нею погибли и строители.

Глубже ушли въ Родную Землю при Атаманѣ Красновѣ въ поискахъ твердой основы, но не дошли до матерого кремня — забыли завѣты сѣдой Булавинской старины, не отрѣшились цѣликомъ отъ зятьевскаго ярма. Довели было зданіе до купола — и оно рухнуло: зыбки были основы.

Помните, казаки, судьбу Донского Кафедральнаго Собора... Расчистимъ для нашего Куреня почву отъ зыбкаго наноса, доберемся до непоколебимыхъ основъ, заложенныхъ въ нашихъ стародревнихъ казачьихъ началахъ, завѣщанныхъ намъ нашими предками.

И только тогда въ широкихъ нашихъ степяхъ возсіяетъ прекрасное, несокрушимое зданіе казачьей вольности и свободы — на славу намъ, на страхъ врагамъ.

Шестьдесятъ первый.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1919 года большевики заняли станицу N на Дону. Пришли они въ небольшомъ количествѣ — около роты — въ пасмурный и ослизлый день, часамъ къ тремъ по-полудни, прямо на церковную площадь. Часть пріѣхала на казачьихъ воловьихъ и конскихъ подводахъ, часть пришла пѣшкомъ.

Всѣ боеспособные казаки станицы отступили съ арміей, а оставшіеся жители, зная о времени прихода нежданныхъ гостей, попрятались въ курени*); только кое-гдѣ бабы со страхомъ и любопытствомъ выглядывали изъ-за заборовъ и дивились на невиданное зрѣлище — на сѣрыя, грязныя, увѣшанныя бомбами и патронными лентами фигуры солдатъ.

На церковной площади для встрѣчи гостей собралась небольшая толпа мѣстныхъ иногородныхъ — русаковъ: портные, кузнецы, плотники, сапожники и пр. ремесленный, обслуживающій станицу людъ, родившійся на Дону, здѣсь выросшій, но съ глубокой ненавистью относившійся къ вскормившему его казачеству.

Сейчасъ иногородніе чувствовали себя господами положенія, хозяевами, и всѣми силами старались показать радушіе и угодливость передъ «братьями - большевиками»: назначали лучшіе казачьи дома для солдасскаго постоя, начальствующихъ приглашали къ себѣ въ гости.

Дисциплины въ большевицкомъ отрядѣ не было никакой. Сѣрая толпа галдѣла, ругалась; и воздухъ прорѣзывала сочная солдатская матерщина, покрывавшая слащаво подчеркнутые, явно смакуемые, преувеличенно часто повторяемые возгласы: «товарищъ», а иногда, по ошибкѣ, и «господинъ товарищъ».

Тутъ же, на площади, вертѣлся и начальникъ партіи — молодой, щеголевато одѣтый въ кожаную мѣховую куртку, худенькій и вертлявый, неудачно старавшійся придать себѣ грозный и воинственный видъ, человѣчекъ—рыжій, съ длиннымъ носомъ и оттопыренными ушами. Комиссаръ былъ новичокъ и, желая придать себѣ больше вѣсу и полагая, что

*) Курень — домъ.

лучшее для этого средство въ возможно отборной ругнѣ, — онъ и къ дѣлу и ни къ дѣлу, а больше не впопадъ, явно злоупотребляя этимъ искусствомъ, отпускалъ самую изысканную, съ варіяціями, брань.

Его съ почтеніемъ слушали десятка четыре иногороднихъ — и старыхъ, и юношей, и дѣтей. Разговаривалъ съ нимъ портной Никифоръ Баклушинъ рожакъ станицы, но работавшій на станціи желѣзной дороги, а теперь нарочито, къ приходу большевиковъ, пріѣхавшій въ N-скую станицу къ брату Егору, въ надеждѣ попасть въ Исполнительный Комитетъ.

Никифоръ наглотался большевицкихъ листовокъ, а когда то прочиталъ трехкопеечную брошюру нѣкоего Чемоданова, издан. Н. Парамонова, и считалъ себя человѣкомъ развитымъ, образованнымъ и подготовленнымъ для большихъ общественно - политическихъ ролей. Сейчасъ онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы показать это товарищу комиссару. Одновременно Никифору хотѣлось сохранить и важность, но отъ усердія и внутренней робости онъ срывался съ тона, отъ излишней угодливости называлъ рыжаго длинноухаго человѣка «господиномъ - товарищемъ комиссаромъ», сознавалъ ошибку, конфузился, сгибался, снова пытался принять независимый видъ, снова срывался и жалко хлопалъ большими сѣрыми, обычно самоувѣренными, глазами.

Здѣсь же, около, нѣсколько въ сторонѣ, стояла кучка казаковъ, человѣкъ семь, изъ мѣстной бѣдноты, сочувствовавшихъ большевикамъ и понимавшихъ коммунизмъ, какъ возможность подѣлить имущество зажиточныхъ сосѣдей. Закрывъ головы воротниками шубъ, они молча, внимательно и недовѣрчиво разсматривали пришельцевъ.

Не того они ждали. Ужъ очень чужими показались имъ эти люди, обвѣшанные бомбами и патронными лентами, эти скуластыя, грязноцвѣтныя, бѣлоглазыя, курносыя лица, съ упрямо торчащими на высокихъ затылкахъ жесткими волосами. Неумѣстной и противной казалась и сплошная матерщина и бившая черезъ край нарочитая воинская распущенность. Чувствовали казаки - большевизаны ненужность и всей этой чужой и страшной толпы, ворвавшейся въ налаженную казачью жизнь и ихъ вертляваго длинноухаго начальника - комиссара, національность котораго они сейчасъ же опредѣлили — жидъ.

Никогда донскія станицы не видѣли у себя людей этой породы, такъ какъ имъ было запрещено не только здѣсь жить, но даже временно находиться, и поэтому появленіе еврея, да еще въ роли начальства, казакамъ казалось особымъ знаменіемъ, предвѣстникомъ тревожныхъ событій, связанныхъ со сказаніями о «послѣднихъ временахъ».

«Ну, чаво-жъ, братцы, пили, ѣли, молодыхъ видѣли — пора и по домамъ», иронически, съ свадебнымъ присловьемъ, обратился бойкій и лукавый казакъ къ своимъ пріятелямъ: «пора и честь знать... идемъ домой... Потомъ увидимъ»...

Солдатъ развели по квартирамъ. Разошлись по домамъ и долго еще разсуждавшіе на площади иногородніе.

Комиссару отвели помѣщеніе у вдовы - полковницы, два сына которой учились въ Новочеркасскѣ. Вдовѣ наказали принять важнаго гостя, какъ можно почетнѣе и заботиться о немъ — поить и кормить — какъ можно лучше.

Вечеромъ устроили собраніе въ опустѣвшемъ Станичномъ Правленіи и выбрали многолюдный Исполнительный Революціонный Комитетъ. Вошли въ него исключительно иногородніе - русаки. И на главныхъ роляхъ оказались братья Баклушины — худой, долговязый болтунъ Никифоръ и кряжеватый, тупой, но съ хитрицей, Егоръ.

Всѣ комитетчики - русаки были лѣтъ почтенныхъ, ибо молодежь, вступившая было въ восемнадцатомъ году въ ряды казачьихъ противобольшевицкихъ полковъ и принятая въ казаки, вся перешла къ большевикамъ и теперь сражалась вмѣстѣ съ ними противъ «кадетъ».

Еще дѣды и отцы этихъ великороссовъ пришли на Донъ въ качествѣ ремесленниковъ и торговцевъ, здѣсь обжились, разбогатѣли, обзавелись собственными домами, садами, огородами и жили богаче и лучше большинства казаковъ. Многіе изъ нихъ занимались ростовщичествомъ, давали казакамъ взаймы деньги изъ 30—40 процентовъ и держали должниковъ въ невылазной кабалѣ. Своимъ родственникамъ, которыхъ они призывали изъ Россіи, иногородніе писали: «идите на Донъ, бросайте вашую землю. Здѣсь жить хорошо. Тутъ два дурака — казакъ и быкъ.*) Другъ на друга работаютъ цѣлый вѣкъ — и ни тотъ ни другой покою не знаютъ».

Однако, не смотря на сытую и обезпеченную жизнь, русаки эти ненавидѣли казаковъ, ненавидѣли глубокой, нутряной ненавистью. И при первомъ же случаѣ жестоко эту ненависть проявили на дѣлѣ.

На другой день, послѣ избранія Комитета, приступили къ «закрѣпленію завоеваній революціи».

На этотъ предметъ за восемнадцатый годъ у большевиковъ выработались извѣстныя традиціи, установился опредѣленный обрядъ, нѣчто въ родѣ священнодѣйствія. Такъ, во всякомъ вновь занятомъ поселеніи ихъ дѣятельность начиналась обязательно съ убійства, съ крови — очевидно, обойтись безъ этого, по мнѣнію большевиковъ, имъ

*) Быками казаки называютъ воловъ, а быка — бугаемъ.

нельзя было — такъ же невозможно, какъ капустной разсадѣ безъ поливки. Кровь хотя бы и ни въ чемъ не повинныхъ людей должна была пролиться во славу и честь коммунистической богини революціи.

То же было неуклонно продѣлано и въ станицѣ N-ской. Стали искать контрреволюціонеровъ. А т. к. ихъ въ станицѣ не оказалось, ибо всѣ видные мѣстные люди заранѣе бѣжали съ отступающими казаками, то стали хватать кого зря — тѣхъ, кто когда либо провинился по отношенію членовъ нынѣшняго Комитета, ихъ семействъ и родственниковъ.

Дальнѣйшіе аресты производились исключительно изъ личной мести. Такая то казачка когда то оскорбила жену нынѣшняго члена Комитета, такой то отказалъ въ займѣ пуда муки. Поводы были самые разнообразные, но по существу одной и той же цѣнности.

Первымъ арестовали больного семидесятилѣтняго старика Антона Васильевича Хорсова, человѣка зажиточнаго, бывшаго почетнымъ станичнымъ судьей и лѣсоторговцемъ. Потомъ взяли плюгавенькаго бѣднаго казака, извѣстнаго подъ кличкой Миши Куги, человѣка незамѣтнаго, много лѣтъ служившаго сторожемъ станичнаго правленія. Ихъ оффиціальное положеніе при старомъ режимѣ было достаточнымъ поводомъ въ глазахъ большевиковъ для обвиненія въ контрреволюціи.

Самъ Комитетъ къ смерти не приговаривалъ, а пачками отправлялъ арестованныхъ на ближайшую станцію желѣзной дороги, верстахъ въ сорока отъ станицы, бывшую какъ бы окружнымъ административнымъ центромъ. Арестованныхъ туда гнали со всѣхъ сторонъ, какъ, бывало, гоняли скотъ на ярмарку. На станціи ихъ помѣщали въ саран, откуда потомъ выводили ихъ тоже пачками грязные, тупые, бѣлобрысые и бѣлоглазые люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, обвѣшанные патронными лентами; вели обреченныхъ въ оврагъ и тамъ ихъ убивали, а послѣ убійства возвращались въ свои казармы и спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, пили, ѣли, спали, а потомъ снова гнали очередную пачку на убой. Дѣлалось это столь же спокойно и методично, какъ вывозятъ навозъ въ поле. Сами же обреченные также спокойно, покорные неизбѣжному, безъ протеста, шли въ оврагъ, какъ овцы на бойню или какъ пансіонеры въ очередную субботнюю баню...

Къ концу марта, такимъ образомъ, изъ N—ской станицы было отправлено на желѣзнодорожную станцію и тамъ убито шестьдесятъ человѣкъ; изъ нихъ шесть женщинъ. Послѣ этого аресты прекратились — очевидно, Комитетъ нашелъ, что контрреволюція истреблена, революція закрѣплена, а комитетчики достаточно своей активностью доказали преданность «новому режиму».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было приступлено собственно къ созидательной работѣ, къ насажденію коммунизма. Такъ какъ ни комитетчики, ни самъ комиссаръ не знали, въ чемъ собственно заключается коммунизмъ, то, первымъ дѣломъ, стали свозить и сваливать въ кучу, въ пустые магазины и амбары, все, что имѣлось въ домахъ казаковъ, ушедшихъ съ антибольшевицкими войсками. Затѣмъ выгнали всѣхъ жителей въ окрестности станицы на общую пахоту и сѣвъ. Но такъ какъ плуговъ и боронъ почти не было — старики, спасаясь отъ большевиковъ, повыѣхали заранѣе въ степь на поля, подъ предлогомъ обработки земли, а въ станицѣ остались женщины и дѣти, — то изъ этой затѣи ничего не вышло.

Съ первыхъ дней прибытія въ станицу у большевиковъ отлично наладился одинъ видъ коммунистическаго строительства — реквизиція въ пользу революціи. Брали скотъ, хлѣбъ, яйца, молоко, масло, одежду, особенно военную, и проч. Часть отсылалась на фронтъ, часть оставалась въ рукахъ мѣстныхъ иногородныхъ - русаковъ. Катались они, какъ сыръ въ маслѣ.

И шибай Алешка Щетинниковъ, малый пустой и балагуръ, но и не злобный, почему въ Комитетъ не попавшій, восторженно похвалялся:

— Ну, казаки, пришелъ праздникъ на нашу улицу. Теперь мы зожили. Вотъ зожили такъ зожили — одна рука въ молокѣ, а другая въ маслѣ...

Длинноухій комиссаръ занятъ былъ спеціально женскимъ вопросомъ: устраивалъ каждый день вечеринки съ танцами и выпивкой. Главными посѣтительницами были дочери иногородныхъ. Посѣщали ихъ и нѣсколько казачекъ «веселаго поведенія». Руководила вечеринками зрѣлая дѣвица-учительница народной школы — бойкая, завистливая, быстро вошедшая во вкусъ новыхъ порядковъ.

Съ прекращеніемъ казней, станица стала немножко успокаиваться, хотя на улицу избѣгали выходить. Громко не разговаривали, дѣлились новостями шепотомъ — въ куреняхъ и темныхъ углахъ. Ни пѣсенъ, ни музыки. Станица замерла, глубоко и болѣзненно затаивъ обиду и ненависть. «О, Господи, да когда же придутъ наши и избавятъ насъ отъ этихъ нехристей - злодѣевъ», — шептали старухи и старики; и слезы катились по суровымъ, завѣтреннымъ лицамъ. Но и плакать можно было только втайнѣ, иначе обвинятъ въ контрреволюціи, а тамъ конецъ одинъ...

Такъ жила станица до второй половины мая подъ кошмаромъ разстрѣловъ, грабежей, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ и боли за своихъ близкихъ, бившихся на Донцѣ съ большевиками.

Иногородніе издѣвались надъ станичниками, распространяя слухи, что «кадеты» сброшены въ Черное море и всѣ погибли. Иные вѣрили, а большинство было глубоко убѣждено, что казаки при-

дутъ, что они осилятъ большевиковъ и избавятъ родныя станицы отъ проклятаго навожденія. Къ серединѣ мая стали по станицѣ ходить слухи объ успѣхахъ казаковъ на Донцѣ. Сначала этимъ слухамъ не придавали особаго значенія, и хотя стрстно хотѣлось вѣрить, но вѣрить боялись. Потомъ слухи стали настойчивѣе и отчетливѣе. Въ казачьихъ сердцахъ вспыхнула опредѣленная надежда на избавленіе. Какъ ни какими путями доходили эти вѣсти, никто не могъ сказать, но они настойчиво проникали въ казачьи курени и родили надежду на избавленіе. Станица стала оживать. Чаще выходили на улицу и смѣлѣе смотрѣли въ глаза — даже комитетчикамъ.

Знали о наростающихъ большевицкихъ неудачахъ и комитетчики, знали опредѣленно, ибо были въ постоянной связи съ желѣзнодорожной станціей. Видѣли они оживленіе въ станицѣ, понимали и причину этого оживленія, злились и хотѣли снова припугнуть, какъ они цвѣтисто выражались, «поднимающую голову гидру контрреволюціи».

***

Въ одинъ изъ теплыхъ и душистыхъ вечеровъ конца мая, бабы, вышедшія за станицу встрѣчать телятъ и коровъ, шепотомъ передавали одна другой страшную новость: арестовали Ивана Антоновича Хорсова.

Этотъ Хорсовъ былъ сыномъ Антона Васильевича Хорсова, котораго большевики арестовали первымъ и разстрѣляли на станціи. Иванъ жилъ отдѣльно отъ отца, на противоположномъ краю станицы въ хорошенькомъ стального цвѣта, съ кружевной рѣзьбою, домикѣ и отсталъ отъ арміи, не желая бросать больного отца.

Въ послѣдніе годы устарѣвшій отецъ передалъ ему торговлю лѣсомъ, а до этого Иванъ занимался земледѣліемъ. Человѣкъ онъ былъ работящій, землю любилъ и не порывалъ съ нею и тогда, когда получилъ отъ отца лѣсное дѣло. Было у него на базу три пары воловъ, три коровы, конь, мелкій скотъ. Въ окрестностяхъ станицы онъ арендовалъ нѣсколько десятинъ земли подъ пашню. Семья у него была малая: онъ, жена Анисья Акимовна, и семилѣтняя внучка Анюта, отца которой убили на германскомъ фронтѣ, а мать, дочь Хорсова, вышла замужъ за другого. Достатки у Хорсовыхъ были хорошіе, а, получивъ лѣсное дѣло отъ отца, Иванъ Антоновичъ сталъ въ ряды богачей, такъ что заниматься землею и скотоводствомъ, трудомъ тяжелымъ, ему не было нужды, но, во-первыхъ, онъ любилъ это дѣло; а во-вторыхъ — отъ лѣсной торговли въ станицѣ всегда остается много досуга. И досугъ, и силу Ивану Антоновичу дѣвать было некуда. А силы онъ былъ исключительной. Сейчасъ ему перевалило за сорокъ пять. Росту онъ былъ большого, широкъ въ плечахъ, грудастъ и мускулистъ, и военную службу отбывалъ въ гвардейской батареѣ. При этомъ онъ былъ удивительно спокоенъ и добродушенъ. Никто не видѣлъ, чтобы Иванъ Антоновичъ когда-либо сердился или скверно ругался. Бывали случаи, когда, во время товарищеской пирушки или на свадьбѣ, какая нибудь горячая голова налетала на Ивана, даже доставала его кулкомъ. Иванъ Антоновичъ, спокойно улыбаясь своими небольшими сѣрыми глазами, бралъ за руку или за шиворотъ буяна и швырялъ его какъ тряпку, въ уголъ, приговаривая: «Ну, врагъ тебя не возьми, какой же ты дуралей!»

Семьянинъ и хозяинъ онъ былъ примѣрный. Но разъ пять-шесть въ году загуливалъ: либо старые сослуживцы попадутся, либо продастъ воловъ, или землю арендуетъ — и загуляетъ. Тогда жена, Акимовна, беретъ длинную палку и отправляется загонять домой мужа. Свою маленькую, сухонькую, востроносую и востроглазую Анисью Акимовну Антоновичъ и любилъ и въ пьяномъ видѣ слушалъ безпрекословно.

Къ вечеру въ такіе дни по улицѣ брелъ пьяный раскраснѣвшійся Антонычъ; шелъ, не шатаясь, на широко разставленныхъ, въ колѣнахъ согнутыхъ, ногахъ; шелъ, фыркалъ, загребалъ ногами песокъ и на причитанія жены бормоталъ: «Анися, Анися, будя, брось, Анися!»

Но Анися не бросала и, хотя безъ злобы, но считала необходимымъ ругать и упрекать супруга, ибо всѣ жены такъ дѣлаютъ: «Вишь, окаянный, нажрался, вишь, буйволъ... лапами то какъ загребаетъ — какъ плугомъ пашетъ... Не совѣстно тебѣ и не стыдно, бугай ты этакій... Право, бугай...»

Въ фигурѣ Антоныча въ это время дѣйствительно было нѣчто буйволиное, мощное и дикое.

Придя домой, Акимовна раздѣвала мужа, поила его арьяномъ и укладывала спать. Утромъ, чуть свѣтъ, Антонычъ былъ на ногахъ, умывался во дворѣ у колодца, лилъ на голову холодную воду и фыркалъ такъ, что весь околотокъ слышалъ. Потомъ выпивалъ съ четверть ведра арьяну*) — и послѣдствія пьянаго дня какъ рукой снимало.

Въ станицѣ любили Ивана Антоновича за добрый нравъ, за мощь, за исключительную силу, а казачья молодежь, всегда чуткая къ проявленію мужества и силы, складывала цѣлыя легенды о небывалыхъ подвигахъ Ивана Антоновича.

Бойкостью ума молодой Хорсовъ не отличался, разговаривать много не любилъ, въ общественныя дѣла не вмѣшивался — и о немъ въ страшные дни февральскихъ и мартовскихъ арестовъ какъ-то забыли.

Вспомнилъ о немъ къ концу мая Гришка Склянкинъ, иногородній-русакъ, членъ Комитета, завѣдующій техническимъ отдѣломъ.

---

*) Сгущенное кислое молоко, разведенное водой.

Былъ этотъ Гришка пьяницей и никудышнимъ кузнецомъ. Ремесломъ своимъ занимался мало, но удачно приворовывалъ — кралъ больше лошадей, хотя не брезговалъ и сосѣдскими курами. Таковъ же былъ и его отецъ. Жили поэтому Склянкины бѣдно и кормились больше кражей, чѣмъ кузнечествомъ, да тѣмъ, что Гришкина мать зарабатывала тканьемъ шерстяныхъ завѣсокъ*) и мѣшковъ да мытьемъ и уборкой домовъ.

За дурное и вредное поведеніе станица пыталась общественнымъ приговоромъ выдворить Склянкиныхъ съ Донской Земли, но, оказалось, что это можно сдѣлать съ кореннымъ казакомъ, а съ иногороднимъ пришельцемъ нельзя. Такова была линія петербургскаго правительства.

Какъ кузнецъ, Гришка и былъ назначенъ завѣдывать техническимъ отдѣломъ при Революціонномъ Комитетѣ. Первой заботой его было собрать весь инструментъ изъ кузницъ и съ паровыхъ мельницъ и свезти его въ пустой амбаръ. Сдѣлано это было быстро еще въ февралѣ мѣсяцѣ; и съ тѣхъ поръ инструментъ валялся въ безпорядочной кучѣ на полу пустого амбара; тамъ же, подобно трупамъ, лежали и мѣхи.

Вслѣдствіе такихъ мудрыхъ Гришкиныхъ распоряженій, въ эту весну станичные пахари лишены были возможности отбивать и насталивать лемехи и принуждены были или отбивать ихъ на камняхъ домашнимъ порядкомъ или возить на ближайшіе хутора, гдѣ коммунистическій режимъ, за неимѣніемъ иногороднихъ, еще не достигъ такой, какъ въ станицѣ, степени процвѣтанія.

Жилъ глава техническаго отдѣла Гришка Склянкинъ недалеко отъ Ивана Хорсова и, напившись пьянымъ, вечеромъ, въ концѣ мая, двигался домой. Проходить нужно было около Хорсовыхъ. И вотъ, огибая ихъ угольный домъ, онъ на бѣду увидѣлъ на балконѣ Ивана Антоновича, увидѣлъ и вспомнилъ одинъ случай изъ временъ семнадцатаго года, вспомнилъ, вскипѣлъ злобой и заоралъ: «А-а, ты, контрабалицинеръ... я тебѣ покажу»...

— Ну, будя, будя, Гриша, иди домой, — урезонивалъ Гришку Иванъ Антоновичъ.

— Чаво будя, што ты мнѣ командуешь? Знаешь, кто я?.. Прошло ваше время. Я тебѣ покажу, чига востропузая... *)

Иванъ Антоновичъ всталъ и ушелъ во дворъ, а Гришка еще долго ругался, грозилъ, потомъ отправился домой.

Случай, о которомъ вспомнилъ Гришка, былъ таковъ. Лѣтомъ семнадцатаго года сбѣжалъ Гришка съ фронта и въ одно изъ воскресеній, напившись пьянымъ, пробирался домой; брелъ по улицѣ, засунувъ руки въ карманы, растопыривъ локти, на согнутыхъ ногахъ; шелъ, тупо уставивъ глаза въ землю, скверно ругался и бурунилъ. Гришка любилъ изображать изъ себя сплача, а посему въ манерѣ двигаться по улицѣ въ пьяномъ видѣ старался подражать Ивану Антоновичу, передъ силой котораго онъ благоволѣлъ и которому страшно завидовалъ, ибо, при всякихъ оказательствахъ своей силы во время попоекъ, былъ всегда нещадно битъ.

Шелъ Гришка и, подобно Хорсову, загребалъ широкоразставленными ногами песокъ.

— Ишь, окаянный мужланъ... нажрался. Какіе они широкіе тутъ, на чужой землѣ, и што это глядятъ казаки... Вишь, ругается — житья отъ нихъ нѣту. Всыпали бы ему хорошенько — другой разъ смирнѣе былъ бы...

Такъ провожали ругающагося Гришку бабы-казачки.

Гришка увидѣлъ сидящаго на балконѣ Ивана Антоновича, остановился, снялъ шапку и поздоровался.

— Здорово дневалъ, дядя Иванъ Антонычъ!

— Слава Богу, Гриша... выпилъ?

— Немножко.

— Ну, иди спать.

— Нѣтъ, дядя, я пойду на лото — дай трешницу.

— Ну, ну, иди, Гриша.

— Нѣтъ, дядя, дай — отдамъ, аль отработаю... Громъ меня убей — не пропадетъ за мною...

Хорсовъ вынулъ трешницу и бросилъ на улицу Гришкѣ.

Вотъ, спасибо тебѣ, дядя: пойду — выиграю на твое счастье.

— Ну, ну, иди... а лучше бы спать.

Гришка ушелъ. Черезъ короткій промежутокъ времени, однако, онъ снова появился, снялъ шапку и снова сталъ просить денегъ.

— Проигралъ, дядя, трешницу. Дай еще... ей Богу ,отдамъ... Теперь непремѣнно выиграю.

— Не дамъ, Григорій... иди.

— Дай, дядя.

— Не дамъ, врагъ тебя не возьми... вишь, присталъ — смола.

Гришка повернулся, выругался и пригрозилъ: «ну, подожди, я тебѣ припомню».

— Григорій, Григорій, гляди, врагъ тебя не возьми, — возвысилъ голосъ Иванъ Антоновичъ.

Гришка прибавилъ шагу и исчезъ.

Пустая, конечно, была Гришкина угроза — такъ, по привычкѣ брошенныя на вѣтеръ слова. Но судьбѣ было угодно, чтобы въ тихой, захолустной станицѣ былъ насажденъ коммунизмъ и чтобы Гришка сдѣлался членомъ революціоннаго комитета и, напившись пьянымъ, проходилъ мимо дома Хорсовыхъ и увидѣлъ на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ, какъ въ памятный воскресный вечеръ семнад-

*) Завѣска — фартукъ.

*) Чига востропузая — старинная кличка, приложенная къ казакамъ русскими людьми.

цатаго года, сидящимъ на балконѣ Ивана Антоновича. И въ пьяныхъ мозгахъ Гришки вдругъ ясно и отчетливо воскресла забытая картина.

— Какъ, онъ ъмнѣ отказалъ... да какъ онъ смѣлъ.. кому? мнѣ?.. А кто я теперь? Членъ исполнительнаго комитета. А онъ кто?.. Захочу со свѣта сживу... и сживу.

Чѣмъ больше думалъ объ этомъ Гришка, тѣмъ больше въ пьяной душѣ разгорались обида, злость и чувство мести. Дома Гришка разъярился до того, что чуть не избилъ мать, но, во всякомъ разѣ, сначала окна побилъ, а затѣмъ ужъ легъ спать.

Утромъ Гришка проснулся съ дурманомъ да еще въ дурьей головѣ. Подъ ложечкой сосало. Хотѣлось выпить водки, а ея не было. Глянулъ на ветхія, разбитыя окна, изъ которыхъ одно было вынесено совсѣмъ съ рамой, Гришка вспомнилъ про вчерашнее и еще пуще обозлился: «А, чортовъ бугай... черезъ него и окна побилъ. Постой же, докажу я тебѣ, казацкая морда, чига востропузая».

Отца и матери не было дома — ушли на новый огородъ, отнятый комитетомъ у одного изъ казаковъ - сосѣдей. Гришка нашелъ краюху черстваго хлѣба, кусокъ сушенаго, янтарнаго сазана и полгоршка кислаго молока — все это было также реквизировано у казаковъ — наскоро поѣлъ, выпилъ двѣ кружки воды и, не убирая остатковъ со стола, отправился въ Комитетъ.

Обширное желтое зданіе бывшаго станичнаго правленія, гдѣ помѣщался теперь Исполкомъ, совсѣмъ новое, законченное передъ войной, было построено, какъ строятся всѣ подобныя учрежденія. Прямо изъ прихожей вела дверь на «майданъ», гдѣ прежде засѣдалъ станичный сборъ, а теперь собирались митинги, а иногда устраивались танцульки съ выпивкой; направо — входъ въ «казачью», гдѣ помѣщались сидѣночные *) казаки и гдѣ безперестанно, бывало, рѣзались въ карты и «дамки»; тутъ же были и комнаты для арестованныхъ. Налѣво изъ передней одна дверь вела въ станичный судъ, а другая — въ канцелярію и дальше въ присутственную комнату, гдѣ раньше правили станицей атаманъ, его помощники и казначей, а сейчасъ засѣдалъ Исполнительный Революціонный Комитетъ.

Когда вошелъ Гришка, Комитетъ былъ почти весь въ сборѣ. Одѣвались комитетчики въ френчи; на ногахъ казенныя ботинки съ обмотками. Хотя изъ членовъ Комитета только двое были на военной службѣ, но маскарадъ этотъ сталъ неписаннымъ закономъ для лицъ, прикосновенныхъ къ большевицкой власти. Видъ у этихъ сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, не привыкшихъ къ военному мундиру, былъ мѣшковатый и довольно жалкій.

За атаманскимъ столомъ помѣщался Никифоръ Баклушинъ, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ. Это былъ худой, сутуловатый, высокаго роста блондинъ, лѣтъ около сорока пяти, съ длиннымъ, блѣднымъ, портновскаго цвѣта, лицомъ, съ вдавленнымъ висками и съ самоувѣреннымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ путемъ разстрѣловъ контрреволюція была уничтожена, революція утверждена, имущество изъ оставленныхъ домовъ свалено въ одну кучу, реквизиція хлѣба, масла, молока и проч. налажена, — комитетчики не знали, что дѣлать. Ремесломъ своимъ заниматься охоты не было, да и считалось для ихъ положенія унизительнымъ. На поляхъ и огородахъ работали казаки для коммуны, т.-е. собственно для иногородныхъ. И комитетчики приходили въ Правленіе, сидѣли до обѣда, скучали, зѣвали, дѣлились новостями, а такъ какъ жизнь въ станицѣ совсѣмъ замерла, то собственно и новостей никакихъ не было.

Но въ послѣдніе дни стали получаться все болѣе опредѣленныя и тревожныя свѣдѣнія съ фронта. Это комитетчиковъ взвинтило и собранія ихъ сдѣлало болѣе оживленными. Хотя въ прочность положенія на фронтѣ они и вѣрили, но все же тревога, помимо ихъ воли, наростала среди правящаго иногородняго люда — «а если придутъ казаки, что тогда будетъ?»

У Егора Баклушина вчера по этому поводу было цѣлое сраженіе съ женой. Пришла она отъ знакомыхъ встревоженная и злая. Развела печку и начала жарить пышки на горчичномъ маслѣ. Мука была казачья — реквизированная, масло тоже, дрова, молоко, яйца — все награбленное.

— Да, отъѣли мы, должно, сладкіе кусочки.

— Почему? — спрашиваетъ Егоръ.

— Пойди, спроси у казачекъ... Почему... Дурья ты голова, и всѣ вы тамъ дураки въ Комитетѣ... Казаки то скоро придутъ — вотъ что.

— Да кто тебѣ сказалъ?

— Да всѣ казачки говорятъ... Подождите, говорятъ, вотъ, наши придутъ — отольются вамъ наши слезки.

— Да кто говоритъ, назови.

— А я почем ъзнаю — по всей станицѣ шепчутся.

— Дура ты... ихъ, небось, раки въ Черномъ морѣ давно съѣли.

— Не бреши, дуракъ... Вишь, умники нашлись — въ правители захотѣли. Сколько народу загубили... Што-то съ нами будетъ. Головы и намъ и дѣтямъ свернутъ, какъ придутъ. Куда мы побѣжимъ съ дѣтворой... И домъ свой, и жили хорошо. Нѣтъ, сдурѣли проклятые — полѣзли въ комитеты... О, Господи, да что же съ нами будетъ теперь.

*) Полицейская повинность и для связи отбывались казаками натурой, по-очереди, по-недѣльно. Называлась эта служба — «Сидѣть сидѣнку».

Баклушиха смотрѣла на трехъ бѣлоголовыхъ ребятишекъ, которые играли въ углу въ «разстрѣлы» и начала всхлипывать.

— Да замолчи ты, чортова кукла!

— Самъ ты кукла и дуракъ, и всѣ вы тамъ дураки съ твоимъ безчеревнымъ братцемъ, Никишкой. Ужо потянутъ васъ на висѣлицу подлецовъ.

Егорка кинулся на жену съ кулаками. Баклушиха выхватила изъ печи раскаленную сковороду и злобно взвизгнула: «Не подходи, подлецъ, такъ въ зубы и дамъ горячей сковородой».

Егорка взялъ шапку, ушелъ въ Комитетъ и сейчасъ разсказывалъ товарищамъ про эту сцену.

Если и не въ такой острой формѣ, то все же нѣчто подобное происходило въ семействахъ всѣхъ комитетчиковъ. Каждый день жены приносили новыя вѣсти о неуспѣхахъ красныхъ, вѣсти преувеличенныя, но, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Комитета, имѣвшія основанія.

Жены пилили мужей, упрекали, зачѣмъ они «влѣзли въ эту бѣду». «Пусть другіе, а ты зачѣмъ брался за это дѣло. Теперь наварили кашу, а мы расхлебывай. Сидѣли бы смирно, казаки бы не тронули. Аль, плохо мы жили? Какъ придутъ кадеты, што съ нами будетъ?.. И-и, окаянные!..» Разговоры кончались слезами. Жизнь дома стала невыносимой. Хотя комитетчики и старались не подавать виду, однако, они сами чувствовали, что «бѣда» надвигается, что какъ бы не пришлось, въ самомъ дѣлѣ, дать отвѣтъ за свои дѣла. Въ глубинѣ души они сознавали правоту бабъ: «не надо было ввязываться въ это дѣло».

Одинъ Никифоръ Баклушинъ, котораго Егоркина жена называла безчеревнымъ за его худобу и отсутствіе живота, не терялъ вѣры и апломба и, затянутый во френчъ, съ обмотками на ногахъ, важно, широкимъ шагомъ (такъ, по его мнѣнію, ходили старые генералы), какъ гусакъ, выступалъ по улицѣ, идя на засѣданія Комитета.

Гришкинъ приходъ въ присутственную комнату совпалъ съ разсказомъ Егорки про сегодняшнюю его стычку съ женой. Когда Егоръ кончилъ, всѣ молчали, замѣтно пришибленные этимъ разсказомъ.

— А, вотъ што я вамъ, товарищи, скажу, — вдругъ обратился къ Комитету Гришка.

Такъ какъ Гришка никогда въ Комитетѣ не разговаривалъ, да и вообще не обладалъ способностью къ связному выраженію своихъ мыслей, то всѣ удивились его выступленію и съ любопытствомъ обратились въ его сторону.

Гришка сидѣлъ въ углу, около конторки казначея.

— Говори, товарищъ, — обратился къ нему Никифоръ Баклушинъ.

Гришка всталъ, началъ мять въ рукахъ свою артиллерійскую фуражку, которую онъ носилъ въ подражаніе Ивану Антоновичу Хорсову, и, переминаясь съ ноги на ногу, съ трудомъ выдавилъ изъ себя заявленіе:

— Вотъ, мы тутъ, товарищи, сидимъ, а у насъ контравалюція... такъ что контравалюцинеры живутъ.

— Какіе, кто? — съ недоумѣніемъ и удивленіемъ допытывался Никифоръ.

— А Хорсовъ... Иванъ Антоновичъ.

— Ну, какой же онъ контравалюцинеръ — человѣкъ онъ смирный... замѣтилъ Егоръ Баклушинъ, находившійся подъ впечатлѣніемъ сцены съ женой и сильно встревоженный за свою будущую судьбу.

— Какъ какой? — обозлился Гришка, чувствуя, что у него изъ подъ ногъ вырываютъ почву: «богачъ, буржуй и контравалюцынеръ... Отца разстрѣляли, а онъ живетъ...» Такъ какъ Гришка видѣлъ, что его слова не производятъ нужнаго дѣйствія, онъ въ отчаяніи крикнулъ: «Я вчера самъ слыхалъ скрозь заборъ... Смотрю въ шелку, а онъ говоритъ женѣ: «Погоди немного — придутъ наши — мы имъ, мужланамъ, покажемъ — всѣхъ перевѣшаемъ».

— Вы, товарищъ, сами это слыхали? — допрашивалъ Никифоръ.

— А какъ же, самъ.

— Вѣрно?

— Вѣрно, говорю... Што тутъ... Громъ меня убей, слыхалъ, — заторопился Гришка.

Отъ натуги и отъ волненія Гришка вспотѣлъ. Утеръ рукавомъ потъ на лбу, вздохнулъ облегченно и сѣлъ на свое мѣсco.

— Вотъ видите, товарищи, — торжественно обратился къ Комитету Никифоръ: «мы думали, что уничтожили гидру революціи, а она снова голову поднимаетъ. Егоръ разсказывалъ намъ про бабьи разговоры, про смуту въ станицѣ. А она, видите, откедова идетъ. Надо ее уничтожить. Надо немедленно арестовать Хорсова. Согласны, товарищи?»

— Правильно... што на нихъ смотрѣть — насъ они не помилуютъ, — отвѣтили комитетчики, за исключеніемъ Егора, который никакъ не могъ придти въ себя отъ сцены съ женой, отъ той будущей судьбы, которую она предрекала — «чортова баба каркаетъ, а, пожалуй, права», — думалъ Егоръ.

— А какъ же мы, товарищи, будемъ арестовывать Хорсова? Кого пошлемъ —солдатъ у насъ нѣту? На станцію тоже посылать его не съ кѣмъ — гдѣ возьмемъ конвой? А человѣкъ то сила, буря — десятка мало. Вслучаѣ чего и съ десяткомъ управится.

Такіе вопросы со стороны комитетчиковъ были совершенно резонны. Всѣхъ красноармейцевъ изъ станицы давно забрали — нужно было и для подкрѣпленія фронта и потому еще, что контррево-

люція въ станицѣ считалась уничтоженной, а коммунизмъ окончательно насажденнымъ. Въ такомъ духѣ доносилъ Комитетъ высшему начальству, ибо никто не предполагалъ, что Гришка Склянкинъ откроетъ еще «гидру революціи» въ лицѣ тишайшаго и добрѣйшаго Ивана Антоновича Хорсова.

Никифоръ Баклушинъ однако разрѣшилъ эти недоумѣнные вопросы очень просто. Для ареста будутъ посланы молодые казаки, подростки — человѣкъ пять, подъ командой доносчика, Гришки Склянкина. На станцію отправлять виновника нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ судить его будетъ самъ Комитетъ.

Ввиду сомнѣнія нѣкоторыхъ членовъ въ правомочіи Комитета, Никифоръ разъяснилъ съ большой авторитетностью: во-первыхъ, товарищъ комиссаръ говоритъ, что, въ силу закона революціи, права Комитета неограничены, а во-вторыхъ, крайность заставляетъ прибѣгать къ такой мѣрѣ, ибо въ распоряженіи мѣстной власти нѣтъ надежной воинской части для конвоированія арестованнаго.

Постановленіе Комитета рѣшено привести въ исполненіе немедленно.

Такъ какъ въ «казачьей» комнатѣ, что около арестантскихъ помѣщеній, всегда дежурило четверо восемнадцатилѣтнихъ казаковъ, наряжаемыхъ по очереди отъ кварталовъ, то сейчасъ же двухъ изъ нихъ отправили для розыска пяти казачатъ, предназначенныхъ для приведенія въ исполненіе комитесскаго рѣшенія.

Казачата были назначены по особому, тщательному выбору комитетчиковъ, отлично знавшихъ станичное населеніе. Подобраны были наиболѣе твердые, расторопные и физически мощные.

Черезъ часъ всѣ пятеро уже стояли въ дверяхъ присутствія и слушали внушительное приказаніе-поученіе предсѣдателя Никифора Баклушина.

Юноши были молодецъ къ молодцу, но рѣзко выдѣлялся изъ всѣхъ одинъ — гигантскаго роста, стройный, какъ пирамидальный тополь, чернобровый красавецъ Михаилъ Нагибинъ. Благодаря силѣ и не по юношески величавому спокойствію, Михайла пользовался непререкаемымъ авторитетомъ среди сверстниковъ. Эти качества были причиной того, что комитетчики особенно настаивали на привлеченіи его къ «работѣ».

И сейчасъ онъ стоялъ среди своихъ друзей, выше ихъ на цѣлую голову, и спокойно смотрѣлъ на Баклушина ясными голубыми глазами.

Баклушинъ собственно и обращался къ нему, чувствуя въ немъ естественную главу этой маленькой группы. Всѣ пятеро казачатъ ничего не отвѣтили Баклушину, ничѣмъ не выразили произведеннаго на нихъ впечатлѣнія, что навязанная роль имъ глубоко противна и что только переживаемый станицей терроръ принуждаетъ ихъ повиноваться.

Раздали винтовки, которыя хранились здѣсь же, въ архивѣ. Взялъ винтовку и Гришка Склянкинъ. Такъ какъ Хорсовъ жилъ почти на самомъ краю станицы, то идти предстояло довольно далеко.

Выйдя изъ двора, Михайла Нагибинъ, указывая пальцемъ впередъ, обратился небрежно властно, какъ онъ привыкъ обращаться со своими пріятелями, къ Гришкѣ: «ну, иди впередъ, а мы за тобою — ты начальство».

Гришка зашагалъ впереди, а группа нарочито поотстала, чтобы обмѣняться мыслями.

— Значитъ, дядѣ Ивану Хорсову крышка? — спросилъ шопотомъ одинъ.

— Значитъ, такъ, — отвѣтилъ такъ же тихо Михайла.

— Гляди, Михайла, а нельзя бы намъ собраться да навести имъ, проклятымъ русопетамъ, трубу — аль, мы не справимся?

— Справимся, довольно насъ, да они и сволочь — всѣ эти мужичишки... почти никто не умѣетъ и стрѣлять-то изъ винтовки.

— Такъ зачѣмъ же остановка?

— А затѣмъ, — отвѣтилъ Михайла: что завтра пришлютъ со станціи отрядъ съ пулеметами и пушками — и отъ станицы ничего не останется.

— Правда, Миша! Бѣда наша... но, говорятъ, скоро наши придутъ — охъ, и покажемъ же мы имъ...

— Не покажешь, убѣгутъ раньше.

Гришка шелъ впереди, понуривъ голову. Пристать къ своей командѣ ему было стыдно. Глядѣть по сторонамъ — тоже стыдно. Винтовка, которую онъ несъ въ правой рукѣ, была ем упротивна. Гришка совсѣмъ не ожидалъ, что дѣло приметъ тако йоборотъ, что ему, предавшему Хорсова, оговорившему его, придется идти его арестовывать и, можетъ быть, разстрѣливать. По существу, Гришка не былъ злымъ человѣкомъ, — такъ, выросъ почти безпризорнымъ на улицѣ, при пьяномъ отцѣ и забитой матери; рано сталъ пьянствовать, играть въ карты и лото, а для этого нужны были деньги; для добычи же денегъ нужно было воровать.

Собственно ни до коммунизма, ни до большевизма ему никакого не было дѣла и ничего онъ въ нихъ не понималъ. Пристадъ потому, что позвали, и потому еще, что думалъ хорошенько погулять. Къ Ивану Антоновичу онъ никакой настоящей вражды не чувствовалъ; напротивъ, даже уважалъ его и за силу, и за доброту, и за снисходительное отношеніе къ его, Гришкинымъ, порокамъ. «А вотъ, поди-жъ ты... чортъ попуталъ», рѣшилъ Гришка: «какъ я теперь буду глядѣть въ глаза имъ... чортова дура — наработалъ».

Когда подошли къ дому Хорсовыхъ, Гришка потребовалъ отъ казаковъ, чтобы они вошли во дворъ одни, взяли бы Ивана Антоновича, а онъ, Гришка, подождетъ за дворомъ, но Михайла Нагибинъ схва-

тилъ Гришку за плечо, открылъ ворота и почти силою толкнулъ во дворъ: «иди впередъ, ты — начальство, а мы не при чемъ».

Иванъ Антоновичъ сидѣлъ на крыльцѣ лѣтней кухни и сквозь частоколъ увидѣлъ нежданныхъ и страшныхъ гостей. Увидѣлъ и понялъ. Внучка Анюта играла въ камешки у порога, а Акимовна снимала яйца въ курятникѣ. Анюта испугалась, бросилась къ дѣду и уцѣпилась за его руку. Акимовна выпустила завѣску *) изъ рукъ; яйца попадали и разбились, а поросенокъ и собака Сѣрка принялись ихъ уничтожать.

Прибѣжала Акимовна въ кухню, уцѣпилась за мужа и занѣмѣла.

— За мной, ребята? — тихо и печально спросилъ Иванъ Антонычъ.

Никто ничего не отвѣтилъ. Гришка стоялъ, упершись глазами въ землю.

— Што-же молчите — за мною? Я и самъ знаю, что за мною.

— За тобою, дядя, за тобою, — отвѣтилъ Михайла; и краска прилила къ его щекамъ, а въ глазахъ блеснули слезы. «Говори же Григорій!» — толкнулъ онъ Гришку.

— Такъ что, товарищши, дядя... комитетъ... Мы ничего, дядя... Комитетъ требуетъ, — заплеталъ языкомъ Гришка.

— Охъ, пропали, пропали мы, — взметнулась Акимовна: Господи, да до какихъ же поръ... Господи, Мать Пречистая, спаси, сохрани и помилуй. Охъ, Ваня, не ходи. Ваня, они убьютъ тебя!

Анюта уцѣпилась и за дѣда и за бабкину юбку, плакала и тоже умоляла дѣда не ходить — «останься, дѣдушка, съ нами!»

Антонычъ спокойно отстранилъ внучку и жену, взялъ Анюту на руки, крѣпко поцѣловалъ ее и благословилъ, поцѣловалъ и благословилъ и жену. — «Мы не первые, да, видно, и не послѣдніе. Давай, мать, мнѣ кусокъ хлѣба. Требуютъ — надо идти. Такова воля Божья. Куда родитель, туда и я... Прощайте, нечего долго разговаривать».

Жена и внучка снова уцѣпились за Ивана Антоновича; онъ снова ихъ ласково и рѣшительно отстранилъ, надѣлъ старый пиджакъ и шагнулъ черезъ порогъ.

— Ваня, хоть одѣнься, — заметалась Акимовна.

— Ничего не надо, — знаемъ на какой пиръ зовутъ. Прощайте родные мои!

— Ваня, Ваня, можетъ, наши не нынѣ — завтра придутъ, спасутъ...

— Молчи, мать, а то и тебѣ то же будетъ. Береги Анешу. Прощайте, — Иванъ Антоновичъ повернулся и рѣшительно пошелъ къ выходу. За нимъ конвой, а сзади шелъ Гришка.

*) Завѣска — фартукъ.

Улица, по которой вели Хорсова, была ошеломлена и замерла отъ ужаса. Къ вечеру многіе уже знали печальную новость. Чѣмъ кончится арестъ, всѣ понимали прекрасно и заранѣе поминали душу раба Божія Ивана, большевиками убіеннаго.

Посадили Ивана Антоновича въ арестную комнату, приставили трехъ караульныхъ казаковъ и усилили ихъ тремя иногородними-русаками. Казаки дали Антонычу старую шинель и мѣшокъ съ старыми бумагами подъ голову, вмѣсто подушки. Хорсовъ былъ совершенно спокоенъ, ибо смотрѣлъ на свою участь, какъ на неизбѣжное и давно ожидаемое: еще въ февралѣ онъ удивлялся, что его оставляютъ въ живыхъ. «Шестьдесятъ отправили на тотъ свѣтъ. Я буду шестьдесятъ первый», говорилъ самъ себѣ неоднократно Иванъ Антоновичъ. О судѣ онъ не думалъ, такъ какъ зналъ, что это просто обманъ. Передъ сномъ онъ горячо и долго молился о прощеніи его грѣховъ и просилъ Бога и Николая Угодника сохранить жену и любимую внучку Анешу. Послѣ молитвы Иванъ Антон. чувствовалъ себя умиротвореннымъ и успокоеннымъ. Подложилъ подъ голову мѣшокъ съ бумагами, подстелилъ шинель, легъ спать и улыбнулся. «Чудно, право — смерть совсѣмъ не страшна», думалось Антоновичу. Окинулъ онъ мысленно свою жизнь, и показалась она ему не такъ ужъ цѣнной и нужной, какъ онъ раньше думалъ. И тяжелый трудъ земледѣльца, и лѣсной складъ, и хорошенькій домикъ, и волы, и горе, и радость, и хозяйственная суета — все отодвинулось въ сторону и стало чужимъ... Завтра — послѣзавтра онъ долженъ умереть, а тамъ вѣчность... Вотъ это настоящій домъ, а тутъ; на землѣ... постоялый дворъ....

Спалъ Иванъ Антоновичъ крѣпко. Проснулся, по привычкѣ, рано, умылся холодной водою, принесенной караульными казаками и снова долго и горячо молился.

Ни съ казаками - караульщиками, ни тѣмъ паче съ русаками онъ не разговаривалъ — не о чемъ было говорить.

Чуть солнце поднялось, пришла Акимовна и принесла борщъ, мясо, пирожки, взваръ. Плакала, убивалась. Потомъ пошла въ присутственную комнату; просила и на колѣняхъ умоляла Баклушина Никифора, пока ее грубо не вытолкали, приговаривая: «васъ, чертей, казаковъ, нужно всѣхъ передушить, а нѣтъ — въ Сибирь — тамъ вамъ мѣсто, а тутъ — земля наша».

Въ девять часовъ Хорсова вызвали на судъ, составленный изъ тѣхъ же комитетчиковъ, и предъявили ему обвиненіе въ контрреволюціи, основываясь на показаніи Гришки.

Иванъ Антоновичъ спокойно, какъ бы не хотя, заявилъ, что онъ словъ «подожди — придутъ наши, мы имъ, русакамъ, покажемъ» ни женѣ, ни кому либо другому не говорилъ.

Гришка, упорно глядя въ землю, настаивалъ на своемъ показаніи и божился, что онъ говоритъ правду. Тяжело было ему лгать и губить дядю Ивана; понималъ онъ, что лучше признаться во лжи, но и стыдно было и боязно.

Ивана Антоновича, какъ онъ и былъ заранѣе увѣренъ, приговорили къ разстрѣлу. Приговоръ онъ выслушалъ совершенно спокойно и, вернувшись въ арестантскую, хорошо пообѣдалъ и легъ, по привычкѣ, отдохнуть.

Приговоръ рѣшили привести въ исполненіе возможно скорѣе — вечеромъ того же дня — и поручили это Гришкѣ Склянкину и тѣмъ же казачатамъ, которые вчера арестовавали Хорсова.

Жену и внучку осужденнаго, пришедшихъ попрощаться, даже во дворъ не пустили и вытолкали вонъ.

Цѣли устрашенія Комитетъ достигъ. Станица, начинавшая было оживать, снова застыла въ ужасѣ, какъ въ февралѣ и мартѣ. Снова жизнь спряталась въ курень — и улицы опустѣли.

❦

Какъ только стемнѣло, Ивану Антоновичу связали веревкой руки и повели его по пустыннымъ улицамъ станицы.

Ночь была, какъ всегда бываетъ на югѣ Россіи въ маѣ, теплая, нѣжная и душистая. Пыль отъ прошедшаго вечеромъ скота улеглась, и изъ палисадниковъ шелъ густой, пряный запахъ акацій. А когда выбрались за станицу, то втянулись въ сады. И дорога пошла между сплошными бѣлыми стѣнами пышноцвѣтныхъ вишенъ и яблонь. Небо было совершенно чистое. Ярко свѣтила луна. Было тихо и жутко. За садами начиналась травянистая, въ перемежку съ песками, степь. Вдали угадывались кочугуры (песчаные валуны); вправо, позади, темнѣлъ придонской лѣсъ, и оттуда, изъ луговъ, тянулъ чуть замѣтный, свѣжій, ласкающій вѣтерокъ.

Группа шла медленно и молча, отягченная тоской и печалью. По мягкой дорогѣ даже не слышно было и шаговъ. Впереди шелъ, тяжело ступая, со связанными руками, осужденный. За нимъ вяло и нехотя плелись пятеро казачатъ, а сзади, согнувшись, уныло тащился Гришка.

Тяжело было на душѣ у казачатъ, тяжело и обидно убивать своего, всѣми уважаемаго, почтеннаго казака, убивать по прихоти «проклятаго наброда», ни за что. Тяжело и страшно и передъ Богомъ, и передъ людьми, и передъ совѣстью, а ничего не подѣлаешь. Отказаться — тебя разстрѣляютъ; погибнешь, и Ивана Антоновича не спасешь.

Скверно было на душѣ и у Гришки - Іуды. Шелъ онъ, а въ мозгу шевелилось и въ ушахъ звучало: «Іуда, Іуда», имя, вдругъ, ярко всплывшее изъ далекихъ дѣтскихъ, школьныхъ дней...

— Михайла, знаешь, што? — зашепталъ Васятка Холодковъ.

— Што?

— Давай этого чорта, Гришку, укокошимъ, а съ дядей вмѣстѣ убѣжимъ.

— Далеко уйдешь?

— А въ Колки — тамъ не найдутъ.

— Пріѣдутъ со станціи — найдутъ.. и станицу разорятъ, и народу сколько загубятъ.

— Што же дѣлать, а?.. А стрѣлять я не могу.

— Такъ завтра тебя застрѣлятъ.

Могила была приготовлена днемъ въ пескѣ, недалеко отъ садовъ.

Иванъ Антоновичъ подошелъ къ могилѣ и самъ сталъ, какъ полагается, по большевицкой практикѣ, на краю ея и началъ читать молитвы. Та ясность на душѣ, которую онъ ощутилъ вчера вечеромъ, послѣ молитвы, не покидала его до послѣдней минуты. Изъ всѣхъ семи человѣкъ, готовившихся къ страшному дѣлу въ эту тихую и прекрасную ночь, спокойнѣе всѣхъ чувствовалъ себя какъ разъ тотъ, кого готовились убивать. Въ могучемъ тѣлѣ Ивана Антоновича жила простая, чистая и столь же мощная душа...

А. Бояриновъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ)

Экономическія и финансовыя возможности самостоятельнаго существованія Казачества.

Могутъ ли Казачьи Земли существовать независимо отъ Россіи, въ видѣ отдѣльныхъ государствъ? На этотъ вопросъ русскіе люди, главнымъ образомъ, великороссы и ихъ сторонники среди казаковъ, такъ называемые «единонедѣлимцы» отвѣчаютъ съ увѣренностью: «Нѣтъ, не могутъ — прежде всего по экономическимъ и финансовымъ причинамъ».—«Могутъ»,—отвѣчаютъ самостійники. До самаго послѣдняго времени споръ на эту тему и ограничивался, собственно говоря, голыми утвержденіями. Серьезныхъ доказательствъ ни та, ни другая сторона не приводила. Нынѣ въ этомъ отношеніи сдѣланъ нѣкоторый прогрессъ, именно: нѣсколько недѣль тому назадъ Казачій Союзъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, «Казачій Сборникъ», въ которой названному во-

просу посвящена особая статья А. П. Маркова подъ заглавіемъ: «Самостійничество и хозяйственное развитіе Россіи».

А. П. Марковъ является признаннымъ въ кругахъ русской эмиграціи авторитетомъ по экономическимъ вопросамъ. Онъ пишетъ на эти темы въ с.-р. журналѣ «Дни», является, такъ сказать, правой рукой А. Ф. Керенскаго; пишетъ въ кадетскихъ «Послѣднихъ Новостяхъ» — служитъ, можно сказать, лѣвой рукой П. Н. Милюкова; говорятъ, пытался быть какой-то рукой г-на Гукасова, въ «Возрожденіи», и на всѣ руки — у Н. М. Мельникова («Генеральный Секретарь»), человѣка, въ свою очередь, тоже универсальнаго. Раньше служилъ чѣмъ то и у большевиковъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію экономической стороны вопроса, авторъ счелъ нужнымъ остановиться на общихъ причинахъ, вызывающихъ самостійное теченіе въ казачествѣ, а также сдѣлать характеристику самихъ самостійниковъ. Такихъ причинъ, по его мнѣнію, пять:

1) «Несомнѣнное увлеченіе... о мощи казачества, о большемъ и лучшемъ процвѣтаніи казачества», *) — иначе говоря, незнаніе или непониманіе дѣйствительнаго положенія казачества.

2) Болѣе слабое участіе въ борьбѣ съ большевизмомъ неказачьяго населенія Россіи и активная поддержка большевиковъ иногородними.

3) Столкновенія съ командованіемъ Добровольческой арміи, незабытыя и по сію пору, — иначе говоря — злопамятность.

4) Недовольство группы казаковъ политикой казачьихъ руководящихъ организаціи и лицъ заграницей, личныя обиды и стремленія отомстить своимъ обидчикамъ, и

5) Корыстныя цѣли — возможность полученія денежной помощи отъ иностранныхъ государствъ.

Короче говоря, по мнѣнію г. Маркова, основными причинами самостійнаго движенія среди казаковъ являются:

1. невѣжество,
2. злопамятность,
3. мстительность,
4. продажность.

Что касается самихъ самостійниковъ, то — по Маркову — это люди фанатически упорные, совершенно нежелающіе разобраться въ выводахъ, озлобленные противъ инако мыслящихъ и достаточно безцеремонно обращающіеся съ фактами. Это — демагоги, нестѣсняющіеся даже такими пріемами, какъ обѣщающіе изгнать большевиковъ. А. кромѣ того, по компетентному признанію его (Маркова), моментами отъ рода дѣйствій самостійниковъ — отдаетъ большевизмомъ.

*) Не увлеченіе ли мощью и пр.?

Я не имѣю надежды переубѣдить А. П. Маркова, тѣмъ болѣе, что каждый судитъ другихъ по себѣ, но скажу все-же, что, по моему мнѣнію, онъ слишкомъ увлекается желаніемъ поразить своихъ противниковъ. Возможно, что среди самостійниковъ есть и невѣжественные, и злопамятные, и мстительные, и, даже, продажные — гдѣ ихъ нѣтъ? — но несомнѣнно, что среди нихъ есть также люди, которыми движетъ горячая, дѣйственная любовь къ своему родному народу. Эти люди естественно не могутъ примириться съ пассивнымъ ожиданіемъ «руководящихъ организаціи и лицъ», что «все это» когда-то и какъ-то само собой образуется, и они всѣми путями и всякими средствами ищутъ выхода изъ нынѣшняго ужаснаго положенія. Что такое самостійное движеніе? Это, **прежде всего,** стремленіе освободить свои родные края отъ большевицкой власти. Возможно, что къ этой цѣли можно итти разными путями, и если г. Маркову не нравятся пути и средства самостійниковъ, пусть онъ укажетъ лучшіе. Онъ ихъ не даетъ. И онъ лишь вводитъ въ заблужденіе своихъ читателей, когда пишетъ: «Какъ извѣстно, самостійники орудуютъ уже не мало лѣтъ, съ «чертями» они не разъ разговаривали и разговариваютъ, но большевизмъ сидитъ».

Во-первыхъ, самостійники имѣютъ въ виду не борьбу съ большевизмомъ вообще, а лишь освобожденіе **своихъ Краевъ** отъ русской большевицкой власти, опираясь на чувство національной обособленности ихъ народовъ отъ великорусскаго племени. Методъ правильный, ибо во всѣхъ случаяхъ борьбы противъ большевиковъ національное чувство играло доминирующую роль. Даже бѣлые вожди обращались къ національному чувству русскаго народа, призывая его къ борьбѣ противъ III интернаціонала.

Во-вторыхъ, если рѣчь идетъ о самостійникахъ вообще, то, какъ всѣ знаютъ, самостійное движеніе имѣло полный успѣхъ во многихъ областяхъ б. Россіи. Польскіе, Финляндскіе, Эстонскіе, Латвійскіе, Литовскіе самостійники освободили свои Края отъ большевиковъ, и нынѣ эти страны живутъ человѣческой жизнью. Можетъ быть онѣ и испытываютъ нѣкоторыя экономическія затрудненія, но что это по сравненію съ тѣмъ адомъ, въ которомъ находятся несчастные совѣтскіе граждане! Правда, не вездѣ, пока, самостійное движеніе увѣнчалось успѣхомъ, — и это «благодаря», главнымъ образомъ, усиліямъ нынѣшнихъ сторонниковъ г. Маркова, — но въ то время, какъ самостійникамъ удалось отстоять отъ большевицкой власти цѣлый рядъ областей, «бѣлое» движеніе вездѣ было бито. Даже въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Русской территоріи — во Владивостокѣ, на Камчаткѣ, на Сахалинѣ, куда совѣтскимъ войскамъ казалось бы такъ трудно было проникнуть — бѣлые вожди не

смогли отстоять отъ большевиковъ какого-либо куска русской земли. Если же рѣчь идетъ о казачьихъ самостійникахъ, то, вѣдь, они «орудуютъ» только лишь три года, тогда какъ сторонники г. Маркова орудуютъ уже **тринадцать** лѣтъ. Правда, съ «чертями» они не разговариваютъ, но... большевизмъ сидитъ. А въ то же время «сидимъ» и мы, разбросанные по «рѣкамъ» міра всего, и горько плачемъ, вспоминая наши Родные Края. Была сильная армія, была богатая войсковая казна, была хорошая организація, все разрушено и съѣдено. И если бы нынѣ г. Марковъ или кто-либо изъ его единомышленниковъ и вздумалъ бы пообѣщать изгнаніе большевиковъ, то это вызвало бы у всѣхъ только горькую усмѣшку. «Горькимъ смѣхомъ посмѣются» даже друзья его.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. А. П. Марковъ боится, какъ бы самостійное движеніе, которое онъ отожествляетъ съ походомъ противъ Россіи, не укрѣпило бы большевиковъ.. Прежде всего, почему онъ считаетъ, что самостійное движеніе есть «походъ противъ Россіи»? Вѣдь самостійники стремятся исключительно къ освобожденію **своихъ** Земель. А затѣмъ, неужели онъ серьезно думаетъ, что отдѣленіе отъ Россіи Польши, Финляндіи и пр. сдѣлало большевиковъ сильнѣе? Соображенія г. Маркова, основанныя на смѣшеніи понятій «русская большевистская власть» и «Россія» или «русскій народъ», не новы. Десять - двѣнадцать лѣтъ тому назадъ представители лѣвыхъ политическихъ группировокъ — русскіе и иностранцы — настойчиво требовали снятія блокады съ Совѣтской Россіи, которая (блокада) направлена, молъ, фактически противъ русскаго народа и укрѣпляетъ большевиковъ. Блокада была снята. А нынѣ товарищъ Троцкій признается, что если бы блокада продолжилась еще три мѣсяца, то большевики вынуждены были бы капитулировать. Въ началѣ 1920 года наши войска захватили въ плѣнъ одного совѣтскаго летчика, капитана генеральнаго штаба. На допросѣ этотъ офицеръ показалъ, что единственнымъ препятствіемъ къ сверженію большевиковъ является бѣлое движеніе, которое ихъ укрѣпляетъ. «Когда мы покончимъ съ бѣлыми», говорилъ онъ: «мы съумѣемъ быстро справиться и съ большевиками». Прошло болѣе 10-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ было покончено съ бѣлымъ движеніемъ, а большевизмъ сидитъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію экономической стороны вопроса.

Для. А. П. Маркова не подлежитъ сомнѣнію, что при раздѣленіи Россіи на рядъ самостоятельныхъ государствъ пострадаютъ интересы не только Россіи, но и, главнымъ образомъ, отдѣлившихся отъ нея частей. Сущность соображеній, приведшихъ его къ столь печальному для самостійниковъ заключенію, сводится къ слѣдующему:

1) Россія въ экономическомъ отношеніи является единымъ хозяйственнымъ организмомъ. Ея огромный внутренній рынокъ позволилъ развиться въ разныхъ концахъ ея спеціальнымъ родамъ промышленности, расчитанной на удовлетвореніе потребностей населенія всего государства въ цѣломъ, а не одной какой-либо части.

2) Раздѣленіе Россіи будетъ сопровождаться тяжелой борьбой и вызоветъ рядъ гражданскихъ войнъ;

3) Политическое раздѣленіе Россіи обязательно приведетъ къ разрыву и хозяйственныхъ взаимоотношеній;

4) Послѣ отложенія отъ Россіи, нынѣшнія окраины ея, имѣющія сильно развитую промышленность, — добывающую или обрабатывающую — могутъ потерять и внѣшній рынокъ и великорусскій;

5) Нѣтъ никакихъ основаній стремиться къ отдѣленію отъ Россіи, ибо русская власть равномѣрно заботилась о промышленномъ развитіи всѣхъ частей Русскаго Государства.

Постараюсь дать посильный отвѣтъ на всѣ выше приведенныя положенія А. П. Маркова.

Прежде всего о Россіи, какъ о единомъ хозяйственномъ организмѣ. Не только Россія, но и всякое другое государство, какъ бы велико оно ни было, болѣе того — весь міръ, съ точки зрѣнія экономической, является единымъ хозяйственнымъ организмомъ. Именно поэтому нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, которое обходилось бы своими собственными продуктами, не прибѣгая къ продуктамъ иностраннаго происхожденія. Россія занимала одну шестую часть суши, и тѣмъ не менѣе она вынуждена была покупать, главнымъ образомъ въ Германіи и Англіи, ежегодно свыше чѣмъ на 1 милліардъ рублей золотомъ и продавала за-границу свыше, чѣмъ на 1 1/2 милліарда рублей. Англія живетъ внѣшней торговлей. Германія, Франція, Соединенные Штаты тоже ведутъ огромную внѣшнюю торговлю. Это доказываетъ, что каждая изъ названныхъ странъ хозяйственно связана съ другими странами. До войны, напримѣръ, Германія и Англія въ крупныхъ размѣрахъ покупали въ Россіи хлѣбъ, масла, яйца, лѣсъ, а продавали ей уголь, машины, химическіе продукты. Хозяйственно онѣ тѣсно были связаны съ Россіей, составляли, можно сказать, единый хозяйственный организмъ. Такъ что же, Россію нужно было присоединить къ Германіи или Англіи? Фактъ хозяйственной зависимости одной страны отъ другой отнюдь не можетъ служить аргументомъ въ пользу необходимости политическаго объединенія этихъ странъ. Равнымъ образомъ, обширность внутренняго рынка, вопреки утвержденію г. Маркова, вовсе не яв-

ляется условіемъ экономическаго благополучія гражданъ, имѣющихъ этотъ рынокъ. Ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ не было государства, которое имѣло бы такой обширный внутренній рынокъ, какъ Россія. И ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ не было столь бѣднаго населенія, какъ населеніе Россіи. Только двѣ страны въ мірѣ Китай и Индія имѣли болѣе обширный внутренній рынокъ, чѣмъ Россія и, одновременно, ихъ населеніе было еще бѣднѣе русскаго.

Между прочимъ, А. П. Марковъ пишетъ, что если бы иностранные промышленники узнали о желаніи нашихъ самостійниковъ раздѣлить единый хозяйственный организмъ Россіи, то были бы крайне удивлены. Я не раздѣляю этихъ опасеній г. Маркова и возможное «крайнее удивленіе» г.г. иностранныхъ промышленниковъ меня не смущаетъ, да его и не будетъ. Вѣдь, это не первый случай въ міровой исторіи. Не такъ давно огромная Турецкая имперія была раздѣлена на рядъ отдѣльныхъ государствъ. Что же, г. Марковъ станетъ утверждать, что Болгары, Сербы, Греки, Румыны, Албанцы и пр. живутъ нынѣ хуже, чѣмъ подъ турецкимъ владычествомъ и желаютъ возвратиться въ лоно единой Турціи, чтобы имѣть «огромный внутренній рынокъ»? Сомнѣваюсь. На нашихъ глазахъ единый хозяйственный организмъ Австро-Венгріи распался тоже на рядъ отдѣльныхъ политическихъ организмовъ. Можетъ ли, однако, г. Марковъ назвать Массарика или Бенеша невѣжественными людьми, которые принесли вредъ Чехо-Словацкому народу?

Не пугаетъ меня и утвержденіе А. П. Маркова, что раздѣленіе Россіи будетъ сопровождаться тяжелыми гражданскими войнами. Война будетъ, вѣроятно, но лишь съ Московскими большевиками для освобожденія отъ ихъ ужаснаго владычества нашихъ Земель, но развѣ г. Марковъ расчитываетъ избавиться отъ большевиковъ путемъ уговоровъ или заклинаній? Войны не будетъ между отдѣльными, вновь образованными государствами, какъ это намъ показалъ уже продѣланный опытъ. Мы, Донскіе Казаки, ни одного выстрѣла не сдѣлали противъ Украины по поводу нашихъ границъ или нашихъ интересовъ. Мы мирно договорились съ ней и при правительствѣ Гетмана Скоропадскаго и при правительствѣ Петлюры. Мы воевали съ ней только потому, что, повинуясь чужой волѣ, хотѣли заставить ее силой войти въ составъ Единой, Недѣлимой Россіи. Ни одного, даже недоразумѣнія не было у насъ съ Кубанью, нашей другой сосѣдкой. Не было и нѣтъ «тяжелой борьбы» также между другими, вновь образованными государствами. Прошло уже тринадцать лѣтъ, какъ существуютъ независимо Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва и Польша. За исключеніемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній между Литвой и Польшей, которыя отнюдь нельзя назвать «тяжелой борьбой», эти государства не только мирно живутъ другъ съ другомъ, но даже совмѣстными усиліями стараются разрѣшить ихъ экономическія проблемы. А, между тѣмъ ,въ составѣ Единой Россіи лишь за послѣднія 113 лѣтъ мы имѣли 9 внѣшнихъ войнъ, т.-е. въ среднемъ каждые 12 лѣтъ мы воевали съ кѣмъ нибудь, не считая при этомъ 60 лѣтней войны для завоеванія Кавказа, войнъ для завоеванія Туркестана и войнъ для усмиренія Поляковъ (дважды), Венгровъ, Китайцевъ и самихъ русскихъ.

Обратимся теперь къ утвержденію, что русская власть равномѣрно заботилась о промышленномъ развитіи всѣхъ частей русскаго государства. А. П. Марковъ ссылается въ доказательство своего положенія на тотъ фактъ, что уголь и желѣзо добывались на Украинѣ и на Дону, нефть — на Кавказѣ. въ районахъ Баку и Грознаго, а хлопокъ — въ Туркестанѣ. По его мнѣнію, если бы русская власть заботилась только объ интересахъ Великороссіи, то было бы иначе, другими словами, все добывалось бы, развивалось и росло въ Великороссіи. Съ точки зрѣнія Великороссіи, говоритъ онъ, слѣдовало бы усилить промышленное развитіе Урала и добычу Сибирскаго угля, хлопокъ, полагаетъ онъ, можно было бы имѣть тоже въ Великороссіи, ибо «опыты самого новѣйшаго времени» показали, что хлопководство «мыслимо» въ Астраханской губерніи, а что касается нефти, то, по словамъ г. Маркова, «въ новѣйшее время высказываются предположенія, что, при болѣе серьезномъ изысканіи можно найти нефтяные запасы и въ другихъ территоріяхъ обширной Россіи».

Я надѣюсь, что читатель избавитъ меня отъ необходимости серьезно доказывать несостоятельность доводовъ г. Маркова касательно нефти и хлопка. Они очевидны. Я позволю себѣ ограничиться лишь замѣчаніемъ, что, во-первыхъ, нефть эту нужно еще открыть, во-вторыхъ — о хлопководствѣ, — что отъ «мыслимости» до возможности экономически выгодной реализаціи того, что мыслимо, дистанція огромнаго размѣра (мыслимо, напримѣръ, добываніе золота изъ морской воды), а въ-третьихъ, что и самая Астраханская губернія, гдѣ это хлопководство мыслимо, еще въ 1917 году вошла въ составъ Юго-Восточнаго Союза и, слѣдовательно, входитъ не въ Великорусскую территорію, а въ самостійную.

Остается, слѣдовательно, разсмотрѣть вопросъ объ уральской промышленности и о сибирскомъ углѣ. Что касается сибирскаго угля, я укажу лишь, что хотя запасы его очень велики, но чтобы привезти изъ Сибири въ Москву одинъ пудъ угля, надо сжечь три пуда. Для Великороссіи сибирскій уголь **экономически не выгоденъ.**

Уральская желѣзная промышленность дѣйствительно существовала значительно раньше южно-

русской и, тѣмъ не менѣе, уступила ей первое мѣсто. Объясняется это не тѣмъ, что русское правительство хотѣло равномѣрно развить Украинскую и Донскую горную промышленность, а невыгодностью уральской промышленности. Въ доказательство я позволю себѣ привести слѣдующія цифры:

Въ 1909 г. на Уралѣ 12.302 рабочихъ добыли 67.881 тыс. пуд. желѣзной руды, что даетъ, въ среднемъ, по 5.518 пудовъ на рабочаго. На Украинѣ въ томъ же году 11.427 рабочихъ добыли 233.811 тыс. пудовъ желѣзной руды, что даетъ, въ среднемъ, 20.460 пудовъ на рабочаго. Въ томъ же 1909 году на всѣхъ чугунно - желѣзо - сталe - дѣлательныхъ заводахъ Урала выплавлено было около 40 милліоновъ пудовъ чугуна, что даетъ въ среднемъ 277 пудовъ на рабочаго, а на Украинѣ и на Дону эти заводы, имѣя лишь 44.308 рабочихъ выплавили 122,9 милл. пудовъ, что дастъ 2.774 пуда на рабочаго. Такимъ образомъ, производительность одного рабочаго, занятаго въ южно-русской промышленности, является почти въ четыре раза выше уральскаго рабочаго — при добываніи желѣзной руды и ровно въ десять разъ выше — при ея обработкѣ.

Наконецъ, южно-русская промышленность развита почти исключительно иностранцами. Достаточно указать, что въ 1914 году изъ 57 доменныхъ печей металлургическихъ заводовъ Юга Россіи только 7печей (3 Пастуховскаго завода въ Сулинѣ и 4 Таганрогскаго), съ производствомъ 8% чугуна и 10,4% готов. продуктовъ, принадлежало русскимъ (в ътомъ числѣ и казакамъ, и украинцамъ), а 50 печей, въ томъ числѣ всѣ безъ исключенія на Украинѣ, съ производствомъ 92% чугуна и почти 90% готовыхъ продуктовъ — иностранцамъ. Тоже можно сказать и о добычѣ желѣзной руды. Въ 1916 г. изъ 318,8 милліон. пудовъ желѣзной руды, добытой на Югѣ Россіи, иностранными предпринимателями было добыто 272,9 милліон. пудовъ, или 85,65%, русскими банками — 7,7% и русскими предпринимателями (въ томъ числѣ и украинцами) лишь 6,65% (21,2 мил. пудовъ).

Такимъ образомъ, изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Марковымъ, никакъ нельзя усмотрѣть, что русское правительство дѣйствительно равномѣрно заботилось о развитіи промышленности въ разныхъ краяхъ; никакъ нельзя вывести изъ его примѣровъ и того, что всю указанную имъ промышленность можно было бы развить въ предѣлахъ Великороссіи.

Я утверждаю, наоборотъ, что русское правительство покровительствовало центральному промышленному району и ограждало его интересы въ ущербъ интересамъ другихъ районовъ. Тоже самое писалъ въ 1913 г. и Потанинъ, извѣстный Сибирскій общественный дѣятель.

Впрочемъ, не кажется ли страннымъ и самому А. П. Маркову, что, напримѣръ, шерсть, а съ ней и уголь съ Дона везлись за тысячу верстъ въ Центральную Россію; тамъ все это перерабатывалось и вновь возвращалось на Донъ въ видѣ уже сукна? Казалось, проще было бы построить суконныя фабрики на Дону, и оттуда готовое сукно развозить по всей Россіи. Это было бы куда дешевле! Энергія и капиталъ нашлись бы для этого. Построили же у насъ три огромныхъ металлургическихъ завода, хотя мы своей желѣзной руды не имѣли, а перерабатывали привозную. Не было также, насколько мнѣ извѣстно, хлопчато-бумажныхъ фабрикъ въ Туркестанѣ и въ Закавказьѣ. Все сырье — шерсть и хлопокъ — отправлялось въ Центральную Россію (и Польшу) и тамъ перерабатывалось. На этой операціи Центральная Россія очень зарабатывала, а окраины прорабатывали. Достаточно сказзать, что средняя цѣна шерсти (не мытой) за періодъ 1911-1915 г.г. для всей Россіи была 19,35 руб. за пудъ, а на Дону она была лишь 9,45 руб., на Терекѣ — 9,28 руб., въ Астраханской губ. — 10,35 руб., въ Ставропольской — 8,64 руб., а на Кубани — такъ даже 6,84 руб. Въ среднемъ Казачьи Области недобирали на 1-мъ пудѣ шерсти 10 рублей. Если же принять во вниманіе, что на одномъ только Ростовскомъ рынкѣ продавалось въ годъ около 1 милліона пудовъ (среднее за 1900-1915 г.г. — 1.080 тысячъ пудовъ), то недоборъ составитъ достаточно крупную сумму въ 10 милліоновъ рублей въ годъ. Пишущій эти строки, заинтересовавшись въ свое время такимъ страннымъ явленіемъ, подѣлился своимъ недоумѣніемъ съ В. А. Харламовымъ, бывшимъ членомъ Государственной Думы отъ Дона, и получилъ въ отвѣтъ: «министерскимъ циркуляромъ запрещено было давать разрѣшеніе на открытіе шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ фабрикъ на окраинахъ, дабы обезпечить работу уже существующимъ фабрикамъ». Былъ ли такой циркуляръ или нѣтъ, но мы своихъ фабрикъ не имѣли и много отъ этого теряли. Такъ что равномѣрная заботливость Россійскаго Правительства о промышленномъ развитіи всѣхъ его областей напоминаетъ «равномѣрный» раздѣлъ рѣпы между медвѣдемъ и мужикомъ: медвѣдю — вершки, а мужику — корешки.

Обратимся теперь, вслѣдъ за авторомъ, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Какъ намъ всѣмъ хорошо извѣстно, сельское хозяйство играло въ казачьихъ областяхъ преобладающую роль: три четверти населенія жило сельско - хозяйственнымъ трудомъ. Естественно поэтому, что отъ процвѣтанія этой отрасли народнаго хозяйства зависитъ и благосостояніе Казачь-

ихъ Земель. Между тѣмъ, по мнѣнію г. Маркова, отдѣленіе Казачьихъ Земель отъ Россіи можетъ повести къ потерѣ «внутренняго» великорусскаго рынка, а одновременно мы можемъ потерять и внѣшній рынокъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ его доводамъ.

Къ сожалѣнію, цифровыхъ данныхъ, касающихся сельскаго хозяйства въ Казачьихъ Краяхъ, А. П. Марковъ не приводитъ; онъ оперируетъ съ данными, главнымъ образомъ, мірового производства и потребленія, разсматриваетъ вопросъ, такъ сказать, въ «планетарномъ масштабѣ» — очевидно, старая, оставшаяся отъ службы у большевиковъ, привычка.

Сельское хозяйство, говоритъ онъ, переживаетъ нынѣ тяжелый кризисъ: слишкомъ много производится зерновыхъ хлѣбовъ, слишкомъ сильно увеличился вывозъ хлѣба изъ за-океанскихъ странъ одновременно сократилось потребленіе хлѣба и, какъ результатъ всего этого, — большіе хлѣбные остатки (запасы).

Такъ, въ 1927 г. оставалось 3,8 мил. тоннъ или 235 мил. пуд., въ 1928 г. — 3,7 милл. тоннъ или 229 мил. пуд., въ 1929 г. — 6,2 милл. тоннъ или 385 мил. пудовъ.

Поэтому онъ, Марковъ, боится, что когда наши Края вновь получатъ возможность вывозить свой хлѣбъ за-границу (пока что тамъ голодаютъ), то здѣсь они найдутъ очень сильныхъ конкурентовъ въ лицѣ американцевъ и австралійцевъ.

Если мы произведемъ простое вычитаніе изъ остатка 1928 года запасовъ хлѣба, бывшихъ въ 1927 году, то найдемъ, что міровой сборъ хлѣбовъ въ 1927-28 году былъ недостаточенъ, ибо не только полностью былъ потребленъ весь урожай этого года, но еще было взято изъ запасовъ около 6 милліоновъ пудовъ. Урожай слѣдующаго года былъ лучше и хлѣбные запасы увеличились на 156 мил. пудовъ. Но что такое 156 мил. пудовъ по отношенію къ міровому производству? Менѣе 1%. Одна Россія производила передъ войной около 5.000 мил. пудовъ зерновыхъ хлѣбовъ, а міровой сборъ только пяти главныхъ родовъ хлѣбныхъ злаковъ составлялъ уже въ 1913 году свыше 20 милліардовъ пудовъ. Остатки, указанные г. Марковымъ, являются по отношенію къ міровому сбору тѣмъ же самымъ, что для отдѣльнаго хозяйства 15-20 пудовъ при общемъ сборѣ въ 1.000 пудовъ.

На основаніи **такихъ** данныхъ отнюдь нельзя утверждать, что хлѣба собирается столько, что и дѣвать его некуда. Нельзя утверждать этого и на основаніи данныхъ объ увеличеніи вывоза; вѣдь, если вывозъ увеличился, то, очевидно же, на это имѣется и соотвѣтствующій спросъ: вывозятъ уже **проданный** хлѣбъ. И дѣйствительно, одна Западная Европа **ввозитъ** нынѣ разнаго рода хлѣбовъ только лишь изъ Америки свыше 30 милліон. тоннъ, т.-е. около 2 милліардовъ пудовъ, стоимостью въ 2.500 мил. рублей золотомъ. Увеличеніе вывоза хлѣба изъ-за океанскихъ странъ находится, кромѣ того, въ прямой связи съ сокращеніемъ вывоза его изъ Россіи: въ періодъ 1911-1913 г.г. вывозъ хлѣба изъ Россіи составлялъ въ среднемъ 675 милліоновъ пудовъ въ годъ, а въ 1928-29 г. всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ было вывезено лишь на 18,8 мил. рублей, т.-е. менѣе 20 мил. пудовъ.

Но можетъ быть, спроситъ читатель, наши «могущественные» конкуренты продаютъ свой хлѣбъ такъ дешево, что намъ нельзя будетъ и думать о конкуренціи съ ними? Нѣтъ, нашъ хлѣбъ былъ дешевле американскаго. Въ доказательство приведу нѣсколько цифръ.

Въ 1913 году вывезено было изъ Соед. Штатовъ С. Америки 152.061 тыс. пудовъ пшеницы на сумму 172.730 тыс. рублей, т.-е., въ среднемъ, по цѣнѣ 113,6 коп. за пудъ. Въ томъ же году вывезено было изъ Россіи 203.256 тыс. пудовъ пшеницы на сумму 225.208 тыс. рублей, т.-е., въ среднемъ, по 110,8 коп. за пудъ. Въ іюлѣ 1914 г. цѣна пшеницы въ Нью-Іоркѣ была 98,5 центовъ за бушель, т.-е. 110 коп. за пудъ, въ іюнѣ 1926 г. — 183 коп. за пудъ, въ іюнѣ 1927 г. — 175 коп. за пудъ, въ сентябрѣ 1929 г. — 154 коп. и въ сентябрѣ 1930 г. цѣна пшеницы, вслѣдствіе очень обильнаго урожая, понизилась до 112,7 коп. за пудъ. Цѣну эту американцы считаютъ совершенно разорительной для себя. Между тѣмъ въ нашихъ Краяхъ средняя цѣна на пшеницу была: въ 1913 г. на Дону — 98 коп. за пудъ, а на Кубани — 102 коп., въ 1914 г. — на Дону — 86,6 коп., а на Кубани — 83 коп. за пудъ.

Утверждать, что нашъ прекрасный по качеству и дешевый хлѣбъ не въ состояніи будетъ конкурировать съ американскимъ или австралійскимъ хлѣбомъ это, кромѣ того, не считаться съ нашимъ естественнымъ преимуществомъ — съ близостью нашихъ Краевъ съ европейскимъ рынкомъ. Значительно дешевле стоитъ привести хлѣбъ въ Турцію, Грецію, Италію и Францію изъ предѣловъ Дона или Кубани, чѣмъ изъ предѣловъ Сѣверной Америки, не говоря уже о Южной Америкѣ или Австраліи.

Итакъ, внѣшній рынокъ у насъ есть. Мы ближе къ нему, чѣмъ наши конкуренты. Нашъ хлѣбъ дешевле и лучше. Какія же основанія были у г. Маркова предполагать, что мы можемъ потерять его? никакихъ.

Въ заключеніе—о внѣшнемъ рынкѣ—небольшое замѣчаніе. А. П. Марковъ указываетъ, между прочимъ, что въ 1913 году въ Соединенныхъ Штатахъ было собрано пшеницы 2.446.988 тыс. бушелей, т.-е. около 4.280 милліоновъ пудовъ (1 бушель

равенъ 11,09 гарнцевъ или 1,74 пуда пшеницы), а въ 1927 году — 2.786.288 тысячъ бушелей, т.-е. 4.875 милл. пудовъ. Въ дѣйствительности же, какъ это видно изъ сборника статистико - экономическихъ свѣдѣній русскаго Министерства Земледѣлія,*) въ 1913 году въ Соединенныхъ Штатахъ было собрано пшеницы лишь 1.267,3 мил. пудовъ. Не принялъ ли нашъ ученый экономистъ кукурузу за пшеницу? Кукурузы дѣйствительно было собрано въ томъ году 3.791,5 мил. пудовъ, что, приблизительно, соотвѣтствуетъ 2.446 мил. бушелей.

Обратимся теперь къ другому предположенію г. Маркова, — къ возможности потерять великорусскій рынокъ.

Нѣтъ ничего лучше, вѣрнѣе своего внутренняго рынка, а между тѣмъ, если казаки отдѣлятся отъ Россіи, то великорусскій рынокъ имъ можетъ и закрыться. А что тогда будетъ? Посмотрите на Польшу: отдѣлилась отъ Россіи и плачется теперь съ своимъ Лодзинскимъ райономъ и почву имѣетъ для коммунистической пропаганды (а если бы не отдѣлилась? **Г. К.)** — такъ убѣждаетъ А. П. Марковъ своихъ строптивыхъ земляковъ, казачьихъ самостійниковъ. А. г. Тимашевъ, изъ «Возрожденія», прочитавъ статью А. П. Маркова, прямо грозитъ: отдѣлитесь, не будемъ покупать вашего самостійнаго хлѣба и угля. Угроза, конечно, страшная, но страшенъ чертъ, да милостивъ Богъ. Дѣйствительность и прошлая, и настоящая свидѣтельствуютъ противъ такого предположенія. Всякому извѣстно, что въ теченіе міровой войны торговля союзниковъ съ нѣмцами, несмотря на всѣ принятыя мѣры, не прекращалась, — правда, черезъ посредство нейтральныхъ державъ, но это значенія не имѣетъ. Послѣ отдѣленія отъ Англіи бывшей ея колоніи, нынѣ С. А. Соед. Штатовъ, торговыя сношенія между ними и Англіей не только не прекратились, но значительно, возросли. Никто не станетъ утверждать, что между Франціей и Германіей существуютъ дружескія отношенія, однако, торговая связь между ними самая тѣсная. Несмотря на крайне натянутыя политическія отношенія между Франціей и Италіей, итальянскіе продукты, да еще такіе, какъ вино и мясо, наводняютъ Францію, и т. д. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Поэтому я все же думаю, что если Великороссія будетъ нуждаться въ хлѣбѣ, то она купитъ его на Украинѣ, на Дону или на Кубани, а не въ Австраліи или Америкѣ: смекалистый и расчетливый купецъ-великороссъ поймeтъ свою выгоду. Если же нѣтъ, ну что же, — оправдается утвержденіе австрійскаго консула, приводимое А. П. Чупровымъ въ одной изъ своихъ книгъ, что вся внѣшняя торговля Россіи находится въ рукахъ германцевъ.

Да, наконецъ, является ли (или, вѣрнѣе, являлась ли) Великороссія «внутреннимъ рынкомъ» для Казачьихъ Земель? Ѣстъ ли Великороссія нашъ хлѣбъ»? какъ это, по словамъ Маркова, въ утвердительной формѣ «сплошь и рядомъ» приходится ему слышать отъ самостійниковъ, особенно украинцевъ. Что отвѣтятъ ему украинцы на это, я не знаю, но казаки могутъ опредѣленно отвѣтить: «Нѣтъ, Великороссія внутреннимъ рынкомъ для насъ не является и хлѣба нашего не ѣстъ».

Нижеприведенныя цифровыя данныя за періодъ 1909—1913 г.г говорятъ объ этомъ достаточно убѣдительно.

Въ среднемъ за эти пять лѣтъ было въ милліонахъ пудовъ:

	Собрано всѣхъ хлѣбовъ.	Израсходовано на мѣстѣ.	Избытокъ.
На Дону	212,4	108,5	103,9
» Кубани	204,1	78,8	125,3
» Терекѣ	54,5	30,3	24,2
въ Астраханской губ.	12,4	30,8	18,4
» »Ставропольской »	107,3	41,6	65,7
» Черноморской »	0,6	3	2,4
Всего	591,3	293	298,3

Изъ избытка въ 298 милліоновъ пудовъ въ эти годы отправлялось за-границу въ среднемъ около 200 мил. пудовъ въ годъ. Цифра эта является ниже нормальной, такъ какъ въ теченіе 1911 и 1912 г.г. было двѣ войны: въ 1911 г. Турціи съ Италіей, а въ 1912 г. Турціи съ Балканскими государствами. Оба раза въ теченіе всего періода войны Дарданеллы были закрыты, и мы не могли отправлять свой хлѣбъ за-границу черезъ Черноморскіе и Азовскіе порты. Въ 1914 г. за первые 7 мѣсяцевъ (до начала военныхъ дѣйствій) изъ нашихъ Азовскихъ и Черноморскихъ портовъ было отправлено за-границу 154,1 мил. пудовъ, въ томъ числѣ:

Изъ Ростова на Дону	61,4 мил. пуд.
» Таганрога	11 » »
» Ейска	14,5 » »
» Ахтырки	6,1 » »
» Темрюка	3,6 » »
» Новороссійска	57,5 » »

Такимъ образомъ, у насъ осталось непроданнымъ за-границу лишь 98 милліоновъ пудовъ. Между тѣмъ Закавказье, прилегающее непосредственно къ казачьимъ областямъ, ежегодно ввозило къ себѣ (сухопутнымъ и воднымъ путемъ) около 93 мил. пудовъ хлѣба. Хлѣбъ этотъ оно покупало почти исключительно въ казачьихъ областяхъ. Значитъ, Казачьи Края могли продавать въ Центральную Россію самое большее 5 мил. пудовъ въ годъ.

*) Сборникъ Статистическо - Экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. 1917 г. Изд. Министерства Земледѣлія, стр. 110.

Возможно, что Закавказье покупало часть нужнаго ей хлѣба на Украинѣ, а мы продавали нѣсколько больше хлѣба въ Центральную Россію, но это нисколько не измѣняетъ основного расчета.

Насколько мало Великороссія служила и можетъ служить внутреннимъ рынкомъ для Казачьихъ Краевъ показываетъ тотъ фактъ, что когда въ 1911 году вспыхнула война между Турціей и Италіей и Дарданелы были закрыты, то цѣна на пшеницу на Дону упала съ 17 рублей за четверть (10 пудовъ) до 7 рублей. То же повторилось и въ 1915 году. Несмотря на сокращеніе, вслѣдствіе войны, запашки и сбора хлѣбовъ, *) цѣна пшеницы упала, въ переводѣ на золото, на Дону до 74 коп за пудъ, а на Кубани — до 70 коп. Да это и понятно: вѣдь Великороссія питается, главнымъ образомъ, ржанымъ хлѣбомъ, а наши Края почти не производятъ ржи.

Да и нуждалась ли Великороссія вообще въ привозномъ хлѣбѣ? Вопреки мнѣнію А. П. Маркова, я утверждаю, что нѣтъ, т.-е. что она не «ѣла» и украинскаго хлѣба. Вотъ цифровыя данныя. За періодъ 1909 — 1913 г.г. въ 51 губерніи Европейской Россіи (безъ Польши и Сѣвернаго Кавказа) было собрано 3.711,5 мил. пудовъ продовольственныхъ хлѣбовъ, въ томъ числѣ въ Бессарабіи, 9 украинскихъ губерніяхъ, на Дону и въ Астраханской губ. — 1.556,1 мил. пудовъ, а въ остальныхъ 39 губерніяхъ — 2.155,4 мил. пудовъ. Населеніе этихъ 39 губерній состояло, въ среднемъ, изъ 85,3 мил. душъ. Считая потребленіе хлѣба по 25 пудовъ на человѣка (въ Великороссіи онъ нѣсколько меньше даже), мы найдемъ, что потребность въ хлѣбѣ вышеназванныхъ 39 губерній выражалась въ 2.133 мил. пудовъ, т.-е. менѣе сбора на 22,4 мил. пудовъ. Такимъ образомъ, Великороссія не только не нуждалась въ чужомъ хлѣбѣ, но даже имѣла небольшой излишекъ своего собственнаго. Нѣтъ основаній полагать, что въ будущемъ это положеніе можетъ измѣниться. Не говоря уже о развитіи земледѣлія въ Западной Сибири, не имѣющей возможности вывозить свой хлѣбъ никуда, кромѣ какъ въ Великороссію и Туркестанъ, — сборъ хлѣбовъ, слѣдствіе повышенія урожайности, увеличивается и въ самой Великороссіи въ размѣрѣ достаточномъ для покрытія ея собственныхъ нуждъ. *)

Итакъ, Великороссія не была и въ будущемъ не будетъ служить для Казачьихъ Земель рынкомъ для сбыта ихъ хлѣба.

Но будущее смущаетъ А. П. Маркова съ другой стороны. «Въ будущемъ можетъ случиться и такъ», говоритъ онъ, что **мы** будемъ нуждаться въ хлѣбѣ Великороссіи, — тѣмъ болѣе, что сельское хозяйство въ Сибири сильно развивается. Конечно, все можетъ быть. Не даромъ сказано въ Писаніи: «Не уявися что будетъ». Но развѣ же можно серьезно дѣлать какія либо заключенія на основаніи этихъ «можетъ быть» и «можетъ случиться»? Что же касается Сибирскаго хлѣба, то Богъ съ нимъ — во что намъ обойдется одна перевозка его? Я думаю, что это какъ разъ былъ самый подходящій случай для А. П. Маркова вспомнить объ Американскомъ и даже Австралійскомъ хлѣбѣ и поговорить о заокеанской конкуренціи. *)

Много вниманія А. П. Марковъ удѣлилъ въ своей статьѣ еще вопросу о свеклосахарныхъ плантаціяхъ на Украинѣ, хлопку въ Туркестанѣ и льну въ... Псковской губерніи. Насколько мнѣ извѣстно, самостійныя тенденціи въ Псковской губерніи не наблюдаются. Послѣ того, какъ царь Иванъ Грозный поотрубалъ головы псковскимъ самостійнымъ «контръ-революціонерамъ» и «буржуямъ» и переселилъ изъ б. Псковскаго государства въ предѣлы Москвы псковскихъ — выражаясь современнымъ языкомъ — «кулаковъ» и «средняковъ», а на ихъ мѣстѣ поселилъ московскихъ крестьянъ, — всякое самостійное движеніе исчезло изъ предѣловъ Пскова. *) Съ другой стороны, какъ, вѣроятно, не безъизвѣстно и г. Маркову, Россія имѣла (передъ войной), можно сказать, монополію по поставкѣ льна на міровой рынокъ, вслѣдствіе чего псковскому льну не угрожала бы конкуренція ни при какихъ политическихъ комбинаціяхъ. Въ нашихъ же Краяхъ льняного производства почти не существовало. Мнѣ кажется, что примѣръ съ Псковской губерніей фигурируетъ въ нашемъ «спорѣ» по недоразумѣнію, что называется «ни къ селу, ни къ городу», такъ какъ къ намъ онъ, дѣйствительно, никакого отношенія не имѣетъ.

Не было у насъ также ни свеклосахарныхъ, ни хлопковыхъ плантацій (хлопокъ только «мыслимъ» у насъ), поэтому и останавливаться на этихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства я не нахожу нужнымъ.

---

*) Въ 1913 г. въ предѣлахъ всей Россіи засѣяно было 98,2 мил. десятинъ и собрано 5.636,6 мил. пудовъ продовольственныхъ хлѣбовъ. Въ 1915 г. засѣяно было 86,2 мил. дес. и собрано — 4.526,3 мил. пудовъ. Потребность Россіи въ 1915 г. составляла 4.472,5 мил. пудовъ хлѣба.

*) У читателя можетъ возникнуть вопросъ, почему же украинцы утверждаютъ, да еще «сплошь и рядомъ», что великороссы ѣдятъ ихъ хлѣбъ? Отвѣчаю: украинцы этого вовсе не утверждаютъ. Это утверждаетъ, — вѣроятно, просто по невѣдѣнію, — нашъ «профессоръ». Сами же украинцы говорятъ по этому вопросу слѣдующее: «Часто думаютъ, что Великороссія была рынкомъ для украинскаго сбыта. Между тѣмъ это было не такъ. Россія совсѣмъ не была рынкомъ для основного продукта украинскаго сельскаго хозяйства. Украина была житницею или, вѣрнѣе, «пшеничницею» не Россіи, а Западной и Центральной Европы». (Статья проф. В. Тимошенко: «Украина и Россія въ ихъ экономическихъ взаимоотношеніяхъ», см. Украинскій Экономистъ, 1928 г. № 1, стран. 2 и 3).

*) Ставки даже русскихъ жел. дорогъ, которыя часто бывали ниже себѣ-стоимости провоза, превосходили въ 7—10 разъ стоимость морского транспорта

См. пред. А. Салтыкова къ «Позиціи Россіи», Д. Менделѣева).

*) Если большевики просидятъ у насъ еще 10- 15 лѣтъ, то г. Марковъ можетъ успокоиться: самостійное движеніе исчезнетъ и въ Казачьихъ Краяхъ.

Замѣчу только, мимоходомъ, что если Украина и лишится Великорусскаго рынка для сбыта своего сахарнаго производства, то вся потеря ея «крестьянъ»**) выразится самое большее въ размѣрѣ 6 милліоновъ рублей въ годъ (т.-е. по 17 коп. на душу населенія) при общемъ народномъ доходѣ въ нѣсколько милліардовъ рублей. Это далеко отъ «громаднаго ущерба», о которомъ говоритъ А. П. Марковъ. Кромѣ того, возможная потеря съ лихвой будетъ компенсирована иной экономической политикой, о которой мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ о промышленности.

Въ заключеніе о сельскомъ хозяйствѣ я позволю себѣ еще одно замѣчаніе. А. П. Марковъ ссылается на цифры совѣтской статистики для доказательства того, что Великороссія нуждается въ чужомъ хлѣбѣ. Въ Великороссію включенъ и Сѣверный Кавказъ. Уже это одно лишаетъ его ссылку ясности и опредѣленности. А затѣмъ, не слишкомъ ли много значенія придаетъ онъ совѣтской статистикѣ и, наоборотъ, не слишкомъ ли мало учитываетъ онъ вліяніе совѣтской власти? Благодаря такому отношенію къ этимъ, скажемъ, двумъ институтамъ, А. П. Марковъ пришелъ къ невѣроятному для насъ, небольшевиковъ, заключенію, что сокращеніе сельскаго хозяйства въ Казачьихъ Краяхъ (на Сѣверномъ Кавказѣ) объясняется потерей ими внѣшняго и внутренняго рынковъ. (На стр. 125 «Казачьяго Сборника»).

— Нѣтъ, Александръ Прокофьевичъ, это объясняется присутствіемъ большевиковъ. Рынокъ и внутренній, и внѣшній, въ лицѣ совѣтской власти, имѣется неограниченный — что ни посѣй, сколько ни собери — все отберутъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Г. Каревъ.

*) Какъ напримѣръ: Гр. Бобринскіе, Кн. Юсуповы, Бродскіе, Терещенко и т. п.. Въ среднемъ въ 1911—1914 г.г. на Украинѣ было засѣяно сахарной свекловицеы 511.515 десятинъ въ годъ, изъ нихъ на земляхъ сахарныхъ заводовъ 156.808 дес. и на земляхъ частныхъ лицъ, главнымъ образомъ помѣщиковъ. — 354.707 дес.

БЕЗЪ ПУТИ.

(ИЗЪ ЗАЛА КАЗАЧЬЯГО КЛУБА)

Очевидно, среди россійскихъ бѣженскихъ «вождей и пророковъ» наступила полоса признанія полнаго банкротства ихъ освободительскихъ «программъ и прозрѣній» — началось это съ соціалиста Бунакова - Фундаминскаго, а затѣмъ по очереди продѣлали то же самое радикалъ Милюковъ и монархистъ Струве.

Не отстали и казачьи «путеводители» и въ публичномъ собраніи въ Казачьемъ Клубѣ расписались также въ своемъ «безпутствѣ».

Десять лѣтъ ихъ политическій маятникъ блуждалъ между противоположными полюсами — отъ Керенскаго до Милюкова и далѣе до Гукасова и генерала Миллера, десять лѣтъ они усиленно звали казачество на свою дорогу и на одиннадцатомъ признались, что сами то они стоятъ передъ полнѣйшимъ бездорожьемъ.

Какъ слѣпой поводыря, казачьи «вожди» ищутъ тѣхъ, кто бы вывелъ ихъ на потерянный путь.

«Мѣсто казачества въ будущей Россіи» — такъ опредѣлена была тема собесѣдованія. Въ качествѣ экспертовъ по отысканію этого «мѣста» приглашены были ростовскій обыватель г. Сватиковъ и членъ еврейской колоніи въ Парижѣ г. Гронскій.

Возникаетъ недоумѣнный вопросъ, съ какихъ поръ казачество стало нуждаться въ иноплеменныхъ «поводыряхъ»? И старая и новая казачья исторія говоритъ намъ, что Казачество всегда «знало свой маневръ» и умѣло само находить себѣ мѣсто подъ луной. Кто уполномочивалъ г. Мельникова и К-о унижать Казачество, расписываясь въ его безпомощности въ дѣдѣ самостоятельнаго опредѣленія своей политической линіи?

Какъ и нужно было ожидать, остріе выступленій въ Казачьемъ Клубѣ направлено было противъ самостійниковъ, и г.г. Мельниковъ и Марковъ, подкрѣпленные «варягами» Сватиковымъ и др., съ превеликимъ усердіемъ старались притянуть за волоса казачество на старое амплуа «рядовыхъ для посылокъ», желая, конечно, торжественно на плечахъ казачества, въ свитѣ будущаго диктатора, въѣхать въ Москву, а затѣмъ, какъ выжатый лимонъ, выбросить это же казачество въ сорную яму.

Докладчикомъ на собраніи выступилъ Н. М. Мельниковъ, Предсѣдатель Донского Правительства и Казачьяго Союза — и выступилъ настолько неудачно, что Предсѣдателю собранія, И. Г. Акулинину, пришлось его вызволять изъ превеликой путаницы, въ которую тотъ завязъ: «причина-де неудачи въ томъ обстоятельствѣ, что Мельниковъ не подготовился къ докладу и не имѣлъ матеріаловъ».

Мы, однако, должны замѣтить, что докладчикъ остался вѣренъ себѣ и на этотъ разъ: использовалъ факты, подходящіе для его выводовъ и вычеркнулъ изъ жизни или извратилъ важнѣйшія событія, опровергающія его утвержденія — словомъ прибѣгъ къ излюбленному имъ методу передергиванія картишекъ.

По Мельникову, оказалось, что Казачество было всегда за «Единую, Недѣлимую», что никакихъ желаній не только самостійности, но и федераціи не выражало.

Бывшій членъ Донского Правительства и членъ всѣхъ Круговъ, Г. И. Каревъ, возражая Н. М. Мельникову, выяснилъ, что политическая мысль казачества развивалась и измѣнялась въ связи съ развертывавшимися событіями. И уже во время такъ называемаго Калединскаго Круга, въ сентябрѣ 1917 было высказано пожеланіе о федеративномъ устройствѣ Россіи; въ декабрѣ же, въ связи съ захватомъ власти большевиками, Войсковой Кругъ объявилъ Донъ самостоятельнымъ впредь до установленія законной власти въ Россіи.

Въ восемнадцатомъ году, при Атаманѣ П. Н. Красновѣ, статьею 1-ою Основн. Законовъ Донъ провозглашенъ былъ безоговорочно самостоятельной Республикой. Г. И. Каревъ, между прочимъ, удивляется, что впослѣдствіи, за-границей, Атаманы и Правительства, присягавшіе Донской Конституціи, дѣйствовали вопреки ея, что, по его мнѣнію, является тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ, влекущимъ за собою въ перспективѣ скамью подсудимыхъ.

Здѣсь выяснилось чрезвычайно любопытное обстоятельство, что Предсѣдатель Дон. Правительства Н. М. Мельниковъ совсѣмъ и не присягалъ Донской Конституціи; при чемъ смыслъ выясненія былъ таковъ, что какъ будто онъ, Мельниковъ, въ правѣ и не считаться съ нею, что вызвало совершенно естественный вопросъ со стороны Ф. Я. Желтухина: «если Н. М. Мельниковъ не присягалъ Дон. Основн. Законамъ, то, слѣдовательно, онъ не считаетъ себя и обязаннымъ ихъ признавать и съ ними считаться?» На что получилъ въ очень нервномъ и возбужденномъ топѣ отвѣтъ: «Хотя я и не присягалъ Дон. Конституціи, но все же считаю себя обязаннымъ ей повиноваться».

На помощь Н. М. Мельникову выступилъ г. Зенковъ, *) отрекомендовавшій себя юристомъ, бывш. Товар. Предсѣдателя Дон. Войск. Круга и предсѣдателемъ юридической комиссіи. Зенковъ заявилъ, что Н. М. Мельниковъ никакой судебной отвѣтственности не подлежитъ, такъ какъ онъ дѣйствительно Конституціи не присягалъ, ибо ей присягали только Атаманы, Члены Круга и Правительства, въ составъ которыхъ Мельниковъ тогда не входилъ. Этотъ довольно странный споръ носилъ такой отпечатокъ, что какъ будто Конституція писалась только для Войскового Круга, но что донское населеніе, какъ не присягавшее ей, можетъ считать ее для себя необязательной. До чего можетъ довести стремленіе опорочить, въ цѣляхъ борьбы съ самостійниками, значеніе 1-ой ст. Дон. Осн. Зак., трактующей о независимости Донского Государства.

Но г. Зенковъ пошелъ еще дальше. Возражая Г. И. Кареву (быв. членъ Дон. Правительства и членъ всѣхъ Войск. Круговъ), онъ заявилъ, что г. Каревъ не понимаетъ Основн. Законовъ, такъ какъ онъ не юристъ; только юристу дано въ нихъ разбираться, и онъ, Зенковъ, какъ таковой и какъ Предсѣд. Юридической Комиссіи утверждаетъ, что ст. 1-ая Дон. Осн. Зак. говоритъ не то, что тамъ написано,а обратное (!!) и чтобы понимать законы, надо знать мотивы, какими руководился законодатель .

Г. Зенковъ открылъ Америку какъ разъ тамъ, гдѣ ея существованія никто не подозрѣвалъ.

Оказывается, что ни г. Каревъ, членъ Круга и членъ Правительства, ни тѣ четыреста девяносто (изъ пятисотъ) членовъ Круга, которые, не будучи юристами, писали Донскую Конституцію, совершенно не понимали, что творили; и только десятокъ юристовъ, бывшихъ на Кругѣ, знали, что они дѣлали.

Четыреста девяносто законодателей, по Зенкову, сидѣли болванами на Кругѣ. Зачѣмъ же тогда народоправство, зачѣмъ Парламенты, если они не только не вѣдаютъ, что творятъ, но и не способны разобраться въ написанномъ законѣ? Зачѣмъ вообще законы, если вся страна, какъ не юристы, не въ состояніи въ нихъ разобраться и должна въ каждомъ случаѣ идти къ г. Зенкову съ вопросомъ: «Вотъ въ этой статьѣ написано «бѣло» — какъ прикажете понимать, г. Юристъ: черно это, или сѣро, или красно?»

Удивительно, какъ такая геніальная идея никому до сихъ поръ не пришла въ голову въ заграничныхъ парламентахъ, гдѣ тоже законодательствуютъ, главнымъ образомъ, не юристы?

Какъ бы это упростило положеніе и сократило расходы: «Пошли вонъ, не юристы!» И осталось бы въ каждомъ Парламентѣ по десятку Зенковыхъ.

Было бы и просто, и дешево, и сердито!

Наградитъ же Господь Богъ человѣка талантомъ — въ такую коротенькую рѣчь втиснуть такъ много глупости!

Нужно, кстати, замѣтить, что не одинъ Зенковъ таковъ. Есть у насъ много другихъ горе-юристовъ, которые, за бѣдностью въ разумныхъ аргументахъ, тычутъ всѣмъ въ носъ свои юридическіе дипломы:

«Я юристъ, и дѣло кончено — не спорь со мною» — это ихъ ultima ratio (послѣднее доказательство).

Вспоминается мнѣ одинъ маленькій ершистый урядничекъ, который говорилъ своему сосѣду, постукивая пальцемъ по галунамъ и нашивкамъ своего новенькаго мундира: «если твоя собака да меня укуситъ, то ты не раздѣлаешься».

«Я — юристъ, и если твоя собака да меня укуситъ, то и т. д.», повторяютъ уряднички изъ юристовъ типа Зенкова, тыча всѣмъ въ носъ своими «юридическими» галунами и нашивками.

Анатолій Гнутовъ.

*) Г. Зенковъ — служащій г. Мельникова по Каз. Союзу.

Замѣтки по исторіи Донского Казачества.

Блестящая исторія Донского казачества не только поучительна, но и полна захватывающаго драматизма.

Рожденное въ глубинѣ вѣковъ изъ расовыхъ, политическихъ и соціальныхъ бурь, вызванныхъ тѣмъ грандіознымъ и до сихъ поръ недостаточно объясненнымъ явленіемъ, которое называется великимъ переселеніемъ народовъ, — донское казачество пережило въ теченіе ряда столѣтій необыкновенно трагическія судьбы прежде, чѣмъ появиться на страницахъ оффиціальной исторіи въ 16-омъ вѣкѣ въ видѣ народа политически и соціально организованнаго въ формѣ своеобразной государственности.

Но и послѣдующая, оффиціальная исторія Донского Казачества, вплоть до большевистскаго владычества, полна глубочайшаго драматизма, граничащаго съ мученичествомъ. Нельзя безъ глубокаго волненія слѣдить за исторической жизнью этого свободолюбиваго и въ то же время удивительно лойяльнаго народа, столь много страданій вынесшаго и проявившаго исключительный героизмъ, настойчивость и упорство въ теченіе трехсотлѣтней повседневной борьбы съ россійской властью за свою свободу, вольности, за естественное, казалось бы, право строить свою жизнь по «своему присуду», по своему традиціонному укладу.

Сильный сосѣдъ казачества, Московское царство, уже во времена царя Бориса Годунова, во имя своихъ имперіалистическихъ и централизаторскихъ заданій, дѣлаетъ попытку наложить руку на свободную Донскую Республику. Наступившее послѣ смерти Годунова смутное время на нѣкоторый срокъ отдаляетъ захватническую политику Москвы, но затѣмъ, даже въ царствованіе Михаила Федоровича Романова, всецѣло своимъ трономъ обязаннаго голосу и оружію казачества, агрессивность противъ Дона возраждается съ новой силой и систематическимъ упорствомъ.

Донское казачество ревниво отстаиваетъ свою самостоятельность, пока въ 1670 году, вслѣдствіе неудачнаго движенія Степана Разина, внутренно потрясенное и расколовшееся на двѣ партіи и тѣмъ обезсиленное, оно было принуждено принять присяру на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу и выдать Москвѣ какъ самого Разина, такъ и его главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Это былъ первый ударъ, нанесенный суверенности Донского казачества, ибо до сего времени донцы успѣшно отстаивали и свое право не присягать московскимъ царямъ и не выдавать никого съ Дона.

Въ прекрасномъ принципѣ «съ Дона выдачи нѣтъ» сдѣлана была брешь, и на казачество наложена тяжелая рука московскаго централизма.

Эпоха Петра 1-го явилась наиболѣе трагической въ періодъ оффиціальной исторіи Донского казачества. Продолжая политику нажима своихъ предшественниковъ, Петръ, вызвавъ возстаніе Донского Атамана Кондратія Булавина, выступившаго на защиту старинныхъ правъ и вольностей, — жесточайшимъ образомъ подавилъ это возстаніе: десять тысячъ донцовъ было убито; много десятковъ станицъ уничтожено до основанія. И отъ казачьей самостоятельности осталась только извѣстная автономія въ дѣлѣ внутренняго управленія. Атаманы стали назначаться верховной россійской властью, а Войсковой Кругъ потерялъ свое дѣйственное значеніе, превратившись въ пустую, безъ всякаго содержанія, форму.

Изъ послѣдующихъ царствованій эпоху Екатерины Великой нужно считать, какъ время особенно сильнаго разрушенія казачьяго историческаго уклада.

Добровольно съ временъ Іоанна Грознаго и принудительно съ Петра Великаго Казачество является участникомъ во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Московской и Петербургской Россіей. Кости казачьи разсѣяны по всѣмъ странамъ — отъ береговъ Атлантики до Тихаго Океана. Франція, Германія, Австро-Венгрія, Турція, Балканы, Финляндія, Кавказъ, Польша, Китай, Средняя Азія, Персія и проч. политы казачьей кровью.

Служило казачество Россіи поголовно и безсрочно, до дряхлости, на собственныхъ коняхъ, при своемъ оружіи, обмундированіи и снаряженіи; только въ царствованіе Александра I опредѣленъ былъ срокъ казачьей службы — 25 лѣтъ на дѣйствительной и 5 въ запасѣ — всего 30 лѣтъ.

Въ Отечественную войну Донъ послалъ на поле всѣхъ отъ 15 до 60 лѣтъ, въ Крымскую кампанію — отъ 16 до 60, включая и отставныхъ.

Будучи свободолюбивымъ и настойчивымъ въ отстаиваніи своихъ вѣковыхъ правъ, казачество являло себя и порядливымъ въ свободѣ и глубоко лойяльнымъ и государственнымъ народомъ.

Услуги, оказанныя Россіи однимъ Донскимъ казачествомъ, неисчислимы. Въ Отечественную войну, напр., Донцами, выставившими 60.000 бойцовъ, взято однихъ плѣнныхъ 70.000 и колоссальное количество матеріальной добычи.

Въ награду за столь великія услуги Донцы получили обычный манифестъ, утверждающій за ними старинныя права и вольности, но... только на бумагѣ, а фактически же совершенное экономическое разореніе, огромныя потери въ личномъ со-

ставѣ, а также закрѣпленіе за помѣщиками права на захваченную ими казачью землю — въ размѣрѣ 100, 300, 500 десятинъ на одну мужскую крестьянскую душу, въ то время, какъ казачество имѣло 6—10 десятинъ на душу мужскаго пола.

Съ «вѣрнолюбезными донцами», какъ и съ другими казаками, не церемонились. Начиная съ Петра I ихъ, помимо ихъ воли, снимали съ родныхъ мѣстъ и переселяли на новыя, какъ перегоняютъ скотъ съ одного мѣста на другое. Въ царствованіе Екатерины II, уничтожившей, кстати сказать, въ 1775 году Запорожскую Сѣчь, приказано было переселить съ Дона 3.000 семействъ на Кубанскую линію. Какое разореніе, какія страданія, какія тяжелыя послѣдствія влекла такая безчеловѣчная операція, — Петербургъ объ этомъ не думалъ. Хотя Донцамъ путемъ активнаго выступленія противъ этой мѣры и удалось смягчить формы ея проведенія въ жизнь, но все же послѣдствіемъ явилась жестокая расправа съ участниками этого протеста: тысячи людей были наказаны плетьми, многимъ вырвали ноздри и сослали ихъ въ Сибирь, иныхъ казнили смертью...

Въ царствованіе Павла I за попытку возвысить голосъ въ защиту попранныхъ казачьихъ правъ, до смерти засѣкаютъ кнутомъ донского казака, Полковника гвардіи Грузинова, его брату, поручику гвардіи, рвутъ ноздри, клеймятъ его, наказываютъ кнутомъ и ссылаютъ въ Сибирь, его родственникамъ рубятъ головы.

Но шедевромъ безцеремоннаго отношенія къ «вѣрнолюбезнымъ» казакамъ было распоряженіе Павла I —всѣмъ способнымъ носить оружіе донцамъ о-двуконѣ отправиться завоевывать... Индію. И они двинулись — безъ обоза, безъ картъ. Потеряли въ пустыняхъ огромное количество людей и лошадей; и только смерть Павла избавила донцовъ отъ поголовнй гибели. Былъ подобный же случай съ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, которому, недовольный парадомъ, Павелъ, скомандовалъ: «въ Сибирь, шагомъ маршъ». И полкъ замаршировалъ въ Сибирь. Однако вліятельные люди сумѣли воздѣйствовать на сумасшедшаго Императора, и полкъ черезъ нѣсколько дней былъ возвращенъ въ Петербургъ. За казаковъ некому было замолвить слово — и только судьба, въ видѣ смерти Павла, спасла ихъ отъ гибели.

Мы указали здѣсь только на нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи Донского Казачества, но можно опредѣленно сказать, что весь путь между этими вѣхами заполненъ страницами потрясающаго драматизма.

Къ глубокому сожалѣнію, мы, казаки вообще, Донцы въ частности, своего прошлаго не знаемъ. Много ли найдется среди насъ, которые бы проявили къ исторіи Казачества интересъ, достойный ея удѣльнаго вѣса? Рѣдкія единицы.

Даже интеллигенція казачья, воспитанная въ общерусскомъ духѣ и оторвавшаяся отъ своихъ народовъ, удѣляла по крайней мѣрѣ, до революціи, —очень мало вниманія Роднымъ Краямъ; и всѣ ея историческія познанія въ этой области ограничивались десяткомъ избитыхъ анекдотовъ и шаблонныхъ утвержденій, извращающихъ историческую дѣйствительность и пущенныхъ въ оборотъ въ тенденціозныхъ цѣляхъ, съ исторической правдой ничего общаго не имѣющихъ.

Въ Парижѣ, на станціяхъ «метро», поставлены вѣсы для взвѣшиванія желающихъ пассажировъ, на которыхъ написано: Qui souvent se pèse—bienconnait, qui bien se connait—bien se porte, т. е. кто часто себя взвѣшиваетъ, тотъ себя хорошо знаетъ, кто себя знатъ хорошо, тотъ бываетъ здоровъ. Древняя мудрость говоритъ то же: «познай самого себя». И если бы мы, въ особенности взявшая на себя руководящую роль интеллигенція, знали себя, т.-е. свое прошлое, свой бытъ, психологію казачьей массы, — можетъ быть, мы не надѣлали бы столько политическихъ ошибокъ во время борьбы съ большевиками, не руководились бы кадетскими и прочими россійскими партійными программами и не довели бы дѣло борьбы до катастрофы.

Подобное отношеніе къ родной исторіи, исторіи блестящей и глубоко поучительнй, нужно поставить въ упрекъ въ первую голову казачьей интеллигенціи.

Были, конечно, особлыя причины, обусловливающія такое прискорбное явленіе — обусловливающія, но не оправдывающія.

Ни въ низшей, ни въ средней школѣ, не говоря уже о высшей, исторія и географія Родныхъ Краевъ не преподавалась. Мы изучали географію и исторію Россіи, Франціи, Германіи и проч., но не имѣли никакого представленія о Донѣ, Кубани, Терекѣ и др. Казачьихъ Краяхъ. Мы знали древнюю исторію Вавилона, Египта, Греціи и Рима, интересовались развалинами Аѳинъ, пирамидами Египта, какими то дикарями въ дебряхъ Центральной Африки, но знали ли мы, напр. Донцы, свою старину — скажемъ: Азовъ и героическую борьбу донского казачества съ турками изъ-за этой крѣпости, посѣтили ли мы Монастырское Урочище,, съ которымъ связаны столь драматическія событія въ нашемъ прошломъ; наконецъ, поинтересовались ли мы нашей старой столицей — Черкасскомъ съ его историческимъ Соборомъ, монастыремъ, остатками укрѣпленій?

Иное видимъ мы заграницей. Взять хоть маленькую Болгарію. Тамъ каждый знаетъ свою страну и въ историческомъ, и въ географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, ибо тамъ

не только изучаютъ въ школѣ родиновѣдѣніе, но съ этой цѣлью въ лѣтнія каникулы школьники отправляются, подъ руководствомъ учителей, въ экскурсіи по всей странѣ, чтобы видѣть и осязать родную страну въ ея памятникахъ.

Едва ли мы погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что система родиновѣдѣнія, принятая въ старой Россіи, была проведена правительствомъ съ цѣлью убить всякое стремленіе къ изученію Родныхъ Краевъ, дабы не подорвать интереса къ цѣлому — всероссійскому.

Только во время революціи и особенно въ періодъ гражданской войны, пробудился среди казаковъ въ широкомъ масштабѣ интересъ къ своему прошлому, въ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ элементамъ своего народа.

Интересъ этотъ, даже въ широкихъ казачьихъ массахъ, не только не угасъ съ исходомъ за границу, но, мы можемъ это смѣло сказать, онъ возросъ и продолжаетъ возрастать съ каждымъ годомъ.

Дай Богъ, ибо исторія казачества вообще, а Донского въ частности, далеко еще не разработана. Если еще военная дѣятельность Дона, начиная съ Іоанна Грознаго, болѣе или менѣе освѣщена, то бытъ, соціальныя отношенія, экономика, психологія казачества является областью, мало затронутой.

То же нужно сказать и по вопросу о происхожденіи казачества, вопросу чрезвычайно важному по имѣющимъ быть логическимъ выводамъ. Область эта затронута только слегка и ждетъ еще своихъ изслѣдователей, которые, вѣроятно, вскроютъ въ этомъ вопросѣ данныя огромнаго интереса.

Нельзя не отмѣтить произведенную въ этомъ направленіи работу И. Ф. Быкадоровымъ, написавшимъ «Исторію Казачества». Обиліе историческаго матеріала, оригинальный къ нему подходъ, смѣлая и четкая постановка вопроса о происхожденіи казачества, придаютъ этой работѣ особый интересъ и несомнѣнно привлекутъ къ ней заслуженное вниманіе казачества.

Существуютъ двѣ теоріи относительно происхожденія донского казачества. Одни относятъ его начало ко временамъ до татарскаго ига, другіе настаиваютъ на болѣе поздней эпохѣ, относя его появленіе къ срединѣ 16-го столѣтія. При чемъ, среди послѣдователей первой теоріи, т.-е. болѣе древняго происхожденія казачества, существуетъ разногласіе по вопросу о племенной природѣ донцовъ: одни выводятъ ихъ отъ бѣглецовъ изъ русскихъ предѣловъ, другіе отъ славяно - тюрко - монгольскихъ племенъ, жившихъ въ степяхъ Приазовья, отъ Дона до Кавказскихъ горъ.

Послѣдователи теоріи болѣе поздняго происхожденія Донского казачества единогласны въ утвержденіи, что оно произошло отъ людей, бѣжавшихъ изъ Московскаго царства въ силу соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ причинъ.

Теорія эта болѣе поздняго происхожденія; появленіе ея относится ко времени царствованія Николая I и выдвинута она съ политической цѣлью — разрушить идею происхожденія казачества изъ мѣстныхъ донскихъ народовъ, жившихъ здѣсь до татарскаго нашествія, и, такимъ образомъ, выбить историческое оружіе изъ рукъ казаковъ въ его борьбѣ за самобытность началъ въ устройствѣ своей жизни. Въ централизаторскихъ россійскихъ интересахъ необходимо было доказать, что Донское казачество составилось изъ бѣглыхъ русскихъ крестьянъ и преступниковъ. Такая постановка вопроса морально оправдывала тѣ политическіе пріемы, которые употребляло русское правительство въ цѣляхъ подведенія казаковъ подъ условія россійскаго крестьянства.

Теорія эта сдѣлалась классической и, такимъ образомъ, вколачивалась въ головы не только русскихъ людей, но и казаковъ. Слѣдуетъ сказать правду — казачество довольно пассивно отнеслось къ такому утвержденію и только во время революціи отчетливо осознало цѣль и гибельность того пути, по которому его вели, и стало пробуждаться отъ гипноза.

«Закрѣпощеніе труда и личности крестьянина въ московской Руси было одной изъ главныхъ причинъ созданія вольнаго казачества и постояннаго пополненія его рядовъ новоприходимцами, «сошедшими» на Донъ», — такъ опредѣляетъ г. Сватиковъ («Россія и Донъ») происхожденіе Донского казачества.

Моментомъ возникновенія его г. Сватиковъ считаетъ 1549 годъ, основываясь на томъ, что къ этой датѣ относится якобы первый письменный документъ о Донскомъ казачествѣ, а именно: въ іюнѣ 1549 Юсуфъ, князь Ногайскій, написалъ Іоанну, царю московскому, письмо, гдѣ говоритъ: «холопи твои, нѣхто Сары - Азманъ словетъ, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстахъ города подѣлали... Да нашихъ людей и пословъ стерегутъ и побиваютъ».

Такимъ образомъ, документально установленная постройка въ 1549 г. казачьимъ Атаманомъ Сары-Азманомъ трехъ городковъ считается началомъ Донского Казачества. Въ другомъ мѣстѣ г. Сватиковъ категорически утверждаетъ, что «до 1520 года Донъ былъ еще пустъ».

Въ 1551 году турецкій султанъ писалъ ногайскому князю Измаилу: «русскаго царя лѣта пришли... и мнѣ отъ него обида великая: Поле-де все и рѣки

у меня поотымалъ, да и Донъ отъ меня отнялъ, да и Азовъ-городъ упустъ у меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки сво съ Азова оброкъ емлютъ и воды у Дона пить не даютъ... А Крымскому царю... какую-де срамоту казаки его (Іоанна IV) учинили, пришедъ Перекопъ воевали, да его же казаки Астрахань взяли... Да царя же Ивана казаки у васъ Волгѣ оба берега отняли... Да ты же бы, Самаилъ Мирза, пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ...» *)

Выходитъ, слѣдовательно, что появившись въ 1549 году на совершенно пустомъ мѣстѣ и основавъ три городка, три маленькихъ поселенія, «бѣглые крестьяне и преступники» (по Сватикову), вдругъ становятся грозою татарскихъ царствъ и потрясаютъ владѣніями могущественнѣйшей въ то время Турецкой имперіи, вызывая вышеуказанное тревожное письмо Султана къ Ногайскому князю.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ своего появленія на пустомъ мѣстѣ, они громятъ Крымъ, берутъ Астрахань, становятся господами положенія на обоихъ берегахъ Волги, «съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дона пить не даютъ». Въ 1552 году тѣ же казаки (по Сватикову, бѣглые крестьяне) принимаютъ дѣятельное и рѣшающее участіе во взятіи Казани.

Какую внушительную, количественную и моральную, силу должно было представлять донское казачество, чтобы явиться такимъ мощнымъ факторомъ въ политической жизни тогдашняго юго-востока Европы! Можно ли допустить, чтобы какіе-то бѣглые русскіе крестьяне, появившіеся на пустомъ мѣстѣ, въ теченіе 2-3 лѣтъ эту силу создали? Очевидно, нѣтъ; но крайней мѣрѣ, исторія такихъ чудесъ не знаетъ, а здравый смыслъ допустить не можетъ.

Образованіе Рима относятъ къ 753 году до Р.Х., образованіе Русскаго Государства къ 862 г. по Р.Х., но это не значитъ, что прежде ихъ появленія на страницахъ оффиціальной исторіи, тамъ были пустыя мѣста. Большія столѣтія, а, можетъ быть, и тысячелѣтія тамъ жили народы; была своя культура, своя организація — съ своими соціально-экономическими и политическими отношеніями, съ своими идеалами, своимъ бытомъ.

Прошлое Дона уходитъ также далеко, въ глубь временъ, за предѣлы 1549 г. Для того, чтобы сдѣлаться такимъ мощнымъ международнымъ факторомъ, какимъ рисуетъ Донское Казачество вышеприведенное письмо Турецкаго Султана отъ 1551 года, нуженъ былъ длительный историческій періодъ; нужна была не только сырая человѣческая масса, — необходимо было особое духовное содержаніе, вѣковая выработка особой государственной организаціи, особый бытъ, навыки.

Можно ли допустить, чтобы россійскій крестьянинъ какой нибудь Рязанской губерніи сдѣлался казакомъ-конникомъ, какъ только появился въ степь и получилъ коня, чтобы изъ него, никогда не видавшаго моря, вдругъ получился отважный морской боецъ, какими намъ рисуетъ казаковъ исторія. Наивно было бы это утверждать. Слишкомъ велика дистанція между качественными данными казака и русскаго крестьянина.

Только русскіе историки, загипнотизированные идеей россійскаго великодержавія и централизма, могутъ закрывать глаза на дѣйствительность во имя соображеній политическаго характера.

Иностранцы, не связанные предвзятыми цѣлями, эту разницу понимаютъ и безпристрастно отмѣчаютъ. Напримѣръ, англійскій путешественникъ Кларкъ, посѣтившій Россію въ концѣ 18-го вѣка, описываетъ казаковъ, какъ «сознательныхъ гражданъ, свободныхъ и полныхъ чувства собственнаго достоинства», тогда какъ русскихъ крестьянъ онъ характеризуетъ не иначе, какъ «рабами грубыми и плутоватыми».

Не количество, а наличіе высокихъ гражданскихъ и духовныхъ, рыцарскихъ качествъ, могущихъ развиться только у вѣками свободнаго, самостоятельной жизнью живущаго, никогда рабства не знавшаго народа, — составляло силу казачества и давало ему возможность оказывать такое мощное воздѣйствіе на международную сферу юго-востока Европы въ 15-омъ вѣкѣ.

Изъ вѣкового раба не сотворишь рыцаря, какъ изъ тамбовской сивки не сдѣлаешь донского скакуна.

Итакъ, созданіе казачьяго рыцарства изъ рабскаго русскаго крестьянства психологически было невозможно. Но оно невозможно было и по причинамъ историческимъ.

Въ 16-омъ вѣкѣ, какъ извѣстно, окраины московскаго царства отдѣлялись отъ Дона многими сотнями верстъ такъ называемаго Дикаго Поля, которое тянулось отъ Днѣстра до Волги и далѣе до пустынь Средней Азіи. Поле было не заселено, и тамъ бродили разноплеменныя шайки «гулячихъ» людей — главнымъ образомъ, татары. Пускаться при этихъ условіяхъ въ дорогу, чтобы добраться до Дона, было очень опасно, не говоря о томъ, что продѣлать такой длинный путь по лишенной

*) Турецкій султанъ ошибочно полагалъ, что Донскіе казаки являются подданными Московскихъ царей, между тѣмъ, какъ послѣдніе, какъ видно изъ ряда историческихъ документовъ, таковыми казаковъ не считали, признавая ихъ людьми независимыми, вольными.

пріюта и питанія пустынѣ — само по себѣ задача чрезвычайно тяжелая.

Да и зачѣмъ бы стремился на Донъ, подвергаясь огромному риску, русскій бѣглецъ, если тамъ, по утвержденію г. Сватикова, было такъ же пусто, какъ въ Дикомъ Полѣ? Что онъ тамъ могъ найти? Ни пріюта, ни людей, ни продуктовъ питанія — только девяносто девять процентовъ возможности погибнуть отъ голода, отъ зимнихъ холодовъ и отъ дикаго звѣря.

Наконецъ, московскія условія крестьянской жизни въ первой половинѣ 16-го вѣка еще не были такъ суровы, какими они сдѣлались послѣ Бориса Годунова и Улож. царя Алексѣя Михайловича. Крестьяне, пользуясь въ то время относительной свободой, могли по своему желанію переходить съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ своей родины. Кромѣ того, для охотниковъ искать новыя мѣста былъ открытъ свободный путь на сѣверо-востокъ Россіи, куда исторически направлялась колонизаціонная волна русскихъ людей. Это была сторона наименьшаго сопротивленія. Тамъ, на этомъ пути, русскій крестьянинъ находилъ условія болѣе родственныя его привычному быту, чѣмъ на Дону: и лѣсъ, и воду для звѣроловства, рыболовства и пчеловодства, и земли для хлѣбопашества, и меньше опасностей и тревогъ, чѣмъ на дикомъ югѣ.

Мы допускаемъ проникновеніе на Донъ отдѣльныхъ выходцевъ изъ Россіи, мы убѣждены, на основаніи историческихъ данныхъ, что, послѣ разгрома Новгорода, часть его жителей ушла на Волгу и затѣмъ на Донъ, спасаясь отъ московскихъ жестокостей, но главной приманкой, которая привлекала ихъ на Донъ, могло быть только сознаніе, что они найдутъ тамъ не только свободныя степи, но и организованное человѣческое общество, родственное по религіи и по духу, пріютъ и защиту.

Нужно только принять во вниманіе тукартину, которую представляли изъ себя въ то время донскія степи, чтобы понять, что иначе и быть не могло, что безъ организованной жизни новопришельцу, да еще бѣглецу, безъ всякихъ средствъ производства и защиты, — тамъ грозила гибель.

Еще въ наше время, лѣтъ сорокъ тому назадъ, на Дону были очень суровыя зимы, а наши отцы и дѣды говорятъ, что въ ихъ времена холода были таковы, что «на лету мерзла птица», снѣга же достигали саженной высоты. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, пришельцу жить по-заячьи, подъ кустомъ, было не мыслимо. Питаться только охотой и рыбной ловлей... тотъ, кто знакомъ съ этими промыслами, пойметъ, что эти рессурсы чрезвычайно ненадежны, и довѣряться имъ очень рискованно.

Кстати замѣтимъ, что г. Сватиковъ считаетъ, что донскіе казаки «занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ и только впослѣдствіи стали заниматься скотоводствомъ».

Такъ какъ пчелиныхъ ульевъ, очевидно, возить на сѣдлѣ нельзя и пчеловодствомъ, при кочевомъ образѣ жизни, заниматься невозможно, то ясно, что казаки были народомъ осѣдлымъ и устойчиво-осѣдлымъ.

Затѣмъ — медъ, конечно, не можетъ разсматриваться какъ продуктъ питанія первой необходимости, а скорѣе, какъ лакомство.

Очевидно, для питанія нужны были предметы болѣе основательные, которые могутъ доставить, если не земледѣліе, то скотоводство и, въ качествѣ подспорья, рыболовство и охота.

Скотоводство — основной промыселъ у степныхъ народовъ; и нельзя допустить, чтобы казаки, будучи въ постоянномъ общеніи съ кочевыми народами — скотоводами, игнорировали этотъ промыселъ, при наличіи исключительно благопріятныхъ условій. Не нужно забывать, что скотъ даетъ и пищу — въ видѣ мяса и особенно молоко, этого основного продукта питанія у скотоводческихъ племенъ; скотъ даетъ одежду въ видѣ шкуръ и шерсти, столь необходимую при суровыхъ и продолжительныхъ зимахъ. Безъ коневодства существованіе казачества также было немыслимо, ибо какъ оно могло пробѣгать огромныя степныя пространства, дѣлать дальніе походы — въ Крымъ, въ Казань, въ Астрахань; бороться безъ лошадей съ татарами и другими степняками-конниками казаки тоже не могли.

Самъ же г. Сватиковъ приводитъ справку изъ жалобы жителей Главнаго Войска отъ 1614 года о томъ, что Азовцы у нихъ «угнали тысячу лошадей и коровъ штукъ сто», но «что стоги сѣна обыкновенно въ этихъ случаяхъ не трогались».

Ясно, что скотоводство было основнымъ промысломъ донского казачества и развито было въ широкихъ размѣрахъ, ибо въ казачьей жалобѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о захватѣ небольшой части скота изъ какого-нибудь одного низового поселенія, такъ какъ не только каждое поселеніе имѣетъ особые табуны и пастбища, но и скотъ одного поселенія обыкновенно пасется, въ цѣляхъ наилучшаго питанія и присмотра, въ различныхъ табунахъ и въ разныхъ мѣстахъ. Разумѣется, нападавшіе азовцы захватили одинъ какой-нибудь изъ такихъ табуновъ. Но не только скотоводство было широко развито у Донцовъ, оно было и хорошо организованно, такъ какъ изъ казачьей жалобы видно, что для скота производилась заготовка фуража на долгіе зимніе мѣсяцы.

Приведенныя нами доводы о степени организованности казачества совершенно исключаютъ прав-

доподобіе утвержденій россійскихъ историковъ, что въ 16-мъ вѣкѣ казачество представляло сбродъ гулящихъ, бѣжавшихъ изъ Россіи, безсемейныхъ, бездомныхъ, жившихъ войной и грабежомъ людей.

Даже если допустить, что, по Сватикову, казачество появилось на Дону въ 1549 году и представляло бродячую массу, то все же нужно было бы посчитать чудомъ, что за полвѣка изъ этой гулячей вольницы успѣлъ создаться столь организованный соціально, политически и хозяйственно народный организмъ.

Все нами сказанное выше свидѣтельствуетъ о томъ, что начало казачества нужно искать раньше 15-го столѣтія, гдѣ то въ глубинѣ вѣковъ, а его племенные корни не среди бѣглецовъ изъ Россіи, а у народовъ, населявшихъ донскія степи въ далекія, до-татарскія времена.

«Въ историческія эпохи Донъ никогда не былъ «пустымъ мѣстомъ», да и не могъ быть таковымъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя могилы - курганы, которыми усѣяны широкія донскія степи. Можно, безъ преувеличенія, сказать, что донскія степи — это сплошное кладбище, гдѣ лежатъ рядомъ и скифы, и печенѣги, и касоги, и хозары, и половцы, и татары и проч. Эти безчисленныя могилы-курганы — краснорѣчивые свидѣтели тѣхъ человѣческихъ потоковъ, которые катились въ разныя времена по широкимъ донскимъ степямъ, они неопровержимые свидѣтели драматическихъ, смертельныхъ схватокъ племенъ и народовъ, боровшихся въ теченіе вѣковъ, во время великаго переселенія, за обладаніе донскими угодьями.

Донъ не могъ не привлекать народовъ скотоводческихъ, каковыми были выходцы изъ Азіи — и тюркскія, и монгольскія, и иранскія племена.

Донскія степи не плоская равнина; они волнисты, прорѣзаны многочисленными оврагами (балками), идутъ изволокомъ, то поднимаясь на гребень, то опускаясь въ лощину. Съ одной стороны онѣ представляли исключительно высокой цѣнности пастбища, какія могутъ дать только бугровато - солончаковыя земли. Съ другой — не говоря уже о рѣчныхъ долинахъ, безчисленныя балки покрыты были густыми лѣсами, гдѣ можно было найти защиту и для себя и для скота въ зимнюю стужу и въ весеннюю и осеннюю непогоду. *) На днѣ каждой балки, поросшемъ обыкновенно камышомъ, бѣжали ручьи родниковой воды, нужной и для людей и для стадъ. Лѣсъ доставлялъ топливо. Обильныя рѣки полны были высокосортной рыбой. И лѣса и степи изобиловали дичью. Лучшихъ условій для примитивнаго скотоводческаго хозяйства трудно было найти. И это отлично оцѣнивали тогдашніе донскіе гости и вели между собою за обладаніе Дономъ жестокую борьбу, о чемъ и говорятъ безчисленные курганы-могилы.

Ив. Степневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

*) Сохранившіяся до-нынѣ названія балокъ — Яблочная, Грушевка, Вербовая, Карапчевая, Таловая, Дубовая и пр. свидѣтельствуютъ о тѣхъ мѣстныхъ породахъ, которыя росли по этимъ оврагамъ.

КАЗАЧЬЯ КОЛОНИЗАЦІЯ.

Мысль о массовомъ организованномъ устройствѣ на землѣ еще продолжаетъ обращаться среди казачества, хотя попытки къ ея осуществленію имѣютъ уже довольно длинную и довольно печальную исторію.

Еще на пути изъ Крыма въ Турцію, на одномъ изъ пароходовъ, возникла мысль о переселеніи въ Америку, и для этого цѣли составилась группа больше сотни человѣкъ. Въ Константинополѣ были предприняты въ этомъ направленіи шаги передъ американскими представителями. И адмиралъ Макъ Колли, комиссаръ С. А. Соединенныхъ Штатовъ, обѣщалъ всяческое содѣйствіе къ осуществленію этой идеи. Однако вскорѣ вышелъ законъ о квотѣ, и дѣло провалилось. Затѣмъ аргентинскій консулъ въ Болгаріи поднялъ аналогичный вопросъ передъ своимъ правительствомъ, но, не смотря на всѣ увѣренія консула въ благопріятномъ разрѣшеніи, дѣло не удалось и здѣсь.

Ходатайства, возбужденныя чрезъ казачьихъ представителей въ Парижѣ, равно не имѣли успѣха — просто потому, что представители положили эти ходатайства подъ сукно.

Въ 1924 году какъ будто стало налаживаться дѣло о переселеніи въ Бразилію, при участіи посла этой страны въ Парижѣ, но и тутъ колонисты потерпѣли неудачу.

Къ том уже году относится и начало дольно длинной и, въ конечномъ счетѣ, тоже неудачной колонизаціонной волокиты, затѣянной чрезъ Лигу Націй, — собственно, чрезъ состоящее при этомъ учрежденіи Международное Бюро Труда.

Взявшееся довольно энергично за вопросъ о поселеніи русскихъ бѣженцевъ за океаномъ и пославшее особую комиссію для изученія условій колонизаціи въ Ю. Америкѣ, Международное Бюро Труда кончило предложеніемъ нѣсколькихъ совершенно непріемлемыхъ начинаній, изъ коихъ наиболѣе крупнымъ и наиболѣе сомнительнымъ была затѣя такъ называемой Англо-Американской Компаніи въ Боливіи, на бумагѣ оперировавшей большими денежными суммами и крупными земельными пространствами, въ конечномъ же счетѣ оказавшейся авантюрой чистѣйшей воды.

Наконецъ, на памяти у всѣхъ еще не ликвидированная, кончившаяся очень печально колонизація въ Перу Кубанскими

казаками, до смѣшного легкомысленно затѣянная и преступно небрежно проведенная — безъ всякой развѣдки, безъ знанія условій климатическихъ, хозяйственныхъ и экономическихъ.

Въ настоящее время организуется новое предпріятіе — такъ называемый Американо - Славянскій Трестъ, ставящій себѣ грандіозную задачу переселенія въ Мексику и въ Южные Штаты Сѣверо-Американской Федераціи чуть ли не милліона людей изъ славянскихъ странъ, включая и русскихъ бѣженцевъ. Трестъ оперируетъ — по крайней мѣрѣ, на бумагѣ — очень большими денежными средствми — 55 милліоновъ долларовъ (около одного милліарда четырехсотъ тысячъ фр.).

Съ перваго взгляда, начинаніе это кажется поставленнымъ серьезно, на широкую ногу и, дай Богъ, чтобы на этотъ разъ, послѣ десятилѣтнихъ попытокъ, казакамъ удалось, наконецъ, осуществить на дѣлѣ свою мечту — организованно осѣсть на землю, въ условіяхъ независимаго и привычнаго земледѣльческаго труда.

Но, памятуя о прошлыхъ неудачахъ въ этой области, намъ необходимо съ особой осторожностью подойти къ предлагаемому проекту.

Къ сожалѣнію, кромѣ самой неопредѣленной и туманной схэмы, мы ничего не знаемъ и предположеніяхъ Треста.

Гдѣ находятся земли, предназначенныя для поселенія? Если бы мы точно знали ихъ географическое положеніе, мы, — особенно, въ Парижѣ, — имѣли бы полную возможность ознакомиться со всѣми данными, характеризующими эти земли, пользуясь существующей по этому вопросу литературой. Мы, напримѣръ, отлично знали здѣсь, въ Парижѣ, что представляютъ собою районы, предоставленные Кубанцамъ въ Перу, ибо по этому вопросу, какъ и по всякому аналогичному, существуетъ достаточно богатая литература серьезныхъ изслѣдователей, предпринятыхъ въ свое время даже по оффиціальнымъ заданіямъ Правительствъ разныхъ Европейскихъ Государствъ. И мы считаемъ великимъ преступленіемъ со стороны тѣхъ казачьихъ верховъ, которые «благословляя» кубанцевъ на колонизацію Перу, не изучили предварительно вопроса по литературнымъ источникамъ.

Затѣмъ, для насъ совершенно не ясна въ программѣ Треста финансовая сторона. Осуществленіе ея предполагается на кооперативныхъ началахъ, т.-е. колонисты должны быть участниками финансирующей организаціи, пріобрѣтая для этой цѣли акціи; при чемъ, количество акцій на рукахъ у колонистовъ должно быть равнымъ таковому же, находящимся во владѣніи неколонистовъ.

Теоретически все благополучно. Колонисты — равносильны (по количеству голосовъ) остальнымъ держателямъ и могутъ вліять на операціи Треста въ своихъ выгодахъ. Но практически это не такъ, раздробленные, разобщенные поселенцы свою теоретическую мощь проявить на дѣлѣ никогда не сумѣютъ. Наконецъ, всегда Трестъ можетъ тѣми или иными путями воздѣйствовать на какой либо десятокъ колонистовъ, привлекши на свою сторону ихъ голоса. Словомъ, практически Трестъ является диктаторски правомочнымъ вершителемъ всего предпріятія. Въ этомъ случаѣ важно знать — въ какой мѣрѣ колонисты, будучи акціонерами, несутъ отвѣтственность за дѣянія Треста, т.-е. если дѣло окончится крахомъ (и сейчасъ какъ разъ такая полоса), не станутъ ли акціонеры вѣчными плательщиками причиненныхъ убытковъ?

Колонистамъ необходимо знать, какъ предполагается организовать перевозку, питаніе до перваго урожая, жилищный вопросъ, снабженіе инвентаремъ живымъ и мертвымъ, въ какихъ размѣрахъ?

Будетъ ли все это заготавливаться Трестомъ и выдаваться натурой или же организація пріобрѣтенія предоставляется самимъ колонистамъ? Вопросы эти имѣютъ чрезвычайно важное значеніе.

Каковы проценты за ссуду? Каковъ срокъ погашенія долга?

И, наконецъ, особенно важно, чтобы мѣста, предназначенныя для заселенія, были осмотрѣны уполномоченными отъ колонистовъ; при чемъ крайне желательно, чтобы ходаками посылались не дипломаты, а опытные хозяева практически и обязательно **изъ тѣхъ, кто рѣшилъ лично работать на имѣющей быть пріобрѣтенной землѣ.** Это условіе имѣетъ очень важное значеніе; и только къ мнѣнію такихъ ходаковъ колонисты отнесутся съ должнымъ довѣріемъ.

Ф. Желтухинъ.

КАЗАЧЬЯ ХРОНИКА.

На-дняхъ въ Парижѣ состоялись похороны члена мѣстной еврейской колоніи — Кроля, принадлежавшаго къ партіи к.-д. и бывшаго видномъ франко-масономъ. На похороны явилось много друзей покойнаго по всѣмъ тремъ линіямъ — еврейской, кадетской и масонской. Среди присутствующихъ былъ и Н. М. Мельниковъ, Предсѣдатель Донского Правительства; онъ же Предсѣдатель Казачьяго Союза, Предсѣдатель Казачьяго Банка и Глава Казачьяго Клуба. Такъ какъ Н. М. Мельниковъ къ к.-д. партіи не принадлежитъ, то нѣкоторыми было высказано предположеніе, что онъ явился на похороны по еврейской «линіи». Мы можемъ категорически заявить, что такое предположеніе не отвѣчаетъ истинѣ. Хотя Представитель Казачества, Н. М. Мельниковъ, и занимается банковскимъ дѣломъ, но въ іудейство, по нашимъ свѣдѣніямъ, еще не переходилъ. Болѣе правильнымъ намъ кажется предположеніе о масонской «линіи».

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

— Въ Парижѣ на-дняхъ на банкетѣ промышленниковъ и коммерсантовъ извѣстный французскій политическій дѣятель Франсуа - Марсель (бывшій министръ) произнесъ большую, обстоятельно документированную рѣчь, посвященную современному міровому политическому и экономическому положенію. Содержаніе этой интересной рѣчи сводится къ слѣдующему:

Европейская войны поглотила огромное количество предметовъ потребленія. Необходимость возмѣстить убыль и удовлетворить нужду въ этихъ предметахъ вызвала временный расцвѣтъ промышленности и торговли. А затѣмъ, когда рынки были насыщены, промышленность же продолжала, по инерціи, работать тѣмъ же темпомъ, — налицо оказалось товарное перепроизводство, а какъ слѣдствіе его появился и экономическій кризисъ съ безработицей. Въ Европѣ сейчасъ насчитывается до 12 милліоновъ безработныхъ. Менѣе всѣхъ поражена эмимъ бѣдствіемъ Франція, но и здѣсь за послѣднее время явно опредѣлилась тенденція къ наростанію числа безработныхъ. Сильнѣе всего этимъ бѣдствіемъ поражены

Англія и Германія. Первенствующую роль въ міровомъ кризисѣ играетъ то обстоятельство, что, благодаря большевизму, Россія съ ея 150 милл. населенія выбита изъ мірового хозяйственнаго оборота. Не участвуетъ въ этомъ оборотѣ и Китай и Индія, ввиду постоянной политической неурядицы, царящей въ этихъ странахъ. Такимъ образомъ, изъ мірового хозяйственнаго оборота изъято 900 милл. людей, т.-е. больше половины всего населенія земного шара. Естественно, что ожидать возстановленія экономическаго равновѣсія возможно только съ возвращеніемъ къ нормальной жизни Россіи, Китая и Индіи.

— Въ Испаніи, король Альфонсъ XIII, послѣ неудачныхъ попытокъ образовать кабинетъ изъ либеральныхъ партій (Герра и Альварезъ), повернулъ круто направо и поручилъ адмиралу Азнару образованіе правительства монархической концентраціи. Французская лѣвая печать возмущена маневромъ Альфонса XIII, такъ какъ разрушены всѣ надежды на близость революціи и установленія республиканскаго строя. Умѣренная часть печати говоритъ, что рѣшительный шагъ короля спасъ Испанію отъ «керенщины», которая неуклонно привела бы къ «ленинщинѣ».

— Въ Перу произошла новая попытка къ перевороту въ пользу прежняго президента Легіа, которая не удалась. Зачинщики взяты въ плѣнъ.

— Въ Англіи разростается движеніе противъ примѣненія рабскаго труда въ СССР. Говорятся рѣчи на митингахъ. Въ парламентѣ задаются безконечные вопросы, на которые правительство Макдональда въ большинствѣ случаевъ не отвѣчаетъ.

— «Послѣдн. Новости» по прежнему страдаютъ боязнью интервенціи (хроническій недугъ), которая по ихъ мнѣнію, только укрѣпитъ большевиковъ, ибо еще подогрѣетъ неугасимую любовь россіянъ къ сов. власти. Въ особенности, конечно, такую любовь питаютъ тѣ сотни тысячъ, которые работаютъ въ Архангельскихъ болотахъ на лѣсныхъ заготовкахъ — голые, босые, голодные, ежеминутно подъ угрозой безпощадной расправы...

Крути, Гаврила, да не перекручивай!

НА РОДИНѢ.

Дорогой Братъ,

Два дня тому назадъ получили твое письмо. Читать собрались всѣ **наши,** хотя насъ и осталось не такъ много. Мы дѣлимся на своихъ и не своихъ. Я писалъ тебѣ раньше о томъ, что остальцы казаки держатся вмѣстѣ, не смотря на то, что нѣкоторые состоятъ въ колхозѣ. Теперь къ нимъ (къ не нашимъ) пришло пополненіе. Опишу по порядку. Все время насъ казаковъ брали, ссылали (я не говорю уже о тѣхъ, кого не стало). Все хозяйство наше забирали за продналоги и т. д., но хотя семьи наши оставались. Теперь придумали другое. Насъ, казаковъ, переселяютъ на Кавказъ, а въ наши дома сажаютъ переселенцевъ изъ Россіи; такихъ къ намъ на хуторъ пріѣхало уже четыре семейства — понятно они съ ними за-одно. Вотъ почему я сказалъ, что къ нимъ пополненіе пришло. А что мы можемъ сдѣлать? Попробуй озваться — завтра же явится кавалерія, что уже и было одинъ разъ, когда наши бабы не давали закрыть церковь. Вотъ почему, дорой братъ, мы здѣсь говоримъ: «намъ, казакамъ, гибель». Ты не удивляйся, что пишу прямо и открыто, ибо бояться уже нечего. Конецъ близокъ. Вся надежда на васъ и только на однихъ васъ, но ты не пишешь ничего утѣшительнаго. Пиши — не бойся за меня. Понятно о чемъ дитя... Матери пока что, не пиши, пиши мнѣ, если придется только дождаться твоего письма. Тотъ разъ, когда насъ арестовывали шестерыхъ — посидѣли въ округѣ дня два. Меня отпустили лишь потому, что больной — едва хожу; остальныхъ угнали. — Я тебѣ уже писалъ. Да, еще одна новость. Въ виду прибытія новыхъ хуторцовъ, у насъ состоялся митингъ. Выступалъ нашъ бывшій священникъ (онъ теперь остригся) говоритъ, что религія — это опіумъ и т. д. Для тебя, навѣрное, это не удивительно — ты знаешь, на что способенъ отецъ Симеонъ, если онъ всѣхъ трехъ дочерей отдавалъ комиссарамъ, когда красные пришли въ 1918 году: онъ трясся за свою шкуру и пожертвовалъ честью дочерей — что ты хотѣлъ! Вѣдь, Рязанской губерніи. Ты извини меня, но, вѣдь, больно и обидно. Вотъ, они пріѣхали и гонятъ насъ съ родительскаго дома. Говорятъ: «насъ сама сов. власть присылаетъ, и мы ничего знать не желаемъ». Понимаемъ... понимаемъ — Сов. власть знаетъ, что дѣлаетъ. Вотъ какія у насъ новости. Дай Богъ, чтобы вы дожили и вернулись — выбросить этихъ пришельцевъ съ Родного Дона. Если имъ тѣсно тамъ, то почему бы имъ не ѣхать прямо на Кавказъ? Пріѣхали на Донъ. Вотъ этихъ людей мы и называемъ **не наши.** Братъ, хотѣлось написать больше, но не могу болѣе — рука трясется. Теперь я свободный гражданинъ, ибо дѣлать нечего — все забрали. Осталась одна телка. Это все мое хозяйство. О матери и сестрѣ напишетъ тебѣ К. Дай Богъ Тебѣ дожить и вернуться на Тихій Донъ. Я, навѣрное, скоро пойду туда, гдѣ нашихъ уже трое: отецъ и М. и С.. Посему, дорогой, не пишу «до свиданія», а пишу «прощай!» Цѣлую. Твой Стар. Братъ Х.

Къ добрымъ людямъ.

КАЗАКИ!

Съ шоферомъ Губ—нымъ, донскимъ казакомъ, случилось большое несчастье: онъ раздавилъ дѣвочку автомобилемъ, что грозитъ тяжелыми для него послѣдствіями. Необходимо ему помочь — нанять адвоката и пр. Для этого нужны средства. Сдѣлавъ нѣкоторые шаги въ цѣляхъ оказанія помощи казаку Губ—ну, «Лига Возрожденія Казачества» обращается къ Вамъ, братья-казаки, поддержать ее (Лигу) въ этомъ братскомъ дѣлѣ, такъ какъ средства на этотъ предметъ требуются довольно значительныя.

Пожертвованія принимаются казначеемъ Лиги Ф. Я. Желтухинымъ. Адресъ:

78, rue Lévis Paris-13e

Le Gérent **M. Salles Pierre.**

Типогр. "Франко-Русское искусство", 82, rue Philippe-de Girard — 18e

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

«КАЗАЧЬЕ ДѢЛО»

ВЫХОДЯЩІЙ ВЪ ПАРИЖѢ

подъ редакціей Коллегіи

ВО ФРАНЦІИ :

На 12 мѣс. . . . 42 фр.
» 6 » . . . 23 »

ЗАГРАНИЦЕЙ :

На 12 мѣс. . . 2.00 ам. долл.
» 6 » . . 1.20 » »

Адресъ
Администраціи « Лиги Возрожденія Казачества »
и Редакціи « Казачьяго Дѣла » :

La Ligue de la Renaissance des Cosaques
78, rue Levis — Paris - 17e

Для денежной Корреспонденціи :
Mr Th. JELTHUKHINE — тотъ же адресъ.

Imprimerie d'Art Franco-Russe
82, rue Philippe-de-Girard- 18e

№ 2 LA CAUSE DES COSAQUES PARIS

МАРТЪ-АПРѢЛЬ 1931.
Цѣна номера во Франціи 4 фр.

MARS-AVRIL 1931.
Prix du numéro 4 frs. en France.

КАЗАЧЬЕ ДѢЛО

ОРГАНЪ ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА.

(MENSUEL)

Organe de „La Ligue de la Renaissance des Cosaques"

Черкоморскій казакъ въ 1830 году (съ рѣдкой картины Орловскаго).

Журналъ «КАЗАЧЬЕ ДѢЛО» — органъ «Лиги Возрожденія Казачества» — издается на средства ея членовъ-казаковъ, зарабатываемыя личнымъ, почти исключительно физическимъ трудомъ. Администрація, редакція и сотрудники журнала работаютъ безвозмездно.

СОДЕРЖАНІЕ : Отъ Центральнаго Комитета Лиги Возрожденія Казачества. — Единонедѣлимцы и Самостійники. — Шестьдесятъ первый: **А. Бояринова.** — Есть иногородніе и иногородніе: отъ **Л. В. К.** — Экономическія и финансовыя возможности самостоятельнаго существованія Казачества: **Г. Карева.** — Замѣтки по исторіи Донского Казачества: **Ив. Степнева.** — Среди печати. — Ночная тревога (стихотвореніе): **Б. Кондрюцкова.**

Казаки! Несмотря на Вашу исключительную доблесть, несмотря на огромныя жертвы, понесенныя Вами въ гражданской войнѣ, не взирая на большіе шансы выигрыша, мы борьбу противъ большевиковъ проиграли.

Мы побѣждены, однако, не на поляхъ сраженій — насъ загубила наша политическая неопытность.

Пріученные старымъ порядкомъ къ безпрекословному повиновенію не будучи въ состояніи разобраться въ сложной политической обстановкѣ, созданной революціей и гражданской войной, — мы отдали себя безоглядно въ руки людей, увлекшихъ насъ на пути, не имѣющіе ничего общаго съ интересами Казачества: на насъ возложили задачи, намъ непосильныя — спасеніе и возстановленіе Россіи въ ея прежней политической и соціальной структурѣ.

Безъ опредѣленной казачьей идеологіи, безъ четко начертанной казачьей программы, мы сдѣлались орудіемъ политической игры, не только ничего общаго съ благомъ казачества не имѣющей, но опредѣленно для него смертоносной.

И теперь еще, послѣ столь горькихъ испытаній, насъ убѣждаютъ не заниматься политикой, насъ снова зовутъ на гибельный путь слѣпого подчиненія чужой волѣ всѣхъ тѣхъ, кто уже битъ — и жестоко битъ — исторіей въ ихъ водительскихъ опытахъ.

«Лига же Возрожденія Казачества» Вамъ говоритъ: «Если на поляхъ сраженій каждый солдатъ долженъ понимать свой маневръ, то въ болѣе сложной политической и общественной обстановкѣ каждому гражданину необходимо умѣть четко разбираться и твердо знать, по какому пути идти».

И «Лига Возрожденія Казачества» зоветъ Васъ къ саморазвитію, къ политическому самовоспитанію, къ выработкѣ яснаго и опредѣленнаго міропониманія.

Наша судьба въ нашихъ рукахъ, ибо «всякъ молодецъ своего счастья кузнецъ». Намъ помогутъ только тогда, когда мы сами проявимъ и политическую мудрость и волю къ активной работѣ на спасеніе своей Родины — «подъ лежачій же камень вода не потечетъ».

Вотъ почему «Лига Возрожденія Казачества» зоветъ Васъ, казаки, въ свои ряды къ объединенію силъ, къ жертвенному порыву, къ вѣрѣ въ самихъ себя, въ свое правое и святое дѣло спасенія Родныхъ Краевъ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ «ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА».

Единонедѣлимцы и Самостійники.

По существу, среди казачества имѣются два рѣзко разграниченныхъ національно - политическихъ теченія: единонедѣлимческое и самостійное. Автономисты и федералисты являются только оттѣнками перваго.

Изъ теоретическихъ споровъ между представителями этихъ лагерей явствуетъ, что и тѣ, и другіе стремятся, какъ будто, къ одной цѣли — возрожденію казачества, къ развитію его матеріальной и духовной мощи, но пути достиженія этихъ цѣлей у тѣхъ и другихъ не только разные, но и совершенно противоположные.

Единонедѣлимцы мыслятъ возможность возрожденія и сохраненія казачества въ составѣ Единой Великой Россіи. Самостійники или сепаратисты считаютъ совершенно невыполнимымъ не только возрожденіе казачества въ лонѣ Единой Россіи и дальнѣйшее накопленіе имъ матеріальныхъ и духовныхъ цѣнностей, но и простое существованіе его хотя бы въ формахъ предреволюціоннаго времени.

Вопросъ — жгучій и актуальный и, по существу, сводится къ вопросу о жизни и смерти — быть или не быть казачеству, будетъ ли казачество продолжать свою исторію, или послѣдняя страница таковой уже закончена — остается лѣтопись закрыть и сдать въ архивъ.

Исключительная жгучесть вопроса естественно вы-

зываетъ и полемическіе эксцессы какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, выливающіеся иногда въ личныя оскорбленія, недостойные намеки и даже въ клевету. Подойдемъ къ вопросу со спокойнымъ, безпристрастнымъ анализомъ — безъ демагогическихъ выпадовъ по адресу противника.

Какъ рисуютъ себѣ единонедѣлимцы будущее казачества въ составѣ Великой Россіи, послѣ паденія или сверженія большевиковъ?

Н. М. Мельниковъ въ «Казачьемъ Сборникѣ» (статья «Донской сепаратизмъ») говоритъ: «Возстановится Россія, возродится и казачество; будетъ Россія Свободной и Великой — въ составѣ Россіи возсоздастъ свою мощь и казачество, свободное во внутренней свей жизни, само избирающее изъ своей среды Атамана, имѣющее свои законодательныя по мѣстнымъ дѣламъ установленія — Войсковой Кругъ, Раду».

«Въ новой, будущей Свободной Россіи казачество будетъ самоуправляющимся хозяиномъ въ своемъ собственномъ домѣ и вѣрнымъ сыномъ Россіи...»

Картина, какъ видите, соблазнительная, идиллія, не могущая не привлечь чувствительныхъ казачьихъ сердецъ. Но, очевидно, и самъ авторъ этой идиллической картины не вполнѣ вѣритъ въ возможность ея осуществленія, ибо дальше говоритъ: «Дореволюціонное правительство расказачивало казаковъ, шагъ за шагомъ превращая самоуправляющіяся раньше казачьи области въ простыя губерніи; революціонные верхи мобилизовали противъ Донцовъ два военныхъ округа и — устами Чернова — требовали отъ казачества «потѣсниться»; вожди бѣлые, придя въ Казачьи Края, хотѣли только командовать. Все это придется оставить. Казачество, вѣрное Россіи, будетъ не только служить отечеству, но и жить по своимъ обычаямъ, оно желаетъ быть хозяиномъ въ своей собственной хатѣ. Оно вѣритъ Россіи, но не вѣритъ верхамъ. Право казачества быть хозяиномъ въ своей хатѣ должно быть не только признано, но и обезпечено. Казачество не удовлетворится словесными или бумажными обѣщаніями, ибо помнитъ свое прошлое, и исторія съ «клочками бумаги» у всѣхъ на памяти. Нужны гарантіи реальныя»...

А. П. Богаевскій еще категоричнѣе въ своихъ прорицаніяхъ о блестящемъ будущемъ казачества въ составѣ Единой Россіи. Въ своей статьѣ въ «Возрожденіи» (2 августа 1929 г., № 1522) онъ пишетъ: «Составляя съ ней (Россіей) неотдѣлимое цѣлое, исполняя всѣ общегосударственныя повинности, принимая дѣятельное участіе черезъ своихъ представителей въ будущей Государственной Думѣ, — казаки желаютъ, чтобы будущая государственная власть относилась съ уваженіемъ къ ихъ историческому прошлому и особенностямъ ихъ быта. Они хотятъ, чтобы въ каждомъ войскѣ былъ Выборный Атаманъ, Войсковой Кругъ (Рада) съ правомъ законодательства по мѣстнымъ вопросамъ; чтобы — при справедливомъ распредѣленіи тяжести военной службы, — была возможность широко развить въ своихъ краяхъ земледѣліе и промышленность, пути сообщенія, повысить народное образованіе».

И это будетъ такъ. Никакая россійская власть, послѣ большевиковъ, не будетъ угнетать казачество и мѣшать его нормальному развитію. Здоровое, трудолюбивое, привыкшее къ порядку, казачье населеніе, даже въ тяжкихъ условіяхъ эмиграціи проявившее сплоченность и энергію — необходимо Россіи»...

Какія основанія для такихъ розовыхъ пророчествъ, да простятъ намъ авторы, до смѣшного напоминающихъ маниловскія мечтанія?

Ни у Н. М. Мельникова, ни у А. П. Богаевскаго никакихъ обоснованій ихъ соблазнительныхъ прорицаній мы не находимъ. «Казаки желаютъ, чтобы будущая государственная власть относилась съ уваженіемъ къ ихъ историческому прошлому и особенностямъ ихъ быта», — но когда же за все трехвѣковое сожительство съ Россіей казаки не желали этихъ благъ? Не только желали, но и добивались и нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ, — но что же изъ этого получилось?

«Казаки необходимы Россіи» (слова Богаевскаго). О, да! Но, вѣдь, и карась необходимъ повару, который его жаритъ; только устраиваетъ ли такая «ситуація» карася?

«Ихъ расказачивали, превращая въ простыя губерніи», — признается Н. М. Мельниковъ. Очевидно, одного казачьяго желанія недостаточно для осуществленія на дѣлѣ той будущей идилліи, какую рисуютъ разбираемые нами авторы. И хотя А. П. Богаевскій авторитетно заявляетъ, что «это такъ будетъ», т. е. что идиллія казачья въ лонѣ Единой осуществится, — мы, самостійники, этому оптимистическому, но голословному утвержденію не вѣримъ, мы требуемъ, обязаны требовать реальныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ осуществимости такихъ прогнозовъ; мы, наконецъ, считаемъ преступнымъ — идти на призывы и лозунги, правильность которыхъ не только не доказана, но съ исчерпывающей полнотой опровергается всей казачьей исторической дѣйствительностью. Голой словесности не должно быть мѣста тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вопросѣ — быть или не быть казачеству, жить ему или умереть...

Мы долго, съ начала революціи, искали компромиссныхъ путей для выхода казачества изъ того катастрофическаго положенія, въ которое оно поставлено не только революціей, но и трехвѣковымъ сожительствомъ съ Россіей. Намъ также нелегко было порвать съ навыками прошлаго. Но холодный анализъ прошлаго и настоящаго привелъ насъ къ заключенію, что никакихъ компромиссныхъ рѣшеній казачьяго вопроса нѣтъ. Есть альтернатива — или смерть въ объятіяхъ Россіи или жизнь въ формахъ самостоятельнаго существованія. И посему мы абсолютно и обоснованно не вѣримъ тѣмъ розовымъ надеждамъ, которыя питаютъ казаки-единонедѣлимцы, ищущіе также, конечно, выхода, и изъ коихъ всѣ искреннѣе, честные и идейные рано или поздно станутъ на нашъ путь...

Не вполнѣ вѣритъ, какъ мы сказали выше, въ свои утвержденія и самъ идеологъ единонедѣлимцевъ Н. М. Мельниковъ, ибо чѣмъ же, какъ не глубокимъ сомнѣніемъ продиктованы его слова: «Оно (казачество) вѣритъ Россіи, а не вѣритъ верхамъ. Право казачества быть хозяиномъ въ своей хатѣ должно быть не только признано, но и обезпечено. Казачество не удовлетворится словесными или бумажными обѣщаніями. Нужны реальныя гарантіи». Хорошія слова, но только слова — форма безъ содержанія. Кто же дастъ эти гарантіи — русскій народъ, его власть? Но изъ чего же видно, что онъ и «бумажки» дастъ, и реально ихъ гарантируетъ? Есть ли для этихъ надеждъ основанія въ прошломъ или настоящемъ? Абсолютно никакихъ.

Н. М. Мельниковъ не вѣритъ ни правымъ, ни лѣвымъ — ни Керенскому, «мобилизовавшему два окру-

га противъ донцовъ во времена Каледина», ни Чернову, требовавшемся отъ казачества «потѣсниться», ни монархистамъ, «сказачивавшимъ казачество»; ни бѣлымъ, «которые, придя въ казачьи края, хотѣли только командовать». Не вѣритъ никакимъ верхамъ. Онъ «вѣритъ Россіи», т. е. стапятидесяти милліонамъ дядей Митяевъ и дядей Миняевъ... Однако, мы не считаемъ Н. М. Мельнишова столь наивнымъ, чтобы онъ искренно былъ убѣжденъ въ томъ, что судьбы послѣбольшевицкой Россіи будутъ зависѣть отъ дядей Митяевъ и Миняевъ — править ею будутъ все тѣ же Черновы, Керенскіе, Милюковы, Марковы, Деникины и имъ подобные, которымъ не вѣритъ авторъ, какъ, конечно, и еще больше, не вѣримъ мы. Да полноте, есть ли основаніе у казаковъ вѣрить въ благожелательное къ нимъ отношеніе со стороны рабочей, крестьянской и пр. массы? Событія послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1917 года, у всѣхъ настолько въ памяти и таковы, что исключаютъ и эту вѣру.

Итакъ, ни въ какое компромисное рѣшеніе казачьяго вопроса самостійники не вѣрятъ и имѣютъ для этого всѣ основанія.

Будущее всякаго народа есть логическое продолженіе его прошлаго, и завтрашній историческій день логически вытекаетъ изъ сегодняшняго и вчерашняго. Русскій большевизмъ, напримѣръ, — явленіе не случайное, а обусловленное всей суммой данныхъ не только россійской, но и міровой исторіи. И почву для прозрѣнія о будущемъ казачества нужно искать въ его прошломъ и настоящемъ.

Къ началу революціи 1917 года казачество, въ полномъ значеніи этого слова, не существовало; оно было только тѣнью того содержанія, которое когда-то вкладывалось въ этотъ терминъ. Объ историческихъ путяхъ, которые привели казаковъ въ такое состояніе, мы скажемъ подробно въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Казачьяго Дѣла»; сейчасъ же охарактеризуемъ вкратцѣ его положеніе въ предреволюціонное время. Будемъ говорить о Донцахъ — все сказанное о нихъ приложимо и къ другимъ казачьимъ войскамъ.

Характернымъ признакомъ казачества всегда являлась свобода самоуправленія и распоряженія своими землями и другими угодьями. Все это было отнято. У Донцовъ 3,4 милл. десятинъ лучшей земли были изъяты въ видѣ помѣщичьихъ имѣній и такъ называемыхъ «офицерскихъ» участковъ, около милліона принудительно отдано подъ частныя коннозаводства для общегосударственныхъ цѣлей за смѣшную плату въ 3 коп. съ десятины, повышенную затѣмъ тоже до не менѣе смѣшной цифры. Изъ станичныхъ юртовъ вырѣзаны участки для принудительнаго станичнаго коневодства. Малоземелье казачье дошло до того, что, вмѣсто 30-ти десятинъ, установленныхъ Полож. 1869 года, нѣкоторыя станицы имѣли 7-8 десятинъ на пай. Войсковой капиталъ въ 1871 г. отобранъ въ распоряженіе Военнаго Министерства. Старыя казачьи привиллегіи уничтожены — винная регалія въ 1862 году, соляная — въ 1880 г. Казачество постепенно принижалось до крестьянства. Съ отмѣной въ 1890 году подушной подати съ крестьянъ, и эта разница между казакомъ и крестьяниномъ отпала. Осталась единственная «привиллегія» — поголовная служба всѣхъ казаковъ за собственный счетъ — съ 18 до 38-лѣтняго возраста.

Прогрессивное уменьшеніе земельнаго надѣла и столь же прогрессивное вздорожаніе лошадей и предметовъ обмундированія и снаряженія повело къ катастрофическому паденію благосостоянія казачества, и только каторжный трудъ всѣхъ членовъ семьи давалъ возможность извѣстной части казачества выполнять воинскую повинность за собственный счетъ и сохранить внѣшній обликъ зажиточности. Въ то время, какъ россійскій народъ давалъ на военную службу 21,1% лицъ призывного возраста, казачество выставляло 74,5%. Казачья воинская повинность въ матеріальномъ отношеніи была въ 153 раза тяжелѣе таковой остального населенія государства.

Закономъ 1891 г. казачество милитаризовано окончательно и прикрѣплено навсегда къ коню, сѣдлу и пикѣ, какъ рабочій къ станку, — превращено въ военныя поселенія. Отвѣтственность за справу казака, за земскія идр. недоимки возложена на станичное общество. Отлучка изъ станицы на заработки для лицъ служилаго состава разрѣшалась не больше, какъ на три мѣсяца. Войсковому Атаману предоставлено право въ административномъ порядкѣ командировать казаковъ на 4 года безъ очереди и высылать въ отдаленныя станицы. Станичный Атаманъ обязанъ былъ поддерживать дисциплину — и нерѣдки были случаи наказанія стариковъ за неотданіе чести юному офицеру. Мы знаемъ фактъ, когда почтенный старикъ одной изъ станицъ 2-го Донского округа за неотданіе чести Окружному Атаману былъ арестованъ на 30 сутокъ, а затѣмъ высланъ на нѣсколько лѣтъ въ отдаленную станицу. Даже право свободнаго выбора Станичныхъ Атамановъ было отнято, ибо общество было обязано представить на усмотрѣніе властей трехъ кандидатовъ. Иногда же Атаманы просто назначались. Всякій вопросъ Атаманомъ могъ быть снятъ съ обсужденія станичнаго сбора. Существовавшее раньше право выбора нѣкоторыхъ войсковыхъ чиновниковъ уничтожено, какъ и право посылки депутатовъ въ Главное Управленіе Казачьихъ Войскъ.

Зажатое въ такихъ административныхъ тискахъ и подъ бременемъ непосильной военной тяготы, казачество экономически падало. У неимущихъ казаковъ, подлежащихъ военной службѣ, съ 17-лѣтняго возраста отбирался пай; если этого было недостаточно, то отбирался пай и у отца. Семья, такимъ образомъ, фактически обезземеленная, оставалась на положеніи иногородней съ той разницей, что иногородній, не будучи связанъ службой и трехмѣсячнымъ правомъ отлучки, могъ устраивать свободно свое благополучіе. У казака, кромѣ того, для справы продавалось послѣднее имущество, и цѣлыя семьи пускались по міру, оставаясь безземельными иногда до конца жизни. Станичному обществу предоставлено было право неимущихъ казаковъ принудительно отдавать въ работники. Вотъ каково было въ предреволюціонную эпоху состояніе нѣкогда Вольнаго Казачества.

Такимъ образомъ, исполнилось пророчество англійскаго наблюдателя (1844 г.), который писалъ: «Николай I не безъ успѣха ограничилъ казачьи привиллегіи... Черезъ 20 лѣтъ донской казакъ въ родномъ краю будетъ тѣмъ же, что представляетъ собою сейчасъ московитъ; стойкое и радостное довольство вольныхъ поколѣній исчезнетъ, и мы увидимъ казака, согбеннаго подъ игомъ всѣхъ тѣхъ притѣснительныхъ учрежденій, которыя составляютъ удѣлъ русскаго раба».

Правительство знало о тяжеломъ, катастрофическомъ положеніи казачества.

Въ 1898 г. Донское дворянство ходатайствовало передъ Императоромъ Николаемъ II о назначеніи комиссіи для обслѣдованія причинъ, подрывающихъ хозяйственный бытъ Донского Войска. «Современное экономическое положеніе казака», говорили дворяне, «представляетъ картину тяжко растущей нужды, могущей привести въ недалекомъ будущемъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ».

Назначенная правительствомъ комиссія генерала Маслаковца нашла, что «положеніе донского казака пошатнулось».

Еще въ 1881 г. комиссія 106-ти изъ депутатовъ отъ станицъ и дворянства заявила требованіе о выборности войсковыхъ чиновниковъ и о возрожденіи Войскового Круга, какъ средства для борьбы противъ упадка казачества.

Въ 1906 году князю Голицыну, посланному на Донъ Императоромъ съ царской грамотой, казаки заявляли, что ихъ воинскія обязанности сопряжены съ тяжелыми расходами, что единственный источникъ средствъ — земля — находится въ рукахъ помѣщиковъ и переходитъ въ руки не-казаковъ. Казачество проситъ выкупить эту землю за счетъ войска или казны и передать казакамъ. Большое количество станицъ заявило о недовольствѣ «опричническими» обязанностями.

Итакъ, правительство не могло не знать о положеніи казаковъ, но оно методично вело линію раскачиванія, время отъ времени назначая комиссіи, работы которыхъ шли на потребу архивныхъ мышей.

Въ 1870 году, въ честь трехсотлѣтія Донского войска, уничтожено было названіе «Земля войска Донского», ибо отъ него пахло старыми донскими вольностями.

Военный Министръ Милютинъ (при Александрѣ II) стремился «объединить казачье сословіе съ другими».

Раньше, на основаніи Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, царскихъ указовъ и постановленій Сената, казачьи земли были изъяты изъ-подъ дѣйствія закона о земской давности, а съ 1906 года, по распоряженію Сената же, это правило уничтожено, и казачьимъ землямъ открытъ былъ новый путь для утечки изъ казачьихъ рукъ.

Учрежденіемъ на Дону Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ нанесенъ былъ новый и сокрушительный ударъ по казачьему землевладѣнію. Заложенныя въ Дворянскомъ Банкѣ помѣщичьи земли покупались черезъ Крестьянскій и уплывали въ руки крестьянъ и пр. пришлаго элемента. Казаки же не имѣли права пользоваться услугами Банка для пріобрѣтенія земель, когда-то имъ принадлежавшихъ и впослѣдствіи хищнически захваченныхъ.

Примѣровъ такого отношенія къ казачеству можно указать много, но оно характеризуется съ достаточной ясностью и приведенными. Подчеркнемъ, между прочимъ, что въ 1901 году, по рапорту Веннаго Министра, генерала Куропаткина, войсковыя регаліи были сданы въ музей. Очередь была за самимъ казачествомъ — въ недалекомъ будущемъ оно также сдѣлалось бы музейной рѣдкостью.

Такова была линія **Россійскаго Правительства** по отношенію казаковъ. Какъ же относились къ нимъ разныя **россійскія политическія партіи** и, такъ называемая, **общественность?**

Радикальныя партіи въ 1905 году стояли за уничтоженіе казачества. Либералы — «Союзъ Освобожденія», — «Общеземскій Съѣздъ» въ 1905 году и Конституціоналисты демократы (ка-де) — стояли на той же позиціи. Всѣ партіи правѣе ка-де относились отрицательно и къ автономіи, и къ казачеству.

Враждебность соціалъ-демократовъ общеизвѣстна, ибо они считаютъ казачество врагомъ рабочаго класса. Эсъ-эры въ 1906 году открыто агитировали противъ казачества.

Чермакъ, эсъ-эръ, писалъ: «слово казакъ — синонимъ грубости, наглости, жестокости, звѣрства». Чермакъ былъ увѣренъ, что «народные представители, собравшись, первымъ дѣломъ уничтожатъ «эту военную касту». Говоря о землѣ казачьей, онъ замѣчаетъ: «почему народъ долженъ блюсти какія-то казачьи привиллегіи?» Въ этомъ же духѣ писалъ этъ-эровскій «Голосъ» по поводу земель Сибирскаго Войска.

Въ Государственной Думѣ въ 1906 году соц.-дем. и эс-эры опредѣленно ставили вопросъ объ уничтоженіи казачества.

Крайніе правые (проэктъ Волгина) выдвигали вопросъ объ отобраніи земель у всѣхъ казачьихъ войскъ и о созданіи земельнаго фонда изъ нихъ для надѣленія землею крестьянъ изъ внутреннихъ губерній.

Трудовики держались тѣхъ же взглядовъ, что и эсъ-эры.

Слѣдовательно, на казачество смотрѣли одинаково враждебно представители всѣхъ политическихъ теченій той Россіи, въ благожелательность которой вѣритъ Н. М. Мельниковъ.

Послѣдующія Думы относились столь же отрицательно къ казачьему вопросу. Правительство пользовалось этимъ и саботировало всѣ проекты, клонившіеся къ улучшенію казачьяго положенія, вносимые депутатами - казаками. Основныя требованія казачьихъ представителей сводились къ раскрѣпощенію казачества отъ милитаризаціи, облегченію способа отбыванія воинской повинности и возрожденію казачьяго самоуправленія. Въ своихъ многочисленныхъ приговорахъ того же требовали и казачьи станицы. Это былъ «крикъ о бѣдствіи», вызванный крайней нуждой. Но онъ оказался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Дума тормозила. И когда возникали пренія по казачьему вопросу, время для ораторовъ ограничивалось до минимума, вслѣдствіе чего казаки вынуждены были отказываться отъ слова (депутаты Оренбургскаго и Забайкальскаго войскъ, напримѣръ).

«Когда выходитъ казакъ на трибуну», замѣтилъ Бардижъ (кубанск. депутатъ): «то вездѣ слышно: идетъ плакать, идетъ просить».

Можно ли послѣ этого надѣяться, что казаки, какъ увѣряетъ категорически А. П. Богаевскій, добьются въ будущей Госуд. Думѣ чрезъ своихъ представителей исполненія всѣхъ своихъ желаній?

Такъ было до революціи. Послѣ пошло еще хуже. Всѣмъ извѣстно отношеніе къ казакамъ эс-эровско-кадетскаго правительства, мобилизовавшаго въ 1917 году два округа противъ Дона только на основаніи однихъ слуховъ о желаніи казаковъ проявить какую-то самостоятельность въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. А октябристъ Гучковъ, въ апрѣлѣ того же года телеграфиро-

валъ, что вся власть на Дону должна принадлежать Исполнительному Комитету (составленному, главнымъ образомъ, изъ иногородныхъ и ярко революціонному) и что Казачьему Съѣзду воспрещается вмѣшиваться во внутреннія дѣла области.

Много ли хорошаго могли ждать казаки отъ Учредительнаго Собранія, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ эс-эровъ и прочихъ лѣвыхъ партій, и гдѣ предсѣдателемъ былъ избранъ Черновъ, такъ недвусмысленно опредѣлившій свое отношеніе къ казачеству?

Можетъ быть, затѣмъ, во времена большевизма, произошли въ отношеніи казачества измѣненія во взглядахъ хотя бы той части русскихъ верховъ и общественности, которые бѣжали въ Казачьи Земли, спасаясь отъ своего родного народа? Можетъ быть, найдя пріютъ и защиту за казачьими спинами, оцѣнивъ жертвенную борьбу казачества за общерусское дѣло, они оцѣнили по достоинству и пріютившихъ ихъ хозяевъ края? Можетъ быть, найдя, вмѣсто пули, которая имъ угрожала въ родныхъ губерніяхъ, казачій хлѣбъ и привѣтъ, они поняли сущность казачества и отнеслись съ должнымъ уваженіемъ къ его особенностямъ, традиціямъ, его укладу?

Обратимся къ фактамъ, которые у всѣхъ въ памяти, но подробностей которыхъ значительное большинство казачества не знаетъ.

Присвоивъ себѣ, послѣ смерти ген. Корнилова, власть Главнокомандующаго и опираясь на военные законы, ген. Деникинъ рѣшилъ использовать и самихъ кубанцевъ, и богатства ихъ Края не только въ цѣляхъ борьбы съ большевиками, но для завоеванія отдѣлившихся отъ Россіи народовъ — Украины, Грузіи и пр. Деникинъ вмѣшивается во внутреннюю жизнь Кубанскаго Края, не считаясь съ его политическимъ и бытовымъ укладомъ.

Кубанцы разрабатываютъ земельный законъ, Деникинъ требуетъ его измѣненія. Кубанцы хотятъ учредить Судебную Палату, Деникинъ противодѣйствуетъ. Кубанцы хотятъ открыть Военное Училище, создать свою армію, Деникинъ не позволяетъ — и такъ до мелочей. Кубань превратилась въ оккупированную область.

Захвативъ въ свои руки Новороссійскій и Туапсинскій порты, онъ облагаетъ пошлинами заграничные товары, идущіе въ адресъ Кубани. Кубанскій хлѣбъ и пр. продукты забираются по низкимъ цѣнамъ и продаются втридорога. Колоссальные запасы сырья используются для добровольческой казны. Военная власть требуетъ, напримѣръ, продовольствія и фуража на 110.000 человѣкъ, а въ дѣйствительности, въ частяхъ имѣется 10.000 (Армія Врангеля).

Свои части Кубань кормила сама; одѣвались и снаряжались казаки за свои средства. А то оружіе, обмундированіе и снаряженіе, которое въ большомъ количествѣ получалось отъ Антанты, шло на нужды Добрарміи; причемъ цѣлыя части изъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, переходили обратно къ большевикамъ, одѣтыя во все новехонькое, съ новенькимъ оружіемъ, а Кубанцы, составлявшіе главную силу Добрарміи, не получали ничего. Такое преступное хозяйничанье въ чужомъ домѣ естественно вызвало отпоръ со стороны Кубани. Но Деникинъ, подъ вліяніемъ успѣховъ на фронтѣ, рѣшаетъ силой добиться повиновенія кубанцевъ и ведетъ атаку на Законодательную Раду, стремясь сосредоточить власть въ рукахъ покладистаго Атамана, генерала Филимонова.

Въ Екатеринодарѣ собираются войска подъ командой генерала Покровскаго, который для цѣлей борьбы съ Радой назначается Начальникомъ Тыла Арміи, чтобы придать его послѣдующимъ преступнымъ актамъ хоть какой-нибудь признакъ законности. Для будущей операціи противъ Рады въ Екатеринодаръ прибываютъ Корниловскій и Марковскій полки; туда же командируются надежные офицеры даже изъ конвоя Деникина.

Придирка — подписанный кубанской дипломатической делегаціей въ Парижѣ договоръ съ горцами Кавказа. Планъ атаки, предложенный Покровскимъ: оцѣпить Раду войсками и разстрѣлять неугодныхъ членовъ. Суду преадются Бычъ, Калабуховъ, Савицкій и Намитоковъ. На протесты Атамана и Рады, что члены делегаціи могутъ подлежать только суду кубанскому, Главное Командованіе не обращаетъ вниманія и приказываетъ немедленно арестовать членовъ Рады и предать ихъ военно-полевому суду.

Какъ отнеслись къ этому акту насилія надъ народомъ, у котораго они нашли пріютъ и спасеніе, представители россійской общественности?

Въ «Пріазовскомъ Краѣ» они требуютъ преданія суду членовъ Рады.

Кадетская «Свободная Рѣчь» («свободная» — какая ирония!) называетъ Быча и его сотрудниковъ измѣнниками и сѣтуетъ на то, что Калабуховъ (пріѣхавшій изъ Парижа) «еще гуляетъ на свободѣ».

Въ томъ же духѣ вопитъ и кадетско - профессорская «Жизнь». Протесты со стороны Рады противъ отданія Кубани въ руки ген. Покровскаго, какъ Начальника Тыла, не даютъ результатовъ.

Русскія газеты всѣхъ толковъ продолжаютъ науськивать Добровольческое Командованіе противъ Рады. Калабуховъ арестовывается. Въ атаманскомъ дворцѣ караулы Покровскимъ сняты и замѣнены юнкерами. И бывшіе тамъ члены Рады и Атаманъ очутились изолированными. Разъединено было даже телефонное сообщеніе. Арестовано больше десятка членовъ Рады.

Калабуховъ присуждается къ повѣщенію. Войсковой Атаманъ по прямому проводу проситъ Деникина (черезъ Романовскаго) «во имя моря пролитой казачьей крови принять мѣры, чтобы этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе». Но получилъ въ отвѣтъ: «Главнокомандующій просьбу Войскового Атамана отклонилъ». И 7 ноября 1919 года, на площади въ Екатеринодарѣ, Калабуховъ былъ повѣшенъ

Россійскіе вселенцы ликовали, но были недовольны, что только одинъ повѣшенъ; ихъ успокаивали, что продолженіе послѣдуетъ.

Ликовала и вся россійская и подпѣвавшая ей кубанская печать. «Вчера былъ одинъ изъ счастливыхъ дней», писало «Вечернее Время», «въ тяжелой, но славной исторіи Добрарміи. Въ этотъ день духъ доблести и силы, которыми живетъ она, одержалъ побѣду... Предатели и измѣнники понесутъ строгое и заслуженное наказаніе... Намъ особенно важна эта побѣда и дорогъ этотъ день».

Дальше разыгрались событія не менѣе безобразныя. Добровольческое командованіе, арестовавъ нѣсколько членовъ Рады, угрозой ихъ разстрѣла заставило Раду измѣнить въ экстренномъ порядкѣ конституцію

въ духѣ, нужномъ для Добрармiи. Послѣ этого арестованные «помилованы» и высланы за границу.

Невѣроятное насилiе пришельцевъ надъ хозяевами Края не только не уступаетъ въ преступности таковому же, произведенному Голубовымъ надъ Донскимъ Кругомъ, но и превосходитъ его. Но тамъ былъ, по крайней мѣрѣ, большевикъ... слѣва.

Съ грустью надо признать, что въ этомъ отвратительномъ преступленiи на сторонѣ Добрармiи принимала дѣятельное участiе и часть кубанской старшины — штатской и военной. Именъ ихъ мы не назовемъ, но большинству кубанцевъ они извѣстны. нѣкоторымъ стали извѣстны только за границей. Въ семьѣ не безъ урода, и рядомъ съ класическимъ героемъ Спарты, царемъ Леонидомъ, исторiя сохранила и его предателя, грека Эфiальта.

Населенiе Кубани было глубоко потрясено. Города, станицы и аулы кипѣли отъ негодованiя. Ненависть къ Добрармiи разгоралась и передавалась въ полки. Кубанцы стали оставлять фронтъ, и черезъ полтора мѣсяца, послѣ казни Калабухова, бѣлыя армiи покатились къ Черному Морю, а затѣмъ и дальше, — вмѣстѣ съ ликовавшими по поводу разгрома Рады вождями.

Злое сѣмя дало свои плоды. Слѣпая и глупая политика командованiя Добрармiи и его окруженiя, политика гарнизоннаго солдата, загубила блестяще начатое казаками дѣло борьбы съ большевиками. Вмѣсто борьбы съ коммунистами, кучка россiйскихъ генераловъ и общественныхъ дѣятелей, придя въ Казачьи Края, повела войну противъ ихъ хозяевъ: объявила блокаду Дона, Кубани, объявила войну Украинѣ, Грузiи, Азербейджану — всему свѣту... Страшныя послѣдствiя этого дѣла неисчислимы и неизживаемы.

Итакъ, изъ краткаго перечня событiй и дореволюцiоннаго и революцiоннаго перiодовъ съ неотразимой ясностью опредѣляется не только отрицательное, но и глубоко враждебное къ казачеству отношенiе со стороны русскихъ людей всѣхъ положенiй и толковъ — правительственныхъ, общественныхъ и народныхъ.

Произошли ли какiя-либо измѣненiя въ этихъ отношенiяхъ въ СССР и въ эмигрантской Россiи? Нѣтъ — впрочемъ, да, произошли, но въ сторону усугубленiя этой вражды. Большевики уничтожаютъ казачество и духовно и физически — объ этомъ намъ кричатъ и письма, объ этомъ говорятъ и бѣженцы изъ нашихъ Краевъ.

«Какой тамъ казачiй вопросъ — нѣтъ никакого казачьяго вопроса», говоритъ здѣсь, въ эмиграцiи, генералъ Драгомировъ, выражая этимъ общерусское отношенiе къ казачеству.

Мы довольно здѣсь наслышались комплиментовъ, и печатныхъ, и изустныхъ, со стороны русскихъ людей, чтобы строить какiя-либо иллюзiи насчетъ природы ихъ отношенiй къ намъ въ будущемъ.

Н. М. Мельниковъ правъ, когда говоритъ, что онъ не довѣряетъ «верхамъ». (А. П. Богаевскiй вѣритъ абсолютно — по крайней мѣрѣ, онъ хочетъ насъ убѣдить въ этомъ), — не довѣряетъ не только обѣщанiямъ, но и «бумажкамъ», и требуетъ «реальныхъ гарантiй». Повторяемъ, кто же ему ихъ дастъ — Деникинъ, Драгомировъ и пр. русскiе люди, вѣшавшiе казачьихъ народныхъ предтавителей и проявившiе такую безцеремонность въ отношенiи и казачьей чести и имущества, которая граничитъ съ современными большевицкими методами?

Н. М. Мельниковъ держитъ ставку на Россiю, на русскiй народъ. Мы думаемъ, что тщету своей вѣры и самъ авторъ понимаетъ, думаемъ, что изъявленiе этой вѣры есть простое реторическое украшенiе, ибо что такое Россiя безъ ея верховъ? Отвлеченное понятiе. Что такое эти дяди Митяи и дяди Миняи? Послушныя пѣшки въ рукахъ опытныхъ политическихъ игроковъ.

Допустимъ даже на минуту, что дядя Митяй будетъ президентомъ, а дядя Миняй министромъ — какая разница? Россiйская масса — крестьянство и рабочiе — проявили себя по отношенiю казачества не только не лучше, но, пожалуй, еще хуже своихъ верховъ. Кто теперь вселяется въ казачьи хаты, забираетъ казачье добро, а хозяевъ гонитъ въ Соловки, ставитъ къ стѣнкѣ, выселяетъ на гиблыя окраины? Дяди Митяи. Кто во время нашей борьбы къ большевиками разорялъ наши станицы и хуторы, насиловалъ казачьихъ женъ и дочерей, чинилъ надъ казачествомъ отвратительнѣйшiя звѣрства? Все та же настоящая, кондовая Русь — сказку объ инородцахъ давно пора оставить... И эта кондовая Русь — крестьяне и рабочiе — столь же неизмѣнна въ своихъ отношенiяхъ къ казачеству, какъ и ея верхи *). И въ этой части вѣра Н. М. Мельникова ,повторяемъ, тоже безпочвенна.

Такъ было, а будетъ хуже — скажемъ мы, перефразируя слова А. П. Богаевскаго.

Учитывая приведенныя нами вопiющiя данныя изъ недавняго прошлаго, самостiйники дѣлаютъ естественный выводъ: если мы не хотимъ, чтобы казакъ превратился въ пензенскаго мужика, если мы не хотимъ, чтобы казачество умерло — мы обязаны итти не той дорогой, которая ведетъ прямо въ пасть противниковъ самой идеи казачества. Нашъ путь — самостоятельное, независимое существованiе въ формѣ отдѣльныхъ государствъ. Въ независимости мы имѣемъ какъ разъ тѣ реальныя гарантiи, которыя Н. М. Мельниковъ хочетъ получить отъ дядей Митяя и Миняя.

А. П. Богаевскiй говоритъ, что мы слишкомъ слабы; онъ насъ пугаетъ призракомъ сильной Россiи. Но, во-первыхъ, мы не одни. Тѣхъ же цѣлей добиваются Грузiя, Горцы, Украина, Сибирь. Въ совокупности, это — сила, и сила, грозная не только количественно, но и качественно, и экономически, и географически. Во-вторыхъ, мы живемъ не въ эпоху Петра Великаго. Мы живемъ въ такое время, когда принципъ самоопредѣленiя народовъ — не пустой звукъ, а самая реальная дѣйствительность, когда прочно укрѣпляется атмосфера моральнаго отхода отъ имперiалистическихъ идей, когда созданiе Всеевропейскихъ Соединенныхъ Штатовъ изъ области, казалось бы, утопическихъ мечтанiй становится первоочереднымъ вопросомъ.

Въ такой атмосферѣ независимо живутъ и пользуются всѣми благами самостоятельнаго существованiя микроскопическiя Литва, Латвiя,, Эстонiя, бывшiя части Россiи. Казачьи же Края представляютъ собой организмы куда болѣе крупные и жизненные, чѣмъ не только эти лимитрофы, но и многiя другiя европейскiя

*) Еще въ 1906 году крестьянство съ нетерпѣнiемъ ожидало, что у казаковъ отнимутъ землю для поравненiя, а казаковъ повернутъ въ мужики, и составляло приговоры о нацiонализацiи земель.

государства, нынѣ самостоятельно процвѣтающія подъ сѣнью международной защиты.

Тѣмъ, кто ищетъ карьеры во всероссійскомъ масштабѣ, кто вожделѣетъ не о свободной братской жизни съ казаками, а хочетъ ими командовать и сажать стариковъ подъ арестъ за неотданіе чести, — тому мѣсто у единонедѣлимцевъ.

Самостійники же, ставъ на путь независимости, будутъ итти по немъ неуклонно, вплоть до достиженія поставленной цѣли. Мы не уподобимся той Войсковой Старшинѣ, которая, во имя грубо эгоистическихъ вожделѣній, вела всегда казачество къ роковому концу — къ уничтоженію казачьяго лица. Мы не уподобимся членамъ Государственной Думы Куркину, Савостьянову Васильеву, которые продавали казачество за чинъ «хорунжаго въ отставкѣ». Ни карьера во всероссійскомъ масштабѣ, ни чины, ни иныя корыстныя цѣли насъ не интересуютъ. Обвиненія въ корысти мы отбрасываемъ съ презрѣніемъ — да и исходятъ они отъ тѣхъ, кто привыкъ другихъ мѣрить по собственному аршину.

Насъ, самостійниковъ, между прочимъ, упрекаютъ еще и въ томъ, что мы представляемъ политическое теченіе, сравнительно недавно оформившееся. Странный упрекъ, ибо всѣмъ понятно, что политическіе взгляды не представлютъ собой застывшихъ въ опредѣленной формѣ окаменѣлостей, а эволюціонируютъ въ зависимости отъ измѣняющихся условій реальной обстановки. Вотъ почему сепаратистскія тенденціи, существовавшія среди казачества отчасти во вполнѣ осознанномъ видѣ, отчасти въ скрытой, неопредѣленной, въ видѣ пережитка прошлаго, формѣ, — только въ послѣдніе годы выявились въ форму организованнаго и быстро развивающагося національно - политическаго теченія. Нечего также удивляться, что казачье сепаратистское движеніе включаетъ въ себя людей разнаго политическаго мышленія — отъ монархистовъ до крайнихъ лѣвыхъ. Сепаратизмъ — не политическая доктрина, а національное движеніе.

Никакой вражды и злобы къ Россіи и ея народу мы не питаемъ. Но мы не можемъ не видѣть въ казачествѣ и въ великороссахъ двѣ совершенно разныхъ стихіи, несовмѣстимыхъ и несоединимыхъ. Трехсотлѣтнее сожительство этихъ стихій привело казачество къ гибели. Будущее намъ сулитъ еще болѣе горькія испытанія, а потому мы считаемъ жизненно неизбѣжнымъ для казачества добиваться осуществленія права независимаго существованія и самостоятельнаго устройства своей судьбы и надѣемся, что русскій народъ, въ концѣ концовъ, пойметъ выгоду будущаго мирнаго, дружескаго и добрососѣдскаго сотрудничества съ сильнымъ, богатымъ и независимымъ казачествомъ.

Шестьдесятъ первый.

(Окончаніе).

Обыкновенно въ станицахъ весною и лѣтомъ, въ короткія ночи, ложится спать одновременно съ курами. Ужинаютъ засвѣтло и ложатся, не зажигая огня. Но въ эту ночь никто не спалъ — всѣ знали о томъ страшномъ, что должно было совершиться за садами, и всѣ ждали роковыхъ выстрѣловъ. Смерть снова заглянула въ казачьи курени — и станица притаилась. Тишина была мертвая; даже собачьяго лая не было слышно, ибо по улицамъ никто не ходилъ. Лишь пѣтухи громко пропѣли въ положенный часъ.

Анисья Акимовна и маленькая Анюта стояли на колѣнахъ на кружевномъ балконѣ своего хорошенькаго, освѣщеннаго луной, домика, плакали и молились. Луна освѣтила съ другой стороны, и въ тѣни ихъ не было видно. Акимовна, почти въ безпамятствѣ, читала молитвы, била лбомъ о полъ въ земныхъ поклонахъ, поднимала къ небу глаза, снова колотилась о полъ и вскрикивала: «О, Господи, помоги и спаси... За что же, за что... А, можетъ быть, и правы большевики: можетъ, и правда, что Тебя нѣту... Можетъ, тамъ пусто, пусто, ничего нѣту»... Потомъ, спохватившись, била себя въ грудь и стонала: «Господи, прости меня грѣшницу окаянную — сама не знаю, што говорю».

Вдругъ прорѣзала теплый и душистый воздухъ безпорядочная, короткая ружейная трескотня.

«Убили, убили... нѣту его, нѣту Бога, все брехня»... И Акимовна упала на полъ и забилась въ судорогахъ; въ ужасѣ, вытаращивъ глазенки, уцѣпилась яа нее Анюта, рыдала и звала: «бабушка, родимая бабушка, бабушка!..»

Утромъ рано сосѣдка, пожилая женщина, пришла во дворъ Хорсовыхъ, нашла въ кухнѣ дойникъ, подоила коровъ, прогнала въ табунъ сначала коровъ съ волами, а потомъ и телятъ, и, когда солнце взошло, поднялась въ домъ и въ чуланѣ на полу увидѣла спящими глубокимъ сномъ Акимовну и уцѣпившуюся за нее Анюту. Какъ онѣ съ Анютой перебрались съ балкона въ чуланъ, Акимовна впослѣдствіи не помнила..

— Болючія мои, жалкія мои, горе то горе горючее, — шептала добрая женщина, и слезы текли по ея морщинамъ. «Акимовна, Акимовна», тормошила она спящую: «вставай, проснись — новость тебѣ добрая, вставай, сердечная!»

Акимовна открыла глаза и ничего не понимала.

— Убили... новость хорошая. Убили Ваню, кормильца нашего родного, убили супостаты...

— Не убили, а онъ бѣжалъ.

— Какъ бѣжалъ — я сама слыхала, всѣ слыхали стрѣльбу.

— Ну, што жъ... Стрѣляля, а онъ бѣжалъ. Ранили его, а онъ ихъ гребанулъ руками, сбилъ съ ногъ — и былъ таковъ. Силушка то пригодилась. Пускай поищутъ...

— Да правда-ли?

— Какъ же не правда?... Когда я твоихъ коровъ прогоняла, бабы разсказывали — вся станица знаетъ и радуется, и Господа Бога благодаритъ.

—О, Господи, помоги, а я то дура хулила Тебя, Господи. Съ ума сошла — и какъ не сойти.

— Ну, гляди, Акимовна. Я коровъ подоила, мо-

лочко на крыльцѣ въ кухнѣ поставила, коровъ и телятъ въ табунъ прогнала. А ты вставай да не горюй. Все Господь. Можетъ, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Вонъ, говорятъ на Манычи то имъ наши наклаки такъ, что бѣгутъ — куда глаза глядятъ. — Пошли, Господи, да скорѣй бы наши приходили... Мочушки нѣту...

***

А за станицей, въ пустынной степи, въ эту чудесную лунную ночь случилось нѣчто неожиданное.

Иванъ Антоновичъ со связанными руками покорно, но твердо сталъ передъ песчаной могилой. Впереди, широко разстилаясь, уходила въ молочно-мутную ночь сѣрая полынная, испещренная желтыми молоканками, степь. Сзади стѣной стояла бѣлая гуща цвѣтущихъ садовъ. Легонькій вѣтерокъ приносилъ ѣдко душистый запахъ полыни. Въ дальнихъ лугахъ, около Дона, азартно гремѣлъ хоръ лягушекъ.

Ивана Антонича ничто не занимало, такъ какъ съ жизнью онъ счеты покончилъ и покорно ждалъ залпа. «Я шестьдесятъ первый... и не послѣдній», неотступно колотилось въ его мозгу. «Шестьдесятъ убили... Я шестьдесятъ первый и... не послѣдній», стучало въ вискахъ и звенѣло въ ушахъ.

Онъ былъ увѣренъ, что, вотъ, сейчасъ послѣ выстрѣловъ, откроются двери, и онъ войдетъ туда, гдѣ такъ свѣтло, куда въ февралѣ отправился отецъ и другіе — всего шестьдесятъ, и что тамъ онъ встрѣтитъ всѣхъ: и мать покойную, и братьевъ, и всѣхъ, всѣхъ своихъ...

Гришка отвелъ свою команду шаговъ на тридцать, но казачата, не обращая на него вниманія, двинулись дальше и остановились шагахъ въ пятидесяти; и каждый изъ нихъ, не совѣтуясь съ другими, про себя рѣшилъ — стрѣлять на воздухъ.

Гришкѣ тоже пришла было мысль стрѣлять мимо, но тотчасъ же у него возникъ вопросъ: «а что мнѣ будетъ отъ комитета и комиссара? А казаки все одно мнѣ не простятъ»...

Такъ какъ Гришка въ строю не былъ, а служилъ кузнецомъ въ обозѣ, то владѣть винтовкой почти не умѣлъ, команды и совсѣмъ не зналъ; и, установивъ въ рядъ казачатъ и пристроившись на правомъ флангѣ, онъ крикнулъ: «заряжай, товарищи!» Защелкали затворы, и Гришка отъ волненія долго не могъ вложить патроны. «Цѣльсь, товарищи!» подалъ Гришка имъ изобрѣтенную команду. Винтовки поднялись. Гришкина ходуномъ ходила — руки дрожали — но все же онъ старался направить стволъ въ широкую спину осужденнаго. «Пали!» взвизгнулъ Гришка и, зажмурившись, дернулъ за спускъ. Безпорядочно затрещали выстрѣлы... Фигура осужденнаго мгновенно повернулась и съ растопыренными руками метнулась на ошеломленныхъ стрѣлковъ. Гришкина пуля ударила Хорсова въ лѣвую руку, ниже локтя; боль его встряхнула, и онъ рванулъ руками: веревка лопнула. Оцѣпенѣніе, подъ которымъ жилъ эти дни Иванъ Антоновичъ, слетѣло, и онъ рванулся на разстрѣльщиковъ. Не успѣли они придти въ себя, какъ Хорсовъ сваллилъ ихъ, смялъ, перескочилъ черезъ нихъ и бросился въ сады.

Пока ошеломленные стрѣлки поднялись, отряхнулись и приходили въ себя, Антоновичъ исчезъ въ гущѣ садовъ; только слышенъ былъ вдали трескъ ломаемыхъ вѣтвей.

— Стрѣляй, — заревѣлъ Гришка.

— Куда — въ бѣлый свѣтъ? — резонно и спокойно отвѣтилъ Михайла Нагибинъ.

— Што же, товарищи, типерь дѣлать? — растерянно спрашивалъ Гришка: «пойдемъ искать его»...

— Ишши въ полѣ вѣтра. Григорій... Пойди-ка въ сады, онъ тебя, вслучаѣ попадешься, раздавитъ, какъ куренка... Идемъ домой, — рѣшилъ Михаила.

— Какъ же такъ, — сокрушался Гришка: «вы нарочно мимо стрѣляли. Што теперь скажетъ комиссаръ, што намъ будетъ»...

— А ты што такъ стрѣлялъ, ты — солдатъ, былъ на войнѣ, а мы не служили и стрѣлять не учились... Пускай самъ Комитетъ шелъ бы разстрѣливать, а то вишь...

— Ну, и бугай же... какъ онъ насъ срѣзалъ. У меня въ глазахъ искры засверкали, и сейчасъ звенитъ въ головѣ, — улыбаясь, восторгался Хорсовымъ Васятка Холодковъ, веселый, черноглазый казаченокъ: « а давай, братцы, по слѣдамъ поглядимъ — можетъ, онъ раненъ?»

Дѣйствительно, рядомъ съ слѣдами на пескѣ отчетливо виднѣлись темныя брызги крови.

— Раненъ! — заговорили всѣ сразу.

— А какъ онъ выворачвалъ своими ножищами песокъ-то... какъ конь, — восхищался довольный Васятка.

— А таперь домой, — авторитетно распорядился Михаила: «тутъ дѣлать нечего».

Двинулись той же дорогой, по которой пришли — между бѣлыхъ стѣнъ цвѣтущихъ ябловь и вишенъ. Шли молча. Гришка опять уныло тащился сзади. До станицы шли вмѣстѣ, а тамъ Григорій отдѣлился налѣво, въ свою сторону, а казачата пошли вправо.

Какъ только они остались одни, сейчасъ же шепотомъ заговорили. Выяснили, что всѣ безъ угвору стрѣляли на воздухъ, что, слѣдовательно, ранила дядю Антонича пуля Гришкина.

— А што намъ будетъ теперь, братцы?

— А што будетъ, то будетъ, поживемъ — увидимъ, — отвѣтилъ Михайла: «што же, мы стрѣлять не учились, на службѣ не были... Не умѣемъ стрѣлять... Ахъ, какъ бы наши скорѣе пришли... Музланы проклятые завладѣли казачествомъ и мучатъ», — закончилъ съ тоской и ненавистью Михайла.

— Ну ,братъ, какъ придутъ наши, сейчасъ же беру винтовку и охотою въ сотню, къ брату, — заявилъ Васятка.

Не онъ одинъ, а и вся компанія такъ рѣшила: идти охотою въ строй — лучше-де умереть въ бою, чѣмъ такъ жить.

***

Рано утромъ, еще до восхода солнца, когда казачки пропоняли скотъ въ табунъ, вѣсть о томъ, что случилось съ Иваномъ Антоновичемъ, шепотомъ передавалась отъ одной къ другой. Съ восходомъ солнца уже вся станица новость эту знала и горячо радовалась и молила Бога о спасеніи Хорсова. Вмѣстѣ съ этой вѣстью пошла по станицѣ и другая. Изъ хутора Тополева, что на другой сторонѣ Дона, одинъ старикъ, у котораго пашня недалеко отъ желѣзной доро-

ги, былъ на станціи и тамъ доподлинно узналъ, что на Манычи большевиковъ разбили и что они быстро отступаютъ, что на Донцѣ также у казаковъ большой успѣхъ, что на станціи большевики растерялись, а наши ликуютъ.

Нелегко было въ этотъ день, т. е. послѣ казни Хорсова и Михайлѣ Нагибину и его друзьямъ. Михайлика мать, Артемьевна, узнавъ новость отъ сосѣдокъ, пришла домой разстроенная и злая, и съ мѣста же накинулась на сына, спавшаго у амбара на крылцѣ.

— Чаво спишь — вытянулся, какъ верста, вставай дуракъ непутевый... Вставай — казакъ тоже... Черти...

Михайла понималъ материнъ гнѣвъ и, не оправдываясь, всталъ, одѣлся и пошелъ, было, умываться на кухню, но тамъ мать сердито стучала ведрами, горшками и что-то причитала. Михайла умылся у колодца и началъ точить рашпилемъ лопату, чтобы рѣзать кизяки*) на базу.

— Здорово дневала, Артемьевна, — послышался черезъ плетневый заборъ голосъ бабки Бородихи.

«Ну, подумалъ Михайла: « пришла старая карга — теперь хоть уходи».

— Што-жъ, Артемьевна, сынокъ то твой, Михайла, на разстрѣлы ходилъ? Ивана Антоновича разстрѣливалъ? Хорошъ казакъ... Другъ друга, значитъ... а? — говорила бабка Бородиха громко, рѣзко и медленно, закругляя каждое слово — такова была ея всегдашняя манера.

— Да што же, бабушка — видишь, выросъ дубина. Издалека видно — вотъ и зовутъ, потому — примѣтный... На кого Богъ, на того и люди. Богъ мужа отнялъ, а эти сына въ петлю гонятъ... Окаянные музланы измываются надъ казаками — и пропасти на нихъ нѣту.

— Ужъ измываются, такъ измываются. Русапеты проклятые да жиды... Христа распяли, а теперь казаковъ распинаютъ. Да и наши-то — эхъ, казаки... Встали бы дѣды, посмотрѣли — и опять въ могилу бы легли. Какъ-бы я была казакомъ, я бы имъ показала, я бы имъ горло перервала своими руками.

Бой-бабка была Бородиха. Слыла когда- то красавицей, мужемъ имѣла отставного казака, была этимъ глубоко обижена и, какъ говорили, «на хвостѣ его не чуяла». Жизнь провела бурную. Потомъ сдѣлалась повитухой, но молодецкія ухватки сохранила до старости и сейчасъ, потрясая кулаками въ сторону Правленія Комитета, имѣла видъ грозный и внушительный. Высокая, прямоносая и длинноликая, злобно сверкала бабка большими, сѣрыми глазами изъ-подъ густыхъ круто выгнутыхъ бровей: «Что они мнѣ сдѣлаютъ? Убьютъ — пускай. Лучше умру, чѣмъ срамъ такой видѣть... Вотъ што, Мишунька, родной мой», обратилась она мягко къ Михайлѣ: «Ты — парень разумный, казакъ изъ тебя выйдетъ добрый... вотъ что,красавецъ мой, придутъ за тобой эти людоѣды проклятые ,пошлютъ разыскивать Антонича — ты иди, но и не думай находить его. Не находи — не бери сраму и грѣха на душу. Ужо, скоро придутъ наши. На землѣ я спала, около своей хаты, и слышала — гудитъ... должно, пушки. Помни слово бабки Бородихи — я, вѣдь, принимала тебя, Мишунька, когда ты родился... Подожди, вонъ дѣдъ Арнаутъ идетъ съ рыбалокъ. Онъ тебѣ скажетъ, что дѣлать. Отца у тебя нѣту, спросимъ его — старикъ дошлый».

Арнаутъ, дѣйствительно, шелъ съ рыбалокъ съ мокрымъ мѣшкомъ на плечѣ, въ которомъ была мелкая рыбешка и сѣтки. Въ молодости Арнаутъ, правда, считался ухачемъ, но теперь былъ худъ, согбенъ, бородатъ и угрюмъ. Жилъ въ маленькой хаткѣ одиноко и нелюдимо. Арнаутомъ его прозвали за то, что это названіе турецкихъ подданныхъ, послѣ войны 77 года сдѣлалось его излюбленнымъ браннымъ словомъ.

— Слыхалъ, Семенычъ? — обратилась къ нему еще издали бабка Бородиха.

— А што? остановился Арнаутъ и слегка приподнялъ свою старую блиноподобную казачью фуражку.

Бородиха разсказала ему исторію разстрѣла Ивана Антоновича и о Михайлиномъ въ ней участіи: «какъ ты думаешь, Семенычъ? Я ему говорю, все одно наши придутъ — вотъ, вотъ, што не видишь?»

Арнаутъ холодно и укоризненно посмотрѣлъ на Михайлу, повернулся и пошелъ, бормоча: «арнауты, арнауты проклятые»...

Тяжело было Михайлѣ. Парень онъ былъ головковый и отлично понималъ, что кроется и за материнымъ ворчаньемъ и за укорами бабки Бородихи; а тяжелѣе всего былъ холодный, укоризненный взглядъ дѣда Семеныча съ его бранью: «арнаутъ, арнаутъ». «Лучше бы онъ меня костылемъ ударилъ», думалось Михайлѣ.

Такъ же, какъ Михайлу, пилили дома и Васятку Холодкова и остальныхъ казачатъ...

Въ то же утро ихъ своихъ женъ узнали и комитетчики объ исходѣ разстрѣла Хорсова и о слухахъ, распространившихся по станицѣ относительно большевиковъ и о скоромъ приходѣ казаковъ.

Комитетчики встревожились и рано собрались въ Правленіи. Такъ какъ предсѣдатель, Никифоръ Баклушинъ, жилъ одинъ, безъ семьи, на квартирѣ у вдовы казачки, то онъ ничего не зналъ и спалъ по барски до девяти часовъ. За нимъ послали его брата Егора.

Услыхавъ новости, Никифоръ потерялъ всю свою важность и, вмѣсто генеральской походки, чуть не бѣгомъ отправился на засѣданіе, не успѣвъ затянуть обмотками свои худыя, лядащія ноги.

Обсуждали положеніе долго. Относительно Хорсова дѣло было ясное — нужно послать тѣхъ же казачатъ съ Григоріемъ Склянкинымъ на розыски и приказать найти, во что бы то ни стало. Относительно вѣроятнаго прихода казаковъ дѣло было сложнѣе и важнѣе. Судили и рядили по всякому и рѣшили принять мѣры на случай бѣгства. Признано было, что оставаться никакъ нельзя, и всѣмъ иногороднимъ необходимо было уходить съ семействами на казачьихъ подводахъ съ ихъ хозяевами, въ качествѣ проводчиковъ. Подготовку на случай бѣгства вести въ секретѣ.

Посланные за Гришкой явились ни съ чѣмъ. Онъ съ ранняго утра исчезъ изъ дома. Михайла Нагибинъ съ пріятелями пришелъ и дожидался въ корридорѣ Когда ихъ позвали въ присутственную комнату, они вошли смѣло, сжавъ въ рукахъ заряженныя винтовки. Впереди всѣхъ сталъ Михайла.

Обозленный Никифоръ накинулся на казачатъ съ крикомъ, угрожая революціоннымъ судомъ и разстрѣломъ. Но, получивъ спокойный отвѣтъ «мы, товарищи,, стрѣльбѣ не учились, на военной службѣ не бы-

*) Кизякъ — топливо изъ навоза.

эи, лучше было бы вамъ самимъ этимъ заняться», и, встрѣтивъ холодный идаже угрожающій взглядъ пяти паръ молодыхъ и задорныхъ глазъ, — Никифоръ сбавилъ тонъ и сталъ отечески увѣщевать казаковъ. Онъ убѣждалъ ихъ не вѣрить бабьимъ сказкамъ, ибо «всѣ эти слухи, что будто кадеты разбили большевиковъ — пустая болтовня. Комитетъ-де постояннно получаетъ со станціи правильныя свѣдѣнія, изъ которыхъ, напротивъ, видно, что кадеты давно уже прогнаны съ Дона, и скоро ихъ потопятъ въ Черномъ Морѣ. За неисполненіе приказанія Комитета о разстрѣлѣ Хорсова, какъ за большое преступленіе противъ революціи, казачата должны отвѣчать строго. Поэтому имъ необходимо оправдать себя и заслужить свою вину, т. е. найти Хорсова и представить его Комитету». «Слушайте, товарищши», закончилъ свою рѣчь Никифоръ: «если вы будете увиливать, я донесу на станцію, и намъ пришлютъ сюда отрядъ красной арміи. Плохо будетъ тогда и вамъ, и вашимъ роднымъ и прочимъ. Идите сейчасъ же, найдите и приведите Хорсова. Ты, Нагибинъ, будешь за старшаго пока, а какъ придетъ товарищшъ Склянкинъ, мы его пришлемъ къ вамъ. Тогда онъ будетъ старшимъ. Ну, идите — и чтобы къ вечеру Хорсовъ былъ здѣсь».

Казачата вышли изъ Правленія въ подавленномъ состояніи. Слова Никифора произвели на нихъ нужное для Комитета впечатлѣніе. Молодые, безъ опытнаго и твердаго руководителя, казачата не знали, на что рѣшиться — и растерялись. Жалко было Хорсова, жалко родное казачество — ненависть къ большевикамъ пламенѣла въ ихъ молодыхъ сердцахъ, — но жалко было и губить себя и станицу.

— Брешетъ Никишка, — первымъ высказался весельчакъ Васятка Холодковъ: «страху нагоняетъ. Михайла же говоритъ, что бабка Бородиха ночью слыхала, какъ пушки гудѣли»...

— Можетъ, во снѣ ей приснилось. Она слыхала, а какъ же другіе — никто въ станицѣ не слыхалъ, — раздумчиво замѣтилъ другъ и сосѣдъ Васяткинъ, кряжеватый и круглолицый Ванярка Плетневъ: «тоже, какъ пришлютъ чертей ваньковъ — не сладко намъ будетъ, да и всѣмъ въ станицѣ будетъ не медъ».

Такъ разговаривая, шли по широкимъ, пустыннымъ и унылымъ улицамъ, съ высокимъ Михайлой во главѣ, пятеро казачатъ. На поиски бѣжавшаго Хорсова они не спѣшили. Разошлись сначала по домамъ, чтобы пообѣдать. Для сбора назначили ближайшій садъ.

Садовъ было много. Съ трехъ сторонъ они окружали станицу густой, нынѣ бѣлой и душистой чащей — четвертая прилегала къ Дону. Начинаясь отъ крайнихъ дворовъ, сады тянулись далеко въ степь, до саныхъ кочугуръ, прерываясь широкими пустырями, на которыхъ, лѣниво переваливая крыльями, стояли мельницы-вѣтрянки.

Когда послѣ обѣда, часу въ третьемъ, собралась Михайлина команда, то долго къ опредѣленному рѣшенію — искать или только показывать видъ, что ищутъ, — она не могла придти. Съ одной стороны, хотѣлось, чтобы Хорсовъ спасся, чтобы дать ему возможность спастись. Съ другой — было боязно за себя. Утренняя рѣчь Никифора Баклушина сильно подѣйствовала на нихъ. «А ну, какъ онъ правъ, и слухи о побѣдѣ кадетъ только были сказкой. Пошлютъ за «ваньками» — тогда и Михайлѣ съ друзьями крышка. И дядя Антоничъ не спасется — найдутъ, и станицѣ не будетъ пощады». Въ концѣ концовъ все же рѣшили: «что Богъ дастъ — идти на-удалую. Особенно не искать, а если попадется Хорсовъ — ну, значитъ, такова его судьба; если не попадется — такова ихъ судьба».

Гришка къ нимъ не пришелъ, какъ обѣщалъ Баклушинъ: онъ сбѣжалъ въ сосѣднюю станину къ своему пріятелю, сбытчику краденыхъ лошадей, такъ какъ не хотѣлъ вновь участвовать въ казни Ивана Антоновича, котораго онъ когда-то такъ уважалъ и передъ которымъ, послѣ его поведенія во время казни, еще больше сейчасъ преклонялся.

Поэтому Михайлина команда могла вести розыски, какъ ей хотѣлось, и она вела ихъ, дѣйствительно полагаясь на судьбу и больше желая, чтобы Иванъ Антоновичъ благополучно скрылся. Какъ вдругъ, проходя около одного колодца, занесеннаго перекатихой, они услышали стонъ и поняли, что здѣсь скрывается Хорсовъ. «Значитъ, такова его судьба», рѣшили казачата

**
*

Иванъ Антоновичъ Хорсовъ, послѣ неудачной казни и удачнаго бѣгства, перепрыгнувъ черезъ нѣсколько ветхихъ плетневыхъ огорожъ, отдѣлявшихъ сады одинъ отъ другого, остановился и сѣлъ подъ старой развѣсистой грушей, чтобы отдохнуть и осмотрѣть рану. Жестокая боль чувствовалась и въ рукѣ и переходила въ плечо. Рукава рубашки и пиджака были въ крови. Капала кровь и на землю. Иванъ Антоновичъ оторвалъ зубами чистый рукавъ рубашки и крѣпко перевязалъ раненую руку. Стало легче, и нужно было обдумать свое положеніе.

Со времени прихода большевиковъ и начала казней всѣ въ станицѣ жили, какъ обреченные, въ тяжеломъ оцѣпенѣніи, какъ околдованные дьявольскимъ чудовищемъ. На возможность быть схваченными и разстрѣлянными смотрѣли, как- на нѣчто неизбѣжное и ни о какомъ сопротивленіи не помышляли — тѣмъ болѣе, что всѣ боеспособные казаки ушли на фронтъ.

Подъ такимъ чувствомъ обреченности и роковой неизбѣжности жилъ и Иванъ Антоновичъ. Въ такомъ же состояніи оцѣпенѣнія онъ былъ арестованъ, судимъ и покорно сталъ на краю могилы, приготовившись войти черезъ ту дверь, черезъ которую уже вошли шестьдесятъ, включая и его отца. Но, когда раздались выстрѣлы, и пуля прожгла его руку, оцѣпенѣніе мгновенно слетѣло, пробудилась былая энергія и неудержимая жажда жизни и борьбы, и мести за отца, за себя, за поруганіе Родины и всего того, что было ему свято. Иванъ Антоновичъ очень жалѣлъ, что не ушелъ съ своими войсками — отца все одно не защитилъ; жалѣлъ, что, послѣ прихода большевиковъ и гибели отца, не скрылся или въ глухой степи, или въ дальнихъ кочугурахъ, въ березовыхъ и осиновыхъ колкахъ и камышахъ — «околдовали проклятые». Теперь онъ рѣшилъ бѣжать во что бы то ни стало — разумѣется, сейчасъ было труднѣе, когда ранена рука, но все же есть надежда спастись и, благо теплое время, отлежаться гдѣ-нибудь въ заломахъ, куда мѣстные большевики не осмѣлятся сунуться, не имѣя красноармейцевъ. Но бѣжать сейчасъ нельзя было. Иванъ Антоновичъ рѣшилъ переждать дня два, пока все успокоится, затѣмъ пробраться домой, запастись провизіей, сѣсть на «Рыжаго», вырыть запрятанную съ патронами винтовку и двинуться въ «Колки». Онъ не рас-

читывалъ на то, чтобы казачата его стали тщательно разыскивать, ибо догадывался отлично, что они нарочито стрѣляли мимо и что пуля, ранившая его, была Гришкиной.

Такъ какъ майскія ночи, въ особенности къ зарѣ, еще достаточно прохладны, а отъ боли въ рукѣ стало лихорадить, то Иванъ Анотничъ рѣшилъ искать себѣ уютное убѣжище. Онъ вспомнилъ, что на краю одного изъ садовъ, внѣ ограды, былъ старый, завалившійся колодезь, что этотъ колодезь былъ забитъ перекатихой, которую накаталъ вѣтеръ изъ степи. Туда Иванъ Антоновичъ и отправился. Найдя старый колодезь съ перекатихой, онъ разрылъ бурьянъ, пробрался до самаго дна и тамъ расположился.

Ночи майскія коротки, и пока Иванъ Антоновичъ устроился въ своемъ новомъ жильѣ, зарозовѣлъ уже востокъ, и изъ станицы послышались голоса хозяекъ, начавшихъ доить коровъ. Потомъ, къ восходу солнца, недалеко отъ колодца прошелъ табунъ скота изъ ближайшей части станицы.

Лихорадка усиливалась. Усталость отъ пережитого и отъ безсонной ночи клонила ко сну. Ивану Антоновичу казалось, что его уже ищутъ, ведутъ слѣдомъ, какъ зайца...

Хорсовъ въ юныхъ годахъ былъ страстнымъ охотникомъ. Жилъ онъ тогда съ отцомъ и матерью въ одномъ изъ хуторовъ близъ «Колокъ», гдѣ обильно водились и зайцы, и куропатки, и утки и др. дичь. И вотъ теперь, въ полубреду, въ полуяви, въ его мозгу отчетливо встала одна картина, въ свое время, давно, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, его сильно поразившая.

В одинъ воскресный день, глубокой осенью, онъ и человѣкъ пятнадцать однохуторянъ охотились въ кочугурахъ. День былъ пасмурный, погода мягкая. Небольшой снѣгъ на пескахъ оттаивалъ и держался, главнымъ образомъ, по бурьянамъ — въ кудрявыхъ, мощныхъ вязникахъ и остроперомъ дудочникѣ.

Шли лавой — котломъ, т. е. дугой съ выдвинутыми далеко впередъ флангами. Шли, переваливаясь съ кочугуры въ лощину, съ лощины на кочугуру. Зайцы, бѣляки и крупные русаки, выскакивали изъ кустовъ и, какіе поумнѣе, удирали впередъ, а другіе метались понадъ цѣпью, въ котлѣ. Стрѣльба шла, какъ на войнѣ — выстрѣлъ за выстрѣломъ. Было весело. Шутили, смѣялись, гоготали, а больше всѣхъ атаманъ ватаги, хохотунъ вахмистръ Артемъ Карпычъ. Вдругъ у Хорсова почти изъ-подъ ногъ, зашуршавъ въ вязанкѣ, выкатилъ бѣлякъ такъ, что онъ вздрогнулъ отъ неожиданности; выстрѣлилъ, почти не цѣлясь и перебилъ зайцу лѣвую заднюю ногу ниже колѣна. Заяцъ закричалъ, какъ ребенокъ, и продолжалъ бѣжать. Бѣжитъ, а кусокъ ноги болтается изъ стороны въ сторону. Кровь льется, а онъ бѣжитъ и, несмотря на очевидно ужасную боль, пытается опереться кровавой культышкой о землю и жалобно, по дѣтски вскрикиваетъ. Споряча долго за нимъ гнался Иванъ Антонычъ, но догнать не могъ. Заяцъ съ болтающимся кровавымъ кускомъ ноги всетаки спасся, затерявшись въ камышахъ и зарослях болота. Цѣлый день, до конца охоты, не выходилъ изъ головы Хорсова этотъ заяцъ съ перебитой ногой, пытающійся опереться на кровавую культышку и по-дѣтски вскрикивающій. Какъ только вспомнитъ Хорсовъ объ этой ногѣ, сейчасъ же мурашки и поползутъ по всему тѣлу — такъ отчетливо представлялъ онъ себѣ боль и переживанія несчастнаго бѣляка. И вечеромъ, когда принесли и сложили зайцевъ въ чуланѣ на знакомомъ зимовникѣ въ огромную кучу, Хорсову было больно и противно смотрѣть на нихъ. Казались они ему не зайцами, а человѣческими трупами. Часто потомъ въ жизни вспоминалъ Иванъ Антоновичъ этого зайца и всякій разъ ему становилось жалко зайца и стыдно за себя.

Иванъ Антоновичъ спалъ и бредилъ. И казалось ему, что его тоже на охотѣ подстрѣлили, и онъ спасается отъ охотниковъ, какъ заяцъ — бѣжитъ по садамъ, по колкамъ, по камышамъ. Изъ руки течетъ кровь, ему страшно больно, но жажда жизни, желаніе спастись таковы, что онъ не обращаетъ вниманія на то, что пробираясь въ гущѣ деревьевъ, цѣпляетъ раненой рукой за вѣтки. И бѣжитъ, бѣжитъ... А охотники ведутъ его по слѣду и по кровавымъ пятнамъ. Онъ становится на четвереньки, чтобы проползти въ самую гущу зарослей и опирается, какъ заяцъ, раненой рукой о землю и отъ боли стонетъ...

— Дядя Иванъ Антонычъ, дядя, это ты? Вставай, дядя! — давно уже кричали снаружи.

Иванъ Анотничъ, наконецъ, услышалъ и спросилъ: «кто это?»

— Да мы — Михайла Нагибинъ и другіе. Вставай, дядя, вылазь.

Иванъ Анотничъ увидѣлъ, что всѣ его надежды на спасеніе рухнули — «зайца нашли», подумалъ онъ и вышелъ, ежась отъ боли.

— Здорово дневалъ, дядя!

— Добраго здоровья, ребята!.. Нашли?.. Будемъ начинать сначала? — съ горькой усмѣшкой посмотрѣлъ Хорсовъ на казачатъ.

Отошли отъ колодца, сѣли на землю, свѣсивъ ноги въ огородный ровъ, и стали дѣлать цыгарки; скрутили одну и для Ивана Анотоновича. Хотя онъ уже два года не курилъ, бросивъ эту привычку ввиду ея грѣховности, но сейчасъ ему было настолько тяжело, что онъ взялъ цыгарку и закурилъ.

— Хочешь пирога*), дядя? спросилъ Михайла.

На утвердительный кивокъ головою Махайла вынулъ изъ кармана краюшку пирога и подалъ ее Антоничу, который попросилъ воды. Васятка побѣжалъ въ ближайшій садъ, гдѣ онъ, проходя, видѣлъ около колодезя полуразбитый поршокъ-молочникъ и принесъ воды. Иванъ Антоновичъ жадно выпилъ и началъ ѣсть пирогъ.

Солнце уже было близко къ вечеру. Вдали виднѣлись задонскіе гребни — горы, какъ ихъ именовали казаки. За гребнями тянулись широкія, безконечныя степи до Манычи, до Кубани, до Чернаго и Каспійскаго Морей... Туда съ надеждою обращались взоры и дружины Михайлы Нагибина и всей станицы, туда же взглядывалъ сейчасъ и Иванъ Антоновичъ и прислушивался, не гудятъ ли пушки, не несутъ ли онѣ ему и всему казачеству долго жданное избавленіе...

— Ну, што-жъ, ребята, опять туда, къ злодѣямъ? — съѣвъ хлѣбъ, спросилъ Анотничъ.

Казачата молчали, понуривъ глаза въ землю.

— Што молчите?.. Къ музланамъ въ зубы, къ жиду?

— Можетъ, ты, дядя, домой бы зашелъ, а? Поѣлъ

*) Пирогомъ казаки называютъ пшеничный хлѣбъ

бы? Подождемъ, какъ стемнѣетъ и пойдемъ. Тамъ тебѣ рану обмоютъ и намажутъ чѣмъ-нибудь — предлагалъ Михайла, чтобы хоть какъ нибудь смягчить ужасъ и свое и Хорсова положенія.

— Пойдемъ — только надо кругомъ станицы, а не по улицамъ, — согласился Иванъ Антоничъ.

Остались сидѣть на томъ же мѣстѣ до ночи. Сидѣли молча — разговаривать въ такую минуту ни у кого охоты не было.

Когда заря стала потухать и стемнѣло, всѣ шестеро двинулись въ путь. Шли кругомъ станицы, не приближаясь къ окраинамъ, чтобы не попасться кому либо на глаза. Домъ Хорсова былъ какъ разъ на противоположной сторонѣ, и идти пришлось довольно долго. Двигались по военному — двое, въ качествѣ развѣдчиковъ, впереди, четверо, съ Хорсовымъ по срединѣ, сзади. Вслучаѣ опасной встрѣчи, развѣдчики должны были предупредить свистомъ, дабы остальные могли своевременно спрятаться въ садахъ.

Станица уже спала. Огня нигдѣ не было видно. Съ приходомъ большевиковъ всѣ старались поскорѣе забраться въ курени и непоказываться на улицу — ни о какихъ хороводахъ и сидѣлкахъ не могло быть и рѣчи.

Какъ и вчера, было лунно, какъ и вчера, чудесная, душистая майская ночь ласкала грѣшную землю и несла миръ и покой звѣрю и человѣку и растенію. Но люди покоя не знаютъ...

На полпути, въ одномъ изъ окраинныхъ куреней, окна были освѣщены. Тамъ играли на гармошкѣ и скрипкѣ, пѣли пѣсни и танцевали. Это былъ мѣстный притонъ Лушки Курноски, вдовы овчинника, гдѣ обыкновенно играли въ лото, принималось краденое, торговали водкой. Сейчасъ тамъ, сбѣжавъ отъ женъ, кутили комитетчики съ пріятелями; тамъ же былъ и длинноухій комиссаръ.

Михайлина команда свернула въ сторону, чтобы подальше обойти опасное мѣсто.

— А-а, злодѣи... подождите — не долго вамъ пановать, — погрозилъ кулакомъ Васятка Холодковъ. Онъ больше всѣхъ вѣрилъ, что скоро наступитъ избавленіе; скоро, скоро придетъ конецъ проклятой власти. Ему уже чудились за задонскими гребнями родные полки и батареи. «Пойду въ артиллерію», перерѣшилъ Васятка: «и буду ихъ громить проклятыхъ гранатами и шрапнелью. Въ батарею меня примутъ — я сильный, широкоплечій»...

Хорсовы жили недалеко отъ окраины, а потому пробраться къ нимъ не стоило особаго труда — тѣмъ болѣе, что станица ужа спала; по крайней мѣрѣ, народъ заперся въ куреняхъ и кухняхъ, и снаружи никого не было...

Дворовая дверь у Хорсовыхъ была изнутри заложена на засовъ, и Васяткѣ Холодкову пришлось перелѣзть черезъ заборъ, чтобы открыть ее.

Поднявшись на крыльцо, Иванъ Антоновичъ постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ? — отозвалась изъ корридора подпявшаяся Акимовна.

— Открой, Анися — это я!

— Ты, Ваня...

Слышно было, какъ Акимовна засуетилась въ корридорѣ и бросилась къ двери. Задвижка щелкнула, и дверь отворилась.

Ой, Господи, это ты?

— Тише, мать, тише, а то услышатъ...

— А это кто еще съ тобой?

— Свои.

Акимовна въ тѣни крыльца не разсмотрѣла спутниковъ, открыла дверь въ комнату и зажгла лампу.

Когда комната освѣтилась и Акимовна увидѣла тѣхъ же казачатъ, чтоприходили арестовывать мужа и такъ же, какъ тогда, съ винтовками, — она сначала растерялась, а потомъ затряслась отъ рыданій: «поймали... нашли... душегубы проклятые... а все казаки — креста на васъ нѣту, ироды!»

Лампа качалась въ ея рукѣ и грозила выскользнулъ на полъ. Иванъ Антоничъ схватилъ лампу и поставилъ на столъ. Анеша проснулась и, лежа подъ бабкинымъ пальто, недоумѣнно смотрѣла и спросонья никакъ не могла понять, откуда и зачѣмъ въ комнатѣ такъ много казаковъ и съ винтовками, а потомъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, уткнулась въ подушку лицомъ и тоже стала рыдать.

— Мать, Анися, перестань, тише, ради Бога... На улицѣ слышно, — успокаивалъ жену Иванъ Антоничъ.

— Тетка Анися, не кричи, тише... Мы воровски пришли къ вамъ, чтобы никто не зналъ, — упрашивалъ и Михайла.

Ишь, воровски... никто не зналъ, — передразнила Акимовна: «проды, супостаты, басурманы, нехристи»...

Хорсовъ потребовалъ теплой воды и чистыхъ тряпокъ и сталъ обмывать руку, а Акимовна занялась ужиномъ. Ждать приготовленія горячей ѣды Антоничъ отказался. Промывъ и смочивъ спиртомъ и перевязавъ руку, онъ перешелъ въ залъ и сѣлъ за столъ. Жена подала сала, сушеной рыбы, пирожковъ съ картофелемъ, кислаго молока и иной снѣди.

— Налей мнѣ стаканъ водки, мать!

Выпивъ одинъ, Антоничъ попросилъ другой, а потомъ, крякнувъ, принялся за ѣду.

— Поднеси, мать, и ребятамъ.

— За што... убивцамъ? Ни Боже мой, ни капли... Будь они прокляты.

— Ну, ну, мать, грѣхъ... они не сами собой — тоже понимать надо. Налей, — твердо потребовал Антоничъ.

— Ну, на-те, подавитесь, ироды, непрошенные гости...

Казачата несмѣло выпили, взяли кусокъ поданнаго имъ Антоничемъ сушенаго янтарнаго сазана, закусили, робко поблагодарили и сѣли въ сторонкѣ, около шкафа, потупивъ глаза въ полъ.

Тяжело было у нихъ на душѣ. Такъ хотѣлось спасти Хорсова, и не знали, какъ сдѣлать, чтобы самимъ не стать на край могилы подъ винтовки.

Иванъ Антоничъ молча ѣлъ, похрустывая рыбой. Акимовна плакала въ передней. Семилѣтняя востроносая, востроглазая Анеша, въ длинномъ платьицѣ, съ босыми худенькими ножками, выглядывала изъ-за печки, и слезы ручьями текли по ея узенькому личику. Ей очень хотѣлось подойти и приласкаться къ дѣду, но страхъ передъ «убивцами» приковалъ ее къ печкѣ.

— Анеша, пойди, моя родная, ко мнѣ... пойди, кровь моя — пожалѣй дѣда, — утоливъ нѣсколько голодъ, позвалъ Антоничъ внучку.

Сначала робко шагая по-надъ печкой, потомъ со всѣхъ ногъ бросилась Анеша къ дѣду, обняла его ко-

лѣно, прижалась и затряслась въ рыданіяхъ. Ребенокъ понималъ отлично, что творилось. Анеша знала многихъ изъ тѣхъ, что были разстрѣляны, и изъ постоянныхъ разсказовъ о казняхъ составила отчетливое представленіе о томъ, что это значитъ. А это значило, что дѣдушку убьютъ, зароютъ въ яму глубоко... и ужъ она никогда его не увидитъ — никогда, никогда...

— Дяля, мы выйдемъ на минутку на дворъ... покурить, — сказалъ Михайла Нагибинъ, кивнувъ друзьямъ головой, — и всѣ вышли, оставивъ винтовки около шкафа съ посудой.

Спустившись съ крыльца во дворъ, Михайла, ничего не объясняя, распорядился: «идите въ сѣнникъ и давайте сюда «Рыжаго», а ты, Василій, ишши сѣдло въ амбарѣ». Безъ всякаго сговора, казачата понимали, что это значитъ, ибо одно и то же рѣшеніе пришло имъ въ голову, когда они сидѣли въ комнатѣ Хорсова и переживали горе и муки вмѣстѣ съ Акимовной, Анешей и самимъ Иваномъ Антоновичемъ.. «Будь, что будетъ, а убивцамъ своего казака я не хочу быть», подумалъ каждый и, посмотрѣвъ на другихъ, понялъ, что тѣ же мысли и у всѣхъ въ головѣ.

Во дворѣ Хорсовыхъ казачата распоряжались, какъ у себя дома, ибо казачій хозяйскій обиходъ былъ у всѣхъ одинъ: конь въ сѣнникѣ, сѣдло съ уздечкой въ амбарѣ на закромѣ, а нѣтъ — то уздечку нужно искать у амбара на крыльцѣ, на гвоздикѣ. Вывели «Рыжаго». Михайла смахнулъ ладонью сѣнную труху со спины коня, потрепалъ его любовно по шеѣ, положилъ сѣдло, подтянулъ подпруги. Надѣли уздечку, обошли вокругъ, похлопали по заду, по бокамъ, по-хозяйски удостовѣрились, что все въ порядкѣ; выпростали торочины для увязки вьюка — и остались довольны. «Добрый конь», не утерпѣлъ, чтобы не выразить своего удовольствія словоохотливый и веселый Васятка: «задъ-то, какъ печь... Корабь, ане конь... И дядину тушу повезетъ — не догонятъ».

«Рыжій» былъ дѣйствительно сколоченъ на славу. Ширококостный, мускулистый, не высокій на ногахъ не первой быстроты, но силы былъ отмѣнной и выносливости рѣдкой — хорошъ былъ въ хомутѣ и подъ сѣдломъ.

Приготовивъ «Рыжаго» и привязавъ его къ крыльцу, всѣ вошли въ курень.

— Ну, тетка Анися, давай мѣшокъ и провьянтъ, — спокойно и вѣско, какъ всегда, обратился къ хозяйкѣ Михайла.

— Какой мѣшокъ, какой провьянтъ? — недоумѣнно смотрѣла на него Акимовна.

— Провьянтъ дядѣ... Конь готовъ, осѣданъ.

Акимовна вытаращила глаза. Она начинала понимать, но боялась вѣрить: «да вы, Михайла, што же это хотите, чаво думаете?..»

— Ничаво, тетка, не думаемъ... Пускай дядя садится и скачетъ въ Колки, аль въ степь... А тамъ наши придутъ — все будетъ хорошо.

«Родимые мои, казаченьки, пошли вамъ Господи счастья. Спасетъ васъ Христосъ». Акимовна упала на колѣна и била о полъ лбомъ передъ каждымъ изъ казачатъ. Слезы катились изъ глазъ и у спокойнаго, величаваго богатыря Михайлы Нагибина и у его друзей. Васятка даже всхлипывалъ, до того расчувствовался, и косилъ лицо въ сторону, стыдясь своей слабости.

— Тише, тетка, встань, — упрашивалъ ее Михайла, взявъ за руки и поднявъ: «скорѣе — ночь не ждетъ».

Вышелъ изъ зала и Иванъ Антоновичъ съ прилѣпившейся къ его ногѣ Анешей.

— Что у васъ тутъ, братцы?

— Собирайся, дядя — Рыжій готовъ. Мы его осѣдали. Вотъ провіянтъ увяжемъ въ торока — и съ Богомъ: ѣзжай, куда хочешь.

Поглядѣлъ съ минуту на казачатъ Хорсовъ, смахнулъ слезу съ добрыхъ сѣрыхъ глазъ и съ улыбкой проговорилъ: «Спасибо Вамъ, братны — никогда не забуду. Вотъ это такъ — по нашему, по казацки, по-братски... Давай, мать, провіантъ — время не терпитъ, ночь идетъ. Принеси, мать, винтовку, а вы, ребята, патроны положите въ мѣшокъ».

Во дворѣ разговаривали шопотомъ. Анеша тоже вышла и стояла, уцѣпившись за бабкину юбку. Михайла увязывалъ въ торока мѣшокъ съ провіантомъ. Когда все было готово, Хорсовъ снялъ шапку и перекрестился, то же сдѣлали и остальные. За бабушкой по-дѣтски неумѣло крестилась и Анеша.

Надѣвъ винтовку и сѣвъ на коня съ помощью казачатъ, Антоничъ вросъ въ сѣдло и сразу почувствовалъ себя и спокойнѣе, и бодрѣе. Умница «Рыжій» навострилъ уши, повелъ глазами въ сторону провожавшихъ и увѣренной, но мягкой поступью, осторожно понесъ къ дверямъ мощное тѣло своего хозяина.

— Ну, прщайте, — кивнулъ головой въ послѣдній разъ Антоничъ: — спасетъ васъ Христосъ, молодчики родные. Богъ дастъ, увидимся скоро.

По улицѣ Хорсовъ проѣхалъ шагомъ, держась тѣневой стороны, выбравшись же за окраину, послалъ толчкомъ Рыжаго и, приподнявшись на стременахъ и склонившись впередъ, двинулся широкой рысью между садами; а выѣхавъ на просторъ, потонулъ въ молочно-мутной дали полынно-песчанной степи.

Михайла и его друзья, проводивъ Хорсова, отправились по домамъ. На душѣ у нихъ было легко. Всѣ сомнѣнія, колебанія и муки совѣсти отлетѣли. Что будетъ дальше — они не думали объ этомъ и не хотѣли думать въ эту минуту.

Самое главное было — они спасли дядю Хорсова отъ смерти, утерли слезы тетки Акимовны и маленькой Анеши, дѣтское горе которой такъ надрывало ихъ сердце.

— Эхъ, братцы, — не вытерпѣлъ Васятка, — теперь бы пѣсню махнуть, а? Скажемъ, што-ль:

Шелъ усталый, приморился
Молодой донской казакъ...

—Ну, ты, будя.... какія тамъ пѣсни, — прицыкнулъ на него положительный Михайла, — надо сговориться, какъ отвѣчать и этимъ чертямъ, и своимъ.

— Правда, Миша... чтобы не перебрехаться, — согласились всѣ.

— Вотъ что, братцы... дядю мы не нашли — должно, бѣжалъ куда-нибудь: у него друзей много по хуторамъ. А што промахнулись — такъ стрѣлять мы не умѣемъ, не учились. Своимъ нужно тоже такъ говорить. Клясть насъ будутъ, предателями называть — надо молчать. А наши придутъ — всю правду разскажемъ. Не укорятъ насъ за это.

— Ну, а какъ завтра отвѣтъ держать въ Комитетѣ? Надо по-одиночкѣ не ходить... У тебя, Михайла, соберемся, а?

— Нѣтъ, братцы, соберемся въ нашемъ саду, у ко-

.юдезя, — тамъ обсовѣтуемъ... Можетъ, утромъ узнаемъ, что новаго, хорошаго съ фронта — завтра виднѣе будетъ... Нынѣ, вѣдь, цѣлый день никого не видѣли, — отвѣтилъ Михайла.

А вѣсти были важныя. Откуда онѣ пришли, никто точно не зналъ, но у всѣхъ вдругъ получилась твердая увѣренность, что большевики разбиты, что не нынѣ — завтра казаки придутъ, и дьявольская власть исчезнетъ. «Яко дымъ отъ огня», прибавляла бабка Бородиха. Увѣренность эта находила подтвержденіе и въ томъ, что комитетчики и всѣ прочіе иногородніе уже явно готовились уходить.

На совѣтѣ въ Нагибиномъ саду Михайла съ друзьями рѣшили держаться смѣло и, въ случаѣ нужды, пустить въ ходъ винтовки... «Бояться нечего этой сволочи», сверкая глазами и засучая рукава, азартно настаивалъ Васятка. Въ подкрѣпленіе рѣшили сейчасъ же собрать еще человѣкъ пятнадцать молодежи, которая должна была придти вслѣдъ за ними къ правленію.

Обошлось, однако, все гораздо проще. Получивъ подтвержденіе о пораженіи красныхъ и на Манычи, и на Донцѣ, и о скоромъ приходѣ казаковъ, — иногородніе лихорадочно взялись за подготовку бѣгства и махнули рукой на Хорсова и на Михайлу съ его дружиной.

— Какъ было славно зожили, — жаловался тотъ же шибай Алешка Щетинниковъ: — а теперь, вотъ, дожили... вотъ, дожили, такъ дожили — бѣжать надо отъ жирныхъ хлѣбовъ!

***

Дня черезъ три всѣ иногородніе, съ длинноухимъ комиссаромъ и комитетомъ во главѣ, ушли изъ станицы, реквизировавъ казачьи подводы вмѣстѣ съ ихъ хозяевами. Много добра казачьяго было забрано: лошади, скотъ, одежда и пр. Ушли съ женами, дѣтьми и всѣмъ скарбомъ. Нѣкоторые старики-подводчики такъ и не вернулись домой — какой смертью они погибли, никто не зналъ. Извѣстно было, что обращались съ почтенными стариками-казаками жестоко — какъ съ рабами.

Иванъ Антоновъ и всѣ малолѣтки стали въ ряды арміи; причемъ почтенный Хорсовъ и веселый Васятка оказались въ одной батареѣ.

Провожая мужа на фронтъ, Акимовна не плакала, а была спокойна и даже торжественно настроена. Сосѣдкѣ она говорила: «Всѣ слезы, болѣзная моя, я выплакала, когда Ваню разстрѣливали. А теперь што плакать?.. Всѣ идутъ, всѣ должны стать за вѣру православную и за тихій нашъ Донъ-Кормилецъ. Сказано — кровью Донъ взятъ, кровью и отдастся. Убьютъ — што-же, не онъ одинъ: всѣ подъ Богомъ ходимъ... Зато на полѣ брани, а не то что хотѣли застрѣлить за станицей, какъ собаку».

А. Бояриновъ.

Есть иногородніе — и иногородніе...

Когда мы говоримъ объ иногородныхъ, мы имѣемъ въ виду ту массу пришельцевъ въ Казачьи Земли, которая въ общемъ показала себя и особенно воспріимчивой къ большевизму, и опредѣленно враждебной казачеству.

Но есть иногородніе — и иногородніе... Были и есть беззавѣтно отдавшіе себя на служене дѣлу борьбы противъ большевиковъ, защитѣ свободы и чести казачества, съ которымъ они кровью связали свою судьбу.

Мы о нихъ не говоримъ потому, что не отдѣляемъ ихъ отъ себя, считаемъ ихъ такими же казаками какъ и мы — и понятно, ибо нѣтъ узъ болѣе крѣпкихъ, чѣмъ тѣ, что завязаны кровью.

И нынѣ «Лига Возрожденія Казачества» зоветъ ихъ также въ свои ряды, чтобы продолжать борьбу за освобожденіе Казачьихъ Краевъ, нашей общей дорогой Родины...

Экономическія и финансовыя возможности самостоятельнаго существованія казачества.

(Продолженіе).

Каково же было положеніе сельскаго хозяйства въ Казачьихъ Краяхъ? Что оно давало населенію ихъ? Какъ я уже сказалъ раньше, отвѣтовъ на эти основные вопросы въ статьѣ А. П. Маркова нѣтъ, да и самые эти вопросы его, повидимому, не интересовали. Оставимъ поэтому г. Маркова съ его «ученьми» измышленіями въ покоѣ и обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствительнаго положенія сельскаго хозяйства въ Казачьихъ Краяхъ — въ эпоху нормальной жизни ихъ.

Основными факторами сельскаго хозяйства являются земля и населеніе; поэтому я считаю необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ распредѣлялась у насъ земля между различными группами населенія, а также о количествѣ, движеніи и составѣ этого населенія.

Къ 1 января 1915 г. пространство и населеніе Казачьихъ Земель, образовавшихъ въ 1917 году такъ называемый Юго-Восточный Союзъ, были слѣдующія:

	Пространство въ тыс. дес.	Населеніе въ тыс. душъ
Донъ	15.061,5	4.013,4
Астраханская г. .	20.583,3	1.427,5
Кубань	8.687,2	3.051,2
Черноморская г. ..	**763,3**	201,8
Терекъ	6.674,2	1.314,9
Ставропольская г.	4.971,3	1.353,5
Всего	57.740,3	11.362,3

Такимъ образомъ, по пространству соединенныя территоріи Юго-Восточнаго Союза нѣсколько превышали Францію (50.432 тыс. десят.), а по населенію немного

болѣе превышали одну лишь четверть французскаго населенія (41 милліонъ).

Въ отдѣльныхъ областяхъ земельное довольствіе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

На Дону. — Изъ общаго количества земли въ 15 милліоновъ десятинъ, въ пользованіи станицъ находилось 9.479 тыс. десятинъ, въ распоряженіи Войска (войсковая земля) — 2.142 тыс. десятинъ, итого во владѣніи Войска — 11.621 тыс. десятинъ; принадлежало донскимъ помѣщикамъ — 2.318 тыс десятинъ, и крестьянамъ — 1.122 тыс. десятинъ. Когда-то вся земля въ предѣлахъ Войска Донского принадлежала Войску Донскому т. е. Донскимъ казакамъ, а затѣмъ, въ теченіе 18-го и 19-го вѣковъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, у него было отобрано 3.440 тыс. десятинъ самой лучшей земли, расположенной, главнымъ образомъ, въ округахъ Таганрогскомъ, Ростовскомъ и Донецкомъ. Примѣръ расхищенію войсковыхъ земель дала наша войсковая старшина. Послѣ того, какъ Петръ I отнялъ у Войскового Круга право выбирать Войскового Атамана, а затѣмъ былъ уничтоженъ и самъ Войсковой Кругъ войсковая старшина, избавившись отъ контроля Войскового Круга, стала захватывать лучшія войсковыя земли и переселять на нихъ, для обработки, крестьянъ. Вскорѣ на этотъ путь стало и Императорское правительство. Екатерина II, напр., пожаловала за что-то полковнику Себрякову изъ казачьей войсковой земли такъ называемый «Кобылянскій юртъ», находившійся въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, гдѣ нынѣ поселена слобода Михайловка, — площадью въ 250 тысячъ десятинъ. Войсковое правительство, ссылаясь на то, что пожалованный Императрицей юртъ не является пустопорожнимъ, протестовало противъ такого безцеремоннаго отношенія къ казачьей собственности. Въ наказаніе за такую «дерзновенную» защиту казачьихъ интересовъ, члены Войскового правительства были оштрафованы на 10.000 рублей серебромъ. Только послѣ смерти Екатерины II, при Павлѣ I, который ненавидѣлъ предыдущее царствованіе, Войсковому правительству удалось добиться уменьшенія пожалованнаго Себрякову участка до 40 тысячъ десятинъ. Такимъ порядкомъ отнято было у Войска Донского 1.650 тыс. десятинъ.

Въ 19-омъ вѣкѣ Русское правительство начало надѣлять за государственную службу донскихъ офицеровъ и чиновниковъ, выходящихъ въ отставку, вмѣсто денежной пенсіи, участками земли, вырѣзанными изъ казачьяго земельнаго фонда. До 1870 года эти участки являлись пожизненными, какъ и сама пенсія, которую они замѣняли, или какъ казачьи земельные паи. Въ 1870 году Императоръ Александръ II, въ воздаяніе за вѣрную 300-лѣтнюю службу Донскихъ казаковъ Россіи, Высочайшимъ манифестомъ пожаловалъ этимъ пенсіонерамъ ихъ пожизненные участки въ вѣчное и потомственное владѣніе. Этимъ путемъ было отнято у Войска Донского, подъ предлогомъ благодарности ему, еще 1.791 тыс. десятинъ.

Войсковая земля, площадью въ 2.142 тыс. десятинъ, сдавалась въ аренду: около 1 милліона десятинъ было отведено подъ частное коннозаводство, а остальная часть сдавалась подъ распашку, главнымъ образомъ, пришлому, не-казачьему населенію. Вырученныя за аренду войсковыхъ земель деньги расходовались на нужды, которыя въ остальной Россіи удовлетворялись за счетъ государственнаго казначейства; фактически и эти земли временно были отобраны у Донскихъ казаковъ.

Итакъ, за послѣдніе 2 вѣка совмѣстной жизни Дона съ Россіей русское правительство и опиравшаяся на него войсковая старшина изъяли изъ пользованія Донского казачества около 5,7 милліоновъ десятинъ, болѣе одной трети всей территории Войска Донского. По своей же цѣнности, эта земля значительно превышала землю, оставшуюся въ распоряженіи казаковъ. Достаточно сказать, что земли Таганрогскаго или Ростовскаго округа въ 6 разъ выше по своему качеству земель 2-го Донского округа. Стоимость отчужденной земли составляла передъ войной капиталъ въ 1.140 милліоновъ рублей золотомъ, проценты съ котораго приносили бы ежегодно 57 милліоновъ рублей, а арендная плата — 75 милліоновъ рублей. Въ этотъ расчетъ не входитъ 1 милліонъ десятинъ, отнятый у Войска Донского Петромъ I.

Донскіе крестьяне получили свои надѣлы въ 1861 г. изъ земель своихъ помѣщиковъ, т. е. изъ бывшей войсковой земли, а выкупные платежи платили государственному казначейству. Всего имъ было выдѣлено немногимъ болѣе 500 тысячъ десятинъ. Вскорѣ на помощь имъ (крестьянамъ) пришли учрежденные Правительствомъ Крестьянскій и Дворянскій земельные банки. Съ 1883 г. и по 1915 г. при помощи Крестьянскаго Банка было куплено на Дону указаковъ-помѣщиковъ 600-190 десятинъ земли, изъ нихъ сельскими обществами — 179.510 десятинъ, товариществами — 357.381 десятинъ и отдѣльными домохозяевами — 63.299 десятинъ. Изъ оставшихся у помѣщиковъ къ 1 января 1915 г. 2.318 тысячъ десятинъ — 1.678 366 десятинъ было тоже заложено въ Дворянскомъ и Крестьянскомъ Банкахъ, и банковскій долгъ на нихъ составлялъ 123,4 милліона рублей. Въ скоромъ времени и эта земля перешла бы въ руки крестьянъ, — очень часто не донскихъ, а пришлыхъ, — такъ какъ казаки не имѣли права покупать землю черезъ Крестьянскій Банкъ: они могли лишь заложить ее тамъ.

Послѣ революціи Войсковой Кругъ постановилъ отчудить помѣщичьи земли въ войсковой земельный фондъ для надѣленія ими малоземельныхъ казаковъ и крестьянъ, а нынѣ вся донская земля находится фактически въ распоряженіи совѣтскаго правительства, относящагося къ казакамъ, какъ къ своимъ злѣйшимъ врагамъ.

Я счелъ нужнымъ подробно остановиться на вопросѣ о распредѣленіи земли въ предѣлахъ Войска Донского потому, во-первыхъ, что оно является типичнымъ для всего казачьяго землевладѣнія, такъ какъ обычно законы, изданные для Войска Донского, были обязательны и для другихъ казачьихъ Войскъ, а, во-вторыхъ, потому что Донская земля издревле является природной собственностью Донскихъ казаковъ; она имъ не была ни пожалована, ни подарена; каждый новый Императоръ торжественно подтверждалъ ненарушимость казачьихъ правъ на землю; защищалась и охранялась она отъ внѣшнихъ враговъ исключительно казачьими силами и путемъ величайшихъ пожертвованій цѣлаго ряда поколѣній казаковъ береглась для потомковъ ихъ. Какъ мы видѣли, эти обстоятельства имѣли очень мало вѣса въ глазахъ бывшаго русскаго правительства, и еще менѣе — какъ это мы видимъ теперь — въ глазахъ русскаго народа.

Въ Астраханской губерніи. — Изъ общей площади

въ 21,58 милліоновъ десятинъ Астраханскимъ казакамъ принадлежало лишь 773,5 тыс. десятинъ, калмыкамъ — 7,5 милл. десятинъ, киргизамъ — 8,4 милл. десятинъ и крестьянамъ и помѣщикамъ — 4,91 милл. десятинъ. Въ 1917 г. астраханскіе калмыки вошли въ соглашеніе с астраханскими казаками и составили съ ними одно войско. Необходимо указать здѣсь, что Астраханское войско входило также частью въ Самарскую губернію и Царинскій уѣздъ Саратовской губерніи. Впочемъ почти вся территорія этого уѣзда была заселена потомками казаковъ бывшаго Волжскаго Войска, превращенными въ крестьянъ послѣ Пугачевскаго возстанія.

На Кубани. — Изъ 8,69 милліоновъ десятинъ, входившихъ въ составъ Кубанской области, казакамъ принадлежало 6.842 тыс. десятинъ, въ томъ числѣ находилось въ пользованіи станицъ 6.031 тыс. десятинъ, въ распоряженіи войска — 407 тыс. десятинъ и выдѣлено въ офицерскіе участки — 404 тыс. десятинъ. Остальная земля принадлежала русской казнѣ и горцамъ.

Въ Черноморской губерніи. — Изъ 763 тыс. десятинъ земли, составлявшихъ эту «губернію». 500 тысячъ десятинъ было покрыто лѣсомъ. Главнымъ владѣльцемъ земли являлась русская казна. Вначалѣ эта узкая прибрежная полоса земли входила въ составъ Кубанской области, а затѣмъ въ 1896 г. была выдѣлена, съ обращеніемъ казакаовъ въ крестьянъ.

Въ Терской области. — Изъ 6,67 милліоновъ десятинъ общей площади этой области казакамъ принадлежало 2.017 тыс. десятинъ, изъ нихъ было въ пользованіи станицъ — 1.745 тыс. десятинъ, въ распоряженіи Войска — 154 тыс. и выдѣлено въ офицерскіе участки — 118 тыс. десятинъ. Остальная земля принадлежала горцамъ и русской казнѣ.

Въ Ставропольской губерніи. — Изъ 4.971 тыс. десятинъ земли, составлявшихъ эту губернію, 3 милліона десятинъ были надѣльной крестьянской землей, 406 тыс. десятинъ принадлежало частнымъ владѣльцамъ, 268 тыс. десятинъ — казнѣ, удѣльному вѣдомству и церквамъ, а 1.293 тыс. десятинъ составляло собственность калмыковъ. Считаю нужнымъуказать, что ставропольскіе крестьяне являются, главнымъ образомъ, потомками казаковъ Кубанскаго, Терскаго и Волжскаго войскъ, обращенныхъ въ крестьянъ.

Такимъ образомъ, изъ всей площади б. Юго-Восточнаго Союза въ 57.740 тыс. десятинъ земли, къ началу великой войны принадлежало: казакамъ — станицамъ, войскамъ и казакамъ-помѣщикамъ — 23.571 тыс десятинъ, казакамъ-калмыкамъ и калмыкамъ — 8.793 тыс. десятинъ, крестьянамъ и частнымъ владѣльцамъ — 9.793 тыс. десятинъ, киргизамъ и горцамъ — 13.300 тыс. десятинъ и русской казнѣ и пр. — 2.373 тыс. дес.

Населеніе Казачьихъ Краевъ ежегодно сильно возростало. За послѣднія 5 лѣтъ передъ войной средній приростъ населенія Юго-Восточнаго Союза составлялъ 286 тыс. человѣкъ въ годъ, приближаясь къ приросту Италіи и превосходя таковой Франціи и Англіи. Увеличеніе это было двоякаго рода: путемъ естественнаго прироста и путемъ переселенія изъ другихъ мѣстъ Россіи.

На основаніи данныхъ переписи 1897 года и данныхъ Центральнаго Статистическаго Комитета М. В.Д., можно вывести, что населеніе Россіи за время съ 1897 года по 1 января 1915 г. возросло на 39,5%, что и является ея естественнымъ приростомъ, а населеніе Юго-Восточнаго Союза возросло за это время на 55%, а Кубани даже на 60%.

Движеніе населенія въ Казачьихъ Краяхъ за время съ 1897 г. по 1915 г. представляется въ такомъ видѣ: (въ тысячахъ душъ):

	Населеніе		Увелич. въ тыс. душъ		
	въ 1897 г.	къ 1 янв. 1915 г.	Естеств. прир.	Переселеніе	Всего
Донъ	2.564	4.013,4	1.025,0	424,4	1.449,4
Астраханская губ.	1.004	1.427,5	390,0	33,5	423,5
Кубань	1.919	3.051,2	843,0	289,2	1.132,2
Черноморская губ.	57	201,2	18,3	126,5	144,8
Терекъ	934	1.314,9	372,9	8,0	380,9
Ставропольская губ. ...	873	1.353,5	383,0	97,5	480,5
Всего	7.351	11.362,3	3.032,2	979,1	4.010,3

Изъ общаго количества населенія въ 11.362 тыс. человѣкъ казаковъ было: на Дону — 1,8 милл., на Кубани — 1,3 милл., на Терекѣ — 250 тыс. и Астраханскихъ — 50 тыс., всего 3,4 милліоновъ; горцевъ — 1,5 милл., калмыковъ — 200 тыс., киргизовъ — 340 тыс., коренного крестьянскаго и др. населенія — 2,25 милл. и разнаго пришлаго населенія — около 3,7 милл.

Пришлое населеніе составляло, какъ мы видимъ, уже въ 1914 г. около 30% и съ каждымъ годомъ значительно увеличивалось. Казачьи земли, наряду съ Сибирью и Туркестаномъ, служили тѣми колоніями для Россіи, куда она выбрасывала излишекъ своего населенія. Достаточно указать, что въ то время какъ населеніе Сибири, которая по площади въ 20 разъ больше всего Юго-Восточнаго Союза, увеличилось путемъ переселенія съ 1897 г. по 1915 г. на 2,3 милл., Казачьи Края за это же время увеличились почти на 1 милліонъ.

Донское Областное Правленіе принимало цѣлый рядъ мѣръ съ цѣлью воспрепятствовать проникновенію на Донъ пришлаго населенія, но мѣры эти были совершенно недѣйствительны, ибо никакого разрѣшенія, или, говоря болѣе понятнымъ намъ нынѣ языкомъ, — визы на въѣздъ въ Казачьи Края не требовалось; промышленность же въ нашихъ мѣстахъ жила почти исключительно на трудѣ пришлаго населенія и такъ же, какъ когда-то Донская войсковая старшина, привлекала это населеніе въ предѣлы Казачьихъ Краевъ.

Если, послѣ освобожденія отъ большевиковъ, въ этомъ отношеніи не будетъ принято какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ, что возможно лишь при отдѣльномъ и независимомъ существованіи Казачьихъ Земель, то казачье населеніе въ скоромъ времени вынуждено будетъ, въ свою очередь, эмигрировать и покидать свои родныя поля, для защиты и охраны которыхъ оно пролило столько крови. Впрочемъ, эта эмиграція уже и началась въ послѣдніе полвѣка. И хотя, по мнѣнію г. Маркова, казаки не должны отдѣляться отъ Россіи, между прочимъ, для того, чтобы сохранить возможность въ будущемъ переселиться въ Сибирь, я полагаю, что болѣе естественнымъ и разумнымъ является стремленіе сохранить возможность привольной жизни у себя на родинѣ, на землѣ своихъ предковъ.

Обратимся нынѣ къ цифровымъ даннымъ по сельскому хозяйству.

Сельское хозяйство въ нашихъ краяхъ можно подразлѣлить на слѣдующія основныя отрасли: 1) земледѣліе, 2) скотоводство и молочное хозяйство, 3) пти-

ществодство и 4) пчеловодство. Главную роль въ хозяйственной жизни Казачьихъ Земель играетъ нынѣ земледѣліе, но не такъ сравнительно давно казачество имъ почти не занималось и даже въ 18-мъ вѣкѣ Донской Войсковой Кругъ запрещалъ казакамъ заниматься земледѣліемъ, подъ угрозой смертной казни. Причиной такого строгаго запрещенія являлось опасеніе, что казаки, занимаясь земледѣліемъ, трудомъ по преимуществу крестьянскимъ и, слѣдовательно, въ тѣ времена рабскимъ, — тоже «омужичатся» и потеряютъ свойства, присущія воину и свободному гражданину. А этими свойствами и въ особенности возможностью жить какъ свободные граждане казачество дорожило въ то время больше, чѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Съ теченіемъ времени, сильное увеличеніе населенія, вызванное, въ частности, притокомъ на Донъ крестьянъ, и уменьшеніе свободной земельной площади заставили и казаковъ перейти къ земледѣлію, какъ болѣе интенсивной формѣ использованія земли.

По даннымъ Русскаго Министерства Земледѣлія, въ пятилѣтній періодъ, предшествовавшій войнѣ, т. е. въ 1909-1913 г. г., въ среднемъ, въ годъ сѣялось (въ тысячахъ десятинъ):

	Пшеницы	Ржи	Ячменя	Овса	Прочихъ	Всего
Донъ	2.709,0	900,2	1.262,2	266,6	150,6	5.288,6
Астраханск. г.	342,9	175,7	10,4	7,3	28,5	564,8
Кубань	1.847,3	137,3	771,9	206,3	124,2	3.087,0
Черноморск. г.	3,8	0,4	07	0,8	5,3	11,0
Терекъ	236,0	50,1	113,4	72,2	386,2	857,9
Ставропольская губернія ..	1.460,0	15,4	498,4	162,5	150,2	2.286,5
Всего	6.599,0	1.279,1	2.657,0	715,7	845,0	12.095,8

и собрано хлѣба — въ милліонахъ пудовъ *), стоимостью:

	Пшеницы	Ржи	Ячменя	Овса	Прочихъ	Всего	Сумма въ милл. руб.
Донъ	107,0	24,0	67,7	12,1	6,0	216,8	189,0
Астраханская г. ..	7,0	2,2	0,2	0,2	0,5	10,1	10,6
Кубань	123,1	8,9	56,5	13,9	9,2	211,6	185,6
Черноморск. г. ..	0,2	0,02	0,04	0,04	0,48	0,7	0,7
Терекъ	11,8	2,0	6,3	4,3	23,0	47,4	34,4
Ставропольск. г.	60,9	0,5	27,3	8,0	5,8	102,5	87,1
Всего	310,0	87,8	159,7	38,5	43,0	589,0	507,4

Помимо этого, было засѣяно во всемъ Союзѣ спеціальными культурами и овощами 926 тысячъ десятинъ и собрано — въ тысячахъ пудовъ — на сумму — въ милліонахъ рублей:

	Картоф. и др. овощ.	Льна и конопли	Подсолнечника	Табака	Сахарной свекловки	Всего на сумму
Донъ	45.275	525,0	4.554	0,9	—	25,6
Астраханская г.....	23.800	10,5	31	—	—	9,4
Кубань	30.485	355,0	18.130	778,0	4.646	46,6
Черноморская г. ...	181	—	—	157,0	—	1,3
Терекъ	17.262	540,0	—	—	—	7,6
Ставропольская г...	17.016	376,0	431	—	—	8,0
Всего	134.019	1.806,5	23.146	935,9	4.646	98,5

*) Считаю нужнымъ указать, во избѣжаніе недоразумѣній, что приведенная мною въ № 1 журнала на стр. 20 таблица собраннаго и израсходованнаго хлѣба нѣсколько (въ общемъ на 2 милл. пудовъ) отличается отъ настоящей, такъ какъ она относится къ среднему сбору за послѣднія 7 лѣтъ (1909-1915 г. г.), а не 5 лѣтъ, какъ я это сказалъ.

Въ предѣлахъ Казачьихъ земель было также довольно значительное количество садовъ, но данныхъ о сборѣ и о стоимости собранныхъ фруктовъ почти не имѣется въ болѣе или менѣе обслѣдованномъ видѣ. Имѣются лишь нѣкоторыя данныя о виноградарствѣ въ этихъ краяхъ. Для опредѣленія полной суммы дохода по садоводству пришлось удовольствоваться разнаго рода замѣтками, иногда противорѣчиваго характера, разбросанными въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. Общую стоимость сборовъ по садоводству можно, на основаніи этихъ данныхъ, опредѣлить съ нѣкоторой приближенностью въ слѣдующихъ суммахъ:

на Дону	14	милліоновъ	рублей
въ Астраханской г. ...	4,2	»	»
на Кубани	10,9	»	»
въ Черноморской г. ..	0,9	»	»
на Терекѣ	2,6	»	»
въ Ставропольской г. ..	5.—	»	»
Всего	37,6	»	»

Населеніе Юго-Восточнаго Союза было въ этотъ періодъ въ среднемъ: на Дону — 3,7 милл., въ Астраханской губ. — 1,3 милл., на Кубани — 2,8 милл., въ Черноморской губ. — 140 тыс., на Терекѣ — 1,25 милл. и въ Ставропольской губ. — 1,3 милл.; всего — 10.490 тыс. чел.

Суммируя, слѣдовательно, данныя дохода по хлѣбопашеству, огородничеству и садоводству, мы получимъ слѣдующій общій доходъ по земледѣлію:

	Въ милл. рубл.	На 1 душу нас. рубл.
на Дону	228,6	61,80
въ Астраханской губ. .	24,2	17,10
на Кубани	243,1	87.—
въ Черноморской губ. .	2,9	20,70
на Терекѣ	44,6	35,68
въ Ставропольской губ.	100,1	77.—
Всего	643,5	61,35

Средняя доходность отъ земледѣлія на душу населенія по всей Россійской Имперіи за этотъ періодъ составляла 37,15 рубл., а по одной Великороссіи — 32,50 рублей, т. е. почти въ два раза меньше. Обработанной земли приходилось: по всей Россійской Имперіи 0,63 десятины на душу населенія, въ Великороссіи — полдесятины (0,5), а на территоріи Казачьихъ Краевъ — 1¼ десятины (1,24), т. е. въ два раза больше, чѣмъ во всей Россіи, и въ два съ половиной раза больше, чѣмъ въ Великороссіи.

Второй по значенію отраслью сельскаго хозяйства въ Казачьихъ Краяхъ являлось скотоводство. Съ незапамятныхъ временъ и до недавняго прошлаго скотоводство было главнымъ занятіемъ казачьяго населенія. Еще наши дѣды, какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ, занимались преимущественно скотоводствомъ, а не земледѣліемъ. А у калмыковъ, киргизовъ и многихъ горскихъ племенъ эта отрасль сельскаго хозяйства является главенствующей и понынѣ. Да и самое земледѣліе у насъ было немыслимо безъ скотоводства: не говоря уже о

томъ, что главнымъ средствомъ передвиженія по нашимъ обширнымъ пространствамъ являлись лошади, вся обработка земли, перевозка и проч. производились у насъ при помощи такъ называемаго «живого» инвентаря, т. е. быковъ, лошадей, верблюдовъ и пр.

Но скотъ, помимо того, что онъ былъ рабочей силой, приносилъ еще доходъ въ видѣ мяса, молока, шерсти, щетины и кожъ.

По даннымъ, полученнымъ путемъ Всероссійской сельско - хозяйственной переписи, произведенной въ 1916 году, количество скота въ Юго-Восточномъ Союзѣ было слѣдующее (въ тысячахъ головъ):

	Лошадей	Крупнаго рогатаго скота	Верблюдовъ	Овецъ: Грубой шерсти	Тонкорунныхъ	Всего	Козъ	Свиней	Всего
Донъ	1.104,4	2.810,1	7,1	2.346,3	789,3	3.135,6	264,3	931,3	8.252,8
Астраханская губ.	417,8	1.363,2	187,9	2.242,0	238,7	2.480,7	201,2	76,5	4.727,4
Кубань	911.0	1.319,4	—	1.483,1	292,4	1.775,5	65,1	585,1	4.656,1
Черноморская губ.	12,1	29,0	—	7,1	0,1	7,2	14,7	11,0	74,0
Терекъ	310,3	945,8	—	1.662,9	307,9	1.970,8	250,8	117,9	3.595,6
Ставропольская губ.	468,5	809,9	3,5	1.148,5	1.142,4	2.290,9	33,2	303,5	3.909,6
Всего по Ю.-В. Союзу	3.224,1	7.277,5	198,5	8.889,9	2.770,8	11.660,7	829,3	2.025,3	25.215,5
Во всей Россіи	34.431,0	51.267,0	1.200,0	75.723,0	4.999,0	80.722,0	5.344,0	16.634,0	189.598,0

Въ Казачьихъ Краяхъ на душу населенія приходилось, въ среднемъ, по 2,2 головы скота, а во всей Россійской Имперіи (при населеніи въ 1916 г. въ 175 милл.) — по 1,1 головы, т. е. ровно въ два раза менѣе, чѣмъ у насъ, причемъ количество тонкорунныхъ овецъ въ этихъкраяхъ составляло болѣе половины (56%) всего количества въ Россіи.

Принимая средній ежегодный приростъ по отношенію къ имѣющемуся налицо числу головъ для лошадей въ 1½%, крупнаго рогатаго скота — въ 17,6%, овецъ и козъ — въ 35% и свиней — въ125%, мы получимъ слѣдующій годовой приростъ скота и ежегодный отъ этого прироста доходъ (по среднимъ цѣнамъ 1911-1915 г. г.):

Въ тысячахъ головъ:

	Лошадей	Кр. рогат. скота	Верблюдовъ	Овецъ и козъ	Свиней	На сумму въ милл. руб
Донъ	16,3	495,0	0,1	1.190,0	1.165,0	62,3
Астраханская г.	6,3	240,0	2,8	935,0	95,0	25,8
Кубань	13,7	231,3		636,0	731,5	32,8
Черноморская г.	—	5,1	—	7,7	13,7	0,6
Терекъ	4,6	166,5	—	780,8	145,0	19,0
Ставропольская г.	7,0	142,6	—	813,4	380,0	22,2
Всего	47,9	1.280,5	2,9	4.362,9	2.530,2	163,6

Доходъ отъ молочнаго хозяйства можно опредѣлить по такому расчету:

Количество дойныхъ коровъ обычно нѣсколько превышаетъ ежегодный приростъ скота. Ради осторожности, будемъ считать количество ихъ равнымъ приросту. Средняя корова въ нашихъ краяхъ даетъ 75 ведеръ молока въ годъ (хорошая — 200-400 ведеръ), а ведро молока стоило 1 рубль. Слѣдовательно, доходъ отъ молочнаго хозяйства, по минимальному расчету, былъ таковъ:

на Дону	37	милліоновъ	рублей.
въ Астраханской г.	18.—	»	»
на Кубани	17,5	»	»
въ Черноморской губ.	0,4	»	»
на Терекѣ	12,5	»	»
въ Ставропольской губ.	10.7	»	»
Всего	96,1	милліоновъ	рубл.

Въ этотъ расчетъ не вошли, за неимѣніемъ какихъ-либо данныхъ, суммы дохода, получаемыя за молоко овечье, козье кобылье и верблюжье.

Опредѣленіе суммы дохода отъ утилизаціи шерсти овецъ и козъ представляется также очень затруднительнымъ. Количество шерсти, получаемое съ одной овцы, сильно колеблется въ зависимости отъ районовъ, породы и годовъ. Такъ, средній осенній выходъ шерсти въ нашихъ краяхъ былъ 5-6 фунтовъ съ овцы, поднимаясь до 10 фунтовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кубанской области и понижаясь въ Хоперскомъ округѣ и Маріинской станицѣ на Дону до 1,-1,25 фунта. Въ общемъ, годовой сборъ шерсти можно опредѣлить для Казачьихъ Краевъ въ такихъ цифрахъ: 12 фунтовъ съ мериносовой овцы, 8 фунтовъ — съ простой и 4 фунта — съ козы. Цѣна шерсти тоже сильно колебалась въ зависимости отъ районовъ. Можно, однако, опредѣленно сказать, что изъ 2,7 милл. пудовъ собираемой шерсти не менѣе 1,2 милл. пудовъ населеніе потребляло на мѣстѣ, само его мыло, расчесывало, пряло и вязало. Потребляемая на мѣстѣ шерсть давала населенію 40 рублей за пудъ мытой шерсти, а проданная на рынкѣ — 16 рублей. Комбинированная средняя цѣна по этимъ двумъ группамъ даетъ 27 рубл. за пудъ. По этой же цѣнѣ можно посчитать и козью шерсть, хотя ея рыночная цѣна была нѣсколько выше — около 30 рублей за пудъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ расчетомъ средній выходъ шерсти и стоимость ея выразится для отдѣльныхъ областей въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ тысячахъ пудовъ:

	Грубая	Мериносовая	Козья	Всего	Сумма въ милл. руб.
Донъ	469,3	237,0	26,4	732,7	19,8
Астраханская г.	448,4	71,6	20,1	540,1	14,6
Кубань	296,6	87,7	6,5	390,8	10,5
Черноморская г.	1,4	—	1,4	2,8	0,1
Терекъ	332,6	92,4	25,0	450,0	12,1
Ставропольская г.	229,7	342,7	3,2	575,6	15,5
Всего	1.778,4	831,4	82,9	2.692,7	72,6

Если бы мы имѣли свои суконныя фабрики, то вся получаемая у насъ шерсть приносила бы населенію 40 рублей съ пуда, не считая дохода фабрикъ, а общая сумма дохода выразилась бы въ 107,7 милл. рублей, т. е. на 35 милл. рублей болѣе.

Общій, суммированный доходъ по скотоводству, т. е. по всемъ тремъ отраслямъ его, выражался въ такихъ цифрахъ:

	Въ милл. рубл.	На 1 душу рубл
на Дону	119,1	29,70
въ Астраханской губ	58,4	41,0
на Кубани	60,8	20,0
въ Черноморской губ.	1,1	5,50
на Терекѣ	44.5	33,85
въ Ставропольской губ.	48,4	35,85
Всего	332,3	29.20

Средняя доходность отъ скотоводства по всей Россійской Имперіи составляла по тому же расчету лишь 13.25 рублей.

Очень важную роль въжизни сельскаго населенія играло также птицеводство, въ частности — куроводство. Къ сожалѣнію, трудно дать болѣе или менѣе точную оцѣнку дохода по этой отрасли хозяйства. Никакой статистики по этому вопросу у насъ никогда не велось, и къ опредѣленію цифръ дохода по птицеводству приходится подходить съ данными, основанными на наблюденіи отдѣльныхъ хозяйствъ и на личномъ опытѣ. Можно признать, что средняя казачья семья имѣла около 20 куръ, а крестьянская — около 15 куръ. Одна курица при примитивной формѣ содержанія даетъ, въ среднемъ, 70 яицъ въ годъ (200-250 при культурной) и, приблизительно, 1,5 курицы приплода. Средняя цѣна яйца была 2 копѣйки, цѣна курицы — 50 коп., а доходъ отъ прочей птицы можно считать по 25 коп. на душу населенія. Такимъ путемъ мы можемъ опредѣлить доходъ по этой статьѣ въ слѣдующихъ цифрахъ:

на Дону	24,3	6,05
въ Астраханской губ.	4,8	3.—
на Кубани	19.—	6,20
въ Черноморской губ.	0,1	0,50
на Терекѣ	5,8	4,45
въ Ставропольской губ.	9.—	6,65
Всего	63.—	5,60

Пчеловодство въ казачьихъ краяхъ играло ничтожную роль. Объій доходъ по этой статьѣ былъ около 2,5 милл. рубл., въ томъ числѣ на Дону 1 милл. рубл., на Кубани — 1 милл. рубл. и на Терекѣ — 0,5 милл. р.

Такимъ образомъ, общій доходъ по сельскому хозяйству въ Казачьихъ Краяхъ выражался передъ войной въ слѣдующихъ цифрахъ:

	милл. рубл.	на 1 душу рублей
на Дону	373	97,80
въ Астраханской губ.	87,4	61,10
на Кубани	323,9	113,55
въ Черноморской губ.	4,1	26,70
на Терекѣ	95,4	74,23
въ Ставропольской губ.	157,5	119,50
Всего	1.041,3	96,40

Средній доходъ отъ сельскаго хозяйства по всей Россійской Имперіи былъ 58 рублей на душу населенія, т. е. на 38,40 рубл. менѣе. чѣмъ въ казачьихъ земляхъ.

Заканчивая главу о сельскомъ хозяйствѣ, я считаю необходимымъ указать на слѣдующее: хотя эта отрасль народнаго труда давала въКазачьихъ Краяхъ значительно болѣе высокій доходъ, чѣмъ, въ среднемъ, во всей Россіи,—сельское хозяйство велось у насъ самымъ примитивнымъ способомъ. Намъ негдѣ и не у кого было учиться. У насъ не было ни спеціальныхъ школъ, ни показательныхъ полей, ни опытныхъ станцій. Только во время великой войны были открыты, послѣ усиленныхъ хлопотъ и значительныхъ матеріальныхъ жертвъ, среднее и нѣсколько высшихъ с.-х. школъ на Дону, въ томъ числѣ Ветеринарный Институтъ въ г. Новочеркасскѣ, эвакуированный изъ Варшавы. Такимъ образомъ, намъ въ нашей хозяйственной жизни никто не помогалъ ни совѣтомъ, ни показомъ. И все, что мы имѣли, являлось результатомъ нашего огромнаго, напряженнаго и никогда не знающаго покоя труда.

Если бы Русское Правительство проявило минимальную заботу о хозяйственныхъ нуждахъ казачьяго населенія, сдѣлало бы, **въ мирной обстановкѣ,** хотя бы часть того, что сдѣлала Донская власть, въ краткій срокъ нашей независимости, **во время гражданской войны,** а также, если бы не подрывавшая хозяйство казаковъ пополовная военная служба за собственный счетъ, — Казачество было бы однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ народовъ Европы.

Г. Каревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Табунъ въ степи.

Замѣтки по исторіи Донского Казачества.

(Окончаніе).

Населеніе Дна и южно - усскихъ степей — скифы и сарматы, — которыхъ историки считаютъ родоначальниками всѣхъ славянъ. являются современниками еще классическихъ грековъ и римлянъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Страбонъ и Геродотъ.

Первый десятокъ столѣтій нашей эры застаетъ здѣсь народы тюркскаго, славянскаго и иранскаго племенъ. Въ Пріазовьи, отъ Дона до Волги и Кавказскихъ горъ, а также по берегамъ Азовскаго моря процвѣтали греческія колоніи. Въ устьѣ Дона находился г. Танаисъ, иначе Артана, онъ же Русія. Лежалъ онъ — какъ и Тмутаракань (Мастарха), бывшій въ устьѣ Кубани — на великомъ торговомъ пути изъ Греціи въ восточныя страны. Существовали еще по Дону города: Осеневъ, Шарукань (Саркелъ), Сугровъ, Ахасъ и др.

И византійскіе, и арабскіе историки съ несомнѣнностью устанавливаютъ наличіе въ Пріазовьи славянскаго племени Русь, которое населяло и названный выше городъ Русію или Танаисъ.

Арабскіе историки Истархи и Ибнъ-Хаукалъ, говорятъ, что Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: царь перваго живетъ въ Куябѣ (Кіевъ), второго — въ Славіи (Новгородъ) и третьяго — въ Артанѣ (Русіи).

Географъ арабскій Масуди, посѣтившій лично въ X в. Пріазовскій Край, пишетъ *): «Между большими и извѣстными рѣками, впадающими въ Море Понтусъ (Черное), находится одна, называемая Танаисъ *) (Донъ), которая проходитъ съ сѣвера. Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ славянскимъ и другими народами»...

Существованіе г. Русіи въ устьи Дона подтверждается и византійскими историками. Впослѣдствіи, въ 1068 году, Русія переименована въ Азовъ, по имени половецкаго хана Азуфа. Несомнѣнно, слѣдовательно, наличіе около X вѣ. славянъ среди тюркскихъ народностей въ предѣлахъ Дона и Приазовья.

Въ половинѣ VII вѣка послѣ Р. Х. на юго-востокѣ Европы образовалось Хозарское государство, включившее въ себя и всѣнароды, жившіе въ Степной полосѣ. Просуществовало оно около двухъ вѣковъ и достигло высокой степени культурнаго развитія. Хозары отличались большой вѣротерпимостью: при нихъ пріазовскіе русско-славяне, кабары и алане приняли христіанство въ концѣ IX вѣка, т. е. раньше Кіевской Руси на цѣлое столѣтіе.

Въ концѣ VIII в. изъ Азіи появились новыя орды — тюрки, уры, печенѣги. Подъ ихъ ударами началось ослабленіе Хозарскаго каганата.

Въ 966 году великій князь Святославъ, пользуясь р. Дономъ, совершилъ походъ противъ центра Хозарской имперіи. Предварительно взявъ Саркелъ **), Святославъ овладѣлъ Тмутараканью, иначе Мастарха, находившеюся въ устьи Кубани, а также всѣми городами Подонья и азовскаго побережья, покорилъ касоговъ (касахи) и аланъ.

Такимъ образомъ, Хозарское царство было разгромлено, и значительная часть его съ русами, касогами, аланами была присоединена къ Кіевскому государству, составивъ впослѣдствіи удѣльное Тмутараканское княжество, названное такъ по имени главнаго города — Тмутаракани.

Княжество Тмутараканское Владиміръ Святой еще при жизни своей вручилъ въ качествѣ удѣла своему сыну Мстиславу.

Народы, входившіе въ составъ Хозарскаго государства, у иностранныхъ историковъ, кромѣ племенныхъ названій (касахи, алане, руссы), иногда носятъ названіе хозаръ — по признаку подданства.

Хозарія достигла довольно высокой степени культуры; въ ней существовали земледѣліе и садоводство, широко была развита торговля. Наличіе греческихъ торговыхъ факторій въ Приазовьи говоритъ за достаточно высокую степень производства разныхъ продуктовъ хозяйства страны.

Несомнѣнно, что, при вѣковомъ сожительствѣ народовъ хозарскаго царства, они постепенно смѣшивались, хотя въ эпоху существованія Тмутараканскаго княжества разныя племена, сожительствовавшія въ предѣлахъ Хозаріи, сохраняли значительную степень самостоятельности.

Лѣтопись, напр., намъ разсказываетъ о борьбѣ князя Мстислава съ касогами, причемъ исходъ борьбы былъ рѣшенъ единоборствомъ Мстислава съ касогскимъ княземъ Редедею въ пользу перваго. Нельзя не обратить вниманія на такой способъ рѣшенія международнаго спора. Онъ говоритъ о высокомъ благородствѣ и рыцарскомъ характерѣ какъ одной, такъ и другой стороны. Очевидно, такія черты характера были свойственны и др. народамъ, сосѣдямъ касоговъ и подонскихъ руссовъ. Амміанъ Марцеллинъ рисуетъ, напр., алланъ «народомъ мужественнымъ, считающимъ себя происшедшимъ отъ благородной крови; съ дѣтства привыкшіе къ верховой здѣ, они считаютъ для себя безчестьемъ ходить пѣшкомъ».

Частъ аланъ и черкасъ (касоговъ или касаховъ) Святославъ послѣ удачнаго похода на Хозарію, переселилъ на Днѣпръ, гдѣ они, вмѣстѣ съ прибывавшими впослѣдствіи другими тюрко-татарскими племенами, смѣшавшись съ мѣстнымъ славяно-русскимъ населеніемъ усвоивъ его языкъ, образовали особую народность, давъ ей свое этническое имя черкасовъ (черные клобуки). Изъ этихъ черкасовъ и создалось затѣмъ поднѣпровское казачество съ Запорожьемъ.

Появившіеся въ1050 г. изъ Азіи новые кочевники-половцы, народъ жестокій и воинственный, разрушивъ окончательно Хозарское царство, отрѣзали Тмутараканское княжество отъ Кіевскаго, и съ тѣхъ поръ оно сходитъ со страницъ лѣтописей навсегда.

Но зато съ 1147 г. въ лѣтописяхъ появляется новый факторъ въ исторіи Приазовья и Подонья — бродники.

Историкъ Голубовскій говоритъ: «Бродники есть община, выработавшаяся изъ остатковъ подонскаго населенія, вслѣдствіе историческихъ и этнографическихъ

*) Настоящая цитата и послѣдующія взяты изъ книги И. Ф. Быкадорова: «Исторія Казачества».

*) Танаисъ — древнее названіе Дона.

**) Саркелъ (Шакурань) — построенъ Хозарами на лѣвой сторонѣ Дона, противъ станицы Цымлянской.

условій, въ которыя это населеніе было поставлено... Бродники жили въ восточной части степи — въ Подоньи и по берегамъ Азовскаго моря; они исповѣдывали православіе и участвовали въ предпріятіяхъ половцевъ».

Бродники были извѣстны далеко за предѣлами своей родины. Никита Акомпнатъ въ 1190 году говоритъ: «Куманы (половцы), народъ доселѣ не порабощенный, негостепріимный и весьма воинственный, и тѣ бродники, презирающіе смерть, вѣтвь русскихъ; и они народъ, повинующійся богу войны (воинственный)».

Бродники часто встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ — главнымъ образомъ, какъ участники въ междуусобной борьбѣ удѣльныхъ князей. Въ битвѣ на Калкѣ они сражались на сторонѣ татаръ.

И во времена татарскаго владычества историческіе документы продолжаютъ упоминать о бродникахъ, какъ напр., «Посланіе папы римскаго Григорія IV Епископу Гранскому (1227)».

Въ письмѣ венгерскаго короля Белы IV (1254) отмѣчается участіе бродниковъ въ разгромѣ Венгріи.

Особенно интересны данныя, сообщаемыя Рубруквисомъ, посломъ Людовика Св. къ Батыю (1253): «Отъ смѣшенія аланъ съ русами образовался особый народъ. Закаленные воины этого народа, затерявшіеся среди иноплеменниковъ*) все необходимое къ жизни добываютъ войной, охотой и рыбной ловлей Неблагопріятныя условія жизни не позволяютъ имъ воздвигать большихъ городовъ. Образъ ихъ жизни полукочевой, и лишь для защиты отъ холода строятъ они землянки и постройки изъ плетня и камыша, но не отказываютъ своимъ женамъ и дочерямъ въ богатыхъ нарядахъ. Женщины украшаютъ свои головы особымъ уборомъ, очень похожимъ на головоной уборъ француженкъ - современницъ. Низъ платья онѣ украшали мѣхомъ выдры, бѣлки и горностая.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на то, что обычай опушивать шубы разными мѣхами сохранялся на Дону до конца XIX столѣтія: такъ называемая донская шуба — длинная, особаго покроя, по краямъ полъ и внизу и на воротникѣ была всегда опушена «порѣчью» (рѣчная выдра). Нарядъ этотъ былъ обычаемъ такъ крѣпко узаконенъ, что такая шуба являлась обязательнымъ приданымъ невѣсты-казачки.

Такимъ образомъ, изъ смѣшенія руссовъ съ тюркскими племенами образовалась новая народность — бродники. Названіе это, конечно, не этническое, а бытовое и профессіональное, могло быть имъ дано потому, что, очевидно, они изъ войны сдѣлали себѣ родъ ремесла, какъ средневѣковые швейцарцы или ландскнехты, и участвовали въ войнахъ на сторонѣ различныхъ суверенозъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ — «бродили» отъ одного къ другому. Возможно и другое объясненіе: бродникамъ поручалась охрана бродовъ на Дону и по другимъ рѣкамъ.

Бродницкая народность была настолько значительна въ системѣ Золотой Орды, что въ 1237 г. ханами была учреждена Сарайская епархія.

Въ періодъ татарскаго владычества устанавливается и названіе казаковъ путемъ перенесенія племенного понятія (касахъ, казакъ) на профессію, — по роду военной службы. И подъ названіемъ касахъ-казакъ объединились всѣ народности, которымъ были присущи военно - профессіональныя черты касаховъ. Касахи, давшіе свое имя казачеству, были всадниками, воинами-конниками, и въ Золотой Ордѣ составили легкую, вооруженную мечами, кавалерію, употреблявшуюся особенно для сторожевой и развѣдывательной службы. Отъ аланъ произошли уланы, отъ хозаръ — гусары.

Существованіе въ системѣ Золотой Орды Донского Казачества подтверждается, между прочимъ, нижеслѣдующимъ. Выписка изъ древней лѣтописи въ часовнѣ на Лубянкѣ, касающаяся иконы Божіей Матери, гласитъ: «Тамъ, въ верховьяхъ Дона, народъ христіанскій воинскаго чина живущій, зовомый козацы, въ радости срѣтающа его (Вел. Князя Дмитрія Донского)*) со святыми иконами и со кресты поздравляюща ему».

Какое основаніе не придавать этому документу значенія? Не самостійники же его выдумали?

Конецъ XIV вѣка для подонского населенія былъ особенно трагичнымъ.

Послѣ Куликовской битвы на Мамая напалъ ханъ Синей Орды Тохтамышъ, разбилъ его и завладѣлъ Золотой Ордой. Донъ въ это время подвергся опустошенію какъ со стороны Мамая (за симпатіи къ русскому войску Дмитрія Донского), такъ и со стороны Тохтамыша. И діаконъ Игнатій, сопровождавшій въ 1389 г. митрополита Пимена, ѣхавшаго въ Цареградъ по Дону, отмѣчаетъ, что на Дону населенія не было; по берегамъ виднѣлись свѣжія развалины городовъ. Татаръ же было очень много.

Упоминаніе о развалинахъ доказываетъ недавнее существованіе осѣдлой и прочно организованной жизни того населенія, о которомъ имѣются историческія данныя до самой Куликовской битвы, т. е. казаковъ.

Въ 1395 году появился изъ Азіи новый старшный завоеватель — Тамерланъ. Разбивъ Тохтамыша, онъ разгромилъ Азовъ и др. города, покорилъ черкасовъ и асовъ.

Для донского казачества годы борьбы Мамая, Тохтамыша и Тамерлана были самыми черными.

Спасаясь отъ татарскихъ ордъ, часть его, несомнѣнно, должна была двинуться на сѣверъ, въ предѣлы Московіи, гдѣ поступила на службу московскихъ князей и образовала городовыхъ и государевыхъ казаковъ (Рязанскіе, 1441 г.).

Разумѣется, при томъ хаосѣ, который наступилъ въТатарской ордѣ въ концѣ XIV и началѣ XV в. в., нельзя расчитывать на какіе-либо современные документы касающіеся судьбы донского казачества. Видѣнныя діакономъ Игнатіемъ въ 1389 году свѣжія развалины городовъ по Дону — единственные свидѣтели той судьбы, которая постигла подонское населеніе.

Однако, нельзя думать, чтобы подонское казачествобыло поголовно истреблено. Оно частью, какъ мы сказали выше, ушло въ Московію, поступивъ на службу къ великимъ князямъ, и часть его, несомнѣнно, осталась на мѣстахъ.

Справедливо говорятъ историки: «если мѣстность окончательно лишается своего населенія, то не могутъ удержаться тѣ же самыя названія, что были нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ, когда снова данная мѣстность стала заселяться. Названіе можетъ держаться только при

*) Татаръ.

*) Послѣ Куликовской битвы въ 1380 г.

непрерывномъ преемствѣ населенія, при такой же передачѣ изъ устъ въ уста». А на Дону сохранились до настоящаго времени существовавшія задолго до татарскаго нашествія: Аксай, Салъ, Торъ, притокъ Донца. Міусъ, Калміусъ, Хоперъ и пр.

Тамерланъ и Тохтамышъ со своими ордами не могли захватить всю ширь подонскихъ степей. Въ своемъ движеніи они могли идти только узкой полосой, придерживаясь наиболѣе богатыхъ мѣстностей, т. е. по долинѣ р. Дона. Вполнѣ естественно, что населеніе, спасаясь отъ татаръ, должно было бѣжать въ глубь степей, которыя въ то время изобиловали лѣсистыми балками и рѣками съ густыми камышами. Наконецъ, сами огромныя разстоянія могли служить гарантіей безопасности. Въ глухихъ углахъ степеней могло спокойно продолжаться существованіе бѣженцевъ, которымъ въ будущемъ суждено было вновь возродить донское казачество.

Во всякомъ разѣ, по существующимъ историческимъ документамъ, послѣ татарскаго ига Донъ вскорѣ снова сталъ оживать.

Въ 1400 году въ Азовѣ была возстановлена генуэзская торговля. Генуэзецъ Барбаро, долго жившій въ Азовѣ, въ 1436 году писалъ, что въ Приазовьи живетъ народъ, называемый азакъ-казакъ, говорящій славяно-татарскимъ языкомъ.

Послѣ завоеванія турками Азова въ 1471 г., эти казаки поступили къ нимъ на службу подъ именемъ азовскихъ казаковъ. Они жили своей особой организованной жизнью, съ особымъ бытомъ, управлялись своими выборными атаманами, были христіанами, говорили на славянскомъ языкѣ.

Въ 1515 году Московскій Царь Василій III добивался у турецкаго султана запрещенія донскимъ казакамъ ходить на службу къ его недругу, польскому королю Сигизмунду. Турція отвѣтила, что азовскіе казаки не подчиняются султану и служатъ, кому хотятъ Тогда Василій III привлекъ этихъ казаковъ къ себѣ на службу.

Такимъ образомъ, утвержденіе, что Донъ до 1520 года былъ «пустымъ мѣстомъ», опровергается и документами, и историческими памятниками, и логикой. Напротивъ, съ незапамятныхъ временъ въ донскихъ и приазовскихъ степяхъ кипѣла напряженная, полная драматическихъ событій, жизнь.

Смѣло можно отнести начало донского казачества къ временамъ Тмутараканскаго княжества. Касахи, алане, руссо-славяне — его предки; первые дали ему свое названіе, превращенное во времена татаршины изъ мягкаго «касахъ» въ твердое «казакъ», ибо окончаніе на «акъ» характерно для монгольскихъ языковъ: ганмакъ, каймакъ, арчакъ и пр.; вторые — славяне — дали свой языкъ.

Казаки сохранили всѣ отличительныя черты, полученныя ими отъ своихъ древнихъ предковъ: любовь къ свободѣ, способность къ организаціи, чувство собственнаго достоинства, храбрость, любовь къ лошади, презрѣніе къ пѣшей службѣ.

Вспомнимъ характеристику аланъ, сдѣланную Амміаномъ Марцеллиномъ, который отмѣчаетъ ихъ мужество, любовь къ конному дѣлу, высокое самосознаніе и благородство. Вспомнимъ и удивительно характерный, полный благороднаго рыцарства, способъ разрѣшенія столкновенія двухъ военныхъ силъ путемъ единоборства, предложенный касохскимъ княземъ Редедею князю Мстиславу Тмутараканскому. Мы не можемъ не видѣть здѣсь чертъ, которыми черезъ семь вѣковъ англійскій путешественникъ Кларкъ обрисовываетъ донскихъ казаковъ конца XVIII столѣтія, какъ сознательныхъ, полныхъ чувства собственнаго достоинства гражданъ, квалифицируя русскихъ крестьянъ «рабами грубыми и плутоватыми».

Нѣтъ сомнѣнія, что донское казачество произошло путемъ рожденія изъ мѣстныхъ, коренныхъ тюркско-славянскихъ элементовъ и не могло явиться колоніей московской, ибо историческія условія, о которыхъ мы говорили выше, не только этому не благопріятствовали, но и служили помѣхой.

По вопросу о происхожденіи донского казачества отъ бѣглыхъ крестьянъ историкъ и археологъ Е. Ознобишинъ говоритъ: «Басня, переданная Броневскимъ *) о бѣглыхъ москвичахъ, основавшихъ донское казачество, тоже не имѣетъ основанія и не выдерживаетъ критики. Въ XV вѣкѣ, въ моментъ появленія казаковъ на Дону, въ Россіи не было еще крѣпостного права, и всякій могъ переходить съ одного мѣста на другое: предполагать же, что бѣглые были исключительно преступники, тоже нѣтъ основанія. Какое число преступленій надо было совершить, чтобы образовалась цѣлая масса, цѣлыя тысячи преступниковъ, гдѣ-то увидавшихъ другъ друга, сговорившихся бѣжать куда-то въ неизвѣстныя страны, къ неизвѣстнымъ народамъ и, явившись на мѣсто въ низовья Дона, сейчасъ же сумѣвшихъ проявить умъ, смѣтливость, отвагу; успѣвшихъ пріобрѣсти оружіе, составившихъ правильное общество, безпощадное для преступленій, управляемое вѣчемъ и имѣющее толковыхъ грамотѣевъ, умѣвшихъ писать царямъ. Всѣ эти предположенія — одна фантазія, и можно положительно доказать, что бѣглые московскіе люди могли явиться на Донъ только тогда, когда были увѣрены, что найдутъ тамъ пріютъ и защиту, т. е. уже долго спустя послѣ появленія донцовъ на Дону, послѣ закрѣпощенія крестьянъ и послѣ церковнаго раскола, а въ другое время бѣглецы изъ Россіи на Донъ являлись единицами».

Характерной чертой донскихъ, какъ и другихъ казачьихъ войскъ являлась система государственнаго и общественнаго управленія, основанная на прямомъ народоправствѣ, послѣдовательно проведенномъ сверху до низу.

Верховнымъ законодательнымъ органомъ, порой принимавшимъ на себя и исполнительную власть, въ Войскѣ былъ Войсковой Кругъ (Рада) — казачій парламентъ, въ которомъ имѣли право принимать участіе всѣ казаки даннаго войска. Во главѣ исполнительной власти стоялъ выборный Атаманъ. Войсковая Старшина, подчиненная Атаману, равно выбиралась Кругомъ. Станичные Атаманы избирались станицами.

Такая система не могла бы родиться отъ выходцевъ изъ Московскаго царства, ибо она была противна ихъ навыкамъ и традиціямъ и всей московской психологіи, которая такъ ярко выявилась въ жесточайшемъ разгромѣ новгородскаго, псковскаго и вятскаго народоправствъ. Причемъ эксцессы этого разгрома нельзя отнести исключительно за счетъ однихъ московскихъ верховъ, ибо самъ московскій народъ проявилъ такую вдох-

*) Броневскій, написавшій тенденціозную исторію Донского Войска въ царствованіе Императора Николая I.

новенную жестокость въ этомъ дѣлѣ, которая говоритъ за то, что русскіе люди дѣйствовали въ этомъ разѣ не за страхъ, а за совѣсть — въ силу органической ненависти къ свободнымъ порядкамъ разгромленныхъ республикъ.

Смѣшно было бы допустить, чтобы люди съ такими навыками, явившись въ донскія степи, вдругъ сдѣлались убѣжденнѣйшими и послѣдовательными народоправцами.

И во внѣшности казака и россіянина, и въ ихъ внутреннемъ содержаніи такая очевидная разница, что не замѣтить и не признать ея можетъ только человѣкъ, ослѣпленный предвзятой цѣлью.

Намъ приходилось въ доброе старое время на смотрахъ и парадахъ видѣть армейскія казачьи сотни и пѣхотныя армейскія роты, рядомъ поставленныя. Поразительная разница въ ихъ внѣшности обращала на себя вниманіе постороннихъ людей разныхъ толковъ.

Съ одной стороны — рослые, темноволосые, часто черноглазые, съ продолговатыми, открытыми лицами и правильными чертами, веселые, живые казаки. Съ другой — мелкорослая, медвѣжеватая, свѣтловолосая, съ свѣтло-сѣрыми глазами, курносая, угрюмая, недовѣрчивая солдатская масса — скорѣе финскаго, чѣмъ славянскаго типа.

Нужно очень сильное воображеніе , чтобы этихъ столь отличныхъ другъ отъ друга людей признать тождественными по происхожденію.

Наконецъ, на томъ экзаменѣ, который преподнесла русскому народу исторія — въ отношеніи большевизма — развѣ не сказалась подчеркнуто рѣзко не только разница, но и полярная противоположность этихъ двухъ міровъ — казачьяго и великорусскаго? Кто посмѣетъ это отрицать предъ лицомъ пережитой и переживаемой нами трагедіи?

Ив. Степановъ.

Донецъ конца 18-го вѣка.

Среди печати.

«ХУНЦАРІИ».

«Казакъ Хунцарія съ бульвара де Гренелль» обидѣлся за Единую Недѣлимую и въ припадкѣ усердія не поразуму наговорилъ въ газетѣ «Возрожденіе» кучу такихъ пошлостей по адресу «Лиги Возрожденія Казачества», какихъ казачество не слышало даже отъ премированныхъ россійскихъ «казакоѣдовъ».

«Появилась новая торговая фирма «Лига Возрожденія Казачества» съ предложеніемъ своего товара — отдѣленіе казачьихъ земель отъ Россіи», — такъ заканчиваетъ «казакъ» Хунцарія свою статью. Мы, прежде всего, останавливаемся на этой заключительной фразѣ, потому что она, какъ нельзя лучше, характеризуетъ психологію услужливаго приказчика изъ Торговаго Дома Гукасовъ и Ко. Подобные господа привыкли подходить ко всякому дѣлу съ коммерческой мѣркой, и понятіе идейнаго служенія Родинѣ не укладывается въ ихъ головѣ.

По хозяйскому указу, приказчикъ Хунцарія падаетъ ницъ передъ вождями Добрарміи и, будучи кубанскимъ казакомъ, забываетъ, сколько оскорбленій, сколько поруганія его новые кумиры принесли Родинѣ-Кубани, загубивъ своимъ поведеніемъ и все дѣло борьбы съ большевиками.

Перебѣжавъ въ лагерь враговъ казачества, г. Хунцарія всю вину за отходъ Бѣлыхъ Армій къ Черному морю кладетъ на казаковъ — старается сердяга до упаду и, какъ полагется ренегатамъ, плюетъ на свои родныя иконы, чтобы заслужить благоволеніе новыхъ хозяевъ.

Недоволенъ «казакъ» Хунцарія, что «Лига В. К.» обвиняетъ россійскую интеллигенцію «за пустую фразеологію — безъ грѣни активности, безъ опредѣленнаго плана»; причемъ, чтобы усугубить свою ревность передъ хозяиномъ, онъ демнстративно подчеркиваетъ послѣднія слова. Смотрите, молъ, люди добрые — это насъ-то обвиняютъ въ отсутствіи активности — насъ, которые одиннадцатый годъ такъ мужественно показываютъ совѣтской власти кукишъ въ карманѣ!

Недоволенъ «казакъ» Хунцарія борьбою «Л. В. К.» противъ инертности и призывомъ «организованно, настойчиво и неуклонно стать на работу во имя спасенія безмѣрно любимыхъ Казачьихъ Краевъ». Негодованіе понятное — «здѣсь русскій духъ»... Какіе-то казаки вдругъ «смѣютъ свое сужденіе имѣть» и разговаривать

о какихъ-то самостоятельныхъ путяхъ, о своей работѣ, да еще срочной, на благо Родины. Исконное россійское пушечное мясо — и вдругъ заговорило... Развѣ нѣтъ у нихъ попечителей — въ родѣ «казака» Хунцарія и его новыхъ боговъ?

Обиженъ авторъ и за Войсковую Старшину, о которой говорятъ, что она вела казачество къ расказачиванію; обиженъ и за мертвую и за живую, къ каковой, очевидно, не безъ основанія и себя причисляетъ. Уязвленъ онъ обвиненіями стараго россійскаго правительства, доведшаго казаковъ до разоренія.

«Если бы не беззастѣнчивыя нападки на все, чѣмъ дорожитъ русская эмиграція», то, по словамъ Хунцарія, онъ не сталъ бы и разговаривать. Это тоже сказано недурно для кубанскаго казака.

Собственно, ироническое названіе статьи «Оказачиваніе казачества» исчерпываетъ полностью тенденцію г. Хунцарія. Вотъ, если бы рѣчь шла о расказачиваніи казачества, то, несомнѣнно, новоявленный кубанскій «казакоѣдъ» былъ бы счастливъ.

Читаешь статью «казака» Хунцарія — и кажется, что ты прикоснулся къ чему-то холодному, скользкому, липкому. Надѣлъ человѣкъ шутовской колпакъ съ погремушками, вооружился картоннымъ мечомъ и въ такомъ «рыцарскомъ» нарядѣ потѣшаетъ прекрасную даму Р. Ц. О.

Ходитъ Ицка ходоромъ
Передъ паномъ Хведоромъ
Ходитъ Ицка ходоркомъ
Передъ паномъ Хведоркомъ.

Во всякомъ случаѣ, мы настоятельно рекомендуемъ казакамъ со вниманіемъ прочитать статью г. Хунцарія («Возрожденіе», 22. Ш. 31); изъ нея они узнаютъ, какіе бываютъ казаки. Есть дѣйствительно казаки, а есть просто-на-просто... «хунцарія».

P. S. Не мѣшаетъ прочитть и убогонькій фельетонъ Ренникова «Ла Коз дэ Козакъ» («Возрожденіе», 7/IV-31) — ну, и сказнулъ же, парнишка!

Въ воскресенье 10-го мая с. г. въ 2 ч. 45 м. по полудни, 27, Bd Latour-Maubourg, состоится публичное собраніе Лиги Возрожденія Казачества. Тема собесѣдованія: «Пути казачества и наши задачи». На покрытіе расходовъ будетъ взиматься: съ членовъ Лиги по 1 фр., съ посторонихъ лицъ — по 2 фр.

Ночная тревога.

Труби, трубачъ...
Пора вставать...
Пора разстаться съ жесткимъ ложемъ.
Несемся вскачь
Вновь воевать.
Мы отстоять свободу сможемъ!..

Не отставать —,
Сомкнувъ ряды.
Пусть тѣсной лавы врагъ страшится.
Пора вставать —
Тамъ у воды
Камышъ отъ вѣтра шевелится,

Разсвѣтъ горитъ,
Заря багрова —
Въ ней сталь отъ шашекъ точно кровь...
Труба звенитъ
Тревогой новой
Казачье сердце будитъ вновь...

Сѣдлать коней,
Орлы степные,
Расправьте крылья во всю ширь.
День сталъ синѣй.
Поля родныя
Вернетъ сегодня богатырь...

Бѣлградъ. **Борисъ Кундрюцковъ.**
20/III-31 года.

Rapid-Imprimerie, 12, rue Royer-Collard, Paris (5e) Le Gérant : **M. Salles Pierre.**

Подписная цѣна

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Казачье Дѣло“

выходящій въ Парижѣ

подъ редакціей К о л л е г і и

ВО ФРАНЦІИ :

На 12 мѣс. ..... 42 фр.

» 6 » ..... 25 »

ЗАГРАНИЦЕЙ :

На 12 мѣс. ..... 2.00 ам. долл.

» 6 » 1.20 » »

Адресъ
Администраціи «Лиги Возрожденія Казачества»
и Редакціи «Казачьяго Дѣла» :

La Ligue de la Renaissance des Cosaques
78, rue Levis — Paris 17 .

Для денежной Корреспонденціи :
M **Th. JELTHUKHIN** —тотъ же адресъ.

RAPID-IMPRIMERIE
12, rue Royer-Collard
P A R I S — (5)

N° 3 LA CAUSE DES COSAQUES PARIS

Августъ 1931 г.
Цѣна номера во Франціи 4 фр.

Août 1931
Prix du numéro 4 frs en France

КАЗАЧЬЕ ДѢЛО

ОРГАНЪ « ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА »

(MENSUEL)

Organe de „La Ligue de la Renaissance des Cosaques ”

Терскіе казаки (офицеръ и казакъ) съ гравюры 1800 г.

Журналъ „КАЗАЧЬЕ ДѢЛО“ — органъ „Лиги Возрожденія Казачества“ — издается на средства ея членовъ-казаковъ, зарабатываемыя личнымъ, почти исключительно физическимъ трудомъ. Администрація, редакція и сотрудники журнала работаютъ безвозмездно.

Содержаніе : Вѣчная память и слава мученикамъ-борцамъ : **Отъ Центральнаго Комитета Л. В. К.** — Быть или не быть : ***.*** — Иванъ и Феня (поэма) : **П. Полякова.** — Дырочники : **А. Бояринова.** — Астраханское Казачье Войско : **Ланцова.** — Сторожевой (стихотвореніе) : **Б. Курдюцкова.** — Казаки генуэзскихъ колоній : **Д-ра С. Федорова.** — Казаки на Словакіи : **В. Глазнова.** - Казачья хроника.

Вѣчная память и слава мученикамъ-борцамъ...

Печальныя вѣсти идутъ съ нашей Родины; ихъ напечатали многія французскія газеты:

«На Сѣверномъ Кавказѣ возстало двадцать пять тысячъ казаковъ. Совѣтскіе аэропланы удушливыми газами уничтожили тысячу повстанцевъ и хлѣбныя поля».

Коротко и ясно — «газами уничтожили тысячу казаковъ и казачьи посѣвы».

Какой ужасъ, какія страданія, какая мука скрыта за этими коротенькими строчками!

Вспомните, казаки, ваши родныя, когда - то веселыя, цвѣтущія станицы и хутора, ваши широкія степи съ волнующимися, какъ море, хлѣбами, съ клекотомъ въ голубомъ небѣ вольныхъ орловъ, съ серебристымъ маревомъ, въ которомъ купаются причудливо изломанныя формы стоговъ, скирдъ, лошадей, воловъ...

Наши, нѣкогда вольныя, нынѣ Богомъ проклятыя, большевицкимъ звѣремъ загаженныя, степи...

Кажется, что это было вчера, а прошло уже одиннадцать лѣтъ, одиннадцать страшныхъ, апокалипсическихъ, кошмарныхъ лѣтъ, одиннадцать годовъ мученій и слезъ...

И казаки возстали противъ своихъ палачей. Это не впервой. Огонь ненависти къ мучителямъ не разъ взлеталъ надъ казачьими станицами. Но, кажется, это первый столь мощный взрывъ.

Двадцать пять тысячъ бойцовъ. — Это не шутка, это — сила, и сила немалая.

Какая нужна была энергія, сколько нужно мужества, рѣшимости и тонкой изворотливости, чтобы въ совѣтскихъ условіяхъ, гдѣ все — кажется, самый воздухъ и земля — пропитаны и пронизаны шпіонствомъ и предательствомъ, гдѣ московскіе вселенцы, какъ ядовитые лишаи, оплели казачьи дворы, — сколько нужно напряженія, чтобы въ этихъ условіяхъ сумѣть создать и сорганизовать такую мощную силу!

Двадцать пять тысячъ — чуть не корпусъ... Казаки знали, что ихъ ждетъ. Гибель, безпощадная московско - совѣтская расправа... И все - таки рѣшились.

Рѣшились на вѣрную смерть, ибо шли съ голыми руками — съ перочинными ножами противъ дьявольски - могущественной техники, противъ броневиковъ, противъ всего, что «благодѣтельный» прогрессъ создалъ на потребу демона истребленія.

Они шли противъ стамилліонной большевицкой Московіи — одинъ противъ тьмы...

Тысяча казаковъ уничтожена газами, тысячи разстрѣляютъ, тысячи умучаютъ въ застѣнкахъ, тысячи семействъ бросятъ въ тюрьмы, тысячи стариковъ, женщинъ, дѣтей — нашихъ дѣтей — вышлютъ въ гиблыя мѣста на муки страшнѣйшія...

Большевицкимъ кровопійцамъ дана новая пища, большевицкая ярость до-сыта упьется местью и кровью. Многострадальному казачеству новое, сверхмѣрное испытаніе.

Гибнетъ казачество, гибнетъ славное степное рыцарство въ когтяхъ ядовитаго совѣтскаго гада.

Какъ больно, какъ жутко, какъ печально и безотрадно!

«И зачѣмъ они это сдѣлали, зачѣмъ они губятъ драгоцѣнную казачью жизнь и силы? Безумно идти противъ аэроплановъ съ перочиннымъ ножомъ или дубиной», — говоритъ холодный разсудокъ.

Но изъ глубинъ души поднимается другой голосъ — голосъ сердца...

«Стало быть, не только жить - дышать нельзя тамъ, на умученной Родинѣ; значитъ, доведены люди до конца терпѣнія; значитъ, мѣра страданій переполнилась, если двадцать пять тысячъ казаковъ съ голыми руками вступили въ борьбу — одинъ противъ тысячъ, вооруженныхъ до зубовъ»...

Сердце ноетъ отъ печали и болью сжимается отъ муки за гибнущихъ братьевъ.

«Жертва ненужная?»... А, можетъ быть, она нужна; можетъ быть она окупится сторицей...

Душа ищетъ утѣшенія, и какой-то голосъ говоритъ: «да, она, эта жертва, не пропадетъ даромъ».

Значитъ, не угасъ казачій духъ; значитъ, есть еще сила казачья тамъ, въ нынѣ проклятыхъ, а когда-то вольныхъ, степяхъ.

И если двѣнадцать лѣтъ большевицкихъ усилій, большевицкой кровавой изобрѣтательности, доведенной до послѣднихъ граней, не убили, не угасили казачьяго духа, — то ничто уже ему не страшно.

Онъ живъ, онъ будетъ живъ, живъ во вѣки вѣковъ...

И придетъ время, и оно уже не такъ далеко, когда казачество развернетъ свои мощныя крылья съ стократной силой и отмѣряетъ своимъ врагамъ тою же мѣрою, какою мѣрялось ему.

Двадцать цять тысячъ бойцовъ - казаковъ — и какаихъ казаковъ! О, да, это цѣнность, это — огромная сила... И она погибла!

А если бы имъ помочь, а если бы имъ тоже аэропланы съ удушливыми газами, да танки, да броневики и прочее, что есть у врага... Завтра бы ихъ было сто тысячъ, послѣзавтра двѣсти, а черезъ мѣсяцъ — несокрушимый ураганъ, который смелъ бы дьявольское навожденіе, какъ пыль.

Двадцать пять тысячъ — большая, огромная искра. Помогите — и она превратится во всесокрушающій пожаръ, который испепелитъ большевицкаго спрута съ его всюду проникающими щупальцами.

«Помогите, на васъ надежда. Не поможете — погибло казачество. Помогите — мочи нѣту, силушки нѣту терпѣть». Двѣнадцать лѣтъ къ намъ взываютъ такъ наши отцы, матери, братья, наши жены и дѣти.

И мы вняли голосу ихъ страданій, мы пошли тѣмъ путемъ, на который насъ звалъ ихъ предсмертный голосъ?

Нѣтъ, мы слушали другія рѣчи, мы внимали дьявольскому голосу Іудъ-предателей: «не занимайтесь политикой, работайте себѣ спокойно на заводахъ и шлите намъ франки, а мы ужъ безъ васъ знаемъ, что дѣлать».

Что это значитъ? О, это просто, это значитъ: «не думайте о страданіяхъ Родины, о мукахъ истязаніяхъ, уничтоженіи нашихъ родныхъ, близкихъ».

Такъ шепчетъ слащаво голосъ Каина - братоубійцы

И мы — что же... мы его слушаемъ, и слушаемъ двѣнадцать лѣтъ.

Какой позоръ, какой стыдъ, какое преступленіе! Мы нарядились въ модные костюмы, бѣлоснѣжные воротнички, разноцвѣтные галстухи, надѣли всякихъ формъ шляпы, лакированные ботинки. Любуемся на себя въ зеркала, гордо поглядываемъ на свои отраженія, проходя мимо зеркальныхъ стеколъ парижскихъ магазиновъ.

А потомъ засядемъ въ ресторанѣ съ манерами заправскаго жуира, потребуемъ вина и закусокъ и, въ компаніи продажныхъ женщинъ, пьяными голосами споемъ старыя казачьи пѣсни, сложенныя нашими предками, истинными рыцарями казачьей чести и свободы.

«Всколыхнулся, взволновался Православный, Тихій Донъ»...

Какой ложью, какой профанаціей звучатъ эти дорогія слова дорогой пѣсни въ парижскомъ кабакѣ съ продажными женщинами!!!

Споемъ и успокоимся. «Всколыхнулись и взволновались»... Исполнили долгъ передъ Родиной, поддержали казачество и... спокойно пошли спать.

А тамъ, на нынѣ Богомъ проклятой, нашей Родинѣ другія пѣсни. Слышите ли вы ихъ, казаки?

Какъ погребальный звонъ колокола заунывно стелетъ по полямъ терзающіе душу звуки, такъ несется надрывный, предсмертный стонъ нашихъ отцовъ, братьевъ, матерей, нашихъ женъидѣтей, корчащихся въ конвульсіяхъ отъ невыносимыхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій.

Стелется этотъ стонъ надъ степями, несется черезъ моря по всему Свѣту.

Доходитъ и до насъ... И мучаетъ насъ, и терзаетъ. И, можетъ быть, у иного изъ насъ ночью, въ тѣсномъ номерѣ отеля, не разъ защемитъ сердце и не одна слеза скатится на жесткую подушку...

Но Іудинъ, но Каина - братоубійцы шопотъ предательски навѣваетъ: «Не безпокойся, молчи, работай, не думай о судьбѣ твоихъ близкихъ, твоей Родины, заботься о себѣ и обо мнѣ. Заботиться о тѣхъ, далекихъ — это заниматься политикой. Но это не ваше дѣло — на это есть «вожди».
рутъ отвѣтственность на себя, на свою душу!

Убаюканная совѣсть засыпаетъ, сердце успокаивается — какъ это удобно, что «вожди» бе-

А потомъ опять воротнички, галстухи, модный костюмъ, кабакъ, продажныя женщины и «Всколыхнулся, взволновался Православный, Тихій Донъ»...

Бросьте эти дорогія, старыя, славныя пѣсни — не мѣсто имъ въ заграничныхъ кабакахъ съ продажными дѣвками.

Пойте — «Конфетка моя ледянистая, полюбилая милого румянистаго». Это къ лицу и пѣвцамъ, и кабакамъ и пьяной компаніи.

И такъ, двѣнадцать лѣтъ спитъ казачество за границей подъ предательскій, хитрый шопотъ:

«Не занимайтесь политикой, не заботьтесь о Родинѣ — мы, ваши «вожди» ,о ней позаботимся».

Какой стыдъ и позоръ. Выборные «вожди» проповѣдуютъ народу — не заниматься политикой, зовутъ къ невѣжеству, къ рабству, къ казармѣ — къ аракчеевской, къ большевицкой казармѣ.

Можно ли допустить, чтобы президентъ или министръ французской или всякой другой республики или англійскій король обратились съ такой проповѣдью къ своему народу? Никогда, нигдѣ, начиная съ римской и греческихъ республикъ — тамъ, гдѣ верховная власть была выборной, подобному абсурду, подобному гнусу не было мѣста.

Съ такими рѣчами обращались только къ рабамъ римской и греческихъ республикъ — свободнымъ гражданамъ никто бы не посмѣлъ этого сказать.

Говорятъ: «всякій народъ достоинъ своего правительства». Къ несчастью и къ нашему стыду — это правда. Мы достойны, ибо двѣнадцать лѣтъ творится преступленіе противъ Родины тѣми, кто всѣ силы долженъ былъ бы напрячь во имя чести и спасенія родного народа, и мы двѣнадцать лѣтъ хлопаемъ глазами и внимаемъ предательскимъ, Іудинымъ, братоубійственнымъ рѣчамъ.

Да, братоубійственнымъ, ибо угашеніе казачьяго духа и воли къ дѣйствію — это гибель нашихъ братьевъ. Мы не хотимъ понять, во имя какихъ достиженій, ведется вся эта постыдная линія людьми, до одури бездѣльными, до сердечныхъ припадковъ жирѣющими на сундукахъ съ казачьей казною.

Да, мы достойны своихъ «вождей».

Мы — это заграничные казаки, а не тѣ, кто остался тамъ. Тѣ, кто на Родинѣ — наше единственное утѣшеніе. Это утѣшеніе въ томъ, что казачество есть, что оно живо, что духъ его, его рыцарская честь и преданность свободѣ, его мужество не только не угасли подъ большевицкимъ прессомъ, — но что въ огнѣ нечеловѣческихъ страданій казачество тамъ выковало въ себѣ и довело до твердости стальной пружины волю къ борьбѣ за свое право и свободу.

Двадцать пять тысячъ возставшихъ — доказательство неопровержимое.

Да, казаки, лучшіе казаки — тамъ, а не мы, здѣсь, въ кабакахъ поющіе «Всколыхнулся, взволновался»...

Тамъ — лучшіе, и о нихъ не скажешь, что они «достойны своего правительства», т.-е. нашихъ, тутошнихъ «вождей». Въ нихъ, тамошнихъ казаковъ, наше упованіе, въ нихъ наша надежда, что казачество не умретъ, что оно воскреснетъ и расцвѣтетъ пышнымъ, прекраснымъ цвѣткомъ.

Только, вотъ, что мы имъ скажемъ при нашемъ свиданіи? Что отвѣтимъ, когда они спросятъ: «а что вы, братья, сдѣлали во имя Родины, во имя спасенія погибавшихъ родныхъ?»

А, вѣдь, много, очень много можно было бы сдѣлать при доброй волѣ, при горячемъ порывѣ. **Сплотись въ одинъ монолитъ, на идеѣ жртвеннаго служенія своему народу, тридцатитысячное заграничное казачество — какая была бы это сила — и моральная, и физическая — и сколько бы ей открылось дверей и... путей во имя спасенія Родины...**

Но Іуды - предателя и Каина - братоубійцы голоса отравили казачью душу за границей, угасили его волю, вытерли изъ его сердца чуткость къ страданіямъ родныхъ братьевъ...

Вѣчная память павшимъ тамъ, въ нашихъ казачьихъ степяхъ, за волю, свободу и честь казачью. Вѣчная слава павшимъ братьямъ, мученикамъ - борцамъ!

—

А намъ?.. Что намъ — пусть совѣсть каждаго, у кого она еще есть, подскажетъ отвѣтъ. А у кого ея не осталось — тому рѣчи о Родинѣ, что глухому обѣдня...

Мы, казаки, имѣемъ и историческое и естественное право на самостоятельное устройство своей жизни. Это неоспоримо. Но ,вѣдь, неоспоримо и право каждаго человѣческаго существа на свободное распоряженіе своей судьбой. Однако, чтобы осуществить это естественное право, человѣчество ведетъ безконечную и жестокую борьбу, и еще въ настоящее время, послѣ тысячелѣтнихъ кровавыхъ усилій, оно далеко отъ своего идеала.

Мало имѣть право — надо умѣть воплотить его въ жизнь.

Даромъ, и съ большой охотой, накладываются только рабскія цѣпи— свободу распоряженія своей судьбой надо завоевать. Такъ было всегда — такъ и будетъ.

И плохую услугу оказываютъ казачеству тѣ, кто елейными рѣчами угашаетъ его энергію, кто зоветъ его къ непротивленству, къ отказу отъ заботъ о судьбѣ своей Родины, т.-е. отъ всякой политической работы, кто сознательно обманываетъ его сказками о молочныхъ рѣкахъ съ кисельными берегами, ожидающими казачество («вождей» — единонедѣлимццевъ - да!) въ будущей Единой Недѣлимой Россіи въ награду за молчаливую и рабскую покорность, за инертность, за политическую

слѣпоту и невѣжество, которыя уже привели насъ къ неслыханнымъ несчастьямъ.

Безъ борьбы намъ Родины не видѣть, безъ организованной, умѣлой, напряженной борьбы казачеству не существовать.

Только борьбою мы воплотимъ наше естественное и историческое право на жизнь, борьбой жертвенной и организованной.

Гарибальди съ кучкой патріотовъ удалось осуществить казавшееся современникамъ невозможнымъ — освободить свою Родину, Италію, и положить начало ея возрожденію и укрѣпленію.

Горячая любовь и непоколебимая вѣра ими руководила, и они сдвинули горы...

Кто могъ бы повѣрить, что ничтожная кучка большевиковъ захватитъ въ свои руки власть надъ величайшей въ мірѣ Имперіей — однако это совершилось на нашихъ глазахъ. Желѣзная организованность, твердая воля и фанатическая вѣра сдѣлали то, что казалось невозможнымъ самому проницательному, изощренному, самому острому предвидѣнію.

Только создавъ организованную силу, способную показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права, мы можемъ добиться своихъ цѣлей.

И въ тотъ день, когда мы сумѣемъ эту организованную силу создать и влить въ ея душу горячую вѣру, жертвенный порывъ, накалить до-бѣла волю къ защитѣ и осуществленію своихъ правъ — тогда никто не дерзнетъ оспаривать ихъ у насъ, ибо они будутъ въ крѣпкихъ рукахъ, въ рукахъ людей, вдохновленныхъ огненнымъ порывомъ къ свободѣ и вольности — исконной казачьей, завѣщанной намъ нашими славными предками.

Къ организаціи, къ накопленію силъ зоветъ насъ, казаки, «Лига Возрожденія Казачества». Становитесь въ наши ряды, работайте жертвенно, самоотверженно и безкорыстно, какъ работаемъ мы, во имя великой цѣли освобожденія и возрожденія Родного Казачества

Центральный Комитетъ

„Лиги Возрожденія Казачества“

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

Попытки наложить руку на казачью вольность со стороны Москвы начались еще при Борисѣ Годуновѣ. Чѣмъ бы окончилась аггрессивная политика Годунова, если бы она не была прервана его смертью, а затѣмъ смутнымъ временемъ, трудно сказать, но, принимая во вниманіе съ одной стороны — властный характеръ этого государя, съ другой — свободолюбіе и твердую волю въ отстаиваніи своей независимости, проявленную казачествомъ при послѣдующихъ захватническихъ попыткахъ московскаго правительства, — можно съ большой долей вѣроятности предположить, что политика Годунова, доведенная до конца, имѣла бы трагическій исходъ: или казачество въ кровавой схваткѣ сумѣло бы отстоять свою независимость, подкрѣпивъ себя союзомъ съ враждебными Москвѣ силами, или же оно ушло бы въ другія страны, въ другія государства, чѣмъ оно впослѣдствіи неоднократно угрожало при распряхъ съ московскимъ правительствомъ и что частично выполняло (Некрасовъ — въ Турцію. Запорожцы — въ Банатъ, на о. Мальту, въ Малую Азію и въ Европ. Турцію).

Тенденція къ подчиненію казачества и при первыхъ Романовыхъ не исключалась никогда изъ политической программы Москвы, но проявлялась она чрезвычайно осторожно, ибо, при малѣйшей рѣзкости въ дѣйствіяхъ агентовъ московской власти, ревнивое къ своей независимости казачество немедленно же давало отпоръ вплоть до убійства пословъ Московскаго царя (Карамышевъ — 1630 г.). Гарантіей казачьей независимости была его соціальная монолитность, любовь къ свободѣ, высокая воинская доблесть, рыцарская вѣрность казачьей идеѣ и принципу «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ». Но, кромѣ того, руку Москвы отъ крутыхъ мѣръ удерживала и мудрая политика — въ особенности соображенія государственной обороны: казаки являлись естественнымъ оплотомъ Москвы противъ ея многовѣковыхъ враждебныхъ сосѣдей — главнымъ образомъ татаръ и турокъ.

Эти соображенія отчетливо отражены дипломатомъ и историкомъ царствованія Алексѣя Михайловича Котошихинымъ, который, объясняя, почему Москва должна была терпѣть независимость Дона, пишетъ: «А ежели бы имъ (казакамъ) воли своей не было, и они бы на Дону служить и послушны быть не учали. И только бы не они, донскіе казаки, — не укрѣпились бы и не были бы въ подданствѣ давно за Московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царства съ городами и землями во владѣніи».

Московская власть устами своего государственнаго дѣятеля и историка выдала самый блестящій аттестатъ казачеству: «и только бы не они, донскіе казаки... не были въ подданствѣ за Московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царства»... Такова расцѣнка силы и удѣльнаго вѣса независимаго казачества его компетентнымъ современникомъ, и какъ она не похожа на оцѣнку современныхъ намъ историковъ россійскихъ и ихъ казачьихъ подголосковъ, стремящихся доказать вопреки исторической правдѣ, что казаки появились только въ 1549 году на Дону въ видѣ бѣглыхъ крестьянъ и просто разбойниковъ!

Расцѣнивая высоко силу и значеніе казачества, Московское царство, еще недостаточно крѣпкое внутри, естественно должно было, скрѣпя сердце, воздерживаться отъ конфликтовъ съ нимъ, каковые, разумѣется, были бы неизбѣжны, въ случаѣ посягательства на его независимость — «тогда бы они», какъ говоритъ Котошихинъ: «служить и послушны быть не учали».

Но, оправляясь отъ послѣдствій смутнаго времени, Московское царство крѣпло внутри, въ то же время сила его историческихъ юго-восточныхъ враговъ угасала, а вслѣдствіе этого и роль и значеніе казачества, какъ естественныхъ и даровыхъ защитниковъ предѣловъ Москвы, постепенно снижалась. Цѣнность казачества въ глазахъ россійской центральной власти уменьшалась въ обратной пропорціи къ росту внутренней мощи Руси и ослабленію ея юго-восточныхъ сосѣдей, и попутно увеличивалась московская тенденція къ уничтоженію казачьей независимости. Москва къ этому побуждалась не только исконной сущностью ея захватнической политики, но и естественнымъ стремленіемъ округлить свои владѣнія и вплотную подойти къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, столь необходимыхъ ей, до того времени замкнутой въ сухопутныхъ границахъ.

При первыхъ Романовыхъ осторожная политика Москвы ограничивалась пріемами мирнаго воздѣйствія на казачество. Для этого у нея было два сильныхъ средства. Первое —экономическая блокада, успѣхъ которой обусловливался хозяйственной слабостью казачества, не только не занимавшагося земледѣліемъ, но въ законодательномъ порядкѣ воспрещавшаго этотъ трудъ своимъ гражданамъ, подъ страхомъ смертной казни.

Вслѣдствіе такого положенія, хлѣбъ могъ пріобрѣтаться только въ предѣлахъ Россіи, въ обмѣнъ на продукты рыболовства и скотоводства. Чѣмъ вызвана была такая внутренняя политика въ казачествѣ, трудно объяснить, но несомнѣнно, что въ борьбѣ съ Москвою за независимость отсутствіе собственнаго производства продуктовъ земледѣлія являлось самымъ слабымъ мѣстомъ казачьей государственности. Достаточно было Москвѣ воспретить вывозъ хлѣба изъ Россіи на Донъ, чтобы оказать мощное давленіе на казачью волю. Москва къ этой тактикѣ обычно и прибѣгала въ своихъ конфликтахъ съ Дономъ.

Другимъ средствомъ воздѣйствія на казачество въ цѣляхъ ослабленія его силы сопротивленія была тактика содѣйствія расчлененія соціально однородной казачьей массы, съ выдѣленіемъ изъ нея привиллегированнаго сословія старшины. Ласкаемая, соблазняемая подарками и перспективами создать себѣ положеніе, подобное россійскимъ помѣщикамъ, старшина впослѣдствіи явилась и сторонницей и дѣятельной помощницей Москвы въ ея стремленіяхъ подчинить себѣ вольныя, независимыя казачьи государства.

Къ началу 18-го столѣтія Россія внутри настолько окрѣпла, а юго-восточные ея сосѣди или были покорены или сдѣлались столь безопасными, что Петръ 1-й нашелъ возможнымъ отъ дипломатическихъ пріемовъ своихъ предшественниковъ перейти къ тактикѣ прямого дѣйствія: у Донцовъ стали отнимать принадлежащія имъ искони земли и угодья, чѣмъ вызвано знаменитое возстаніе Атамана Булавина, какъ извѣстно, подавленное Петромъ съ невѣроятной жестокостью.

Съ этого момента въ исторіи казачества наступилъ рѣзкій переломъ. Войсковые Атаманы стали назначаться Петербургомъ, Войсковой Кругъ утратилъ свою роль Верховнаго Хозяина. Вся послѣдующая исторія отношеній центральной Россійской власти къ казачеству окрашена одной цѣлью — уничтожить даже остатки казачьей самобытности.

Съ Запорожскими казаками Екатерина II поостунила рѣшительно и жестоко. Въ 1775 году окруженная войсками генерала Текели Сѣчь была попросту разгромлена. Казаки частью ушли за границу (въ Европ. Турцію, Малую Азію, Венгрію), часть превращена въ крестьянъ. Земли казачьи расхищены.

По отношенію къ Дону Императорское правительство держалось болѣе осторожной политики. Грозное возстаніе Булавина, сепаратистскіе планы Степана Ефремова, революціонныя вспышки во времена Екатерины II, движеніе Пугачова — все это говорило за то, что духъ старинной вольности среди Донцовъ живъ и что не исключена возможность рѣзкой реакціи со стороны казаковъ на слишкомъ крутыя мѣры центральной власти противъ ихъ традиціоннаго уклада. Кромѣ того въ нихъ еще нуждались для покоренія Кавказа. И темпъ расказачиванія донцовъ, уральцевъ, кубанцевъ и пр. шелъ медленно, осторожно, но неуклонно, пока къ 20-му столѣтію казачество не доведено было до положенія аракчеевскихъ военныхъ поселеній, сохранивъ только внѣшній декорумъ отъ своей самобытности.

Умный Котошихинъ, современникъ вольнаго, независимаго казачества, опредѣляя удѣльный вѣсъ, роль и значеніе казачества для Россійскаго государства, а также и московскую политику воздержанія отъ посягательства на казачью независимость, собственно начерталъ въ своихъ словахъ, нами выше приведенныхъ, всю будущую судьбу казачества. Была нужда въ немъ, его ласкали, за нимъ ухаживали, посылали подарки и пышныя грамоты.

Но мѣняются времена, измѣняется обстановка, крѣпнетъ Русь, исчезаетъ опасность для ея юго-восточныхъ границъ, измѣняется и отношеніе къ казачеству — «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ долженъ уйти».

Историческіе процессы благодарности не знаютъ: они опредѣляются желѣзнымъ закономъ необходимости. Государственная политика диктуется не соображеніями чувства, а выгодой. И черезъ два вѣка послѣ Котошихина россійскій историкъ Соловьевъ, въ концѣ 19-го вѣка, опредѣляетъ историческую задачу казачества въ томъ же смыслѣ, какъ и первый, только другими словами. Задача эта — «удобрять своею кровью широкія степи, охранять ихъ отъ хищника степей - кочевника и ждать, пока придетъ, не боясь степного хищника, русскій человѣкъ — полный хозяинъ. Само казачество терпимо

только до той поры, пока широкая стень не понадобится земскому человѣку для воздѣлыванія». *)

И пора эта, какъ мы видимъ, пришла. Съ Родины намъ пишутъ, что вселенцы въ Казачьи Края рѣкой текутъ, что хозяева страны, своею кровью, пролитой въ теченіе вѣковъ, завоевавшіе свои земли, изгоняются изъ своихъ домовъ, лишаются имущества въ пользу пришельцевъ, «земскихъ людей», и высылаются на гиблыя окраины или уничтожаются физически. Новаго и неожиданнаго здѣсь нѣтъ ничего. Большевики съ свойственной имъ рѣзкостью и жестокостью завершаютъ собственно тотъ процессъ, который предопредѣленъ исторіей и который начался задолго до русской революціи.

Императорское правительство давно уже стало проводить линію колонизаціи и мирнаго завоеванія Казачьихъ Краевъ. Стоитъ только вспомнить тѣ искусственныя мѣры, которыя принимались для облегченія пріобрѣтенія иногородними казачьихъ помѣщичьихъ земель — особенно при помощи Крестьянскаго Банка — *способъ, права на который лишены были сами казаки.*

Наивные люди, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», оптимистически смотрящіе на будущее, полагаютъ, что съ паденіемъ или сверженіемъ совѣтской власти въ Россіи (когда и какими силами?), казачество снова станетъ хозяиномъ у себя, хозяиномъ не только въ тѣхъ жалкихъ рамкахъ, въ которыхъ оно существовало до революціи, но даже съ болѣе расширенными правами — на автономныхъ или федеративныхъ началахъ, какъ увѣряютъ ихъ нѣкоторые «вожди». Какъ будто двѣсти съ лишкомъ лѣтъ колесо исторіи неуклонно шло по пути удушенія казачества для того, чтобы, дойдя до конца, начать двигаться вспять. Жалкія и вредныя иллюзіи!!

Въ нашей статьѣ «Единонедѣлимцы и Самостійники» («Казачье Дѣло» № 2) мы достаточно подробно освѣтили вопросъ о враждебномъ отношеніи къ казачеству и Императорскаго Правительства, и Государственной Думы и крестьянства, и всѣхъ политическихъ партій, отъ крайне лѣвыхъ до крайне правыхъ. Мы документировали, что какъ эсъ-эры, эсъ-дэки, кадеты, такъ и монархисты одинаково и опредѣленно проявили стремленіе въ пользу отобранія у казаковъ земель и уравнительнаго надѣленія ими россійскихъ крестьянъ. Взглядъ, высказанный россійскимъ историкомъ Соловьевымъ, такимъ образомъ, является программой всего русскаго народа: «Казачество терпимо только до той поры, пока широкая стень не понадобится земскому человѣку для воздѣлыванія».

Такъ же думаютъ и руководящіе круги россійской эмиграціи. «Намъ, наконецъ, надоѣлъ этотъ казачій вопросъ, съ казачествомъ нужно покончить разъ навсегда». Такія рѣчи слышимъ мы отъ россійскихъ людей и организацій разныхъ толковъ.

Что особенно важно и на что необходимо обратить сугубое вниманіе — это то, что россійскіе люди съ точки зрѣнія ихъ государственной логики совершенно правы и поступить они иначе не могутъ.

Казачество Россіи нужно было, пока оно выполняло исторически оправдывающую его существованіе функцію защитниковъ окраинъ Государства, что такъ прекрасно опредѣлено Котошихинымъ: «а ежели бы имъ (казакомъ) воли своей не было, и они бы на Дону служить и послушны быть не учали».

Пока казаки брали Казанскія и Астраханскія царства, боролись противъ турокъ, кавказскихъ горцевъ, — за ними ухаживали, ихъ не трогали.

Теперь окраинамъ Россійскаго Государства на юго-востокъ никто не угрожаетъ, и естественно, съ точки зрѣнія россійскихъ людей, разцѣнивать казачество, какъ ненужный пережитокъ прошлаго, какъ органъ отжившій и подлежащій уничтоженію. Вопросъ о томъ — быть или не быть казачеству — поставленъ исторіей опредѣленно. И отвѣтъ съ россійской точки зрѣнія можетъ быть одинъ: казачество въ будущей русской государственной системѣ не можетъ имѣть мѣста — оно должно быть уничтожено.

Какую роль предоставить казачеству въ будущей Россіи? — Всероссійскихъ жандармовъ, усмирителей бунтовъ, защитниковъ фабрикъ и помѣщичьихъ имѣній? Но какое бы ни было послѣбольшевицкое правительство въ Россіи — монархическое или республиканское, — оно прежде всего не можетъ не быть демократическимъ, не можетъ не считаться съ мнѣніемъ народа, ибо путемъ революціоннымъ выйдетъ изъ его нѣдръ. Мы же знаемъ, какъ русскій народъ расцѣниваетъ навязанную намъ старымъ правительствомъ роль жандармовъ и усмирителей, знаемъ и то, что эта роль въ значительной степени обострила ту историческую вражду къ намъ со стороны русскаго народа, которая давала и даетъ знать себя въ жесточайшихъ эксцессахъ по отношенію къ намъ и нашимъ братьямъ, оставшимся на Родинѣ.

Когда нѣкоторые «вожди» — единонедѣлимцы говорятъ, что Россіи «нужно здоровое, крѣпкое и трудолюбивое казачество», — не готовятъ ли они ему вновь амплуа опричниковъ? Не въ старомъ ли, жандармскомъ смыслѣ надо понимать «здоровое и крѣпкое»? Не лицемѣрно ли, не для прикрытія ли истиннаго смысла прилетается здѣсь казачье «трудолюбіе»? Что же, изъ-за «трудолюбія» Россійское Государство предоставитъ одной части своего населенія особыя права и привилегіи, признавъ, такимъ образомъ, что у другой части народа этого качества, т.-е. трудолюбія, не имѣется?

Одно изъ двухъ: или же это утвержденіе «вождей» — дѣтская наивность, или неумѣло прикрытое лицемѣріе.

Смѣемъ увѣрить г.г. «вождей», что казачество за годы революціи и большевизма научилось достаточно разбираться и въ «вождяхъ» и въ истинномъ смыслѣ ихъ сладкихъ и лукавыхъ словъ, что оно сумѣетъ отличить волка и подъ овечьей шкурой и ужъ куда-куда, а въ жандармы и опричники не пойдетъ...

Наивно было бы также допустить, что будущая россійская власть потерпитъ существованіе казачества, внѣ

*) Д-ръ Федоровъ. — «Замѣтки самостійника». («Вольное Казачество»).

опредѣленныхъ функцій, оправдывающихъ исключительность его положенія да и существованіе привиллегированныхъ классовъ и сословій не совмѣстимо съ демократическимъ режимомъ. Казачество же трактовалось и трактуется всегда и россійскимъ правительствомъ и народомъ, какъ особое сословіе.

И такъ, еще разъ подчеркиваемъ, что россійская тенденція къ уничтоженію казачества будетъ оправдана государственной логикой, и русскіе люди, такимъ образомъ, съ своей точки зрѣнія правы, точно такъ же, какъ былъ правъ... волкъ, который, — будучи голоденъ, — хотѣлъ съѣсть ягненка.

Но тогда, что же намъ, казакамъ, дѣлать — покориться волчьей логикѣ?

Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, ибо на сторонѣ казачества, не желающаго быть скушаннымъ Россіей, въ тысячу разъ большее право — естественное, законнѣйшее право на жизнь, на устройство своей судьбы «по своему присуду», на вѣками освященныхъ началахъ.

И разъ такое стремленіе у казаковъ имѣется, — а наличіе его доказано и въ антибольшевицкой борьбѣ и развивающимся самостійнымъ движеніемъ и той психологіей, которая выявляется и въ возстаніяхъ и въ получаемыхъ съ Родины письмахъ, — тогда нельзя уподобляться ягненку, а нужно бороться, бороться съ полнымъ напряженіемъ, какъ борятся за жизнь, ибо только при этихъ условіяхъ казачество не умретъ, только тогда оно будетъ не только существовать, но развиваться и крѣпнуть.

Всякія иллюзіи насчетъ благосклоннаго и благожелательнаго разрѣшенія нашей судьбы будущей россійской властью надо отбросить, ибо, повторяемъ, въ политикѣ ни благодарности (да отъ кого ее ждать?), ни сантиментамъ нѣтъ мѣста, а есть только желѣзный законъ выгоды и право сильнаго. Надо мужественно и трезво заглянуть въ пропасть, которая ждетъ насъ на путяхъ единонедѣлимцевъ. Передъ нами грозная альтернатива — или съ единонедѣлимцами въ пензенскіе мужики со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями или *сепаратное, самостоятельное устройство своей судьбы въ союзѣ съ тѣми частями бывшей Россійской Имперіи (Украина, Сибирь, Грузія и пр.), которыя также не хотятъ раздѣлить судьбу ягненка, скушаннаго волкомъ, которыя также стремятся устроить свою судьбу въ духѣ своихъ національныхъ, бытовыхъ и историческихъ интересовъ.*

Къ сожалѣнію, многіе казаки еще не уясняютъ себѣ всѣхъ опасностей, имъ угражающихъ на пути, по которому ведутъ ихъ «вожди»--единонедѣлимцы, ведутъ зачастую изъ личныхъ, карьерныхъ, корыстныхъ, въ духѣ старой старшины, цѣлей. Иные изъ казаковъ идутъ по этому пути по старой привычкѣ, по предубѣжденію противъ всякой новой идеи, иные по робости мысли, иные, надѣясь на эфемерныя личныя грошевыя выгоды, нѣкоторые потому, что потеряли сердце и готовы идти куда угодно — хоть въ пензенскіе мужики, лишь бы отъ нихъ не требовалось напряженія воли и силъ.

Но, къ нашему удовлетворенію, мы можемъ отмѣтить, что процентъ прозрѣвающихъ неуклонно растетъ, ряды сепаратистской рати ежедневно пополняются наиболѣе активными казачьими силами. И хотя мы знаемъ, что идея сохраненія и возрожденія казачества дорога всѣмъ казакамъ и казачкамъ — разница только въ большей или меньшей напряженности воспріятія этой идеи, *однако, мы убѣждены, что если найдется хоть десять процентовъ твердыхъ активныхъ казаковъ, убѣжденныхъ, горящихъ и жертвенныхъ борцовъ за возрожденіе казачества на началахъ самостоятельнаго государственнаго существованія, — наше дѣло будетъ выиграно, ибо судьбы народовъ направляются не инертными массами, не тѣми, которые „ни теплы ни холодны". — направляются эти судьбы идейно крѣпкимъ, активнымъ, организованнымъ меньшинствомъ, за которымъ пойдутъ въ нужный моментъ и массы, ибо смѣлость, самоотверженность, героическій порывъ заразительны также, какъ и трусость, покорность и паника.*

ИВАНЪ И ФЕНЯ

.....
Для кого, зачѣмъ. — Ей Богу,
Я не вѣдаю, не знаю —
Сердце вновь заговорило.
Снова пѣсню я слагаю
И спою о томъ, что вѣчно,
Что могучихъ всѣхъ сильнѣе,
Самихъ сказокъ что чудеснѣй —
— О любви спою я пѣсню.

I

Вѣтерокъ ковыль колышетъ,
Гонитъ листья надъ водою.
Далеко въ станицѣ слышно
Пѣтуховъ передъ зарею.
Алой лентой таетъ небо,
Меркнутъ звѣзды, звѣзды гаснутъ.
Что, Иванъ, вздыхаешь тихо —
Или ждалъ ты понапрасну?
Али зорькой, утромъ рано
Не придетъ она въ ливаду,
И не будетъ поцѣлуя
Ожиданію въ награду?
Али рѣзвыми ногами
Не порхнетъ по кочкамъ зыбкимъ
И смущенно не подаритъ
Васильковою улыбко?
Тихо... Тихо...
... Ой, ливады,
Ой, раины да ракиты,
Ой, вы, очи голубыя,
Да горящія ланиты.

Тихо... Тихо... Тѣнь мелькаетъ.
Ближе, ближе...
Феня! Феня!..
.....
На востокѣ звѣзды гаснутъ.
Отъ вербы упали тѣни...
.....
Разгорись степная зорька
Межь ливадами, лугами,
Озари шляхи и тропы
Искроцвѣтными огнями,
Засіяй въ Господнемъ Мірѣ.
Слышишь — гимнъ запѣли птицы?
Слышишь — гонятъ скотъ веселый
На толоку изъ станицы?
Синій дымъ давно поднялся
Изъ высокихъ трубъ столбами.
Загремѣли дружно бабы
По загнеткамъ рогачами.
Утро. Тухнутъ лампы кухонь.
Ободняло. Пали росы.
Косари пополдневали
И опять взялись за косы.

II

«Что, гусей-... а-ль не слышишь?..
Покорми ихъ...
Гдѣ ты?.. Феня!»
«Здѣся, мама, подметаю —
Нанесли половы въ сѣни...»
Охъ, ты, женское лукавство.
Ложь — приправа бабьей крови.
Знаемъ, гдѣ ты пропадала, —
Дѣло вовсе не въ половѣ.
Мать — старуха вѣритъ дочкѣ,
Видно, вовсе позабыла,
Какъ сама въ дѣвичьи годы
Долги ночки проводила;
Позабыла сладки рѣчи,
Что тайкомъ вела когда-то,
Какъ на выдумки и шутки
Тоже была тарована...
Щеки алыя потухли,

Пеленой закрылись очи,
Ломота въ костяхъ, суставахъ —
Ну, ни силушки, ни мочи.
И не вспомнитъ старымъ сердцемъ
О миломъ дружкѣ — Егорѣ...
Много слезъ пролито Дономъ,
Много водъ уходитъ въ море.
Феня... Феня!..
Чѣмъ не имя?
Аль кому-нибудь не любо?
Али косы не до земи,
Аль не сладки алы губы?
Кабы эти чайки руки
Васъ, читатель, обнимали,
Вы бы большаго отъ Бога
Никогда не пожелали...
Лебединая походка,
Шейка лентою обвита
Ну, да что за разговоры...
Раскрасавица — и квиты!

III

Ваня?.. Парень — заглядѣнье.
Поступь... кудри... а румянецъ!
Да къ тому еще — приказный,
Лейбъ-гвардеецъ — Атаманецъ!

Развѣ это не довольно,
Чтобы сердце нашей Фени
Навсегда бы погрузилось
Въ сказку дивныхъ сновидѣній?
Развѣ это не довольно
И для насъ, читатель, съ Вами,
Коли сами мы родились,
Выростали казаками?
Если-жъ вы изъ православныхъ,
Такъ и быть, скажу по-свойски:
Чинъ приказный, чинъ важнѣйшій
По всему Донскому Войску.
Много есть еще, конечно,
И иныхъ высокихъ званій,
Да за ними и не гнался
Нашъ лихой приказный Ваня.

IV

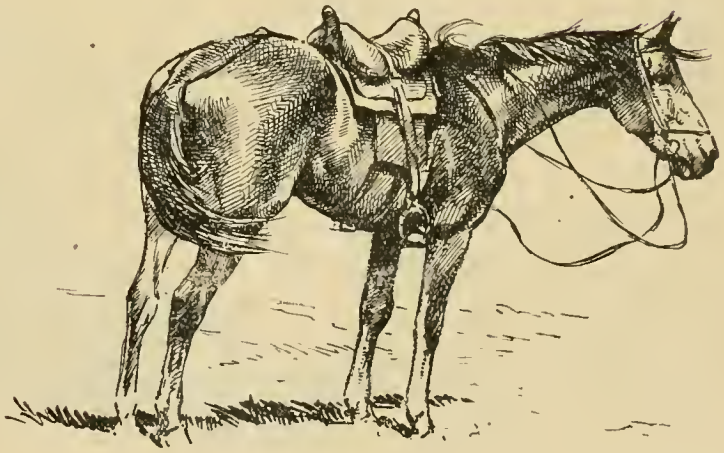
Нѣтъ ни словъ, ни силъ, ни красокъ
Описать Вамъ всѣ детали,
Какъ Раздорсковы къ Рябовымъ
Да сватовъ-то засылали,
Какъ сваты-то ночкой темной
Отъ Рябовыхъ ворочались,
Какъ всѣ улицы плясали
И проулочки шатались.
Подъ турченковскимъ овиномъ
Полегли сваты костями
(Торопился къ Ивану
Напрямикъ пошли, задами).
А когда пришли къ овину,
Три часа они кружили.
Заморились, присѣли
И... остатнее допили.
А потомъ играли пѣсни
И мятелицу плясали.
Наплясались и въ соломѣ
Сутки цѣлые проспали .
. . . . . .
Эхъ, сваты мои, сваточки,
Эхъ ты, бѣлая головка,
Эхъ вы, яблочки мочены
Да настойка, да перцовка,
Вы одни всему виною,
А сваты-то не причинны:
Слишкомъ крѣпки были вина,
Перелазы слишкомъ длинны.

V

А когда къ станичной церкви
Тройка Феню подкатила,
Свадьбы этакой, ей-Богу,
Не запомнятъ старожилы.
Вся станица загуляла,
Все вино тогда попили,
И, хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте,
Всѣхъ курятъ поперебили.
«По сабѣ» пошли станицей
Всякъ гостей встрѣчалъ, лелѣялъ.
Въ этотъ годъ хлѣбовъ озимыхъ
Такъ никто и не засѣялъ.
Загуляли — и забыли.
Угощался по-свойски.
Кабъ еще чудокъ гуляли,
Напоили бы все Войско!
Правда, послѣ свадьбы этой
Такъ станицу и прозвали —
«На Успеніе вѣнчали
До Введенья догуляли».
Во-какъ въ нашей то станицѣ —
Не въ примѣръ которымъ прочимъ...
. . . . . .
Ну да это только къ слову, —
Всѣ станицы безпорочны!

VI

Говорить или не надо
Здѣсь о Крымѣ, о Босфорѣ,
О Степной Великой Бурѣ,
О казачьемъ страшномъ горѣ...
Много будетъ пѣсенъ спѣто,
Много книгъ о томъ напишутъ,
Но о всемъ десятой доли
Внуки наши не услышатъ.
Не услышатъ, не узнаютъ
И понять то насъ не смогутъ —
Слишкомъ зла то много было,
Слишкомъ горя было много.
Будто вихрь прошелъ по Дону.
Вымелъ, вычистилъ, развѣялъ.
Будто Богъ спѣшилъ разрушить,
Что ошибочно содѣялъ.
Въ ночь сжигалися станицы ,
Въ степи скотъ безъ корма падалъ.
И... за тысячи убитыхъ
Возжигалися лампады.
Будто два стальныхъ гиганта
Въ грудь земли когтями впились.
И поднялся дымъ пожарищъ.
Рѣки кровью задымились.
А когда въ Новороссійскѣ
Кони брошенные ржали,
Мы, привыкшіе къ несчастьямъ,
Слезы тихо вытирали.

Ахъ! о коняхъ пѣлъ я гдѣ-то...
Все равно, имъ вѣчна слава.
Надъ костями ихъ, навѣрно,
Поросли степныя травы.
Я въ добро теперь не вѣрю.
У меня одна примѣта:
Коль казакъ коня оставилъ,
Всѣ молитвы безъ отвѣта.
Всѣ надежды — понапрасну:
Въ коняхъ — вся казачья сила.
Коли мы ея лишились,
Ожидаетъ насъ могила.
Запорожцы и Некрасовъ
Увели коней съ собою.
Мы-жъ поплакали надъ ними

И... оставили безъ боя...
Ну, да что тамъ! Было дѣло.
Кто виновенъ — все узнаемъ.
А пока — что... чашу горя
Пьемъ, никакъ не допиваемъ.
Будто мало пить осталось,
Глядь — наполнилася снова.
Правда! Правда! Гдѣ-ты? Гдѣ-ты?
Кто придумалъ это слово?

VII

Я совсѣмъ разволновался,
Измѣнилъ начальной темѣ.
А, вѣдь, началъ объ Иванѣ,
О любви, о милой Фенѣ.
Что Иванъ?
Сломалъ тройчатки,
Изъ обломка пику сдѣлалъ,
Подсѣдлалъ своево гнѣдого,
Попрощался и.. уѣхалъ...
Былъ въ тифу, былъ дважды раненъ,
И... попалъ онъ вмѣстѣ съ нами
Съ нами вмѣстѣ....
На Балканы!..

VIII

На высокомъ минаретѣ
Ходитъ мулла и зѣваетъ.
Тѣнь его по плоскимъ кровлямъ
Темной птицей пролетаетъ...
«Илль-Алла» — несется въ горы, —
«Илль-Алла» — вторятъ ущелья,
«Илль-Алла» — вздыхаютъ стѣны
Крѣпостной сторожки-кельи.
Что?..
Разсказъ средневѣковый
О турецкихъ тюрьмахъ старыхъ
И о плѣнникахъ казачьихъ
И о стражѣ — янычарахъ?..
Нѣтъ! Я снова объ Иванѣ.
Онъ теперь въ Герцеговинѣ,
Тихой пѣсней за работой
Вторитъ зову муэдзина.
Замерла муллы молитва.
Тѣнь его сползла по крышѣ...
.....
Боже, Боже, что — молитву
Или пѣсню Ты услышалъ?!.

IX

Между дѣломъ Ваня дома
Зналъ о дратвѣ, кожѣ, шилѣ.
И они ему въ изгнаньи
Службу вѣрно сослужили.
Возлѣ мечети, въ лачужкѣ
Чинитъ онъ турчанкамъ туфли.
Посѣдѣлъ, согнулся, высохъ.
Очи ясныя потухли...
.....
Гложетъ мысль тоска-злодѣйка,
Весела-ль, здорова-ль Феня?
Эхъ, обнять бы крѣпко, крѣпко,
Пасть предъ нею на колѣна.
Цѣловалъ бы долгу ночку,
Обнималъ да гладилъ косы,
Да глядѣлъ бы въ ясны очи,
Отвѣчая на разспросы.
.....
Годы счетомъ набѣгаютъ.
И тоска-змѣя сильнѣе...
Что-то Феня, гдѣ-то Феня?
Что не пишетъ, что-то съ нею?

X

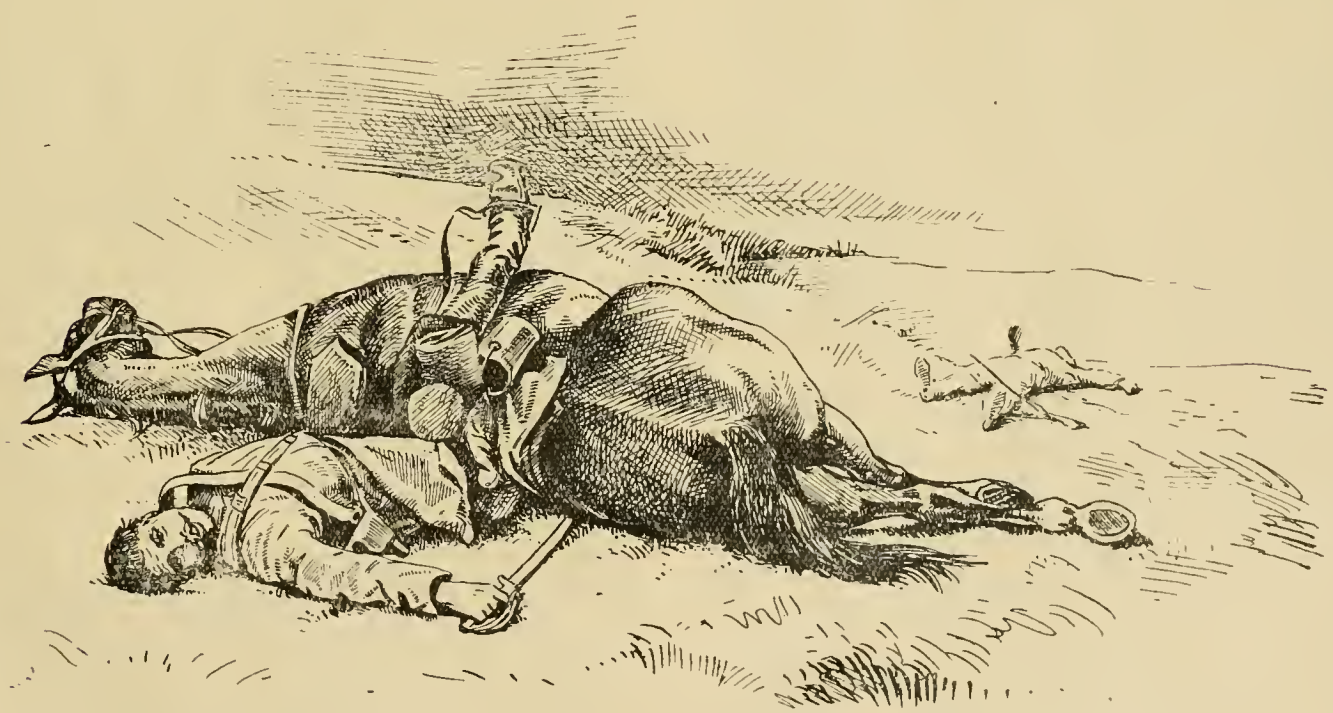
Ты лети, письмо, голубкой
Черезъ рѣки и долины,
Проплыви по океанамъ,
Обогни ты горъ вершины,
Ты найди въ странѣ далекой
Ваню съ болью злой разлуки,
Ты ему, письмо, отдайся
Въ бѣло-сахарныя руки.
.....
«Ты прости, голубчикъ Ваня:
«Не моя вина, родимый...
«Въ этотъ годъ, какъ въ годъ вѣнчанья,
«Мы не сѣяли озимыхъ.
«Телку волкъ зарѣзалъ ночью.
«Лошадей воры угнали.
«Куръ, свиней солдаты съѣли.
«И пахать не выѣзжали.
«Комиссаръ съ Москвы пріѣхалъ.
«Говорилъ о чемъ-то много.
«И... курень то нашъ продали
«Для уплаты продналога.
«И пошли бы мы по-міру,
«Да судьба намъ улыбнулась —
«Комиссару (звать Исакомъ)
«Я на сходѣ приглянулась...
«Ваня, Ваня, знаю... милый...
«Прочитавъ, ты будешь плакать..
«Я томилась... я молилась...
«Я вѣнчалася съ Исакомъ.
.....
«Не съ попомъ, а такъ, въ совѣтѣ —
«Записали и готово...
«Ваня, Ваня, ты поймешь ли?..
«Напиши ты мнѣ хоть слово.
«Девять лѣтъ ждала, родимый,
«Все ждала... истосковалась...
«Не серчай, прости, любимый...
«Что-же дѣлать — не дождалась!»

XI

Въ Иностранномъ Легіонѣ
(Такъ въ письмѣ мнѣ написали)
Въ перестрѣлкѣ трехъ убили:
Двухъ арабовъ и... Ивана.

. . . . . .
Онъ, прочтя письмо, изъ дома
Никуда не показался,
Сѣлъ на поѣздъ и уѣхалъ
И ни съ кѣмъ не попрощался.
Мы-бъ о томъ и не узнали,
Если-бъ только возлѣ трупа
Гдѣ то въ Африкѣ, не знаю,
Не нашелся снимокъ-группа.
А на снимкѣ томъ — гвардеецъ
И отецъ его съ женою...
А стоитъ съ ней рядомъ Феня
Подъ вѣнчальною фатою.
Угадали тамъ Ивана.
Помолились, перекстили,
Безъ церковнаго обряда
Въ бурханахъ его зарыли...
. . . . . .
. . . . . .
Вотъ и все... и кончилъ пѣсню,
Да не такъ какъ начиналось,
Что подѣлать — доля наша
Такъ надъ нами насмѣялась.
Что подѣлать... все проходитъ,
Все покроется забвеньемъ.
И дѣла важнѣе нашихъ
И... любовь Ивана къ Фенѣ.
Что подѣлать... Наши степи
Нечисть красная покрыла.
Да, когда-то были люди.
А теперь — одни могилы...
. . . . . .
Да, когда-то были люди.
Боже, Боже, тяжко, право,
Намъ, безславнымъ ихъ потомкамъ
Говорить о ихней славѣ.
И болитъ душа въ смятеньи —
Вѣдь могло-же быть иначе
Вмѣсто пѣсенъ погребенья,
Праздникъ Радостой Удачи.
Нѣтъ, не можемъ, не достойны...
Пыль казачья, прахъ, изгои...
Были люди, были войны,
Но... убиты всѣ герои...
. . . . . .
И теперь...
Поемъ мы пѣсни
Да зовемъ... да ждемъ отвѣта...
А въ стеняхъ... цвѣты повяли.
На Дону — героевъ нѣту.

П. Поляковъ.

ДЫРОЧНИКИ

Есть на Руси такая секта — дырочниками называется. Просверлятъ люди гдѣ - нибудь на чердакѣ дома, сарая или конюшни дырку и молятся черезъ нее. Грѣховнаго міра не видно. Ничто не отвлекаетъ, не соблазняетъ. Виденъ только клочокъ неба.

Были, есть и будутъ и у другихъ народовъ уродливые религіозные и политическіе уклоны. Десятками, напримѣръ, лѣтъ тянулись въ Германіи и Франціи религіозныя войны, а гдѣ не сжигали вѣдьмъ и еретиковъ на кострахъ? Святѣйшая инквизиція въ Испаніи тоже тысячи людей предавала огню—ad majorem dei gloriam,—но додуматься до чего либо, подобнаго дырочникамъ — можно смѣло сказать, что ни у кого на свѣтѣ, кромѣ русскихъ людей, изобрѣтательности не хватило.

Вообще такіе чудовищные изгибы изувѣрства, къ какимъ способенъ русскій народъ, едва - ли можно въ другомъ мѣстѣ встрѣтить. Стоитъ вспомнить хотя бы самосожженіе цѣлыхъ массъ, когда сектанты, съ женами и дѣтьми, запершись въ хатѣ, запаливаютъ ее и съ пѣснопѣніями сгораютъ во славу изувѣрской фантазіи.

«Елицы есте добри, свое спасеніе возлюбите и скорымъ путемъ, съ женами и дѣтьми, во царство Божіе тецыте... Тецыте, тецыте, да вси огнемъ сгорите».

Больше двадцати тысячъ человѣкъ въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го в., такимъ образомъ, подвергли себя самосожженію.

Иные изъ этихъ изувѣровъ говорили: «взялъ бы я самъ огонь и запалилъ бы городъ; какъ бы было весело, кабы сгорѣлъ онъ изъ конца въ конецъ со старцами и младенцами - чтобы никто не принялъ изъ нихъ антихристовой вѣры»...

Спачала хата, потомъ городъ, потомъ вся Россія, а за ней вся вселенная.

Изувѣрство самосожженія имѣло мѣсто не только въ отдаленныя времена царевны Софьи, но и при нашей памяти.

Нельзя объяснить эти явленія одной темнотой. Есть племена, находящіяся еще на болѣе низкой ступени культуры, но такой одержимости, такого изувѣрства, однако, у нихъ не наблюдается. Очевидно, это особая, специфическая черта, свойственная только народу русскому — не славянскому племени, а именно великорусскому, которое образовалось, какъ говоритъ знаменитый россійскій историкъ Ключевскій, изъ смѣшенія юго - западныхъ (поднѣпровскихъ) славянъ, во время ихъ колонизаціоннаго движенія на сѣверо - востокъ, съ финскими племенами», — отъ чудь, весь, меря, мурома...

Чудовищныя формы, въ которыя вылилась русская революція, съ ея извращенной до послѣдняго предѣла нетерпимостью и жестокостью — явленіе одного съ религіозной одержимость корня.

То же изувѣрство, та же ограниченность, то же искусственное сужиданіе умственнаго кругозора — то же дырочничество — свойственны не только религіознымъ сектамъ, но и русскимъ политическимъ партіямъ.

Чѣмъ отличаются доктринерскія щели, чрезъ которыя смотрятъ на Божій міръ партійцы, отъ сектантскихъ дырокъ, просверленныхъ гдѣ-нибудь на чердакѣ конюшни?

И Нечаевъ, и Желябовъ, и Перовская, и Савинковъ, и Милюковъ, Керенскій, Марковъ 2-й и Протопоповъ Аввакумъ и Никита Пустосвятъ, и Ленинъ — такіе же дырочники, какъ и заскорузлые деревенскіе изувѣры - самосжигатели.

Видятъ они черезъ свою партійную дырку клочокъ неба и думаютъ, что это весь міръ, вся жизнь, и хотятъ сквозь эту дырку тащить все человѣчество. А когда человѣчество упирается, когда люди говорятъ: «позвольте — мы знаемъ и видимъ широкій Божій міръ, который не умѣщается въ вашихъ партійныхъ щеляхъ — реальный міръ — и въ вашу дырку лѣзть не хотимъ, — тогда партійные Торквемады обращаются къ бомбамъ, револьверамъ, пулеметамъ и пр., чтобы убѣдить въ своей дырочной правотѣ невѣрующихъ».

Въ 20-мъ вѣкѣ запалили со всѣхъ концовъ, сожгли Россію и надѣются сжечь всю Вселенную во имя дырочной догмы.

Политическія партіи существуютъ и существовали вездѣ, но нигдѣ окаменѣлость, нетерпимость, узость, сектантское изувѣрство не доходили до такой ужасающей уродливости, какъ у русскихъ.

На одномъ французскомъ банкетѣ, года два тому назадъ, нѣкій русскій профессоръ, бывшій министръ, гордо заявилъ, что онъ и его друзья счастливы, что принимали участіе въ русской революціи. Въ переводѣ на простой языкъ это значитъ — онъ гордится тѣмъ, что совершилось и совершается въ Россіи, т.-е. величайшимъ, небывалымъ въ человѣческой исторіи, преступленіемъ.

Весь міръ, сознательный міръ, съ ужасомъ и отвращеніемъ взираетъ на безумный россійскій кошмаръ, а почтенный профессоръ счастливъ.

Тридцать милліоновъ людей — не крысъ или мышей, а людей — уничтожены самыми ужасающими пріемами, на какіе только способна дьявольская изобрѣтательность изувѣра, а онъ гордъ, что является однимъ изъ авторовъ того «дѣйства», которое логически породило этотъ кошмаръ.

Мертвая партійная догма заслоняетъ реальную жизнь, муки и страданія сотни милліоновъ людей.

Въ нынѣшнемъ году на очередномъ собраніи газеты «Дни», бѣжавшіе изъ СССР люди разныхъ общественныхъ положеній, разсказывая о настроеніяхъ россійскихъ народныхъ массъ, въ одинъ голосъ утверждали, что тамъ всѣ ждутъ и жаждутъ войны, которая далабы оружіе населенію и возможность сверженія жидовернаго режима. Мало того — населеніе ждетъ войны именно неудачной, т.-е. на пораженчествѣ строитъ свои надежды на избавленіе.

Для насъ, недырочниковъ, не закупоренныхъ въ партійныхъ футлярахъ, эти бѣженцы новаго ничего не сказали.

Развѣ не естественно желаніе избавиться какими угодно средствами отъ веревки, которую вамъ затянули на шеѣ?

И съ первыхъ дней нашей борьбы: пролилъ большевиковъ палъ казачій народъ и ждалъ и жаждалъ получить иноземную помощь цѣною хотя бы величайшихъ жертвъ. Станицы заявляли приговорами: «мы отдадимъ половину сво его имущества тѣмъ, кто поможетъ намъ избавиться отъ большевиковъ».

Народъ всегда мудрѣе вождей, даже не отравленныхъ партійнымъ ѣдомъ, ибо у него сильнѣе ощущеніе реальной обстановки, а чувство самосохраненія, инстинктъ, не затуманенные никакими привходящими соображеніями (у вождей честолюбіе, корысть), вѣрнѣе ему указываютъ, гдѣ опасность и гдѣ путь для спасенія отъ нея.

Здѣсь, за границей, мы ни на одну минуту не сомнѣвались въ томъ, что тамъ, въ СССР, люди ждутъ избавленія чрезъ внѣшнюю вооруженную силу — какая бы она ни была. Мы знаемъ, что въ Эсэсэріи, въ данный моментъ, никакимъ соображеніямъ патріотическаго харак-

тера въ душѣ народной мѣста нѣтъ и быть не можетъ, ибо вопросъ тамъ идетъ объ элементарномъ правѣ на жизнь, отъ избавленія отъ мукъ, отъ ежеминутнаго ожиданія смерти. Какія могутъ быть соображенія патріотическаго, государственнаго характера? Когда человѣкъ тонетъ, онъ думаетъ только о спасительной веревкѣ.

Мы не только «знали», что иного мышленія тамъ быть не можетъ, но мы каждодневно получаемъ «оттуда» письма, мы слышимъ съ первыхъ дней нашего пребыванія за границей изъ устъ бѣжавшихъ съ Родины, что тамъ живутъ только надеждой на чью-то вооруженную помощь извнѣ.

Не дырочникамъ это чувство замученныхъ людей понятно. Оно понятно всякому ребенку. А, вотъ, партійные люди, мужи государственные и проч «пустосвяты» съ перваго дня нашего бѣженства кричатъ, что «не нужно интервенціи, не нужно вооруженнаго вмѣшательства. Русскій народъ этого не допуститъ. Интервенція пробудитъ въ немъ патріотизмъ, — и онъ съ увлеченіемъ будетъ бить интервентовъ».

Диву даешься, читая и слушая такія утвержденія и думаешь — серьезно ли это говоритъ человѣкъ или издѣвается надъ здравымъ смысломъ, надъ величайшей народной трагедіей?

Изъ-подъ-ли видѣть — съ людей сдираютъ кожу, гноятъ ихъ въ тюрьмахъ, на каторгахъ, морятъ голодомъ и холодомъ въ архангельскихъ, уральскихъ и сибирскихъ лѣсахъ, отбираютъ все добро, выгоняютъ раздѣтыми зимою — иди куда хочешь, — умучиваютъ, разстрѣливаютъ тысячами, губятъ милліоны. А какъ только кто - либо захочетъ протянуть руку къ ихъ спасенію, то, вотъ, эти умученные, по мнѣнію дырочниковъ, сейчасъ же обратятся противъ спасателей и съ остервенѣніемъ, во имя совѣтскаго патріотизма, во имя затянутой на ихъ шеѣ веревки, начнутъ бить руку, протянутую къ ихъ спасенію.

Возстанутъ за совѣтскую власть, очевидно, и тридцать милліоновъ умученныхъ и 150 милліоновъ обреченныхъ, — «не троньте большевиковъ, намъ любы наши палачи»...

Что это — не бредъ ли сумасшедшаго? А можетъ, что либо другое?

Многолѣтнее глядѣнье въ дырку загипнотизировало сектантовъ, разложило здравый смыслъ и простое, элементарное чувство человѣчности.

Удивительно, что гипнозу этихъ дырочниковъ поддается нѣкоторая часть бѣженства и ихъ фантастическія утвержденія, не смотря на всю ихъ нелѣпость, принимаетъ за истину — такъ же поддавалась въ старое время почти вся русская интеллигенція, разваливная и загубившая величайшую въ мірѣ имперію во имя революціоннаго бреда.

Послѣ сообщенія, сдѣланнаго бѣглецами изъ СССР, Керенскій пишетъ въ «Дняхъ»: «Всѣ безъ исключенія пріѣзжіе даютъ до поразительности единогласный и чуткій отвѣтъ: населеніе готово къ войнѣ, на любую внѣшнюю катастрофу, которая избавитъ его отъ ненавистной власти». При этомъ Керенскій настаиваетъ на томъ, что противобольшевицкая демократія россійская не можетъ, не имѣетъ права просто отмахиваться отъ такой психологіи. Если, по его мнѣнію, въ 1922—23 г.г. эмиграція была захвачена врасплохъ «эволюціонной психологіей нэпа», — то въ настоящій моментъ той же «демократической средѣ эмиграціи новая, революціонная психологія Россіи сваливается такаже неожиданно».

Совсѣмъ хорошо, чудесно, даже восхитительно. На двѣнадцатомъ году эмиграціи, на четырнадцатомъ году большевицкаго разбоя совершенно серьезно заявить, что «отъ такой психологіи отмахиваться нельзя» и что ему, Керенскому, захваченному въ 22-23 годахъ врасплохъ «эволюціонной психологіей нэпа», въ настоящій моментъ «новая, революціонная психологія Россіи сваливается на голову также неожиданно».

Въ теченіе четырнадцати лѣтъ большевицкой тиранніи г.г. Керенскіе спали непробуднымъ партійнымъ сномъ и, вотъ, сейчасъ удивляются, что умученный россійскій народъ хочетъ спастись какими угодно средствами, хотя бы путемъ военной катастрофы — удивляются тому, что было и есть съ перваго года большевизма и что было ясно всякому рядовому русскому бѣженцу.

Трагедія въ томъ, что, вѣдь, этотъ лепетъ мы слышимъ отъ бывш. Главы Вр. Правительства, бывш. Верх. Главнокомандующаго и пр. и пр. И эти господа хотѣли перестраивать Россійскую Имперію. Было бы удивительно, если бы они ее не загубили. И они же мечтаютъ вновь о власти и о новыхъ опытахъ.

«Противобольшевицкая демократія россійская не имѣетъ права просто отмахнуться отъ такой психологіи». Спасибо и за это. Десятки лѣтъ человѣкъ смотрѣлъ сквозь партійную дырку на Божій міръ — и, наконецъ, увидѣлъ, что, кромѣ того клочка, который видно изъ партійнаго чердака, есть и еще кое - что на свѣтѣ, не менѣе реальное и важное — есть законнѣйшее, естественное желаніе у людей сохранить свою жизнь, избавиться отъ совѣтскихъ палачей какими угодно средствами — вплоть до военной катастрофы.

Правда, пробужденіе позднѣватое. И никому ни тепло, ни холодно — презрѣлъ ли Керенскій или продолжаетъ пустосвятствовать попрежнему. Мы указываемъ на него, какъ на любопытный и поучительный партійный документъ.

А, вотъ, другой документъ, г. Милюковъ, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ не хочетъ оторваться отъ своей дырки и признать, что жизнь настоящая и грозная кипитъ за стѣнами его партійнаго футляра. Онъ все также увѣряетъ, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, что стоитъ только извнѣ бросить веревку утопающей Россіи, стоитъ только протянуть руки ко спасенію русскаго народа, какъ этотъ народъ загорится совѣтскимъ патріотизмомъ и съ яростью бросится противъ непрошенныхъ освободителей...

Любопытная подробность. Милюковъ вполнѣ одобряетъ тактику Керенскаго, по которой всѣ, стоящіе правѣе этихъ дырочниковъ, должны быть изъ фронта революціонной противобольшевицкой борьбы исключены, ибо, по Милюкову, эти правые, видите ли, тоже могутъ вызвать взрывъ совѣтскаго патріотизма у русскаго народа, ко-

торый съ увлеченіемъ пойдетъ бить этихъ, неугодныхъ Милюкову, освободителей — очевидно, изъ за глубокой симпатіи и благодарности къ Милюкову и Керенскому, давшихъ Россіи прелести совѣтскаго рая.

Кто же не помнитъ, что Милюковъ родилъ Керенскаго, Керенскій родилъ Ленина, Троцкаго, Сталина и иже съ ними?.

Эхъ, г.г. дырочники, когда придетъ моментъ новой противобольшевицкой встряски, не думаете ли вы, что народъ воздастъ каждому по его заслугамъ за тѣ страшныя муки, которыя онъ выноситъ — въ винѣ каждаго теперь ужъ онъ, очевидно, сумѣетъ разобраться.

Дырочничество довело Россійскую Имперію до величайшей катастрофы; дырочники загубили и нашу борьбу противъ большевиковъ.

На живую нитку сшитая изъ многочисленныхъ народностей Россійская Имперія не могла не затрещать по своимъ слабымъ скрѣпамъ, когда выпутъ былъ стержень, искусственно сдерживавшій всегда существовавшія центробѣжныя силы.

Наличіе этихъ силъ не было секретомъ для нѣкоторыхъ государственныхъ, общественныхъ дѣятелей и рядовыхъ, не ослѣпленныхъ внѣшнимъ величіемъ Единой, наблюдателей.

Еще графъ Лорисъ - Меликовъ, министръ Александра II, отмѣтилъ не только наличіе, но и значительность этой центробѣжности.

Знаменитый русскій историкъ Ключевскій на вопросъ одного изъ высокопоставленныхъ лицъ — какой будетъ слѣдующій за императорскимъ петербургскимъ періодомъ — отвѣтилъ: «Инородческій».

Когда разразилась революція, естественно, что находившіяся въ потенціи центробѣжныя силы должны были придти въ движеніе. Россійскій же большевизмъ придалъ имъ особую интенсивность, увеличивъ энергію отталкиванія отъ Россіи во имя простого чувства самосохраненія. По этому пути пошло и казачество. Подъ этимъ знакомъ завязалась антибольшевицкая борьба и вообще на юго - востокѣ Россіи, т.-е. на самомъ важномъ антибольшевицкомъ фронтѣ.

Вспомнимъ тотъ энтузіазмъ, ту жертвенность, тотъ порывъ, которыми былъ отмѣченъ первый, героическій періодъ этой борьбы. Но и никогда мы не забудемъ, какъ этотъ порывъ пошелъ на убыль, когда лозунги борьбы, непосредственно выдвинутые самимъ народомъ, захотѣли подмѣнять другими, сердцу казачьему, украинскому и пр., мало говорящими, когда, вмѣсто борьбы за жизнь, за спасеніе отъ большевицкаго разбоя, подсунули идею борьбы за Великую, Единую, Помѣщичью Россію.

Загипнотизированные тѣмъ клочкомъ неба, который маячилъ въ ихъ единонедѣлимческой дыркѣ, «вожди» не хотѣли видѣть реальной обстановки, сложившейся къ этому времени. Они не учитывали, что всѣ политическія и національныя движенія, обозначившіяся въ этотъ моментъ, имѣли свои глубокія основанія, мимо которыхъ пройти нельзя, которыхъ однимъ росчеркомъ пера не уничтожишь. И политическое пустосвятство «вождей» не могло не привести къ трагическому концу.

Въ самомъ дѣлѣ, получилось нѣчто чудовищное, какой - то и смѣшной и трагическій фарсъ.

Небольшая кучка людей, прибѣжавшихъ въ Казачьи Края, вообразила, что она можетъ навязать силою свою волю милліонамъ пробужденныхъ отъ политическаго сна и ставившихъ себѣ опредѣленныя задачи по устройству своей судьбы.

Казалось естественнымъ и политически мудрымъ использовать эти народныя массы, настроенныя антибольшевицки, не покушаясь на ихъ идеологію, на ихъ настроенія, на ихъ уклоны отъ ортодоксальнаго единонедѣлимства. Естественно было бы подъ однимъ, доминирующимъ надъ всѣмъ лозунгомъ — борьба съ большевиками, — объединить политически разномысленныя силы. А это и можно и не трудно было сдѣлать при болѣе или менѣе либеральной политической концепціи.

Вышло иначе. Бѣлые «вожди» проявили невѣроятную сектантскую нетерпимость, поразительную политическую слѣпоту и захотѣли всѣхъ привести добромъ или силою къ своему двуперстію.

Украина Скоропадскаго — противъ большевиковъ, но съ нѣмцами — анафема ей!

Украина Петлюры противъ большевиковъ, но смѣетъ свое сужденіе имѣть, не единонедѣлимческое — война ей!

Грузія, Азербейджанъ хотятъ сами распоряжаться своей судьбой. — Открыть военныя дѣйствія противъ нихъ!

Уфимская Директорія? — Враги!

Польша? — Враги!

Казаки, тѣ казаки, которые пріютили единонедѣлимцевъ и создали противобольшевицкую силу, отдали свое добро, свою жизнь, на борьбу за освобожденіе отъ общей бѣды... Враги — война имъ!

Крымское правительство, Одесскія организаціи — всѣмъ война!

Офицеры, боровшіеся противъ большевиковъ, но въ украинской арміи... «Ну да — вы боролись противъ большевиковъ. — Это хорошо! Но не это важно. Главное, чтобы вы крестились нашимъ двуперстіемъ и молились въ нашу дырку. — Анафема и подъ судъ!

Англія, Франція, Германія скептически смотрятъ на нашу дыкру. — Анафема!

Всѣмъ война, всѣмъ анафема! Развѣ это не сектантская одержимость, не изувѣрство самосжигателей?

Позволительно спросить — не была ли подъ этими «анафема» подпись Гоголевскаго сумасшедшаго Поприщина: «Фердинандъ Восьмой, король Испанскій?»

«Не только по отношенію казаковъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто непререкаемо и безоговорочно не принималъ политику Главнаго Командованія, Ставка проявляла какую то нетерпимость. Провозгласивъ лозунгъ «Единая, Недѣлимая Россія», по существу туманный и неопредѣленный, Главнокомандующій съ какимъ то фанатизмомъ шелъ на борьбу со всѣмъ тѣмъ, что, казалось ему, идетъ вразрѣзъ съ исповѣдуемой истиной. Къ казакамъ огульно пристегивалась кличка «самостійниковъ». Самостійниками объявлены были и всѣ тѣ, кто еще недавно бо-

ролся съ большевиками на Украинѣ, всѣ, кто служилъ у Гетмана»...

Знаете, кто такъ говоритъ? Вы думаете «самостійникъ»?

Нѣтъ, это слова изъ книги Генерала Врангеля, *) котораго не только въ ереси противъ Единой, Недѣлимой, но и въ либерализмѣ заподозрить нельзя. Просто — человѣкъ здраваго смысла, въ жилахъ котораго не текла кровь ни чуди, ни веси, ни мери...

Примѣчательно, что и послѣ всѣхъ тяжкихъ испытаній идеологи бѣлаго движенія не хотятъ понять, что виной неудачи являются именно они съ ихъ сектантскимъ дырочничествомъ, съ ихъ изувѣрской слѣпотой. Прочтите книги Деникина, и вы увидите, что всѣ и вся виноваты, а правы только они — Никиты Пустосвяты.

Казачество, испытавшее столь тяжкое «похмѣлье на чужомъ пиру», переживающее и пережившее жесточайшую драму, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, въ нѣкоторой своей части, не хочетъ понять истинныхъ причинъ своей гибели и снова вслѣпую идетъ за своими «вождями» на лакейскую роль въ передніи старыхъ, закоренѣлыхъ дырочниковъ, чтобы въ будущемъ еще разъ поставить свою Родину въ трагическое положеніе и, такимъ образомъ, добить ее окончательно.

А. Бояриновъ.

*) Ген. Врангель — «Бѣлое Дѣло», т. V, К-во «Бѣлый Всадникъ», стр. 118.

Астраханское Казачье Войско

Исторія Астраханскаго Казачьяго Войска, расположеннаго на одномъ изъ коренныхъ мѣстъ казачьяго разселенія, почти неизвѣстна не только рядовому казачеству, но и подавляющему большинству казачьей интеллигенціи. Мы обратились поэтому къ одному изъ нашихъ друзей, Астранскому казаку, съ просьбой написать для нашего журнала краткій историческій очеркъ Астраханскаго Казачьяго Войска, который и печатаемъ ниже.

Авторъ не является самостійникомъ и не раздѣляетъ нашихъ взглядовъ на необходимость для Казачества самостоятельнаго государственнаго существованія. Но онъ — прежде всего — казакъ, и интересы Казачества являются для него самодовлѣющими. Этимъ онъ роднится съ нашей «Лигой Возрожденія Казачества» и этого для насъ достаточно, чтобы, видѣть въ немъ одного изъ нашихъ вѣрныхъ друзей. Мы — не «дырочники». (Отъ Редакціи).

Славное русское Казачество состоитъ изъ 12-ти Войскъ — 6-ти Европейскихъ: Донское, Кубанское, Терске, Астраханское, Уральское и Оренбургское; 3-хъ Сибирскихъ: Сибирское, Семирѣченское и Иркутско - Енисейское и 3-хъ Дальне - Восточныхъ: Забайкальское, Амурское и Уссурійское.

Въ послѣднія десятилѣтія Россійской Имперіи всѣмъ казачьимъ Войскамъ, кромѣ Кавказскихъ, была присвоена однообразная форма, но цвѣтъ этой однообразной формы былъ не одинаковъ. Три такъ называемыхъ «основныхъ» казачьихъ Войска имѣли обмундированіе синяго цвѣта, а всѣ остальные чернаго цвѣта.

Эти три «основныя» Войска въ синемъ обмундированіи были — Донское, Астраханское и Уральское.

Объ одномъ изъ этихъ «основныхъ» Войскъ, объ Войскѣ Астраханскомъ я и хочу сказать нѣсколько словъ.

Въ 1556 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный взялъ городъ Астрахань. Въ русской рати, которая брала столицу Астраханскаго царства, былъ отрядъ казаковъ, очевидно, Донскихъ и Гребенскихъ, такъ какъ иныхъ тогда не существовало. Часть этого казачьяго отряда осталась въ городѣ Астрахани на постоянное жительство. И вотъ этихъ оставшихся казаковъ и надо считать основнымъ ядромъ Астраханскаго казачества.

Историкъ Астраханскаго Казачьяго Войска И. А. Бирюковъ, авторъ двухъ-томнаго труда, приводитъ нѣкоторыя фамиліи казаковъ Астраханскихъ, предки которыхъ принимали участіе во взятіи города Астрахани, въ составѣ казачьяго отряда. Астраханское Царство было завоевано, въ городѣ Астрахани былъ оставленъ гарнизонъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Стрѣльцы смѣнялись, казаки оставались. Складывался бытъ далекаго пограничнаго города Московскаго Государства, запирающаго входъ въ Каспійское море, ворота на востокъ. Бытъ сложный и очень неспокойный.

Въ 1605 и 1606 годахъ Астрахань была взята и разграблена Донскими и Гребенскими казаками. Часть этихъ удалыхъ отрядовъ застряла въ Астрахани.

Въ Смутное Время Казачество вмѣшалось во внутреннія русскія дѣла и, послѣ побѣды земскаго ополченія, одинъ изъ казачьихъ отрядовъ, подъ предводительствомъ Ивана Заруцкаго, отступая подъ натискомъ царскихъ войскъ, взялъ городъ Астрахань въ 1614 году. Заруцкій недолго продержался въ Астрахани. Былъ схваченъ и казненъ. Часть его удальцовъ опять застряла въ Астрахани.

Прошло 50 лѣтъ и опять городу Астрахани пришлось пережить тревожныя, страшныя времена.

Въ 1667 году городъ былъ взятъ знаменитымъ Атаманомъ Степаномъ Разинымъ.

Разинъ недолго задержался въ Астрахани. Уйдя вверхъ по Волгѣ, онъ оставилъ своимъ намѣстникомъ Федьку Шелудяка, со значительнымъ отрядомъ казаковъ.

Шелудякъ блеснулъ своими административными способностями и произвелъ основательную чистку города.

Административная дѣятельность этого доблестнаго градоначальника продолжалась также не особенно долго.

Въ одинъ солнечный день Астрахань была взята царскими стрѣльцами. Федька Шелудякъ, нѣкоторое время гулялъ на волѣ, «подъ надзоромъ полиціи», но потомъ былъ арестованъ, замученъ и казненъ.

Разиновскіе молодцы изъ Шелудяковскаго отряда, остались въ Астрахани и пополнили казачье населеніе этого города, которое жило воспоминаніями о подвигахъ при разгромѣ Астраханскаго Царства Иваномъ Грознымъ и о приключеніяхъ Смутнаго Времени.

Не прошло и 50 лѣтъ, послѣ Разиновскаго потрясенія, какъ въ 1705 году въ Астрахани вспыхнулъ знаменитый «Астраханскій бунтъ».

Петръ Великій крѣпко подвинчивалъ гайки государственнаго механизма и Астраханскій бунтъ былъ задавленъ.

Астраханскій бунтъ задавили, но казачье населеніе города опять пополнилось смѣлыми людьми, бойцами за справедливость и волю.

Такъ накапливались въ Астрахани казаки. Организаціи не было. Часть несла пограничную службу въ городѣ, часть занималась рыбнымъ промысломъ, часть высылалась на охрану границъ противъ ногаевъ, а нѣкоторые «добывали зипуны» на Волгѣ, или въ синемъ морѣ Хвалынскомъ.

Императрица Анна Іоанновна рѣшила организовать казачье населеніе Астрахани. Военной коллегіей было приказано свести всѣхъ казаковъ Астраханскихъ въ одну команду, пополнить эту команду калмыками и основать Астраханское казачье Войско.

Приказаніе было исполнено.

Въ 1737 году, Астраханское казачье Войско официально было основано.

Въ первоначальномъ видѣ оно просуществовало недолго. Въ 1742 калмыки разбѣжались и выданныхъ казенныхъ коней увели съ собой

Въ 1750 году для поселенія Астраханскаго Казачьяго Войска въ 7 верстахъ на юго-востокъ отъ Астрахани былъ отведенъ песчано - глинистый бугоръ, который началъ называться Казачьимъ бугромъ. Казачій бугоръ былъ переименованъ въ станицу Казачебугровскую.

Казачебугровская станица — мать Астраханскаго казачьяго Войска. Въ центрѣ станицы построенъ Войсковой Соборъ во имя Донской Божьей Матери и 19-го августа стараго стиля, или 1-го сентября новаго стиля, престольный праздникъ этого собора, считается Войсковымъ праздникомъ Астраханскаго казачьяго Войска.

Организованное Военной коллегіей Астраханское казачество начало нести кордонную и охранную службу. Высылались казаки для охраны рыбныхъ и соляныхъ промысловъ, выставляли кордоны по рѣкѣ Волгѣ и на почтовыхъ трактахъ въ Калмыцкой и Ногайской степи.

Казачество непрестанно пополнялось вольными людьми, но въ 1762 году пріемъ въ казаки «бродягъ и бѣглыхъ людей», по распоряженію правительства, былъ прекращенъ.

Казаковъ собралось много и жить на Казачьемъ Бугрѣ стало тѣсно.

Въ 1764 году при Екатеринѣ Великой предложено было казакамъ выселиться вверхъ по правому берегу Волги. Основаны были станицы Дурновская, Лебяжинская, Замьяновская.

Въ 1794 году къ Астраханскому казачьему Войску присоединена была Енотаевская команда городовыхъ казаковъ.

Въ 1786 году Астраханское Войско опять увеличилось, присоединеніемъ городовыхъ казаковъ Черноярскихъ и Красноярскихъ.

Въ 1801 году къ Войску присоединены были городовые казаки Саратовскіе, Камышанскіе и Царицынскіе.

Въ 1802 году въ Астраханское Войско вошли остатки Волжскаго казачьяго Войска.

Вотъ тутъ я долженъ остановиться и вернуться на два вѣка назадъ.

Въ 17 и 18-омъ столѣтіяхъ Волжское Войско было довольно многочисленнымъ и по своему вліянію весьма значительнымъ. Подробная исторія этой республики неизвѣстна. Первыя свѣдѣнія о Волжскихъ казакахъ появляются въ концѣ царствованія Ивана Грознаго.

Въ это время на Волгѣ въ двухъ районахъ обосновались Волжскіе казаки. Первый раіонъ это — Самарская Лука, гдѣ они прожили до 18-го столѣтія. Петръ Великій переселилъ Волжскихъ казаковъ съ насиженныхъ мѣстъ на Оренбургскую линію, гдѣ они впослѣдствіи вошли въ составъ Оренбургскаго казачьяго Войска.

Второй раіонъ — это пространство между Камышиномъ и Царицынымъ.

Посадъ Дубовка былъ столицей Волжскаго казачьяго Войска и Дубовскій соборъ построенъ и украшенъ стараніями и приношеніями Волжскихъ казаковъ.

Въ 1570 год, Московское правительство громило казаковъ, послѣ разбоевъ Волжцевъ. Въ 1573 году Волжскіе казаки появились на Терекѣ.

Въ Смутное время Волжскіе казаки оказали существенную поддержку Ивану Заруцкому въ его попыткахъ захватить власть на Руси.

По словамъ Костомарова, во время войны поляковъ съ турками, въ которой запорожцы приняли столь дѣятельное участіе, подъ Хотинъ пришли 20.000 Волжскихъ казаковъ на помощь христіанамъ противъ невѣрныхъ. Правда, они явились поздно, когда дѣло было уже покончено, но ихъ намѣренія не остались безъ награды. Королевичъ Владиславъ отпустилъ ихъ съ подарками. Это извѣстіе, передаваемое южно-русскими лѣтописцами, указываетъ на связь, существующую между всѣми вообще казаками. Когда запорожскіе казаки пошли помогать Польшѣ, сочувствіе къ дѣлу отозвалось въ такомъ отдаленномъ краю, какъ низовые берега Волги.

Когда Олеарій плылъ по Волгѣ съ Голштинскимъ посольствомъ, и оберегамъ ея отъ устья Камы внизъ блуждали казаки и были страхомъ для ясыдовъ, потому что нападали на суда.

Въ 1621 году былъ разграбленъ Волжскими казаками громадный караванъ судовъ, и это подало поводъ Московскому правительству къ основанію города Чернаго Яра.

Волга на всемъ ея неизмѣримомъ протяженіи была поприщемъ удалыхъ казаковъ. Въ простонародіи было къ нимъ сочувствіе, ихъ дѣянія воспѣвались въ пѣсняхъ, въ нихъ старые Кіевскіе богатыри породнились съ новыми народными любимцами — казацкими удальцами — Ермакомъ Тимофеевичемъ, Степаномъ Разинымъ, съ атаманами-молодцами и «господами разбойничками». Ихъ образъ въ народномъ воображеніи сохраняется съ марами и городищами, усѣвающими приволжскія степи.

Московское правительство было весьма озабочено буйными подвигами этой вольной республики и рѣшено было Волжское Войско использовать для службы Государству. Отряды Волжскихъ казаковъ начали высылаться для борьбы съ набѣгами калмыковъ, киргизъ и ногайцевъ.

Въ 1733 году между Царицынымъ и Камышинымъ было поселено 1.057 Донскихъ семействъ.

Въ 1743 году повелѣно было селить выходцевъ и плѣнныхъ Салтанъ - Ульскихъ и Кабардинскихъ, принимающихъ крещеніе.

Въ 1772 году часть Волжскихъ казаковъ выступила въ Моздокъ для борьбы съ кавказскими горцами.

Въ 1775 году вспыхнулъ Пугачевскій бунтъ. Волжское Войско цѣликомъ присягнуло Емельяну Пугачеву и принимало энергичное участіе во всѣхъ его выступленіяхъ.

Особенное усердіе оно проявило въ его послѣднихъ попыткахъ захватить Царицынъ и удержать власть.

За эту присягу и участіе въ рядахъ Пугачевцевъ, въ 1777 году Волжское Войско переведено было на Терекъ, гдѣ было поселено въ раіонѣ Минеральныхъ Водъ и Моздока.

На новыхъ мѣстахъ Волжскіе казаки образовали Волжскій казачій полкъ Терскаго казачьяго Войска и частью входили въ Горско-Моздокскій полкъ того-же Войска.

Дубовка опустѣла. Въ ней остались лишь нѣсколько казаковъ подъ названіемъ «семейства», которыя управлялись войсковымъ старшиной Савельевымъ.

На мѣсто казаковъ Дубовка стала заселяться выходцами изъ сосѣднихъ губерній.

Много отчаянныхъ головъ, поселенныхъ на Терекѣ, изошли токсой по Волгѣ - Матушкѣ, по роднымъ ковыльнымъ степямъ и тайкомъ вернулись обратно — сначала скрывались по займищамъ, по балкамъ, потомъ вышли на свѣтъ Божій и незамѣтно слились съ оставшимися родными станичниками.

И вотъ въ 1802 году остатки Волжскаго казачества вошли въ составъ Астраханскаго казачьяго Войска.

Всего двѣ станицы — Александровская и Ничужейская, бывшія Судовская и Красноярыновская, представляли нѣкогда многочисленное, вліятельное и буйное Волжское казачество.

Это было послѣднее пополненіе Астраханскаго Войска.

Къ началу Отечественной войны Астраханское казачье Войско было окончательно сформировано и сорганизовано и съ этого времени приняло дѣятельное участіе въ строительствѣ и защитѣ Русскаго Государства.

Въ Отечественную войну Астраханцы дрались съ Наполеономъ въ рядахъ русской конницы.

Въ 1813 году часть Астраханскихъ казаковъ была отправлена на персидскую границу. Въ 1823 году 2-ой Астраханскій казачій полкъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ лезгинъ въ Дагестанѣ.

Въ 1827 году Астраханскій казачій полкъ былъ сосредоточенъ въ Баку.

Въ войныхъ противъ турокъ въ 1828 году и въ 1877 году Астраханскіе казачьи полки доблестно сражались — въ рядахъ русской Арміи — на Кавказскомъ фронтѣ.

Войсковое правленіе помѣщалось въ гор. Астрахани и Астраханскій губернаторъ исполнялъ обязанности Наказнаго Атамана Астраханскаго Казачьяго Войска.

Войско въ мирное время выставляло одинъ конный полкъ. Штабъ 1-го Астраханскаго казачьяго полка съ одной сотней расквартированъ былъ въ Астрахани.

Остальныя сотни несли трудную службу въ Ханской ставкѣ (Рынъ - пески въ Киргизской степи) и въ Туркестанѣ. Крѣпости Кушка, Керки на Афганской границѣ, Куприадъ, Петро - Александровскъ, урочищи Нукусъ на Аму - Дарьѣ, въ Хивѣ, — вотъ тѣ пункты, гдѣ Астраханскіе казаки охраняли спокойствіе Русскаго Государства.

Въ 1906 году Астраханское казачье Войско выставило взводъ во вновь образованный Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачій полкъ.

Въ концѣ 1910 и 1911 году 1-й Астраханскій казачій полкъ былъ сосредоточенъ въ городѣ Саратовѣ и вошелъ въ составъ 5-ой кавалерійской дивизіи.

Въ Міровую войну Астраханское казачье Войско выставило три казачьихъ полка, запасную сотню и конную батарею. 1-ый Астраханскій казачій полкъ въ началѣ войны получилъ самостоятельную задачу. Базируясь на гор. Влоцлавскъ, полкъ дѣйствовалъ противъ германцевъ самостоятельно, въ раіонѣ Торна и Нешавы.

Затѣмъ 1-ый полкъ входилъ въ составъ кавалерійскаго отряда генерала Я. Гиллешмидта и принималъ участіе во многихъ бояхъ на равнинахъ Польши. Въ концѣ 1916 года 1-ый полкъ вошелъ въ составъ вновь образованной 2-ой Туркестанской казачьей дивизіи.

2-ой Астраханскій казачій полкъ съ начала войны былъ корпусной конницей при 25 артиллерійскомъ корпусѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ 5 армейскій корпусъ и въ концѣ войны состоялъ въ распоряженіи командующаго Особой Арміей.

3-ій полкъ оставался въ г. Астрахани, тамъ же формировалась конная батарея, которая была готова къ 1917

году, но участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимала, такъ какъ началась «великая, безкровная революція».

Началась революція и заволновались казаки. Собранія , митинги, круги. Разговоры, пересуды, рѣчи. Но... дисциплина не потеряна, офицеры на своихъ мѣстахъ, все идетъ своимъ порядкомъ.

Казачья душа — крѣпкая.

На Войсковомъ Кругѣ выбрали Войсковымъ Атаманомъ стараго казака Трофима Соколова.

Въ 1917 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ произошло важное событіе: Астраханскій Войсковой Кругъ рѣшилъ принять калмыковъ въ Астраханское казачье Войско, и съ этого момента Астраханскіе калмыки стали казаками.

Трофимъ Соколовъ не долго былъ Войсковымъ Атаманомъ. На его мѣсто избранъ былъ достойнѣйшій казакъ, писатель и творецъ многихъ славныхъ дѣлъ Иванъ Алексѣевичъ Бирюковъ.

Въ октябрѣ произошелъ захватъ власти Ленинымъ. Не понравилось это казакамъ. Первое время молчали, но 4-го января 1918 года въ гор. Астрахани грянулъ первый громъ вооруженной борьбы противъ коммунистической власти.

4 января 1918 года Астраханскіе казаки первые подняли знамя вооруженной борьбы съ ядовитой коммунистической змѣей.

25 дней продолжалось возстаніе и 28 января, задавленные превосходными силами 155-го запаснаго пѣхотнаго полка, мобилизованныхъ рабочихъ и пришлыхъ изъ окрестныхъ селъ весьма многочисленныхъ дезертировъ, Астраханскіе казаки принуждены были возстаніе прекратить. Черезъ мѣсяцъ въ одной изъ станицъ захваченъ былъ Войсковой Атаманъ И. А. Бирюковъ, отвезенъ въ Саратовъ и тамъ замученъ и убитъ.

Весной и лѣтомъ 1918 года начались возстанія въ разныхъ станицахъ Войска. Много казаковъ изъ низовыхъ станицъ ушли на востокъ къ Уральскимъ казакамъ и тамъ вступили въ ряды Уральской Арміи. Верховые казаки, главнымъ образомъ остатки Волжскаго Войска, станицы Пичуженская и Александровская ушли на Донъ.

Въ станицѣ Морозовской, 2-го Донского округа, сформирована была Астраханская казачья дивизія и Астраханская казачья батарея. Астраханская дивизія состояла изъ одного полка Астраханскихъ казаковъ и трехъ полковъ Астраханскихъ калмыкъ. Дивизія входила сначала въ составъ Астраханской Арміи, а затѣмъ была переведена въ Кавказскую Армію. Въ составѣ Кавказской Арміи дивизія принимала участіе во всѣхъ бояхъ на Царицынскомъ и Черноярскомъ фронтѣ и много казачьихъ головъ полегло въ калмыцкой степи и на Донскихъ и Кубанскихъ равнинахъ.

Вмѣстѣ съ остатками Добровольческой Арміи Астраханская дивизія переведена была въ Крымъ, и степи Тавріи оросились кровью Астраханскихъ казаковъ. Дивизія доблестно сражалась въ Крыму до самаго послѣдняго момента.

Эвакуація на Лемносъ, потомъ Балканы, Франція.

Вотъ краткая историческая справка объ одномъ изъ «основныхъ» казачьихъ Войскъ, о славномъ Войскѣ Астраханскомъ.

Разселенные на гигантскомъ пространствѣ въ тысячу верстъ отъ города Саратова до города Красный Яръ, въ морѣ крестьянъ и горожанъ, небольшое Астраханское Войско (около 50 тысячъ душъ обоего пола) не потеряло своего казачьяго сердца. На протяженіи четырехъ столѣтій Астраханскіе казаки не слились съ окружающимъ міромъ. А всегда и неизмѣнно они сознавали себя казаками. Укладъ жизни, обряды, говоръ, пѣсни сильно разнились отъ того, что окружало эти небольшіе казачьи острова.

Въ смыслѣ говора и пѣсенъ такъ крѣпки были старые корни, что даже сами казаки разнились между собой. Верховые казаки второго отдѣла, отъ Саратова до Царицына, говорятъ не такъ, какъ казаки перваго отдѣла — Отъ Черпаго Яра до Краснаго Яра.

Первые произносятъ мягко букву Г и вся интонація рѣчи мягкая, слегка пѣвучая. Вторые — твердо произносятъ Г и вмѣсто а, произносятъ о, «окаютъ», и интонація твердая, рѣзкая и рѣчь быстрая.

Особенно интересна въ отношеніи говора станица Земьяновская, самая большая станица перваго отдѣла. Казаки этой станицы не только «окаютъ», но и вмѣсто буквы с произносятъ ш и вмѣсто ч — ц и наоборотъ.

Есть предположеніе, что Земьяновскіе казаки потомки какихъ-нибудь стрѣльовъ, уроженцевъ Вологодскихъ или Вятскихъ, которые въ стародавнія времена вошли въ составъ Астраханскаго Казачества. И пѣсни пѣлись не совсѣмъ одинаковыя. Были пѣсни, принадлежащія исключительно казакамъ верховымъ и были пѣсни, которыя пѣлись только низовыми казаками.

Верховые казаки занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ и самая большая станица во второмъ отдѣлѣ была станица Пичуженская.

Казаки низовые занимались исключительно рыболовствомъ и скотоводствомъ.

Самая богатая станица въ Войскѣ была станица Городъ - Форпостинская, переименованная впослѣдствіи въ Атаманскую.

Войсковые земельные запасы раскинуты были на громадномъ пространствѣ и въ Астраханской и въ Саратонской губерніяхъ.

Войсковые капиталы были весьма значительны и въ этомъ смыслѣ Астраханское Войско считалось однимъ изъ самыхъ богатыхъ.

. . . . . .

Астраханцы носили желтый лампасъ, теперь все покрыто краснымъ флагомъ.

Астраханскаго Казачьяго Войска нѣтъ, но Астраханскіе казаки есть.

И подъ краснымъ флагомъ поются тѣ-же пѣсни, бьется то-же сердце и кипитъ та-же кровь, какая кипѣла на протяженіи четырехсотъ лѣтъ.

Этого уничтожить нельзя.

Ланцовъ

Сторожевой

Гордый всадникъ въ шапкѣ мѣховой,
Съ пикою, съ винтовкой за плечами
Прискакалъ на Войсковыя Грани —
Несть въ степи дозоръ сторожевой . . .

***

Сдерженъ конь привычною рукой.
Зоркъ и суровъ орлиный взглядъ —
Чьи то арбы тихкія скрипятъ,
За курганной скрытыя грядой . . .

***

Чей то гомонъ слышится безпечный,
Непонятный, полный похвальбы —
Бритые идутъ, должно быть, лбы
Длинною Ордою безконечной . . .

***

Сколько ихъ? . . Откуда? . . Всадникъ — [взоръ.
Всадникъ — слухъ. Онъ Войска — «глазъ [и уши» . . .

. . . . . .

. . . . . .

***

— Иль идти въ обходъ, въ казачью спину
Самъ Султанъ отправилъ янычаръ?
— Тьму привелъ, чтобъ нанести ударъ
Бумъ-Нойонъ, покинувши перину?

***

Кто бы ни былъ. Врагъ — всегда есть врагъ.
Басурманинъ, иль крещеный — даже братъ...
Всадникъ далъ коню свободный шагъ,
Свой нагайкавъ подъ полой мусатъ . . .

***

Близокъ врагъ. Грозитъ бѣдой тяжелой.
Всадникъ гикнулъ, на курганъ взлетѣлъ,
И въ скирдѣ соломенной засѣлъ
Выбитый въ кремнѣ огонь веселый . . .

***

Туча стрѣлъ занѣла гимнъ жестокій,
По казакъ — внизу съ конемъ своимъ,
Въ небо жъ чистое прямымъ столбомъ [высокимъ
Поваливъ густой, тягучій дымъ . . .

***

Тушатъ пусть, погонею упорной
Изнуряютъ въ бѣшенствѣ коней —
Семь еще зажжетъ въ степи огней
Всадникъ тотъ, безстрашный и задорный.

***

И Донцовъ, жужжащимъ роемъ, племя
Грудью вылетитъ Подонье отстоять,
Пикой острою немного поиграть —
Сынъ, отецъ и дѣдъ, упершись въ стремя.

***

Отобьютъ съ усмѣшкой горделивой,
Захвативъ арбы и табуны —
Будутъ долго рады и пьяны
Схваткою побѣдной и . . . красивой . . .

Борисъ Курдюцковъ.

Бѣлградъ
1931

КАЗАКИ ГЕНУЭЗСКИХЪ КОЛОНІЙ

Обыкновенно въ исторіи казачества относятъ появленіе его на исторической сценѣ Литовско - польской и московскихъ государственныхъ системъ ко второй половинѣ 15-го вѣка. Происхожденіе казачества ставится въ непосредственную связь съ историческо - бытовыми процессами, происходившихъ въ этихъ государствахъ и въ прилегавшихъ къ нимъ обширныхъ южныхъ степяхъ Дикаго Поля.

Говорятъ, что казакъ есть слово татарское, опредѣляющее понятіе легкаго конника, главнымъ образомъ, добычника; отъ этого слова производятъ и понятіе «казакованіе», какъ синонимъ добычничества.

Московская историческая школа, опираясь на выводы знаменитаго историка Ключевскаго, отождествляетъ казачество съ бездомными батраками, говоря, что этотъ классъ людей былъ широко распространенъ по всей Московской Руси въ 14-омъ столѣтіи и даже на сѣверныхъ ея окраинахъ.

Горячимъ поборникомъ этого послѣдняго взгляда является и небезизвѣстный изслѣдователь украинско - казачьей жизни г. Мякотинъ, здѣсь, въ эмиграціи, проповѣдывающій о холопскомъ подневольномъ началѣ казачества.

Противниками казачьяго самовозникновенія всюду и во всѣхъ случаяхъ говорится, что казачество своимъ зарожденіемъ обязано окраинамъ — «украинамъ» — упомянутыхъ выше государственныхъ системъ.

Что это не такъ, что начало казачества обязано вольному степному народу — Вольнымъ казакамъ — мы уже не разъ говорили въ своихъ очеркахъ исторической жизни Тмутаракани и Дона 13 — 14 вѣковъ. Преемственно отсюда, казачество, какъ форма военно - служилыхъ отношеній и «казакованіе», какъ родъ занятій пограничной людности, становится достояніемъ украинно - русскаго люда. Мы говоримъ о томъ, что **впервые имя казачества появляется на Донской территоріи въ**

XIV в. у русско-бродницкаго населенія и отсюда впослѣдствіи при эмиграціи конца того же вѣка, широко разливается по всей Руси.

Казачество не было только исключительнымъ достояніемъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинъ Дикаго поля. Въ то же самое время, почти одновременно съ появленіемъ казачества на Руси, даже нѣсколько раньше, таковое уже имѣется на территоріяхъ Крыма и Кубанскаго Черноморья, въ мѣстахъ, подчиненныхъ власти Генуи, могущественной морской республики Средиземнаго моря.

Въ настоящемъ очеркѣ мы и постараемся прослѣдить казачество тамъ, гдѣ повляется о немъ первое достаточно записанное извѣстіе еще въ началѣ 14-го вѣка, въ „Liber juris republiqae Genovensis" или «Статутѣ генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ», изданномъ въ послѣдней редакціи въ 1449 году.

Статутъ этотъ примѣнялся для тѣхъ генуэзскихъ колоній, которыя были разбросаны по сѣверному побережью Чернаго моря — главнымъ образомъ — въ Крыму и на Кубани, а отчасти и въ другихъ мѣстахъ побережья — отъ Молдавіи до Грузіи. Появленіе генуэзскихъ колоній въ этихъ мѣстахъ относится къ 1-му десятилѣтію 13 в., когда въ 1204 г. европейскіе крестоносцы, отправляясь освобождать Гробъ Господень изъ рукъ мусульманъ, овладѣли Царьгородомъ, главнымъ городомъ Византійской имперіи. На мѣстѣ Византіи ими была основана имперія Латинская, а всѣ колоніи византійцевъ были распредѣлены по жребію между завоевателями. Латинскому императору досталось сѣверное побережье Чернаго моря.

Генуэзцы бывали на Черномъ и Азовскомъ моряхъ значительно раньше. Во времена Византійскаго императора Мануила, около 1168 г., они уже получили нѣкоторыя торговыя привилегіи въ этихъ моряхъ, ограниченныя въ этомъ же году по проискамъ непримиримыхъ враговъ Генуи — венеціанцевъ. Главнымъ центромъ генуэзскихъ колоній былъ городъ Кафа, нынѣшняя Феодосія, основанная, по всей вѣроятности, однимъ изъ рыцарей дома Дель-Орто, родъ которыхъ продолжительное время былъ владѣтелемъ Кафы. Одинъ изъ нихъ 12-го января 1234 года выдалъ генуэзцамъ первый привиллегіумъ; въ немъ онъ именовалъ себя барономъ — «Доминусъ Кафэ» (господиномъ Кафы). Потомки этого Дель-Орто пребывали въ Кафѣ еще въ 1316 году. Въ статутахъ, изданныхъ Генуей для Кафы и прилегающихъ земель имперіи Хозарской — „Impositio officii chazariae" отъ 30 августа 1316 года и въ болѣе раннемъ, отъ 1290 г. — упоминается о сыновьяхъ Бонифація Дель-Орто; о немъ же самомъ упоминается въ письмѣ папы Бенедикта 12-го къ татарскому хану Узбеку. Городъ Кафа былъ разрушенъ татарами въ 1308 г. и позже вновь отстроенъ генуэзцами. Въ 1316 г. они уже цѣликомъ взяли власть надъ Кафой въ свои руки и настолько распространили ее, что консулъ Кафинскій, какъ представитель власти генуэзской республики, носилъ громкій титулъ «Повелителя имперіи Хозарской и всего Чернаго моря» — „Dominus chazariae et tutti mare Negro". Упадокъ Кафы начался въ 15-омъ вѣкѣ, вслѣдствіе вырожденія самой же генуэзской власти и, въ концѣ концовъ, Кафа въ 1475 г. была завоевана и разрушена турецкими войсками. Съ этого времени владычеству Генуи на Черномъ морѣ приходитъ конецъ.

На службѣ въ черноморскихъ колоніяхъ этой республики, во время ихъ славы и расцвѣта, мы и встрѣчаемся впервые съ казаками, еще раньше, чѣмъ о нихъ станетъ извѣстнымъ Литовско - Польской и Московской государственнымъ системамъ. Само же имя казачье на территоріи Крыма упоминается и еще раньше.

Первое записанное извѣстіе о казакахъ намъ извѣстно изъ греческаго Синоксарія г. Сугдеи, теперешняго Судака въ Крыму — городъ Сурожа древне - русскихъ лѣтописей. Въ это время городъ этотъ былъ стольнымъ мѣстомъ митрополита Готско - Сугдейскаго и значительнымъ торговымъ пунктомъ, часто навѣщаемымъ купцами изъ Руси.

Подъ датою 17 мая 1303 г. тамъ записано: «Въ тотъ же день почилъ рабъ Божій Альмальчу, сынъ Самака — увы, заколотый казаками молодчикъ». Вѣроятнѣе всего, что виновниками его смерти были казаки татарскіе, принадлежавшіе къ войскамъ внука Батыя - Тохтахана, который въ этомъ же году разрушилъ Феодосію, въ наказаніе за производимую генуэзцами работорговлю татарскими подданными. Позже мы встрѣчаемъ казаковъ на службѣ у Кафинскаго консула уже въ роли непріятелей татаръ. Казакамъ спеціально посвящается нѣсколько параграфовъ въ книгѣ законовъ республики Генуэзской, въ раздѣлѣ объ управленіи черноморскими колоніями; кромѣ того, про занятія казаковъ, ихъ обязанности и положеніе говорятъ и другія мѣста статута, гдѣ о нихъ упоминается отдѣльно или въ связи съ другими служащими по найму въ Генуэзской самоуправляющейся общинѣ.

Послѣдняя редакція статута, въ измѣненіе прежнихъ, вырабатывалась особой комиссіей въ Генуѣ съ 1431 года и была утверждена 24 января 1448 г. правителемъ Генуэзской республики свѣтлѣйшимъ Дожемъ и коллегіей Нобилей «для общины города Кады и по всему Черному морю и имперіи Хозарской, гдѣ достославная община полную или неполную судебную власть имѣетъ».

Въ статутѣ казаки именуются или просто «казаки», вѣрнѣе «козахи», cosachos или казаки — оргузіи.

Въ параграфѣ 1-мъ статута говорится о консулѣ, какъ главѣ и начальникѣ г. Кафы и всего Чернаго моря въ имперіи Хозарской. Въ его компетенцію входитъ высшая судебная и военная власть и онъ же является главнымъ начальникомъ казаковъ, составляющихъ, главнымъ образомъ, его личный конвой.

И на это обстоятельство мы обращаемъ особое вниманіе читателей.

Значеніе слова «оргузіи» до сихъ поръ остается въ достаточной степени неразгаданной тайной. Филологи относятъ это слово къ тюркскому языку, говоря, что оно обозначало передовую стражу изъ Узовъ или Гузовъ, къ каковымъ принадлежали Торки и Берендеи, извѣстные по древне - русскимъ лѣтописямъ на Украинѣ - Руси еще во времена Владиміра Святого, подъ общимъ названіемъ Черныхъ Клобуковъ.

Другіе относятъ происхожденіе слова оргузій ко временамъ господства печенѣговъ и мадьяръ (венгровъ)

Въ статутѣ мы имѣемъ различныя начертанія этого слова - orgusii, Horgusii иногда orguxii или arguxii что объясняется незнакомствомъ переписчика съ восточнымъ произношеніемъ этого слова — „Or" по мадьярски значитъ сторожъ; еще въ половинѣ 19-го ст. жители одного изъ округовъ Эйзенбургскаго комитата въ Венгріи называли себя „Oer" а свой округъ Orsegi Kerület" что значитъ округъ сторожей.

Съ древнемадьярскимъ и печенѣгскимъ „Oer" сравниваютъ старое татарское наименованіе Перекопа — „Or", т.-е. границы, въ смыслѣ сторожевой линіи и монгольское „Oergo" — т.-е. ханскій таборъ, у калмыковъ — ставка. Отсюда производится и orgusii, т.-е. охранители ставки или сторожевой линіи.

Спеціалисты по восточнымъ языкамъ указываютъ, что «ак» — окончаніе слова «казакъ», есть видоизмѣненіе татарскаго языка, основное же начертаніе «казахъ», равно какъ и окончаніе въ латинской транскрипціи — «ах, „Os"-„casachos" даетъ возможность отождествлять татарское «казакъ» съ «казахъ», т.-е. житель предкавказской провинціи «Козахіи», про которую, въ половинѣ 10-го в., упоминаетъ и византійскій императоръ Константинъ Порфирородный. Такимъ образомъ, если „Or" — ор обозначаетъ родъ службы, то «уз» или гуз», равно какъ и «казах» какъ бы опредѣляетъ народно племенную принадлежность воина, несущаго эту службу и именно службу казачью въ нашемъ представленіи, какъ это мы увидимъ далѣе.

По § 2-му главнымъ контрольнымъ органомъ при консулѣ въ Кафѣ былъ Совѣтъ Старѣйшинъ — Генеральный Совѣтъ Синдиковъ или Генеральные Синдики, въ иномъ подчиненіи которымъ находились казаки.

Синдики избирались дважды въ годъ на шесть мѣсяцевъ старымъ Совѣтомъ изъ числа жителей г. Кафы. Избраніе производилось баллотировкой бѣлыми и черными шарами, большинствомъ двухъ третей голосовъ. Въ Генеральный Совѣтъ входили 4 генуэзца и 4 кафинца; причемъ половина изъ нихъ должна была быть благороднаго происхожденія. Населеніе Кафы слагалось изъ природныхъ генуэзцевъ, армянъ, евреевъ, «руссовъ» (украинцевъ), «московиновъ» (великороссовъ), черкесовъ, поляковъ, сарацинъ (мусульманъ вообще) и др. народностей; каждый христіанинъ, избравшій себѣ г. Кафу постояннымъ мѣстожительствомъ и проживній тамъ не менѣе года, могъ быть полноправнымъ гражданиномъ городской общины. При вступленіи въ должность синдики приносили присягу на св. Евангеліи; въ вѣдѣніе ихъ входили судъ и административный контроль. Они судили по правиламъ «Устава Торговаго и Хозарскаго» и по окончаніи дѣятельности консула, присылавшагося на одинъ годъ изъ Генуи, провѣряли его дѣятельность.

Этимъ то Генеральнымъ Синдикамъ, какъ представителямъ мѣстной общины, подчинялись казаки въ хозяйственномъ отношеніи. Синдики обязаны были, при вступленіи въ должность, приказать представить себѣ казаковъ и произвести имъ смотръ. Казаки несли исключительно военную службу какъ въ самой Кафѣ, такъ и по другимъ городамъ, укрѣпленнымъ мѣстамъ и замкамъ, въ качествѣ **конвоя** главныхъ начальниковъ, **ординарцевъ и внутренней охраны** цитадели укрѣпленій.

§ 1 главы 22-ой De Hargusiis гласитъ: «Постановляемъ и узаконяемъ, что при указанномъ г. Консулѣ Кафы для сопровожденія его и службы при немъ имѣетъ быть двадцать оргузіевъ хорошихъ, ловкихъ и надежныхъ, изъ которыхъ каждый долженъ имѣть, какъ оргузіи имѣютъ и имѣть обязаны по существующему обычаю: коня, щитъ, бурку (cabarichio — волстяной плащъ) и свое оружіе. Они получаютъ отъ общины г. Кафы по 120 асперовъ въ мѣсяцъ и никто изъ нихъ **не можетъ быть невольникомъ или чьимъ нибудь слугою** (sclavus vel servus).

§ 1 главы 21-ой говоритъ о томъ, что въ г. Кафѣ имѣетъ быть одинъ военный предводитель оргузіевъ (Capitani Horgusiarum который имѣетъ получать на содержаніе своей особы и добраго казеннаго коня 150 асперовъ въ мѣсяцъ. Этотъ казачій начальникъ долженъ находиться съ казаками — оргузіями при консулѣ и выѣзжать съ нимъ каждый разъ, когда на это получитъ распоряженіе.

Такимъ образомъ, эти два параграфа указываютъ на то, что казаки — оргузіи составляли личный конвой консула, консульскую гвардію, которая, согласно Устава, несла службу при самомъ консулѣ и сопровождала его при всѣхъ торжественныхъ выѣздахъ по службѣ и въ церковь. О порядкѣ выѣзда консула въ церковь Статутъ гласитъ особо. Консулъ изъ своего дворца, находившагося въ цитадели, *) отправлялся съ музыкой и казачьимъ конвоемъ въ кафедральный соборъ, стоявшій посреди города. Консула обязанъ былъ сопровождать конный, подъ угрозой штрафа въ 50 аспровъ, военный начальникъ города — комендантъ его въ нашемъ понятіи, которому подчинялась внутренняя охрана города.

Кромѣ консульской гвардіи, по городамъ, укрѣпленнымъ мѣстамъ и замкамъ находились и другіе казаки, подчинявшіеся военнымъ начальникамъ этихъ мѣстъ непосредственно.

Военныя силы генуэзскихъ колоній составлялись изъ трехъ составныхъ частей: казаковъ, солдатъ и мѣстной сторожевой милиціи изъ числа гражданъ колоній.

Казаки совмѣстно съ солдатами и вооруженными жителями несли сторожевую охрану городскихъ воротъ въ крѣпостныхъ стѣнахъ, а въ ночное время исполняли обязанности **военной полиціи.**

Казаки равно какъ и солдаты, такъ же, какъ и комендантъ города, не имѣли права быть мѣстными гражданами.

Статутъ въ самой рѣшительной формѣ запрещаетъ исполненіе этихъ обязанностей «ни въ какомъ случаѣ

*) На мѣстѣ нынѣшняго карантина, тамъ, гдѣ находился кубинскій лазаретъ въ 1920 г.

и ни подъ какимъ предлогомъ» гражданамъ города. Это все должны были быть люди, посторонніе, свободные и вполнѣ независимые отъ вліяній и родственныхъ связей съ мѣстными обывателями. Диктовалось это соображеніями внутренней безопасности отъ интригъ и революціонныхъ выступленій различныхъ общественныхъ группировокъ и партій.

Внутренняя дневная полиція города находилась на обязанности полицейскаго начальника и полицейскихъ служителей, обязанныхъ поддерживать порядокъ въ городѣ. Съ момента же, когда съ вѣстовой башни раздавался звонъ колокола, полицейскія обязанности переходили въ руки коменданта города; и полиція тогда уже ни въ коемъ случаѣ не смѣла вмѣшиваться въ дѣятельность послѣдняго; она удалялась въ цитадель, а вся охрана города, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, переходила въ руки коменданта. Подчиненные же ему казаки исполняли обязанности военной полиціи въ то время, какъ солдаты составляли, главнымъ образомъ, гарнизонъ башенъ и мостовыхъ укрѣпленій, усиленный на ночь вооруженной охраной изъ жителей.

Били въ колоколъ не менѣе 370 разъ: зимой, съ 1-го октября до 1-го марта, въ два часа (по старому), а лѣтомъ въ три часа. Послѣ звона поднимались цѣпные мосты черезъ крѣпостной ровъ у городскихъ башенныхъ воротъ, и жители не смѣли выходить изъ домовъ и зажигать огня. Всякій старше 15-ти лѣтъ, кто былъ пойманъ военной полиціей далѣе восьми дворовъ отъ своего дома, арестовывался и утромъ доставлялся на судъ консула или его викарія. Для того же, чтобы поощрить дѣятельность военной полиціи, комендантъ получалъ по 18 асиповъ награды съ каждаго пойманнаго; кромѣ того, въ пользу коменданта шло по 6 асиповъ съ каждаго сторожа изъ мѣстныхъ гражданъ, который былъ застигнутъ спящимъ и по 12 асиповъ съ тѣхъ изъ сторожей, которые не явились во время на службу или не были найдены на указанномъ имъ мѣстѣ. За зажиганіе огня послѣ звона колокола платился штрафъ въ 25 асиповъ.

Военная охрана города должна была задерживать всѣхъ тѣхъ, кто производилъ безпорядокъ на улицахъ, и утромъ доставлять ихъ къ Консулу; въ общемъ, она отвѣчала за цѣлость и безопасность города, а, главное, чтобы не возникло пожара въ немъ, этого страшнаго бича среднихъ вѣковъ.

При городскихъ воротахъ и въ предмѣстьяхъ казаки несли охранную службу въ помощь надзирателю за воротами и коменданту воротъ или, вѣрнѣе, башеннаго укрѣпленія. При каждыхъ воротахъ имѣло быть въ охранѣ по 4 казака, которые несли службу по очереди. Въ ночное время ворота должны были быть закрытыми, и только въ неотложныхъ случаяхъ разрѣшалось открывать ихъ и то при поднятомъ черезъ ровъ мостикѣ.

Въ помощь военной охранѣ воротъ, на ночное время, придавалась городская милиція изъ мѣстныхъ жителей. Всѣ способные носить оружіе граждане дѣлились на сотни и обязаны были нести сторожевую службу подъ присмотромъ своихъ сотниковъ. *)

Сотники назначались консуломъ изъ числа 4-хъ кандидатовъ на каждую должность, избранныхъ самими жителями. Вся же военная охрана воротъ непосредственно подчинялась коменданту мостового укрѣпленія. Городская же полиція, послѣ звона, принимала на себя охрану замка — цитадели города, въ которомъ имѣлъ мѣстопребываніе консулъ; полицейскій начальникъ, подъ угрозой штрафа, не смѣлъ послѣ звона выходить въ городъ или предмѣстье.

Оружіе сторожевой охраны воротъ состояло: у казака — изъ лука со стрѣлами, а усолдата — изъ двухъ баллистъ для метанія снарядовъ, состоявшихъ изъ квадратныхъ острыхъ кусочковъ желѣза; милиція же была вооружена только холоднымъ ударнымъ оружіемъ. Все сказанное выше относится къ охранѣ г. Кафы, но такія же обязанности лежали на казакахъ и ихъ военныхъ начальникахъ и въ другихъ генуэзскихъ городахъ и колоніяхъ, подчиненныхъ кафинскому консулу. Въ нихъ одни изъ казаковъ составляли личную охрану мѣстныхъ консуловъ, но въ меньшемъ числѣ (въ Солдаѣ — 8 душъ), другіе, наряду съ солдатами и мѣстной милиціей, охраняли городскія ворота и служили для ординарческой службы. Служба была строгою и находилась подъ постояннымъ контролемъ. Вся система наказаній была построена, главнымъ образомъ, на денежныхъ штрафахъ. Никто изъ казаковъ не смѣлъ быть отпущенъ въ г. Кафу долѣе, какъ на 5 дней, подъ угрозой штрафа въ 10 асиповъ съ каждаго казака за каждый лишній день. Посылались казаки только по два вмѣстѣ и не ранѣе возвращенія посланныхъ ранѣе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, съ разрѣшенія консула, казакъ задерживался въ г. Кафѣ долѣе, чѣмъ на 5 дней, то это время исключалось изъ его годовой службы.

Всѣ служебныя порученія внѣ городовъ поручались и исполнялись казаками; солдаты, составлявшіе постоянный гарнизонъ замковъ и укрѣпленій, вообще не могли быть посылаемы куда - либо. Статутъ обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы казаки пребывали въ абсолютной личной независимости отъ кого либо и, тѣмъ болѣе, отъ своихъ прямыхъ начальниковъ. Онъ строго блюлъ за тѣмъ, чтобы на казакахъ лежали исключительно только обязанности военной службы и чтобы между казаками и ихъ начальниками не было никакихъ иныхъ взаимоотношеній, кромѣ служебныхъ.

§ 34 книги II «Про порядокъ въ городахъ, подчиненныхъ Кафѣ» гласитъ, что консулъ (мѣстный) «не смѣетъ и думать входить въ какія либо сношенія съ кѣмъ нибудь изъ солдатъ наемниковъ или казаковъ - оргузіевъ; ни продавать имъ чего - либо на время, т.-е. въ долгъ, подъ угрозой утери вещи или товара и права обращаться въ судъ съ жалобой».

Казакъ въ генуэзскихъ колоніяхъ несъ службу добровольно, по найму, со своимъ оружіемъ, конемъ и одеж-

*) Городъ былъ большой, онъ сравнивался съ Византіей-Константинополемъ; въ 1475 г. въ немъ было 60.000 жителей.

дою — совѣмъ такъ, какъ и наше позднѣйшее казачество, которое даже въ послѣдней четверти 19-го столѣтія выходило на службу со своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а холодное оружіе имѣло свое даже до послѣдняго времени; даже жалованье казакамъ и офицерамъ нашего времени шло изъ Войсковыхъ суммъ, при опредѣленной дотаціи государства. Генуэзскимъ же казакамъ платилось изъ средствъ колоніи, финансы которой слагались изъ мѣстныхъ доходовъ.

Казаки на генуэзской службѣ получали достаточно высокое вознагражденіе: нищенскіе оклады за казачью службу московскому государству не могутъ быть и сравниваемы съ ними. На себя и на коня они получали: предводитель казаковъ 150, рядовой казакъ 120 аспровъ въ мѣсяцъ. Аспръ былъ серебряной монетой, стоимостью, по курсу, около 3 1/2 копѣекъ того времени. Что это былъ высокій окладъ, можно видѣть изъ приводимаго сравненія.

Стоимость въ аспрахъ въ мѣсяцъ:

Комендантъ мостового управленія	150
Подкапитанъ	140
Солдатъ	100
Пушкарь	100
Сторожъ у воротъ	50
Сторожъ на башнѣ и звонарь	47 1/2
Епископъ (столовыхъ)	100
Дворцовый священникъ	100
Писарь греческаго языка	120
Разсыльный	38

При тогдашней цѣнѣ денегъ и дешевизнѣ продуктовъ, что мы увидимъ ниже, казачье жалованье было очень высокимъ и обезпечивало имъ независимость въ матеріальномъ отношеніи.

Изъ своего жалованія казаки, при записи въ списокъ наемниковъ, которые состоятъ на содержаніи государственнаго казначейства, должны были, за внесеніе свое въ списокъ, единовременно уплачивать по 6 аспровъ съ каждаго въ пользу потаріуса или дѣлопроизводителя казначейства. Кромѣ того,, потаріусу предоставлялось право удерживать съ казаковъ по 4%, въ видѣ подарка, при выдачѣ имъ содержанія.

Отъ правительства казаки получали помѣщеніе въ натурѣ, а въ зимнее время и отопленіе, для каковой цѣли былъ установленъ особый сборъ, по полѣну дровъ съ каждаго воза, проѣзжавшаго город. воротами. На жалованье и содержаніе казаковъ шли мѣстные доходы: пошлины, сборъ, аренда и т. д.: и только тогда, когда бы ихъ не доставало, обыватели должны были доплачивать по раскладкѣ за ночную охрану города.

Согласно Статута, въ большіе праздники и высокоторжественные дни, когда городомъ устраивались скачки и игры, казаки должны были получать опредѣленное угощеніе отъ консула, на что опредѣлялась извѣстная сумма изъ средствъ казначейства.

Угощеніе должно было быть даваемо въ Рождественскій Сочельникъ, на первый день Рождества Христова, Крещеніе, Пасху и въ день св. Ивана (Купалы) — 24 іюня. Отпускалось имъ по 12 аспровъ на вино, яблоки, виноградъ, пряники и разные напитки.

Кромѣ того, консулу отпускались опредѣленныя суммы на устройство игръ, на которыхъ присутствовали казаки, и на иллюминацію города въ день Крещенія, Пасхи и св. Ивана. Къ торжественнымъ днямъ относились день св. Гервасія и Протасія, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда устраивались скачки, и день гонокъ барокъ. Въ этотъ день казаки имѣли отъ мѣстной общины угощеніе, состоявшее изъ вина, сыра и хлѣба.

День скачекъ былъ торжественнѣе, и суммы, отпускавшіяся на призы, значительнѣе. Первый призъ за скачки состоялъ изъ куска кармазина — цвѣтной, шелковой матеріи, стоимостью въ 1.200 аспровъ, тогда какъ на призъ при гонкѣ барокъ отпускалось только 630 аспровъ на штуку атласа или кармазина, пике или тафты. Въ ассигнованіяхъ на принадлежности для скачекъ фигурируютъ по 6 аспровъ на покупку лисицы, пѣтуха и шеста.

Характернымъ является то, что у нашихъ казаковъ и горскихъ народовъ Казачьихъ Краевъ до послѣдняго времени главнымъ призомъ за скачки была штука матеріи; также у нихъ существуетъ конная игра, подъ названіемъ «лисичка», и гонка съ пѣтухомъ, когда конная группа должна проскакать опредѣленную дистанцію, и призъ получаетъ тотъ, кто первымъ возвратится обратно съ хвостомъ лисицы или пѣтухомъ — собственно говоря, съ его остатками, такъ какъ каждый старается вырвать его у соперника и выскочить впередъ. Упражненія на шестѣ и съ шестомъ также играютъ значительную роль въ скачкахъ. Кромѣ получаемыхъ отъ правительства и общины видовъ матеріальнаго довольствія, казаки пополняли свои доходы и добычничествомъ. Этотъ видъ заработка былъ узаконенъ не только для пользы казаковъ, но и само правительство было матеріально заинтересовано въ немъ.

Д-ръ С. Федоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАЗАКИ НА СЛОВАКІИ

На Словакіи, по приблизительному подсчету, разбросано болѣе ста казаковъ, но до сего времени они не были объединены въ какой либо казачьей организаціи, не считая Братиславскаго студенческаго хутора, организаціи чисто академическо - профессіональной. Мысль о созданіи Общеказачьяго Центра на Словакіи все же не покидала казаковъ, но не находилось лицъ, которыя взяли бы на себя инициативу по ихъ объединенію.

Въ послѣднее время обстоятельства особенно остро поставили вопросъ о казачьей организаціи, и среди казаковъ, проживающихъ въ центрѣ Словакіи, г. Братиславѣ, возникла инициативная группа во главѣ съ энергичными и уже зарекомендовавшими себя молодыми казачьими дѣятелями: Д-ръ Желдаковымъ, Бойко, Растригинымъ и др. Инициативная группа активно повела работу объединенія казаковъ; распространяла листовки съ призывомъ создать казачью организацію, созывала рядъ совѣщаній, вела оживленную переписку съ казаками, живущими въ Братиславѣ. Подготовительная работа завершилась учредительнымъ сборомъ, состоявшимся 29. 3. 31. Насколько интересъ къ организаціи былъ великъ, свидѣтельствуетъ пріѣздъ ряда казаковъ изъ провинціи и письма, привѣтствовавшія это начинаніе.

Происходившій въ тотъ же день годичный Сборъ Братиславскаго Студенческаго хутора Общеказачьей станицы, окончившихъ В. У. З. и студентовъ въ Ч. Р., принявъ во вни-

маніе полную организаціонную бездѣятельность, невниманіе къ хутору со стороны центральнаго органа въ Прагѣ, а равно и выходъ изъ центральныхъ исполнительныхъ органовъ Общеказачьей станицы окончившихъ, постановилъ не считать себя членомъ станицы, привѣтствовать начинаніе иниціативной группы по созданію Казачьяго Центра на Словакіи и войти въ него (въ Центръ) основнымъ ядромъ. Рѣшеніе хутора было съ большимъ удовлетвореніемъ принято прибывшими на учредительный Сборъ казаками.

Учредительный Сборъ единогласно избралъ президіумъ въ составѣ д-ра Растригина, инж. Минаева и Н. С. Стефанова. Послѣ исполненія казачьихъ гимновъ, первое слово о цѣляхъ и задачахъ организаціи было предоставлено И. С. Бойко. И. С. Бойко, коротко задержавшись на обращеніи иниціативной группы отъ 26. 2. 31., ярко нарисовалъ безотрадное положеніе Казачества, его неорганизованность, спекуляцію ряда лицъ казачьими интересами. Затѣмъ указалъ на фундаментъ, который долженъ лечь въ основу новой организаціи, на, такъ сказать, путеводную звѣзду.

«Казачество, говоритъ И. С. Бойко, — вотъ предметъ нашихъ симпатій, влеченій, радостей, печалей и восторговъ. И если для другихъ Казачество — мифъ, фикція, иллюзорное представленіе, плодъ незрѣлой государственной мысли, то для насъ оно — святое святыхъ... Для насъ прошлое Казачества — не русская героическая мифологія, а многовѣковая славная и вмѣстѣ съ тѣмъ печальная казачья исторія. Съ нимъ и только съ нимъ сплелись наши представленія о возможномъ существованіи. Казачество и есть тотъ объектъ, къ которому должны быть направлены всѣ наши мысли, чувствованія, переживанія, и наше объединеніе»..

Рѣчь И. С. Бойко была покрыта бурными рукоплесканіями, а выступавшіе затѣмъ ораторы указывали, что дополнить къ слову И. С. Бойко нечего, настолько понятны и близки, и польны высказанныя имъ мысли.

Сборъ постановилъ принять названіе станицы: «Общеказачья Станица на Словакіи съ центромъ въ Братиславѣ». Предложенный иниціативной группой уставъ съ небольшими поправками былъ принятъ. Послѣ Сборъ приступилъ къ выборамъ исполнительныхъ органовъ. Атаманомъ единогласно былъ избранъ И. С. Бойко; помощниками: инж. Парапоновъ и С. Е. Чекуновъ, казначеемъ — инж. Минаевъ; писаремъ — И. И. Безугловъ. Въ ревизіонную комиссію — д-ръ Желдкаовъ, Растригинъ, Булаткинъ. Сборъ выразилъ пожеланіе имѣть при станицѣ кассу взаимопомощи, дамскій кружокъ и свой печатный органъ. Предсѣдателемъ редакціонной коллегіи былъ избранъ А. Л. Персидсковъ.

Сборъ поручилъ Правленію обратиться къ Чехословацкой общественности съ декларацией, гдѣ ознакомить ее съ задачами организаціи, которая должна войти въ тѣсную связь съ Чехословацкими общественными и политическими кругами.

Сборъ былъ закрытъ послѣ рѣчи д-ра Желдакова, подведшаго итоги работы Сбора, выразившаго твердую увѣренность въ крѣпости основного камня станицы и пожелавшаго активнй рабты, что было одобрено дружными апплодисментами.

Послѣ закрытія Сбора, затянувшагося до поздняго вечера, станичники задержались въ дружеской бесѣдѣ, гдѣ, послѣ обмѣна мнѣніями, въ пѣсняхъ и танцахъ вспоминали свои родные Края... Настоящій составъ станицы — 47 чел.

Инж. В. Глазковъ.

Центральный Комитетъ «ЛВК» постановилъ открыть въ Парижѣ вечерніе курсы, на которыхъ будутъ читаться лекціи по вопросамъ политическимъ, экономическимъ, финансовымъ и военнымъ. Правленію Лиги поручено войти въ переговоры съ лицами, могущими принять на себя обязанности лекторовъ. Рядъ лицъ уже выразилъ свое согласіе.

О днѣ открытія курсовъ будетъ объявлено отдѣльно.

***

Правленіе Общества Изученія Казачества въ Прагѣ приступило къ систематическому сбору казачьей и о казачествѣ библіографіи, а поэтому проситъ всѣхъ казаковъ и лицъ, благожелательно относящихся къ казачеству, прислать въ адресъ секретаря свѣдѣнія, гдѣ и когда, въ какихъ журналахъ, газетахъ, брошюрахъ и книгахъ печатались ихъ статьи и иныя произведенія о казачествѣ, указавъ, по возможности точно, номера и даты, а также псевдонимы, скриптонимы и иныя обозначенія.

Просьба сообщить также о рѣдкихъ книгахъ и изданіяхъ, касающихся Казачества, выпущенныхъ заграницей въ болѣе старыя времена.

Адресъ секретаря:
S. Fedorov, Praha XIV, Nisle-Ůdoli Iaromirova, 456 (Чехословакія).

***

Правленіе Вольно-Казачьяго куреня имени Ю. Ф. Гончарова въ Братиславѣ доводитъ до свѣдѣнія, что курень въ своемъ собраніи отъ 26 апрѣля сего года, ознакомившись съ программой и уставомъ «Лиги Возрожденія Казачества», постановилъ признать, что программа и уставъ ЛВК всецѣло отвѣчаютъ политическому воззрѣнію и чаяніямъ членовъ куреня. Одновременно постановилъ войти въ составъ «Лиги Возрожденія Казачества», Центральный Комитетъ, который проситъ объ утвержденіи; вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе считаетъ, что вхожденіемъ въ ЛВК курень является районной организаціей «Лиги Возрожденія Казачества» на Словакіи, о чемъ равнымъ образомъ просить ЦК ЛВК .

Богъ въ помощь, дорогіе станичники, въ нашемъ святомъ дѣлѣ!

Съ казачьимъ привѣтомъ: Атаманъ Ив. Безугловъ, Помощникъ Ив. Бойко, за Писаря В. Глазковъ.

Представители журнала „Казачье Дѣло“

Въ Чехо-Словакіи :

Д-ръ С. ФЕДОРОВЪ
Прага XIV, Nusle-Ůdoli, Iaromirova, 456.

И. С. БОЙКО
Bratislava VI, Zahradnicka, 70.

Въ Юго-Славіи :

Б. КУРДЮЦКОВЪ, Бѣлградъ.

КАЗАЧЬЯ ХРОНИКА

10-го мая сего года въ Парижѣ состоялось публичное собраніе, устроенное «Лигой Возрожденія Казачества», для обсужденія вопросовъ на тему: «Пути Казачества и наши задачи». Предсѣдательствовалъ А. И. Бояриновъ. Докладчикомъ выступилъ Г. И. Каревъ . Въ возникшихъ по докладу преніяхъ приняли участіе: кубанецъ — г. Авдіенко, терецъ — Д-ръ Киршъ, донцы — г.г. Сафоновъ и Бояриновъ и нѣкоторые другіе.

Какъ докладчикъ, такъ и всѣ выступавшіе по докладу ораторы, базируясь на данныхъ исторіи и учитывая опытъ гражданской войны и нынѣшнее положеніе Казачества, — пришли къ выводу, что единственнымъ средствомъ сохранить Казачество является путь отдѣльнаго и независимаго государственнаго существованія Казачьихъ Земель. Но, хотя Казачество имѣетъ всѣ данныя для независимаго существованія, чтобы достигнуть этой цѣли нужна энергичная, упорная и, главное, организованная работа, безъ которой всѣ сепаратныя усилія отдѣльныхъ лицъ будутъ обречены на безплодность.

Impr. d'ART, 77, r. Mouton Duvernet. Inv. 28-74

Le Gérant : M. Salles Pierre.

Подписная цѣна

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КазачьеДѣло“

ВЫХОДЯЩІЙ ВЪ ПАРИЖѢ

подъ редакціей Коллегіи

ВО ФРАНЦІИ :

На 12 мѣс. . . . 42 фр.
» 6 » . . . 23 »

ЗАГРАНИЦЕЙ :

На 12 мѣс. . . 2.00 ам. долл.
» 6 » . . 1.20 » »

Адресъ
Администраціи « Лиги Возрожденія Казачества »
и Редакціи « Казачьяго Дѣла » :

La Ligue de la Renaissance des Cosaques
78, rue Levis — Paris - 17e

Для денежной Корреспонденціи :
Mr Th. JELTOUKHIN — тотъ же адресъ.

Imprimerie d'Art Franco-Russe
77, rue Mouton Duvernet — 14e

Nos 4 et 5 LA CAUSE DES COSAQUES PARIS

Декабрь 1931 — Январь 1932
Цѣна номера во Франціи 4 фр.

Décembre 1931 — Janvier 1932
Prix du numéro 4 frs en France

КАЗАЧЬЕ ДѢЛО

ОРГАНЪ « ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА »

(MENSUEL)

Organe de „La Ligue de la Renaissance des Cosaques"

Старый казакъ временъ « Азовскаго сидѣнья »

Журналъ „КАЗАЧЬЕ ДѢЛО“ — органъ „Лиги Возрожденія Казачества“ — издается на средства ея членовъ-казаковъ, заработываемыя личнымъ, почти исключительно физическимъ трудомъ. Администрація, редакція и сотрудники журнала работаютъ безвозмездно.

Съ Рождествомъ Христовымъ и Новымъ Годомъ!

Содержаніе : Задачи Зарубежнаго Казачества : **Отъ Центральнаго Комитета Л. В. К.** — Отъ « Союза Донскихъ Казаковъ » къ « Лигѣ Возрожденія Казачества » : **Г. Карева.** — На фермѣ (изъ записокъ стараго казака) : **А. Боярнова.** — Казаки генуэзскихъ колоній окончаніе : **Д-ра С. Федорова.** — Три брата (стихотвореніе) : **П. Полянова.** — Замѣтки по исторіи Украинскаго казачества : **Ив. Степнева.** — Станица (стихотвореніе) : **Гнѣть Манухи.** — Не пора ли? : « **Молодого Донца** » — Памяти Азовскихъ героевъ : **П. А. Попова.** — Казачья хроника. — Письма съ Родины.

ЗАДАЧИ ЗАРУБЕЖНАГО КАЗАЧЕСТВА

За время 11-ти - лѣтняго вынужденнаго пребыванія за - границей, вѣроятно, у каждаго изъ насъ не разъ возникалъ вопросъ: что намъ дѣлать, чтобы приблизить часъ нашего возвращенія на Родину и освобожденія ея отъ большевицкаго ига? Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ нынѣшніе суровые дни мірового экономическаго кризиса, когда каждая страна стремится обезпечить право на хлѣбъ насущный прежде всего своимъ гражданамъ и когда беззащитность матеріальнаго и правового положенія бѣженцевъ даетъ себя чувствовать особенно остро.

Отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ быть только одинъ: надо съорганизоваться, объединиться и быть готовымъ. Въ данный моментъ какъ будто нѣтъ возможности реализовать наши желанія, но эта возможность можетъ представиться въ неожиданно близкомъ будущемъ. Отъ насъ самихъ, отъ нашей подготовки будетъ зависѣть тогда умѣло использовать благопріятно сложившіяся для насъ обстоятельства. Въ прошломъ, въ періодъ гражданской войны, мы имѣли полную возможность отстоять свободу своихъ родныхъ Земель, но неясность нашихъ желаній и цѣлей, отсутствіе плана борьбы, осутствіе опредѣленнаго идеала погубили насъ. Доказательствомъ тому служитъ примѣръ Финляндіи, Эстоніи, Литвы и Латвіи.

Никто не станетъ отрицать, что въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ мы были много сильнѣе и Финляндіи, и Эстоніи, и Литвы, и Латвіи, и тѣмъ не менѣе мы разбиты и влачимъ жалкое существованіе — заграницей въ роли бѣженцевъ, на Родинѣ — на положеніи рабовъ, — а эти страны свободны и живутъ, какъ независимыя, суверенныя государства.

Почему это такъ случилось? Да потому, что выше названные народы поставили себѣ опредѣленную и ограниченную задачу — защиту своихъ родныхъ краевъ и организацію своей государственной жизни на принципѣ полной независимости, а мы начали свою борьбу съ неопредѣленнымъ лозунгомъ: «Долой большевиковъ!». Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія вліянія вождей добровольческой арміи, наша борьба съ большевиками стала опредѣляться, какъ борьба за единую, недѣлимую Россію, за возстановленіе помѣщичьяго землевладѣнія и за возстановленіе прежняго режима. Наши союзники, добровольцы — горсточка людей — сумѣли навязать намъ борьбу и противъ подавляющаго большинства русскаго народа и противъ окружающихъ насъ другихъ народовъ — Украинцевъ, Горцевъ, Грузинъ — нашихъ естественныхъ союзниковъ.

Такимъ образомъ, мы не сумѣли выбрать ни лозунговъ для нашей борьбы, ни союзниковъ въ этой борьбѣ. Въ результатѣ, къ нашимъ врагамъ присоединилась даже значительная часть самого казачества, которому были непонятны или нежелательны цѣли нашей борьбы, а у оставшихся угашена была вѣра въ правоту своего дѣла. «Пока мы защищали наши станицы — говорилъ генералъ Мамонтовъ на засѣданіи Войскового Круга, — мы понимали, за что мы боремся, но когда мы вышли за предѣлы Дона, мы потеряли цѣль нашей борьбы».

Вотъ почему казачество должно прежде всего опредѣлить, во имя чего оно борется и, въ зависимости отъ этого, выбрать себѣ союзниковъ или попутчиковъ. Однако, мы утверждаемъ, что, если въ будущемъ оно вновь

пойдетъ старымъ путемъ, начнетъ борьбу съ своими старыми союзниками, оно вновь будетъ бито.

Нашъ путь иной. Мы должны, по примѣру другихъ народовъ, стремиться къ государственной независимости и суверенности Казачьихъ Земель. Не къ борьбѣ съ политическими противниками должны мы звать, а къ борьбѣ съ чужеземными завоевателями. Во внутреннія дѣла Русскаго Народа мы не желаемъ вмѣшиваться, но желаемъ, чтобы и онъ не вмѣшивался въ наши дѣла.

Однако, одного правильнаго опредѣленія цѣлей нашей борьбы, недостаточно еще для успѣха дѣла. Если даже всѣ 30 тыс. казаковъ, находящихся за-границей, будутъ раздѣлять мнѣніе о необходимости самостоятельнаго существованія Казачьихъ Земель и этимъ ограничатся, то такое ихъ настроеніе ни на шагъ не подвинетъ нашего дѣла и не приблизитъ часа освобожденія родныхъ краевъ. За-границей находится 500 тыс. русскихъ бѣженцевъ, изъ которыхъ *не одинъ* не сомнѣвается въ необходимости существованія Россіи, а не С.С.С.Р., но это убѣжденіе, очевидно, недостаточно для свержения Совѣтской власти. Помимо убѣжденія нужна еще активная работа. А для того, чтобы эта работа была плодотворной, она должна вестись организованно. Между тѣмъ, казачьи силы, находящіяся за-границей и до сего времени пребываютъ въ распыленіи и спячкѣ.

Казачество, проявившее огромную и напряженную дѣятельность въ періодъ гражданской войны, выйдя за-границу оказалось выбитымъ изъ сѣдла и или побрело въ разныя стороны, или же занялось текущими дѣлами и устройствомъ личной судьбы. Занятіе политикой, т. е. самымъ главнымъ въ настоящее время для казачества, оно предоставило своимъ официальнымъ и неофиціальнымъ «вождямъ» — Атаманамъ съ ихъ окруженіями, Главному Командованію, Милюкову, Керенскому и т. п.

Какъ слѣдствіе такого отношенія къ политикѣ у казаковъ явилось неосознанное даже ясно представленіе о своей роли, какъ о роли простыхъ исполнителей чьей-то чужой воли. «Прикажутъ и пойдемъ». — «Служили и будемъ служить».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ казачьи души внѣдрилась гибельная надежда на другихъ, упованіе, что, авось, кто-то другой сдѣлаетъ за насъ наше дѣло и выведетъ насъ изъ изгнанія на Родину.

«Пруссаки иль Поляки,
Поляки иль Пруссаки,
А мы полземъ, какъ раки,
И бьютъ насъ паки, паки...»

Такъ можно охарактеризовать — перефразируя слова поэта — всю политическую дѣятельность казачества за-границей...

Казаки должны, наконецъ, понять, что за нихъ никто ихъ работы не сдѣлаетъ. Должны понять и то, что въ нашей, бѣженской обстановкѣ недостаточно быть сочувствующимъ, симпатизирующимъ, такъ сказать, теоретически раздѣляющимъ наши взгляды. Это важно и нужно на Родинѣ, гдѣ граждане могутъ голосовать и тѣмъ вліять на ходъ событій, а намъ, изгоямъ, нужны прежде всего *соратники*. Вотъ почему мы зовемъ всѣхъ казаковъ въ нашу организацію, къ активной и организованной работѣ.

Мы, конечно, не можемъ утверждать, что достаточно политически организоваться, и дѣло освобожденія нашихъ Земель тѣмъ самымъ будетъ обезпечено. Но мы утверждаемъ, что безъ этого предварительнаго условія мы никогда не достигнемъ своихъ цѣлей.

Вотъ почему основной задачей Зарубежнаго Казачества мы считаемъ созданіе мощной и *независимой казачьей политической организаціи*. Если мы не сумѣемъ этого сдѣлать здѣсь, за - границей, въ обстановкѣ свободныхъ странъ, то какъ мы можемъ претендовать на организацію у себя дома, въ обстановкѣ несравненно болѣе трудной, цѣлаго независимаго государства? Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что ни одного большого политическаго дѣла не было сдѣлано безъ предварительной политической организаціи. Что стоилъ бы большевизмъ, если бы онъ ограничился изданіемъ «Правды» или «Искры» и не имѣлъ бы большевицкой партіи? Или фашизмъ въ Италіи, Гитлеровское движеніе въ Германіи, безъ соотвѣтствующихъ партійныхъ организацій? Ничего. Нуль. Въ политической работѣ нельзя ограничиваться только пропагандой. Пропаганда безъ организаціи — это слово безъ дѣла. Въ крайнемъ случаѣ, полезнѣе для дѣла имѣть политическую организацію безъ печатнаго органа, чѣмъ печатный органъ — безъ политической организаціи.

Въ современной жизни нельзя жить индивидуалистомъ, «дикимъ», поэтому такое огромное значеніе имѣютъ партіи, союзы, синдикаты, тресты и т. п. Достаточно указать, что 1 мил. коммунистовъ управляетъ 150 мил. русскихъ, а 1 мил. фашистовъ — 12 мил. итальянцевъ.

Казачество слишкомъ дорого заплатило за свою политическую неопытность и неорганизованность, чтобы оставаться и нынѣ равнодушнымъ къ вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ вся его дальнѣйшая судьба. Если казаки не хотятъ на всю жизнь остаться на положеніи бѣженцевъ, если они хотятъ научиться управлять своимъ государствомъ, они должны имѣть свои собственныя казачьи партіи или иныя политическія группировки и твердо помнить, что управляютъ нынѣ лишь тѣ, кто дѣйствуетъ организованно.

Центральный Комитетъ
«Лиги Возрожденія Казачества»

Отъ „Союза Донскихъ Казаковъ“ къ „Лигѣ Возрожденія Казачества“

Черезъ два съ половиной мѣсяца исполнится 15 лѣтъ со дня основанія «Союза Донскихъ Казаковъ».

«Союзъ Донскихъ Казаковъ» или, какъ его обычно называли «Казачій Союзъ», былъ основанъ въ г. Новочерасскѣ въ первой половинѣ марта 1917 г., т. е. въ самомъ началѣ Русской революціи*). Просуществовалъ онъ недолго, но роль, сыгранная имъ въ новѣйшей исторіи Донского Казачества была настолько значительна, что я считаю своимъ долгомъ ближе познакомить читателей «Казачьяго Дѣла» съ этимъ исключительнымъ и, въ своемъ родѣ, единственнымъ въ жизни Казачества, явленіемъ. Предварительно необходимо сказать вкратцѣ объ общей обстановкѣ того времени на Дону.

Къ моменту Русской революціи въ февралѣ 1917 г. большая часть взрослаго мужского населевія Дона находилась на фронтѣ. Оставшіеся дома, главнымъ образомъ, женщины, старики и дѣти, каторжнымъ трудомъ старались поддержать свое хозяйство. Но, несмотря на всѣ ихъ усилія, хозяйства приходили въ упадокъ. Запашки сокращались, и въ 1916 г. количество обработанной земли составило лишь 1,3 мил. десятинъ, вмѣсто 6 милліоновъ въ 1914 г.

Казачье населеніе экономически страдало отъ войны значительно болѣе, чѣмъ остальная часть Россіи. Такъ, уменьшеніе обработанной площади въ Европейской Россіи составило въ 1916 г. лишь 10% по сравненію съ довоеннымъ временемъ, а на Дону — 28%. Затѣмъ, казаки должны были являться на военную службу конные, съ полнымъ снаряженіемъ и даже вооруженіемъ, купленными за собственный счетъ, а русскому солдату правительство платило за каждую принесенную имъ рубашку**). Сверхъ того, недостатокъ мануфактурныхъ товаровъ и несоразмѣрно высокія цѣны ихъ и, одновременно, установленіе, въ угоду городскому населенію, твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ и скотъ ниже ихъ дѣйствительной стоимости, реквизиціи, невозможность получить уголь у себя дома, потому что онъ направлялся правительствомъ прежде всего въ Москву и Петербургъ, — карточки и др. стѣсненія, сильно раздражали населеніе.

Но еще въ большей степени его угнетало положеніе на фронтѣ. Не было семьи, которая не имѣла бы тамъ, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ членовъ. Въ теченіе 2 съ пол. лѣтъ — болѣе 900 дней — отцы, матери, жены жили каждодневнымъ ожиданіемъ несчастья: а вдругъ убитъ. Между тѣмъ умѣло ведомая пропаганда, въ связи съ затяжкой войны и неудачами на фронтѣ, наводила на мысль, что всѣ жертвы народа напрасны, ибо измѣна гнѣздится въ самой Царской семьѣ. Вѣра въ Царя, какъ естественно - неподкупнаго и высшаго защитника Родины, и въ царскую власть была подорвана. Начали поговаривать о необходимости для общаго блага, замѣнить «Хозяина».

Нужно еще сказать, что въ это время въ предѣлахъ Области Войска Донского было размѣщено — первый разъ за всю его исторію — 12 запасныхъ полковъ солдатъ*), общей численностью около 100 тыс. человѣкъ (въ томъ числѣ въ Новочеркасскѣ, на Хутункѣ, — 16 тысячъ, въ Ростовѣ — 24 тыс., въ Таганрогѣ — 16 тыс., а затѣмъ въ Азовѣ, Ал.-Грушевскомъ и т. д.). Кромѣ того находилось около 20 тыс. казаковъ (въ томъ числѣ 3 Донскихъ дивизіи, предназначавшихся для высадки въ Турцію).

Солдаты оставались въ запасныхъ полкахъ по очень долго, почти ничего не дѣлали, развращались этой вынужденной праздностью, и было непонятно, для чего правительство забрало въ казармы такое огромное количество здоровыхъ людей, когда населеніе такъ нуждается въ рабочихъ рукахъ. Нервы начали расшатываться. По Области прокатилась волна разгромовъ лавокъ и магазиновъ, провозвѣстница болѣе тяжкихъ событій... Народъ былъ готовъ къ воспріятію революціи.

2-го марта 1917 г. Новочеркасскъ, а вмѣстѣ съ нимъ весь Донъ, узналъ объ отреченіи Императора Николая II, а уже 3-го марта въ Новочеркасскѣ былъ образованъ Донской Областной Исполнительный Комитетъ, который и захватилъ власть сначала въ Новочеркасскѣ, а затѣмъ и на территоріи всего Дона. Въ качествѣ секцій, при немъ состояли — «Военный Отдѣлъ», образованный изъ представителей воинскихъ частей, расположенныхъ въ Новочеркасскѣ, и «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ», образованный изъ представителей новочеркасскихъ рабочихъ и служащихъ новочеркасскихъ учрежденій.

Предсѣдателемъ Областного Исполнительнаго Комитета былъ избранъ б. членъ Государственной Думы, присяжный повѣренный А. П. Петровскій, видный кадетъ. До революціи ему два раза была запрещена практика за поступки, «несовмѣстимые съ адвокатской этикой».

Войсковой Наказный Атаманъ графъ М. Н. Граббе былъ отстраненъ отъ должности и на его мѣсто, въ ка-

*) Многіе смѣшиваютъ «Союзъ Донскихъ Казаковъ», основанный въ 1917 г. въ г. Новочеркасскѣ, съ «Казачьимъ Союзомъ», основаннымъ Н. Н. Мельниковымъ въ Парижѣ и думаютъ, что послѣдній является продолженіемъ перваго. Это — заблужденіе. Никакой преемственной связи между ними нѣтъ. Болѣе того, идеологія, программа и цѣли Парижскаго Союза являются противоположностью таковыхъ Новочеркасскаго Каз. Союза. Что же касается руководителей Союзовъ, то руководители Парижскаго Каз. Союза состоятъ изъ противниковъ б. Союза Донскихъ Казаковъ.

**) Потери сельскаго хозяйства на Дону, главнымъ образомъ Казачьяго, за два съ половиной года войны составили около 200 милліоновъ рублей золотомъ, а расходы на снаряженіе на венную службу казаковъ — около 80 мил. рублей.

*) Жителей, главнымъ образомъ, сосѣднихъ съ Дономъ губерній.

чествѣ «Временно исполняющаго обязанности Войскового Атамана». Исполнительнымъ Комитетомъ былъ назначенъ (по иниціативѣ Военнаго Отдѣла) воспитатель приготовительнаго пансіона при Донскомъ кадетскомъ корпусѣ войсковой старшина Е. Волошинъ, извѣстный въ городѣ музыкантъ и пѣвецъ: тоже кадетъ.

Областное Правленіе было занято Исполнительнымъ Комитетомъ и его секціями. «Областныя вѣдомости» (издававшіяся на казачьи средства) были захвачены также Исполнительнымъ Комитетомъ и переименованы въ «Вольный Донъ». Редакторами были назначены: статистикъ Войскового Земельнаго Совѣта с.-р. Швецовъ, впослѣдствіи секретарь Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и безпартійный соціалистъ М. М. Козмичевъ, впослѣдствіи членъ Донского Войскового Круга. Въ Войсковой штабъ были назначены, для наблюденія за его дѣятельностью, два комиссара: есаулъ (впослѣдствіи войсковой старшина) Голубонъ и одинъ солдатъ съ Хутунка, молодой паренекъ, типа фабричнаго рабочаго, натасканнаго на подпольной литературѣ. Были назначены комиссары и въ другія учрежденія. Такъ, комиссаромъ Донскихъ заповѣдныхъ водъ и рыбныхъ ловель былъ назначенъ присяжный повѣренный Карякинъ (изъ Воронежа), впослѣдствіи, милостію А. Ф. Керенскаго, прокуроръ Петербургской Судебной Палаты.

Окружные Атаманы были смѣщены, и въ качествѣ представителей центральной власти въ округахъ были назначены Окружные комиссары. Былъ назначенъ Временнымъ Правительствомъ и Областной Комиссаръ — членъ Государственной Думы М. С. Воронковъ (кадетъ). Въ Ростовъ комиссаромъ былъ назначенъ присяжный повѣренный В. Ф. Зеелеръ (тоже кадетъ). Кстати сказать, Ростовъ — такъ же какъ и Таганрогъ — въ этотъ первый періодъ революціи отдѣлился отъ Областныхъ властей, и Областному Исполнительному Комитету пришлось вести нѣкоторую борьбу за власть съ Ростовскимъ городскимъ исполнительнымъ комитетомъ.

Вся Область покрылась разнаго калибра исполнительными комитетами — хуторскими, станичными, сельскими, волостными, городскими, окружными. Всѣ заявляли свои требованія, добиваясь участія въ Областномъ Исполнительномъ Комитетѣ, стремились такъ или иначе захватить власть или урвать частичку власти. Всѣ... кромѣ казаковъ... Казачество молчало. Казачьи требованія не были сформулированы заранѣе. Оно, если и хотѣло измѣненія существовавшаго порядка, то ради общаго блага. О себѣ оно при этомъ не думало. И когда революція совершилась, оно какъ-то растерялось и не знало что дѣлать.

Необходимо здѣсь обратить особенное вниманіе читателя на слѣдующее обстоятельство.

Еще до революціи 1917 г. пожеланія всѣхъ классовъ Русскаго народа, равно какъ и другихъ народностей, входившихъ въ составъ Россійской имперіи (поляковъ, финновъ, армянъ, грузинъ и т. д.), были сформулированы и нашли свое то или иное отраженіе въ программахъ разныхъ политическихъ партій. Такъ, пожеланія крестьянъ нашли свое выраженіе въ программѣ партіи с.-р., рабочихъ — въ партіи с.-д. — большевиковъ и меньшиковъ, — буржуазіи—промышленниковъ, торговцевъ, либеральныхъ профессій (адвокатовъ, врачей и т. д.) — въ партіяхъ кадетъ и октябристовъ и, наконецъ, помѣщичьяго класса — въ правыхъ группировкахъ. Можно сказать, были партіи: крестьянская, рабочая, торгово - промышленная, помѣщичья, польская, армянская, грузинская и т. д. Не было только одной партіи — казачьей, хотя ни одна изъ существовавшихъ политическихъ партій не защищала интересовъ казачества, какъ такового.

Казачья интеллигенція, получившая образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, жила интересами всероссійскаго характера и была проникнута идеями русскихъ политическихъ партій, въ которыхъ о Казакахъ не говорилось, а если и говорилось, то только какъ о сословіи, подлежащемъ упраздненію (или сохраненію) наряду съ другими сословіями. Казачество, какъ народъ, съ его особымъ бытомъ, характеромъ, исторіей, съ особой психологіей, съ своими собственными, особыми интересами, — для русской, а вслѣдъ за ней и для казачьей интеллигенціи не существовало.

Помимо того, казачье происхожденіе шокировало многихъ изъ казачьей интеллигенціи. Какъ раньше, до революціи, тѣ изъ казаковъ, которые попали въ высшее общество, особенно въ свиту Государя, шокированы были не аристократическимъ происхожденіемъ казачества (изъ бѣглыхъ, молт. крестьянъ), а нѣкоторые изъ нихъ даже скрывали иногда свое казачье происхожденіе, — такъ при новой власти тѣ, которые были демократическихъ убѣжденій, шокированы были тѣмъ, что казаки — «реакціонеры», «жандармы», «поддерживали царскій режимъ», — не принадлежали къ, такъ сказать, революціонной знати. Дабы ихъ не заподозрили въ симпатіяхъ къ Казачеству, въ «казакоманствѣ», они обычно поддерживали всѣ требованія не казаковъ, если таковыя шли даже въ ущербъ Казачеству.

До революціи 1917 г. казаки, несмотря на всѣ стремленія русской власти подвести ихъ подъ общій уровень, чувствовали себя хозяевами на Дону. Новая власть стремилась сдѣлать хозяевами всѣхъ тѣхъ, кто случайно оказался въ тотъ моментъ на Донской территоріи, руководствуясь исключительно соображеніями политическаго и даже партійнаго характера, а не благомъ мѣстнаго населенія. Всѣ ссылки на «историческія права», на «заслуги», на пролитую въ защиту этихъ правъ кровь и понесенныя для блага Россіи жертвы, — не имѣли никакой цѣнности въ глазахъ новой власти и были отброшены, какъ аргументы, не имѣющіе никакой доказательной силы. Былъ выдвинутъ и положенъ въ основу всѣхъ доказательствъ иной принципъ — «реальное соотношеніе силъ». Не казаковъ было больше, чѣмъ казаковъ, слѣдовательно, ихъ мнѣніе и должно было быть закономъ, они и должны были управлять. Пока вопросъ шелъ о численномъ соотношеніи.

Для всѣхъ тѣхъ, кто не порвалъ связей съ своимъ народомъ, для кого интересы казачества не были пустымъ звукомъ и для кого обидно было молчаніе подлин-

наго хозяина Донской земли, когда такъ громко командовали въ его домѣ случайные гости. — было ясно, что казакамъ *прежде всего надо выдѣлиться особо и создать свою собственную, казачью политическую организацію.*

Къ этому и приступила небольшая группа лицъ, находящихся въ то время въ г. Новочеркасскѣ.

Такъ какъ мнѣ пришлось принять участіе въ созданіи «Союза Донскихъ Казаковъ», то я вынужденъ сказать нѣсколько словъ и о самомъ себѣ.

Въ первые же дни революціи я попалъ въ члены Донского Областного Исполнительнаго Комитета черезъ «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ», куда я былъ выбранъ служащими Новочеркасскаго городского общественнаго управленія. Одновременно я получилъ извѣстіе объ избраніи меня членомъ хуторского, станичнаго и окружного исполнительныхъ комитетовъ. Волей или неволей нужно было заниматься политикой.

Пребываніе мое въ Областномъ Исполнительномъ Комитетѣ и въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ было, впрочемъ, кратковременнымъ. Первые же дни показали, что интеллигенціи, которая не желаетъ заниматься демагогіей, а интеллигенціи казачьей тѣмъ болѣе, — тамъ дѣлать нечего. Послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ выступленій въ «Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ», я рѣшилъ пойти въ Новочеркасское Станичное Правленіе и попытаться организовать какую-либо казачью группу. Тамъ я встрѣтилъ А. П. Бондарева, С. П. Бояринова, А. Ф. Козменкова, подъесаула Сухорукова, Г. П. Янова, П. Х. Попова и еще нѣкоторыхъ лицъ, явившихся въ станичное правленіе съ тѣмъ же намѣреніемъ. Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ, мы рѣшили создать «Союзъ Донскихъ Казаковъ».

Въ это же время въ зданіи Новочеркасскаго Станичнаго Правленія происходили собранія донскихъ казачьихъ офицеровъ (по иниціативѣ офицеровъ Войскового Штаба). На этихъ собраніяхъ рѣшено было образовать «Офицерскій Союзъ». Предсѣдателемъ Правленія былъ избранъ есаулъ А. П. Епифановъ.

Наша группа вступила въ переговоры съ офицерскимъ союзомъ на предметъ организаціи единаго союза. Офицеры охотно согласились, но предложили, чтобы организація носила названіе: «Союзъ Донскихъ офицеровъ и казаковъ» и чтобы предсѣдателемъ правленія былъ предсѣдатель Офицерскаго Союза. Указавъ на то, что офицеры являются прежде всего казаками, мы убѣдили ихъ отказаться отъ внесенія въ наименованіе союза слова «офицеровъ», а, въ свою очередь приняли ихъ предсѣдателя, какъ Предсѣдателя Правленія Казачьяго Союза.

Черезъ нѣсколько дней было созвано учредительное собраніе «Союза Донскихъ Казаковъ». Залъ станичнаго правленія былъ переполненъ. Явилось нѣсколько сотъ человѣкъ. Областной Исполнительный Комитетъ прислалъ на собраніе, съ цѣлью сорвать его, своихъ представителей: есаула Голубова, редактора «Вольнаго Дона» М. М. Казмичева и еще нѣкоторыхъ лицъ. Голубовъ рѣзко выступилъ противъ идеи казачьяго союза, призывая «трудовое Казачество» поддержать Областной Исполнительный Комитетъ и послать въ него своихъ делегатовъ. Однако, послѣ выступленій представителей нашей группы, изъ которыхъ мнѣ особенно глубоко врѣзалась въ память горячая рѣчь Степана Нв. Бояринова, подавляющимъ большинствомъ было рѣшено «Союзъ Донскихъ Казаковъ» учредить. Въ Правленіе были избраны всѣ намѣченныя иниціативной группой лица, а именно: предсѣдателемъ А. П. Епифановъ и членами Правленія: А. П. Бондаревъ, Ал. Нв. Бояриновъ, Ст. Нв. Бояриновъ, Г. П. Каревъ, А. Ф. Козменковъ, подъесаулъ Сухоруковъ, хорунжій Черевковъ, Г. П. Яновъ и еще нѣкоторыя лица, которыхъ я не имѣю права назвать, не зная, гдѣ они находятся нынѣ. Формально не входя въ составъ правленія, очень близкое участіе въ дѣлахъ союза принималъ П. Х. Поповъ, начальникъ Новочеркасскаго Военнаго училища, впослѣдствіи Донской Походный Атаманъ.

Объ учрежденіи Союза и о результатахъ выборовъ немедленно было сообщено вр. и. д. Войскового Атамана и Областному Исполнительному Комитету. Въ послѣднемъ наше появленіе на политической сценѣ Дона было встрѣчено криками: «А-а! Союзъ истинно русскихъ людей! Черносотенцы! Арестовать ихъ!»

Мы не были ни тѣми, ни другими. Но мы были опредѣленными защитниками казачьихъ правъ, слѣдовательно, опредѣленными врагами Исполнительнаго Комитета и силъ, стоящихъ за нимъ. Между нами началась борьба, которая не закончилась и до настоящаго времени, хотя номинально давно уже не существуютъ ни «Союзъ Донскихъ Казаковъ», ни «Донской Областной Исполнительный Комитетъ»...

Первымъ нашимъ актомъ было обращеніе къ вр. и. д. Войскового Атамана Е. Волошину съ требованіемъ, передать «Союзу Донскихъ Казаковъ», какъ единственной казачьей политической организаціи, газету «Вольный Донъ» — офиціальный Донской органъ, — издававшуюся на казачьи средства, но ведшуюся въ духѣ, враждебномъ Казачеству. Е. Волошинъ сначала обѣщалъ удовлетворить наше притязаніе, а затѣмъ, подъ давленіемъ Исполнительнаго Комитета, отказалъ.

Правленіе рѣшило тогда обратиться къ населенію Дона съ прокламаціей, напечатанной на отдѣльныхъ листахъ, въ видѣ листовки. На средства, снабженныя членами Союза, было отпечатано и разослано по Области 10.000 экземпляровъ.

Въ прокламаціяхъ содержался призывъ къ населе-ставителей, а равно была изложена, — вѣроятно, въ первый разъ за всю его исторію, — политическая программа Казачества.

Вотъ основные пункты этой программы - призыва.

«Собирайтесь, Донцы, во единый Кругъ! Часъ долгожданной Казачьей свободы насталъ! Вѣковыя оковы казачьихъ вольностей снали! Донскіе Казаки сами, по своей волѣ и своимъ обычаямъ должны устроить теперь свою казачью жизнь.

«Желаемъ, чтобы отнынѣ Войско Донское само вѣдало и само рѣшало свои казачьи дѣла. Желаемъ жить на

родной Донской Землѣ по своимъ казачьимъ обычаямъ. Заявляемъ, что не учинимъ обиды иногороднимъ, которымъ до сего времени любо было мирно жить и трудиться среди насъ, казаковъ, ибо казакъ, самъ вольный сынъ степей, цѣнитъ и уважаетъ чужую свободу.

«Желаемъ, чтобы Войско Донское отнынѣ управлялось такъ, какъ порѣшитъ Войсковой Казачій Кругъ, собранный изъ Донскихъ Казаковъ, и твердо вѣримъ, что каждый казакъ будетъ отнынѣ свято хранить возрожденные завѣты сѣдой казачьей старины.

«Собирайтесь же вмѣстѣ, Донскіе Казаки, чтобы дружной семьей *возродить* былыя казачьи вольности, *самимъ* устроить свою жизнь на новыхъ, свободныхъ началахъ и въ благоустройствѣ, довольствѣ и счастьѣ передать наслѣдіе нашихъ отцовъ и дѣдовъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ.»

Какъ мы видимъ, основныя положенія программы «Союза Донскихъ Казаковъ» сводятся къ признанію необходимости для казачества прежде всего, объединенія и политической организаціи, и затѣмъ къ стремленію возродить его былыя вольности и организовать независимое государственное бытіе на началахъ свободы. Знаменательно, что первая же (и въ то время единственная) политическая организація казаковъ, стала на опредѣленно «самостійный» путь. И правъ А. К. Леницовъ, считая началомъ современнаго казачьяго сепаратистическаго движенія программу - призывъ «Союза Донскихъ Казаковъ», дальнѣйшимъ развитіемъ которой является программа «Лиги Возрожденія Казачества», а воплощеніемъ въ жизнь — Основные Законы Всевеликаго Войска Донского.

Какъ дѣйствовалъ «Союзъ Донскихъ Казаковъ», какими путями онъ шелъ къ достиженію намѣченныхъ цѣлей и каковы были результаты его дѣятельности, мною будетъ изложено въ слѣдующемъ номерѣ «Казачьяго Дѣла», сейчасъ же я считаю необходимымъ упомянуть лишь объ одномъ фактѣ, имѣющемъ принципіальное значеніе и дополняющимъ вышеприведенную программу - прокламацію, а именно, о посылкѣ делегата на Кубань.

Немедленно послѣ своего сформированія Правленіе Союза послало своего представителя на Кубань, для связи съ Кубанскимъ казачествомъ. Представителемъ этимъ былъ назначенъ членъ Правленія А. И. Бояриновъ, впослѣдствіи членъ Донского Войскового Круга и нынѣ членъ Правленія и Генеральный Секретарь Лиги Возрожденія Казачества.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Г. Каревъ

НА ФЕРМѢ

(Изъ «Записокъ Стараго Казака»)

Я три года на французской фермѣ. Арендую и живу одинъ среди огромнаго лѣса, какъ Робинзонъ. Только вмѣсто Пятницы у меня оселъ — Діогенъ. Понимаемъ мы другъ друга, думаю, не хуже, чѣмъ Робинзонъ Пятницу и Пятница Робинзона.

Имя греческаго философа-цинника мой Діогенъ получилъ потому, что у него ко всему на свѣтѣ, кромѣ сѣна и овса, самое презрительно-философское отношеніе, — даже къ дубинкѣ, которою я пользуюсь для возбужденія его энергіи.

У насъ, на Родинѣ, этихъ почтенныхъ животныхъ нѣтъ, и я оцѣнилъ ихъ по достоинству только здѣсь, во Франціи, и долженъ сказать, что господа баснописцы очень несправедливы къ нимъ, изображая эти симпатичныя созданія въ смѣшномъ и карикатурномъ видѣ; точно также неправы французы, называя ихъ «министрами»...

Есть у меня собачка Жучка — существо сѣрое, легкомысленное, симпатичное, никакими талантами не обладающее — съ душой и манерами кафешантанной пѣвички.

Есть двѣ коняки — Прошка и Мошка — ласковыя и коварныя, насквозь пропитанныя теоріями Маркса и Ленина, чужой собственности не признающія и потому «грабящія все награбленное», если оно плохо лежитъ.

Включая меня, вотъ главные персонажи на фермѣ. Остальное населеніе — это, какъ писалось въ старыхъ комедіяхъ и драмахъ, просто народъ — говоря по современному, эксплоатируемый проклятымъ капитализмомъ: козы, кролики, куры, поросята.

Моя ферма — бывшее помѣщичье имѣніе: каменный домъ въ двѣнадцать комнатъ, обширныя хозяйственныя постройки. И все обнесено высоченной каменной стѣной, и все запущено. Расположена ферма на полянкѣ, сданленной густымъ, молчаливымъ лѣсомъ. Дальше, въ лѣсу, есть еще полянки, гдѣ я сѣю траву, немножко пшеницы для куръ, немножко овса для Діогена.

Работаю много: пашу, сѣю, кошу, конаюсь въ огородѣ, кормлю своихъ животныхъ. Встаю въ шесть, ложусь въ десять. Ничего, кромѣ заголовковъ въ газетѣ, не читаю: противна до оскомины надоѣвшая жеванная резина. Буду читать тогда, когда увижу напечатанное жирнымъ шрифтомъ: «Кремль вмѣстѣ съ комиссарами взорванъ» или «Въ Москвѣ возстаніе», «На Дону, на Кавказѣ большевики свергнуты», если, конечно, доживу до этихъ счастливыхъ событій.

Бѣжалъ я въ свою Сэнъ-Клэръ (названіе моей фермы) отъ парижской толчеи, отъ фабричныхъ сиренъ, отъ вони, отъ нервокъ, отъ тоски...

Въ первое время чувствовалъ себя отлично. Тишина необыкновенная, красивая природа, и нѣтъ вѣчно стремящагося куда-то, бѣгущаго потока людей съ ихъ автомобильной, аэропланной, тэ-эс-эфной культурой.

Но прошелъ годъ - другой, и я сталъ сдавать. Снова тоска, какъ змѣя, сосетъ сердце, снова надоѣло все: и кролики, и куры, и козы. Съ такимъ трудомъ налаженное хозяйство, вижу, шатается. Бѣдный Діогенъ — и съ нимъ я разговариваю больше по привычкѣ, чѣмъ по сердечному влеченію. Чувствую — скоро разстанемся.

Какъ «Вѣчнаго Жида», толкаетъ меня какая-то сила — «иди!». И придетъ день, и опъ недалекъ, когда, послушный этому зову, я встану и пойду. Куда? — Не знаю. Въ городъ? — Ни за что.

Многіе бѣгутъ за океанъ: въ Перу, въ Мексику, въ Канаду, Австралію, иные въ Африку. Гдѣ насъ нѣтъ — и на материкахъ, и на островахъ?

Да, очевидно, я двинусь — и какъ можно подальше. Найду-ли я то, что мнѣ надо? Знаю, что нѣтъ. Я увижу тѣ же печально-молчаливые лѣса; такъ же тамъ восходитъ и заходитъ солнце, такъ же родятся и умираютъ, страдаютъ, лживо улыбаются, притворно веселятся. Міръ чудовищно однообразенъ и скученъ.

Дома мы этого не замѣчали. Нашъ внутренній огонь и согрѣвалъ насъ, и одухотворялъ внѣшній міръ, и давалъ смыслъ и содержаніе жизни.

Куда мнѣ уйти отъ тоски, я прекрасно знаю — *домой!* Надо найти прошлое. Знаю я также, что это — миражъ, что за миражемъ, за невозвратнымъ, гонятся и всѣ тѣ, кто бѣжитъ въ Америку, въ Австралію, и тотъ горемыка, письмо котораго я читалъ и который изъ Нью-Йорка проситъ устроить его въ центральной Африкѣ — «чѣмъ», говоритъ, «глуше, тѣмъ лучше».

Домой хочется безумно — до боли, до физической боли, до зуда въ тѣлѣ: домой — къ роднымъ могиламъ, гдѣ лежатъ мои дѣти, моя жена, отецъ, мать, дѣды... туда, гдѣ безконечной цѣпью, послѣднее звено которой составляю я, уходятъ въ прошлое тѣни моихъ предковъ...

У меня родныхъ тамъ никого не осталось, близкіе и пріятели всѣ погибли. Знаю, что все разрушено и загажено налетѣвшей большевицкой саранчей. Но, вотъ, тропинка, по которой я бѣгалъ, бывало, встрѣчать свою мать, несущую мнѣ съ огорода первый огурчикъ или первыя яблоки съ сада — эта тропинка жива, я знаю. Дорожка, по которой я носилъ въ поле отцу свѣженспеченныя пышки и калачи, — она не стерта, жива коса (пляжъ) съ бархатно нѣжнымъ пескомъ, гдѣ я купался въ чистой донской водѣ и удилъ рыбу. Жива и сама родная рѣка, спокойно сверкающая огнями при ослѣпительно яркомъ жгучемъ солнцѣ, или сердито рокочущая въ осенніе, бурные дни. Вотъ, тамъ бы я растопилъ свою тоску въ сладкихъ грезахъ о счастливомъ прошломъ. Тамъ, на этихъ тропинкахъ и дорожкахъ, на бугоркахъ и на берегу родного Дона воскресли бы вновь образы ушедшихъ изъ міра и согрѣли бы горячей лаской измученное сердце.

Я помню — во время моего дѣтства, у насъ въ хуторѣ появился дѣдъ Петряй — каторжаниномъ его назвали. Пятьдесятъ лѣтъ пробылъ онъ въ Сибири — на каторгѣ и на поселеніи. Пришелъ онъ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Родные его всѣ померли. Никто его не зналъ. Пришелъ — и черезъ недѣлю умеръ. И теперь я понимаю, почему Петряй, проживши большую часть жизни въ Сибири, дряхлымъ старикомъ, еле двигаясь, притащился умирать на Родину. Ему нужны были тоже родныя тропинки, ему также нужно было воскресить золотое прошлое, пережить еще разъ былые дни дѣтства и молодости, а затѣмъ лечь рядомъ съ милыми сердцу.

Помню также, былъ въ нашемъ хуторѣ черкесъ. Мальчикомъ его привезли съ Кавказа — плѣнникомъ. Помню я его сорока - пятидесятилѣтнимъ мужчиной. Высокій, худой, стройный, съ клинообразной бородой, въ длинномъ, на подобіе черкески, халатѣ и въ барашковой папахѣ. Съ мистическимъ уваженіемъ смотрѣли мы, дѣти, на эту стройную, тихо и плавно двигающуюся, точно скользящую по воздуху, фигуру. Видѣли его часто сидящимъ надъ обрывомъ Дона, но чаще всего за хуторомъ, на высокомъ курганѣ — сидитъ цѣлый день и смотритъ вдаль, на юго-востокъ, въ сторону Кавказа. Видѣлъ ли онъ въ сгрудившихся на горизонтѣ бѣло-розовыхъ облакахъ снѣговыя вершины родныхъ горъ, слышалъ ли въ степномъ нѣтрѣ звуки родного аула, угадывалъ ли въ тихомъ шелестѣ Дона ропотъ бурной горной рѣки?.. Теперь я знаю, какая трагедія жила въ душѣ этого живого мертвеца, этой тихо скользящей тѣни, сорокъ лѣтъ жившей обрывками картинъ и звуковъ, унесенныхъ дѣтской душой съ Родины.

Иные говорятъ: «Родина тамъ, гдѣ намъ хорошо». Можетъ быть, для тѣхъ, кто выросъ на заграничныхъ курортахъ или въ стѣнахъ городовъ, это и такъ; но для насъ, людей земли, вросшихъ всѣми корнями нашего существа въ родные степные просторы — это неправда.

Мѣсто, гдѣ я живу сейчасъ, очень красиво. Страна волнистая, съ мягкими очертаніями холмовъ. Нѣтъ ни голыхъ, холодныхъ скалъ, ни каменныхъ оорывовъ. Все зелено. Тучныя поля чередуются съ изумрудомъ лѣсовъ, которые то покрываютъ вершины холмовъ, то сползаютъ внизъ по пологимъ склонамъ.

Если перевести на бумагу или на полотно, при помощи фотографіи или кисти художника, нашъ родной пейзажъ и эту французскую природу, разница будетъ большая и не въ пользу нашей Родины. А все же я не промѣняю свою скромную природу на красочность французскихъ полей и лѣсовъ. Здѣсь мнѣ все чуждо; и чѣмъ я дольше живу, тѣмъ эта отчужденность становится отчетливѣй и опредѣленнѣй. Очевидно, каждое существо,

составляя частицу, кусочекъ той среды, гдѣ оно родилось и выросло, съ ней связывается неразрывно, неизживаемо.

Почему и движеніе вѣтерка, и шелестъ родного тополя, ропотъ родной рѣки, вся сумма родныхъ звуковъ и движенія, такъ намъ понятны, такъ насъ волнуютъ...

Но есть и другія причины. Природа хороша не только красками. Душа ея въ движеніи — это давно сказано.

Хорошъ лѣсъ у меня на фермѣ — густой и сочный. Сплошной стѣной напираетъ онъ со всѣхъ сторонъ и на каменныя стѣны двора. Хорошъ — да, но мертвъ. Стоятъ и не колышутся пышныя липы, густолиственные каштаны и застыли, какъ окаменѣлыя, изящныя, стройныя, похожія на готическія башенки, мертвыя изваянія темнозеленыхъ елей. И сегодня, и завтра, и черезъ годъ, и черезъ десять все то же молчаливое, сонное, какъ въ «Сказкѣ о Спящей Царевнѣ», спокойствіе

Нашъ лѣсъ рѣдокъ и бѣденъ породами: тополь, верба, вязъ, дикая яблоня — и это почти все. Но онъ весь въ движеніи, онъ — жизнь. И тихо, глядишь, въ воздухѣ, а, вотъ, на верхушкѣ тополя заговорили листья, другіе подхватили; и все дерево ожило, зашевелилось. За нимъ, сосѣдъ, другой, третій. За тополями серебристая верба закачала своими гибкими, тонкими вѣтками. И зашумѣлъ, зароптался весь лѣсъ. Крякнули утки, загудѣлъ водяной быкъ, тысячи пернатыхъ зазвенѣли на тысячи ладовъ. Жизнь ключемъ бьетъ. А если налетитъ гроза... Прикурнешь, бывало, къ стволу самаго густолиственнаго дерева. Буря безжалостно треплетъ кудрявую листву тополей, гнетъ до земли покорныя вербы. Стонетъ и трещитъ лѣсъ. Конецъ, думаешь, ему пришелъ. Пролилъ дождь, пронеслась туча. Освѣжился лѣсъ и снова, блестя на солнцѣ каплями дождя, спокойно заговорила листва, точно дѣлится тополь съ тополемъ впечатлѣніями о пронесшейся грозѣ.

А, вотъ, у меня на фермѣ не такъ. Часто и здѣсь бываютъ грозы. Сверкнетъ молнія, прогремитъ громъ, какъ предупредительный свистокъ паровоза или сирены на заводѣ. Надвинется туча, выльетъ положенную порцію воды на каштаны, елки и липы, проползетъ дальше, а мой лѣсъ, получившій очередную баню, стоитъ и не шелохнется, какъ каменныя стѣны фермы: только противная, никогда не высыхающая сырость усугубится.

За лѣсомъ, по широкимъ долинамъ, зеленѣютъ тучныя поля, сочныя многообѣщающія нивы. Стоятъ себѣ овсы, пшеница спокойно, не шевелясь, зажатые холмами и лѣсами, въ ожиданіи, когда придетъ и срѣжетъ ихъ коса — какъ обреченные.

Не то у насъ. Выйдешь въ поле — на десятки верстъ все видно. И вправо, и влѣво, и кругомъ хлѣба — море хлѣбовъ. И бѣгутъ по нимъ, какъ по морю, волны, бѣгутъ до горизонта, переливаясь то золотомъ, то изумрудомъ. Живетъ степь. Кругомъ стонъ стоитъ. Жаворонки звенятъ своими милыми, веселыми пѣсенками, бьетъ перепелъ, токуетъ стрепетъ, сухой трестъ кузнечиковъ рѣжетъ слухъ. Луни и коршуны, какъ привязанные къ невидимой ниткѣ, повисли въ горячемъ, сверкающемъ воздухѣ. А въ небѣ, высоко, распластавъ крылья, величаво паритъ и алчно клекочетъ степной орелъ. Да, степь живетъ и радостно поетъ гимнъ Творцу...

Въ трехъ километрахъ отъ меня, за лѣсомъ, среди широкой, зеленой долины, деревня — домовъ тридцать, построенныхъ изъ дикаго камня. Сѣрые, угрюмые ящики - берлоги. Ни одной черточки, которая бы веселила глазъ. Помните, у насъ — арки, карнизъ, пѣлыя кружева рѣзныхъ украшеній: и все раскрашено въ веселые, яркіе цвѣта. Даже послѣдняя мазанушка побѣлена и веселитъ глазъ разноцвѣтомъ ставенъ, дверей и приполокъ. Здѣсь сѣро и мертво. Ходятъ въ дворахъ, по улицѣ люди съ ведрами, вилами, запрягаютъ лошадей, но рѣдко увидишь, чтобы они остановились поговорить другъ съ другомъ. Нѣтъ бесѣдъ, нѣтъ карагодовъ, ни хороводовъ — ни въ праздникъ, ни въ будни. Встаютъ, ѣдятъ, тихонько выходятъ на работу, возвращаются въ свои каменные, мрачные склепы, ѣдятъ и спятъ. Ни пѣсни, ни музыки, ни свиста. Нѣтъ бьющаго черезъ край, сверкающаго веселья. Тихо и мертво. Живутъ, какъ тѣни. Появляются въ полѣ, какъ привидѣнія, и снова исчезаютъ.

Да, картина красива, но мертва, какъ тѣнь какого то другого міра, какъ олеографія, повѣшенная на стѣнѣ, какъ панорама, гдѣ хорошо посмотрѣть на дворцы, на соборы, но болѣзненно тяжело видѣть застывшимъ, окаменѣлымъ то, душу чего составляетъ движеніе: людей, деревья, поля, животныхъ и все прочее живое...

Мнѣ, ребенку, моя покойная матушка, когда я, бывало, огорчу ее чѣмъ-нибудь, не разъ разсказывала про мальчика, потерявшаго свою мать. Бродитъ бѣдняжка, ищетъ маму и горько-прегорько рыдаетъ.

— Что съ тобою, дѣтка? — спрашиваютъ сердобольныя женщины.

— Мамы нѣту, не знаю, гдѣ она.

— А, вонъ, идетъ — это не твоя мама?

— Нѣтъ, моя мама хорошая, красивая, а это — дурнуха.

— А, вотъ, еще идетъ — это не она?

— Нѣтъ, моя мама лучше, красивѣе.

Долго женщины искали съ мальчикомъ его маму. Наконецъ, мальчикъ увидѣлъ ее вдали и бросился къ ней съ радостнымъ крикомъ: «вотъ, моя мама, глядите, какая она красивая, лучше нѣтъ на свѣтѣ». А мама то была безобразная, рябая...

Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ... Рябая, можетъ быть, Родина - мать, накрасивая, а краше ея для меня нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Въ послѣднее время я сталъ часто видѣть во снѣ нашъ хуторокъ, гдѣ я провелъ свое дѣтство. Многооконный, свѣтленькій деревянный домикъ подъ соломенной крышей, два амбара, кухня, плетеные базы и длинные сарай, незагороженный дворъ, сливающійся съ зелено-

сѣрой полынной степью и съ садомъ, спускающимся въ балку. Все, какъ было когда-то — давно, давно; только на всемъ печать заброшенности, пустоты. Въ домѣ я, отецъ и мать — одѣтые такъ, какъ будто только что пріѣхали — и пріѣхали издалека. Лица матери и отца необыкновенно спокойныя. Нѣжная, ласковая улыбка тихой радостью мерцаетъ въ глазахъ и около рта. Мы планируемъ, какъ намъ расположиться и какъ жить. О прошломъ ни слова. Оно исчезло, какъ тяжелый кошмаръ, какъ пронесшаяся буря. И такъ радостно, такъ умиротворенно тепло и ясно на душѣ...

Говорятъ, такіе сны къ смерти. Я смерти не́ боюсь, но умирать здѣсь, на чужбинѣ, не хочу, не желаю. Не хочу, не хочу и не хочу...

Конечно, я уйду съ своей фермы. Властный голосъ шепчетъ: «иди», и я не въ силахъ ему противиться. И встану, и пойду куда-нибудь за океанъ — чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Буду гнаться за миражемъ до конца...

Но все же я рѣшилъ попробовать — найти себѣ компаньона, хотя знаю, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ.

На мое объявленіе посыпались письма. Одни просили пріютить ихъ на мѣсяцъ и дать возможность ознакомиться съ веденіемъ хозяйства. Другіе интересовались рѣкой и рыбой для уженія. Были и такіе, что хотѣли даромъ провести каникулы. Общее у всѣхъ одно — желаніе уйти изъ Парижа, перемѣнить жизнь — та же погоня за миражемъ. Пятьдесятъ процентовъ моихъ корреспондентовъ собственно ни къ какой деревенской жизни не пригодны, да и переписку они занимались отъ тоски, чтобы самихъ себя обмануть: вотъ-де мы ищемъ выхода, что то дѣлаемъ, пишемъ и... ждемъ чуда. Двадцать пять процентовъ смотрѣли на ферму, какъ на дачу, гдѣ они въ широкополой шляпѣ будутъ сидѣть подъ деревомъ, удить и позѣвывать, а кто будетъ копать огородъ, кормить кроликовъ, куръ и пр. — это вопросъ для нихъ второстепенный. Наконецъ, двадцать процентовъ — люди почтенные, серьезные. Эти подходятъ къ вопросу недовѣрчиво, подозрительно. И понятно — за скопленные тяжелымъ трудомъ, путемъ отказа себѣ въ необходимомъ, франки они держатся и зубами и руками. Народъ это солидный, пожилой, малоразговорчивый и устало-печальный.

Много и посѣтителей перебывало на фермѣ. Были и старые, и молодые, и преувеличенно веселые и развязные, и дѣловитые, и угрюмые. Но на всѣхъ одна печать, печать ушибленности жизнью, унадочности...

Конечно, компаньонъ у меня будетъ изъ послѣдней категоріи — почтенныхъ и угрюмыхъ. Но надолго ли? Я знаю хорошо, что въ началѣ нашей совмѣстной жизни мы будемъ предупредительно вѣжливы другъ съ другомъ. Но будемъ щупать глазами одинъ другого — что онъ и какъ? Каждый будетъ взвѣшивать работу другого — не ловчитъ ли? Подозрительно отнесемся къ каждому су расхода.

Тишина фермы, красота природы сначала захватятъ моего компаньона. А потомъ все это пріѣстся и, какъ засыпанный пепломъ огонекъ, тоска снова начнетъ разгораться въ душѣ моего сожителя, какъ неугасимо горитъ она въ моемъ сердцѣ. Надоѣстъ и ошеломляющая тишина вѣчно сырого лѣса, и козы, и куры, и кролики, и Діогенъ...

Въ долгіе дождливые осенніе и зимніе вечера въ каменныхъ склепахъ - комнатахъ, мрачныхъ и холодныхъ, тоска дойдетъ до предѣла. Мы осточертѣемъ другъ другу. И въ одинъ изъ сумрачныхъ дней по какому-нибудь, совершенно ничтожному, случаю «кувшинъ нашъ лопнетъ», и компаньонъ мой улетучится.

Итакъ, моя новая затѣя — это прелюдія къ моей заокеанской авантюрѣ...

Бывали у меня гости и больные, и трагическіе. Въ одинъ изъ ясныхъ и парныхъ іюльскихъ дней, около шести часовъ вечера, когда, уставшіе отъ возки сѣна, мы съ Діогеномъ «полдничали» — онъ на конюшнѣ, а я на кухнѣ — сначала пролаяла Журка, а потомъ у раскрытыхъ стеклянныхъ дверей появилась странная, потная фигура въ котелкѣ. На первый взглядъ меня удивило то, что у моего посѣтителя на плечѣ лежало два теплыхъ пальто, которыя свѣшивались низко назадъ, до самыхъ икръ.

Фигура прикоснулась пальцами къ котелку и отрекомендовалась:

— Докторъ философіи Косяковъ — я вамъ писалъ...

Я пригласилъ посѣтителя, и онъ сѣлъ къ столу, не снимая своей громоздкой ноши съ плеча. Маленькій ручной чемоданчикъ онъ поставилъ рядомъ со стуломъ.

— Я насчетъ фермы — хочу поселиться гдѣ-нибудь въ лѣсу, какъ вы. Я Вамъ писалъ, помните? — приступилъ сразу къ дѣлу Косяковъ.

— Помню. Не угодно ли чаю, да положите ваши пальто.

Мой гость положилъ свою ношу на кресло, стоявшее въ углу.

Косяковъ былъ средняго роста съ чрезвычайно блѣднымъ усталымъ лицомъ; одѣтъ въ довольно свѣжій темносиній въ полоску костюмъ. На спинѣ у него былъ горбъ, спереди тоже. Подъ пиджакомъ эти горбы странно передвигались, приближаясь то къ одному, то къ другому боку.

Когда онъ сѣлъ, я замѣтилъ, что одинъ изъ его почти новыхъ ботинковъ «просилъ канни» и своими острыми оскаленными гвоздями напоминалъ пасть какой то хищной рыбы — щуки, напримѣръ.

— Я, собственно, не вполнѣ докторъ философіи, — заговорилъ, послѣ нѣкотораго молчанія Косяковъ. — Я окончилъ Сорбонну по философскому факультету, остался только докторатъ, но это пустяки... Впрочемъ, это все ерунда, ни къ чему. Я рѣшилъ плюнуть на это и уйти на ферму. Дипломомъ я запасся для Россіи, а здѣсь это ни къ чему — все одно, нужно идти рабочимъ на фабрику.

Какъ и все въ этой необычной фигурѣ, взглядъ у моего гостя былъ тоже странный — остановившійся, при-

вязанный къ какой то одной, крѣпко засѣвшей въ мозгу мысли или какому то голосу изъ потусторонняго міра...

Накормивъ гостя гречневой кашей съ козьимъ молокомъ и съ неизбѣжнымъ чаемъ, я извинился, такъ какъ мнѣ нужно было заканчивать свой хозяйственный день, а «доктору» предложилъ или подождать меня въ столовой - кухнѣ или погулять и осмотрѣть ферму.

— Хорошо, я посижу немного, а потомъ посмотрю вашу ферму, — отвѣтилъ Косяковъ.

Во дворѣ я долго возился. Нужно было все свое населеніе накормить, устроить на ночь куръ, цыплятъ, подоить козъ, заправить молоко на сыръ и помочь козѣ разрѣшиться отъ бремени. Пришелъ я въ хату, когда уже густыя сумерки покрыли и лѣсъ и ферму. Гостя моего не было. Я зажегъ огонь, наладилъ плиту и сталъ готовить къ ужину яичницу. Въ это время появилась въ дверяхъ дважды-горбатая фигура Косякова.

— А хорошо у васъ тутъ — какая тишь и благодать, — умиленно произнесъ Косяковъ, сѣлъ къ столу, сталъ пощипывать свои маленькіе, подстриженные усики и задумался. Я приготовилъ чай, зажарилъ яичницу, а онъ все молчалъ и теребилъ свои усы.

Молча мы съѣли яичницу, и, когда начали пить чай, Косяковъ обратился ко мнѣ:

— Я все-таки прошу васъ помочь мнѣ найти въ этой мѣстности ферму и непремѣнно въ лѣсу.

— Что же вы будете дѣлать на фермѣ, вы когда-нибудь занимались сельскимъ хозяйствомъ?

— Ну, разведу кроликовъ, куръ... Мнѣ много не надо — лишь бы прокормиться. Я сейчасъ имѣю ежемѣсячно небольшую сумму. Долго ли я буду получать эти деньги, не знаю. Мнѣ и хотѣлось бы, пока я ихъ не лишился, наладить свое маленькое дѣло. Здоровье у меня, видите ли, плохое, — уныло продолжалъ Косяковъ, — но въ деревнѣ, я думаю, поправлюсь... Да, довели они меня — третій годъ преслѣдуютъ.

— Кто «они»?

— Да они... Большевики, масоны и др..

— За что же они васъ преслѣдуютъ?

— А имъ не нравится, что я успѣшно учился. Потомъ я не иду ни въ какую ихъ организацію и вообще я имъ очень мѣшаю.

— Въ чемъ же заключается это преслѣдованіе. Можетъ быть, вы ошибаетесь, вамъ только кажется?

— Кажется... Помилуйте, они третій годъ подсыпаютъ ядъ въ мою пищу. На каждомъ шагу они мнѣ мѣшаютъ, портятъ всякое мое дѣло. Ѣхать мнѣ надо — поѣздъ уходитъ раньше времени. Мнѣ нужно въ Марсель, а они везутъ меня въ Швейцарію. Ѣдучи къ вамъ, я проѣхалъ мимо станціи и долженъ былъ истратить двадцать франковъ, чтобы возвратиться назадъ.

«А-а, батенька мой, теперь я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло», подумалъ я и спросилъ Косякова:

— Ну, а какъ же вы хотите поселиться въ глухомъ лѣсу, — они васъ тамъ скорѣе прикончатъ?

— Ну, что же, тѣмъ лучше... Я смерти не боюсь... Да, я васъ очень прошу помочь мнѣ и именно найти ферму въ глухомъ лѣсу... подальше отъ людей, — съ дѣтскимъ упрямствомъ, настаивалъ Косяковъ.

— Что такъ, аль не любите людей?

— Любить... любовь... — Косяковъ заволновался и еще больше поблѣднѣлъ: въ усталыхъ глазахъ блеснулъ холодный, злой огонекъ, и онъ продолжалъ, повышая голосъ: — Любовь!.. Что такое любовь? — Ложь... Надѣюсь, Вы не о револьверной любви говорите?

— Что это за револьверная любовь, — искренне удивился я.

— Ну, та, о которой въ романахъ пишутъ и которую поэты воспѣваютъ, — любовь мужины и женщины. Я говорю — револьверная потому, что каждый день мы читаемъ во французскихъ газетахъ о револьверныхъ расправахъ возлюбленныхъ другъ съ другомъ. Меня, вѣдь, тоже все хотятъ женить и потому устраиваютъ всякія свиданія съ дѣвицами... И знаете, къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ эти сударыни? Подкрашены, подрумянены, ангельскій голосокъ, невинная улыбка, прыгающая походка... Ложь и гнусность — какъ на ярмаркѣ, когда цыгане мошенничаютъ лошадьми. Они, вѣдь, тоже подкрашиваютъ своихъ клячъ, надуваютъ имъ впадины надъ глазами, чтобы скрыть возрастъ, поддѣлываютъ тавро и настегиваютъ кнутомъ, чтобы придать жизни и бойкости... Ахъ, гнусъ, гнусность...

Косяковъ сплюнулъ и заерзалъ на стулѣ.

— Впрочемъ, вы не эту любовь разумѣете, — продолжалъ онъ раздраженно и саркастически улыбаясь. — Вы говорите о такъ называемомъ альтруизмѣ, объ евангельской любви — «возлюби ближняго, какъ самого себя». Но, вѣдь, это тоже ложь и обманъ. Римляне были честнѣе, когда говорили: «человѣкъ человѣку волкъ». Ближе были къ истинѣ и библейскіе евреи, узаконившіе принципъ: «око за око, зубъ за зубъ».

Если въ тѣ времена, когда на землѣ было просторнѣе и человѣческія отношенія проще, признавался этотъ законъ, то нынѣ въ нашихъ, до безконечности сложныхъ условіяхъ жизни нужно поставить себѣ основнымъ правиломъ: «за одно око десять око, за одинъ зубъ десять зубовъ»...

А то, любовь, любовь... Что такое любовь? — Ложь... Тѣ, кто создавалъ религіи и философскія системы, основанныя на любви и братствѣ, лгали и, я увѣренъ, лгали сознательно, ибо несомнѣнно — творцы этихъ системъ были люди умные, геніальные, и не-можетъ быть, чтобы они не понимали лжи, заключенной въ ихъ творепіяхъ. Какъ умные, ловкіе спекулянты, они знали, что на подобный товаръ есть всегда неограниченный спросъ, ибо

въ душѣ человѣческой вѣчно зіяетъ бездонная дыра отчаянія, рожденная проклятыми вопросами — что я? Каково мое начало и что со мною будетъ? Чтобы заполнить эту дыру, они выбрасываютъ на рынокъ умѣло выдуманныя сказки, забираютъ въ свои руки человѣческое стадо, становятся его вождями и властвуютъ надъ нимъ. Равно ложь и соціальныя и политическія доктрины, въ основу свою положившія тѣ же принципы любви и братства, ибо этихъ элементовъ въ человѣческой натурѣ нѣтъ.

Косяковъ помолчалъ, снова усмѣхнулся и продолжалъ:

— Есть, говорятъ, Высшее Существо, безконечно благостное и любвеобильное. И, вотъ, это Существо въ своей благости сотворило міръ и человѣчество и, очевидно, по благости безконечной, обрекло и человѣка, и звѣря, и насѣкомое, и растеніе на безконечныя страданія, ибо міръ есть страданіе отъ начала до конца. Но этого мало. Намъ говорятъ, что и тамъ, за гробомъ, насъ ждутъ вѣчныя муки. Хорошо любвеобиліе. И есть ли тутъ кусочекъ логики, здраваго смысла? А человѣчество вѣритъ...

Я тоже во все это вѣрилъ когда то, ибо меня такъ воспитали: но, вотъ, когда я носидѣлъ три года на фронтѣ въ окопахъ, продѣлалъ гражданскую войну, потерялъ моего замученнаго большевиками отца, разстрѣлянныхъ братьевъ, загаженную невѣсту, погибшихъ въ ссылкахъ родственниковъ, когда я увидѣлъ безконечныя, никому ненужныя страданія милліоновъ, созданныхъ любвеобильнымъ Существомъ, людей, — духъ мой возмутился...

Любовь, гуманность, братство — какой обманъ!.. Тринадцать лѣтъ на глазахъ человѣчества, такъ называемаго культурнаго человѣчества, въ Россіи творится сплошной, невѣроятный, небывалый ужасъ. Сто пятьдесятъ милліоновъ человѣческихъ существъ низведены на положеніе морскихъ свинокъ, на протяженіи одной шестой части земли создана кровавая, дьявольская лабораторія для сумасшедшихъ опытовъ. Людей тысячами, десятками тысячъ, сотнями тысячъ, разстрѣливаютъ, рѣжутъ, вѣшаютъ, пытаютъ, привязываютъ къ колесамъ пароходовъ, бросаютъ въ пропасти, жгутъ, прибиваютъ имъ гвоздями языки къ подбородку, сдираютъ кожу съ живыхъ. Палачи ищутъ — можетъ быть, мучительно, не досыпая ночей, какъ любой изобрѣтатель, изыскиваютъ новыя формы, новые способы, новые пріемы для мученій... Говорятъ, тридцать милліоновъ людей погибло въ большевицкой лабораторіи, т. е. больше, чѣмъ все населеніе многихъ государствъ, или три четверти населенія Франціи. Но опытъ продолжается, но кровь льется. Что же, культурное, братское человѣчество, воспитанное на началахъ любви, двинуло ли хоть пальцемъ во имя спасенія погибающихъ, загорѣлось ли священнымъ огнемъ негодованія? Нѣтъ, оно спокойно отвернулось, цинично заявивъ, что въ чужія внутреннія дѣла оно не вмѣшивается. Мало этого. Сотни тысячъ, а, можетъ быть, и милліоны людей вырываютъ изъ семействъ, гонятъ, какъ скотовъ, на сѣверъ, въ гиблыя мѣста и голодныхъ, раздѣтыхъ, больныхъ заставляютъ по четырнадцати часовъ работать подъ угрозой штыка въ невѣроятныхъ условіяхъ на лѣсныхъ рубкахъ въ болотахъ при полярномъ холодѣ, а лѣтомъ среди милліардовъ комаровъ, которые заѣдаютъ до смерти даже скотъ. При этомъ, помните, что люди раздѣты и голодны. Мрутъ, разумѣется, какъ мухи...

Мнѣ, между прочимъ, разсказывалъ одинъ человѣкъ, бѣжавшій изъ совѣтской живодерни, что на сѣверъ, въ Архангельскую губернію, зимою, въ самую стужу, привезли шесть тысячъ безпризорныхъ дѣтей, почти раздѣтыхъ. Ну-съ, помѣстили ихъ въ нетопленныхъ, съ выбитыми окнами, баракахъ. Дѣти расположились на полу въ три яруса. Утромъ верхній ярусъ оказался весь замерзшимъ, нижніе поморозили части тѣла, а средніе остались живыми и невредимыми. Разумѣется, въ ближайшіе дни всѣ шесть тысячъ, такимъ образомъ, были прикончены.

Весь міръ, конечно, знаетъ, что творится въ Россіи. И что же? Одни спокойно покупаютъ продукты адскаго труда, ибо на этихъ дешевыхъ продуктахъ можно нажить деньги, а на эти деньги, которыя есть кровь и страданіе милліоновъ умученныхъ людей, устроить себѣ пріятную, роскошную жизнь.

Другіе, члены всякихъ религіозныхъ обществъ, пишутъ душеспасительныя, сахарно - медовыя брошюрки на евангельскія темы и жалуются, что этихъ книжекъ большевики не пропускаютъ въ Россію.

«Будьте, какъ дѣти, чтобы войти въ царство небесное», говорятъ въ своихъ книжкахъ христіаннѣйшіе лэди и миссъ, лорды и сэры. Что же, они отогрѣютъ своими книжками этихъ замерзающихъ дѣтей, накормятъ, одѣнутъ, избавятъ отъ адскихъ мукъ? А такихъ обреченныхъ дѣтей десятки, сотни тысячъ, а можетъ быть, и милліоны въ Совѣтской Россіи. Совѣтскіе ужасы — и душеспасительныя книжки. Какое издѣвательство со стороны христіаннѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ народовъ, столь гордыхъ своей культурой!

Знаете, большевики еще не все исчерпали, они еще не додумались до конца, но я полагаю, что это еще будетъ, что они еще не такъ плюнутъ въ лицо человѣчеству. Я хочу сказать, что они еще используютъ и мертвыхъ. Почему бы имъ не сдирать съ умершихъ и убитыхъ, какъ съ скотовъ, кожу? Выдѣлывали бы ее на заводахъ и двинули бы новую промышленность. Перчатки, напримѣръ, изъ человѣческой кожи — изъ дѣтской подороже, изъ женской и мужской подешевле. Да и не одинъ перчатки — сумочки и многое другое можно было бы выдѣлывать. И съ какимъ никомъ дамы и мужины, эти лэди и миссъ, лорды и мистеры, члены религіозныхъ обществъ, носили бы, скажемъ, перчатки изъ кожи «мужикъ рюссъ», «буржуа рюссъ» или «пети рюссъ». Да, я думаю, большевики это используютъ, и это будетъ подходящѣе архангельскихъ лѣсовъ...

Но развѣ то, что дѣлается двѣнадцать лѣтъ въ Россіи, это — единичное явленіе въ исторіи человѣчества? Много ли вы найдете въ ней страницъ, на которыхъ можно было бы отдохнуть? Все — сплошная кровь и мука.

И страшнѣе всего, что милліоны, милліарды изъ начала вѣковъ мечутся по землѣ, душатъ, рѣжутъ, мучаютъ другъ друга, мучаются сами и вѣрятъ, что земнымъ адомъ не кончится, что тамъ, въ потустороннемъ мірѣ, муки въ сто кратъ тягчайшія будутъ продолжаться безконечно, во вѣки вѣковъ. Вѣрятъ также, что весь этотъ ужасъ творится по безконечной благости Вседержителя.

Когда я суммировалъ все это, когда собранный воедино вѣковѣчный ужасъ предсталъ во всей обнаженности передъ моимъ взоромъ, душа моя содрогнулась — и вся «ветошь» велетѣла вонъ...

Произнесъ послѣднія слова Косяковъ со злобой и страданіемъ, какъ будто вытаскивалъ изъ души какую-то глубоко засѣвшую занозу. Горячимъ блескомъ свѣтилось его, до этого тусклые глаза. Худое и землистое лицо вытянулось еще больше и еще больше поблѣднѣло. На лбу выступили капли пота. Косяковъ вынулъ платокъ, вытеръ потъ и снова началъ говорить, но уже въ тонѣ болѣе спокойномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко печальномъ:

— Я хотѣлъ изобразить ужасъ творимый въ Россіи и наговорилъ бездну страшныхъ словъ. А, между тѣмъ, отъ этихъ страшныхъ словъ никто въ мірѣ ни малѣйшаго страха не ощущаетъ. Вы понимаете, какая это трагедія? Вы чувствуете невѣроятный, апокалипсическій ужасъ творимыхъ злодѣяній, а изобразить его такъ, чтобы заставить міръ понять ваши переживанія, вы не въ силахъ. Такъ бываетъ во снѣ. Васъ душитъ кошмаръ, вы хотите позвать на помощь, крикнуть — и не можете: голоса нѣту. Вмѣсто крика, никому неслышный шопотъ...

Всѣ эти слова, которыми мы хотимъ изобразить творимый въ Россіи кошмаръ, ничтожны. Они не вмѣщаютъ въ себя, не покрываютъ того, что дѣлается тамъ. Слова эти созданы для опредѣленія злодѣйствъ болѣе мелкаго размаха. Для того чтобы дать понятіе о большевицкихъ злодѣяніяхъ, неслыханныхъ и невиданныхъ, нужны новыя слова — планетарныя, какъ планетарны и сами злодѣйства. Но человѣчество такихъ словъ еще не нашло. Въ этомъ глубина нашей трагедіи. Мы имѣемъ голосъ, мы можемъ говорить и въ то же время какъ бы нѣмы, ибо изобразить наши переживанія, описать творимыя злодѣйства, крикнуть такъ, чтобы весь міръ повялъ, наконецъ, нашъ ужасъ, мы не въ состояніи. Да-съ, въ этомъ нашъ кошмаръ...

— Только, вотъ, что я вамъ скажу, — помолчавъ съ минуту, тихо продолжалъ Косяковъ: — вы полагаете —большевикамъ легче, они счастливы на томъ кровавомъ пиру, который тринадцать лѣтъ творится въ Россіи? Не думаю. У нихъ своя трагедія и, можетъ быть, сильнѣйшая — трагедія пустоты. Да, у первыхъ, у вѣрующихъ, трагедія слѣпой вѣры, а у большевиковъ — трагедія пустоты.

Конечно, невѣрующіе люди бывали и прежде, но само ихъ невѣріе было нерѣшительнымъ и половинчатымъ. И только большевики этотъ вопросъ сумѣли поставить во весь ростъ, окончательно, безповоротно, жестоко. Только они имѣли мужество вплотную подойти къ безднѣ, заглянули въ нее и увидѣли, что ничего того, во что тысячелѣтіями вѣрило человѣчество, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Все пусто. Понимаете — пусто въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ. Пусто кругомъ — развѣ это не ужасъ? Умеръ — и провалился, умеръ — и получился нуль, ничто, какъ лопнувшій дождевой пузырь на лужѣ. Никакого слѣда, никакихъ надеждъ. Для чего тогда вся эта сложная машина, которую называютъ человѣкомъ, для чего обостренный, творческій умъ, страданія, радости, весь міръ переживаній, если кругомъ безнадежная пустота? Человѣкъ достигъ величайшихъ высотъ знанія — научился летать какъ птица по воздуху, плавать подъ водою, какъ рыба, передавать свою рѣчь съ быстротою мысли на тысячи километровъ... И вдругъ — нуль! Какъ не возпегодовать тутъ, не обозлиться на весь міръ, на себя, особенно на человѣчество за то, что оно вѣрило, вѣритъ и будетъ вѣрить въ... «пустое мѣсто», міромъ владѣющее, судьбами его управляющее. Отсюда презрѣніе и ненависть къ людямъ и напоръ на религію, на Церковь.

Кто подвергается самымъ жестокимъ гоненіямъ? Церковь. Къ ея служителямъ особенно безпощадны. Архіереевъ привязываютъ къ пароходнымъ колесамъ, священниковъ умучиваютъ. Храмы оскверняютъ. Надъ иконами издѣваются. Особо священныя для нѣрующихъ имена и понятія превращаются въ ругательныя слова...

Я увѣренъ, однако, что многіе изъ большевиковъ, особенную ревность проявляющіе въ дѣлѣ гоненія на религію, церковь, на Бога, на святыхъ, втайнѣ, гдѣ-то въ глубинѣ души, все же хотѣли бы, чтобы на ихъ гоненія получился бы «оттуда» какой либо отвѣтъ, они хотѣли бе чуда. Пусть отнимутся руки, ноги, языкъ, ослѣпнутъ глаза, пусть поразитъ молнія, пусть будутъ муки вѣчныя, но все же это лучше, чѣмъ пустота, пустота и пустота... Но «отвѣта» нѣтъ, и злоба растетъ, растутъ и мученія людскія... Разъ пусто, разъ со смертью все исчезнетъ, то пируй, заливай хоть кровью тоску. Разъ все нуль — нѣтъ и сдерживающихъ началъ, ибо передъ нулемъ не отвѣчаютъ за свои дѣянія...

Мораль? Пустой звукъ. Какой внутренній авторитетъ морали? Никакого. Человѣкъ ее создаетъ, онъ же ее каждую минуту можетъ отмѣнить и уничтожить. Это не религія, предписанія которой обязательны для вѣрующаго подъ страхомъ вѣчныхъ адскихъ мученій... Да, нужно признать, что большевики понесли неотразимый ударъ религіи. Они провоцировали Небо, Бога средствами страшными — и отвѣта не получили. Чуда не произошло, а религія держится только на вѣрѣ въ чудо...

Косяковъ пристально посмотрѣлъ на меня и недовѣрчиво спросилъ:

— Я васъ утомилъ своей рѣчью? Я, можетъ быть, злоупотребилъ вашимъ гостепріимствомъ? Извиняюсь сердечно, но говоря о любви, вы затронули мое больное мѣсто... Я сейчасъ кончу... Любовь — ложь. И всѣ мы лжемъ во имя любви. Во имя ея мы стараемся прослыть умными, добрыми, милыми.

Это мы то — самые хищные, самые злобные изъ звѣрей... «Люби ненавидящихъ тебя», «Подставь правую щеку, если тебя ударятъ въ лѣвую». Это естественно? Это, скажете вы, въ духѣ человѣческой звѣриной натуры? Нѣтъ, это чудовищная, вреднѣйшая ложь, размягчившая человѣческую натуру, убившая въ ней звѣриную энергію въ теченіе вѣковъ. И вотъ вамъ результаты: пришли люди, сумѣвшіе освободиться отъ этой лжи, и забрали насъ голыми руками.

Любовь — рабство. Если васъ любятъ, это накладываетъ на васъ обязательства. Вы уже не свободны. Вы не поступаете съ людьми такъ, какъ того требуютъ ваши личные интересы, ваше благо. Вы должны идти на уступки. Вы — рабъ.

Истинную свободу дать ненависть — чувство законнѣйшее, естественное, данное природой всему живущему. Жизнь — борьба за кусокъ хлѣба, за крупицу благополучія. А такъ какъ благъ то на землѣ количество ограниченное, то на каждый кусочекъ имѣется десятки ртовъ. Вотъ, и пожалуйте бриться. Какъ же я буду любить того, кто у меня изъ-подъ носа вырываетъ мое благо. Не ненависть — законнѣйшее, сильнѣйшее изъ чувствъ. Ненавидѣть жестоко, абсолютно — какое это наслажденіе, какая свобода дѣйствія. Къ сожалѣнію, я еще не дошелъ до этого. Я еще не могу пройти безъ чувства состраданія мимо плачущаго ребенка, убитой горемъ женщины. Вотъ, я и хотѣлъ бы поселиться одинъ въ глухомъ лѣсу. Тамъ я вычищу свою душу отъ всѣхъ остатковъ накопленной вѣками лжи и доведу мое чувство ненависти до бѣлаго каленія, до напряженности стальной пружины. И тогда я буду счастливъ и свободенъ, какъ богъ... или, скорѣе, какъ дьяволъ.

Глаза Косякова потухли. На его лицѣ вновь появилось чувство усталаго безразличія и черезъ минуту онъ вяло продолжалъ:

— А знаете, чѣмъ сильны большевики?

— Чѣмъ?

— Во-первыхъ, тѣмъ, что сумѣли въ себѣ воспитать чувство ненависти и презрѣнія къ людямъ, а самое главное — они ввушили народу жгучее, звѣриное чувство ненависти къ себѣ. А такое отношеніе къ вимъ людей въ свою очередь развязываетъ большевикамъ руки. «А-а, вы насъ жгуче ненавидите — чудесно. Къ стѣнкѣ! Тысячу, десять тысячъ, милліонъ — ха-ха-ха, и не все ли равно, — къ стѣнкѣ!» Въ этомъ ихъ сила. И почему нала такъ пошло и жалко царская власть. Она, видите ли, говялась за симпатіями, за любовью вѣрнолюбезнаго народа. Была труслива, какъ заяцъ, шкодлива, какъ кошка и весиособна къ рѣшительнымъ, жестокимъ мѣрамъ.

Косяковъ умолкъ, судорожно провелъ исхудалой рукой по головѣ и заковчилъ совершенно неожиданно:

— Вотъ, только, когда я выбросилъ вонъ всю эту религіозную ветошь, въ душѣ у меня стало пусто, невыносимо пусто, какъ будто я не живой человѣкъ, а мертвецъ, но я думаю — это пройдетъ. Когда вытанцишь изъ пальца глубоко засѣвшую занозу, онъ долго еще продолжаетъ болѣть; иногда гноится, нарываетъ, а потомъ заживаетъ.

Произнесъ эти слова мой гость неувѣреннымъ голосомъ, съ растерянной улыбкой. И въ блѣдномъ лицѣ и въ фигурѣ его было столько страдальческаго и дѣтски безпомощнаго, что мнѣ стало жалко его, какъ больного ребенка.

Было уже двѣнадцать часовъ. Въ открытыя двери смотрѣло темное и тяжелое молчаніе лѣса, по грязнымъ бѣлымъ стѣнамъ кухни ползли сонныя мухи. Безсвязная, сумбурная, больная и неожиданная рѣчь Косякова, его мертвенно блѣдное лицо съ полухмельми глазами и двигающіеся по худому, какъ скелетъ, тѣлу горбы меня, человѣка религіознаго, непріятно взволновали; и я пожалѣлъ, что оставилъ его у себя ночевать. Однако мы любезно распрощались и разошлись по своимъ комнатамъ.

На слѣдующій день мы съ Діогевомъ заняты были перевозкой сѣна, и я Косякова мало видѣлъ — только за утреннимъ кофе и за обѣдомъ. Онъ былъ неразговорчивъ, пощипывалъ усики и молчалъ.

Вечеромъ, придя готовить ужинъ, я засталъ Косякова за страннымъ туалетомъ. Онъ приподнялъ пиджакъ и запихивалъ обратно подъ жилетъ вылѣзавшія кипы различныхъ французскихъ газетъ. Кипы были довольно толстыя и шириной въ полъ-листа, такъ что подложенныя сзади и спереди, онѣ охватывали грудь, спину и бока.

«Вотъ они, эти двигающіеся горбы», подумалъ я и спросилъ:

— Что это у васъ — пропагандой занимаетесь?

— Нѣтъ, это знаете, потому, что я очень похудѣлъ, и все у меня спускается.

— Ну нѣтъ, я думаю — это у Васъ панцыри противъ покушеній со стороны вашихъ враговъ.

Косяковъ смутился и ничего не сказалъ — видимо, я угадалъ.

Вечеромъ мы не разговарнвали и скоро разошлись. Мнѣ нужно было рано встать, накормить и убрать своихъ животныхъ и съ автобусомъ ѣхать въ городъ. Косяковъ тоже уѣзжалъ.

Утромъ мы съ Косяковымъ на автобусъ, который останавливается въ деревнѣ, опоздали — онъ ушелъ передъ нашимъ носомъ. Когда я сталъ выражать досаду по поводу этой непріятности и сказалъ: — «пять минутъ раньше — и мы бы успѣли», Косяковъ, скептически улыбаясь, отвѣтилъ:

— Все одно — хоть бы на четверть часа раньше, и мы бы на автобусъ не попали. Все это дѣлаютъ «они» противъ меня. Я уже къ этому привыкъ и не удивляюсь.

Приходилось ждать до двѣнадцати часовъ. Я оставилъ своего гостя у мостика (мѣсто остановки автобусовъ) и пошелъ за корреспонденціей въ кабачокъ, куда ее

приносилъ для меня почтальонъ. Тамъ, между прочимъ, я получилъ письмо отъ одного моего знакомаго относительно Косякова. Мнѣ писали: «Къ вамъ поѣхалъ Косяковъ искать ферму — Богъ его знаетъ, какъ онъ узналъ вашъ адресъ. Онъ человѣкъ съ больными нервами. Примите всѣ мѣры, чтобы вернуть его обратно въ Парижъ».

Пріѣхавъ въ городъ, я оставилъ своего спутника въ паркѣ, а самъ пошелъ по своимъ дѣламъ. Между прочимъ, зашелъ въ жандармерію, объяснилъ исторію съ Косяковымъ и просилъ, чтобы съ нимъ, если что либо случится, поступили какъ можно снисходительнѣе, принявъ во вниманіе его болѣзненное состояніе. Мнѣ обѣщали.

Возвращаясь въ паркъ, вижу — около Косякова сидятъ французы, а онъ по адресу проходящей публики кричитъ:

— Attends, je viens tout à l'heure (подожди, я приду сейчасъ).

— Кому это вы кричите, это ваши знакомые? — спрашиваю я Косякова.

— Нѣтъ, такъ...

— Такъ зачѣмъ же вы кричите?

— Всѣ они мерзавцы, масоны...

Нѣтъ, ужъ, батенька, я васъ прошу — не дѣлайте скандала. Такъ нельзя. — накинулся я на своего спут-

— Attends, je viens tout à l'heure (подожди, я приду сейчасъ). — не унимался Косяковъ.

Дѣйствительно нужно было его спровадить въ Парижъ и какъ можно скорѣе. Я его взялъ и повелъ къ нотаріусамъ, чтобы доказать, что никакихъ фермъ въ аренду здѣсь найти нельзя. У нотаріусовъ Косяковъ въ этомъ убѣдился окончательно и рѣшилъ ѣхать въ Парижъ.

— Сначала я заѣду, — заявилъ мнѣ Косяковъ, въ городъ N: тамъ половлю рыбу.

— Чѣмъ же, у васъ нѣтъ никакихъ снастей?

— Ну, это пустяки, я устроюсь.

Такъ какъ времени до автобуса и поѣзда оставалось достаточно много, мы купили колбасы, хлѣба, помидоровъ и пошли въ паркъ подзакусить.

— Attends, je viens tout à l'heure, — раздается снова у меня за спиной.

Чортъ возьми, положеніе создается корявое — можно попасть въ непріятную исторію. Я вспылилъ и прикрикнулъ на Косякова:

— Замолчите — говорю вамъ, или я приму крутыя мѣры — это безобразіе!

Косяковъ притихъ. Мы просидѣли такъ, молча, съ часъ. Затѣмъ я попрощался и пошелъ садиться на автобусъ, который стоялъ тутъ же, около парка.

— Attends, je viens tout à l'heure, — раздается снова сзади глухой голосъ Косякова.

— Attends, je viens tout à l'heure, — слышу я еще разъ, уже сидя въ автобусѣ...

А. Бояриновъ

КАЗАКИ ГЕНУЭЗСКИХЪ КОЛОНІЙ

(Окончаніе)

Добычничество казаковъ на сушѣ регулировалось § 66-мъ книги I, трактовавшей по этому вопросу спеціально. Она гласила, что, въ случаѣ, если казаками будетъ взята у татаръ добыча на сушѣ, состоящая изъ какихъ бы то ни было вещей, воловъ или иного скота, то никто и думать не смѣетъ брать этой добычи или скота; наоборотъ, такая добыча должна быть неприкосновенною: и тѣ, кто ее добыли сами или перехватили, имѣютъ на нее полное право и г. консулъ долженъ такихъ казаковъ оргузіевъ *поддерживать*, давать имъ *помощь* и оказывать *покровительство*.

Вообще, добычничество тогда составляло законный способъ существованія и добыванія средствъ. Генуэзскій статутъ, кромѣ сухопутнаго добычничества, которое онъ не только признаетъ, но и поддерживаетъ, говоритъ еще и о морское, каперское*) снаряженіе галеръ, галіотовъ и фустъ, при соблюденіи опредѣленныхъ правилъ.

Въ то время, какъ въ пользу общины шла половина каперской добычи, сухопутная раздѣлялась слѣдующимъ образомъ: *четверть* шла *консулу*, а *остальная* дѣлилась *пополамъ между генуэзской общиной и казаками*, т. е. три восьмыхъ однимъ и три восьмыхъ другимъ.

Приблизительно такое же соотношеніе при дѣлежѣ добычи сохранялось и у нашихъ запорожскихъ казаковъ до послѣдняго времени, а у донскихъ во время войнъ Суворова на Кубанской линіи. Тамъ *четверть* шла на *атамана* или предводителя, *половина — на войско* (армію и церковь), а *остальная* часть дѣлилась между *участниками* захвата.

Ясно, что при такой долѣ участія генуэзцевъ въ казачьей добычѣ (5/8 ея), у нихъ былъ интересъ поддерживать промыселъ «казачьяго хлѣба».

Изучая службу и положеніе казаковъ въ генуэзскихъ колоніяхъ, мы не разъ встрѣчаемъ въ ихъ обычаяхъ, законахъ и порядкахъ много абсолютно общаго съ таковы-

*) Каперство — морское добычничество во время войны — практиковалось и въ великую войну 1914-1918 г.г.

ми же у нашего Вольнаго Казачества — какъ у себя дома, такъ и на службѣ въ другихъ государствахъ. Очевидно, это обычное право, создавшееся въ одинаковыхъ условіяхъ степовой жизни, было общимъ у всего казачества.

Возникало оно столѣтіями, зарождаясь среди степового люда и не только въ татарскія времена.

Обыкновенно изслѣдователи казачества, касаясь жизни такового въ XV ст. на побережьи Азовскаго моря, говорятъ о казакахъ, какъ о татарахъ.

Азовъ - Тана тоже былъ итальянской колоніей (то венеціанской, то генуэзской), и турки, при взятіи его, нашли тамъ *старыхъ казаковъ*.

Невольно возникаетъ вопросъ: что же это были за *казаки* въ Азовско - черноморскихъ итальянскихъ колоніяхъ? Трудно дать исчерпывающій отвѣтъ, но съ увѣренностью можно сказать, что они *не были татарами*.

Сидѣла Кафа на земляхъ, заарендованныхъ у Крымскаго хана, послѣ раззоренія ея въ 1308 г., но со временемъ пріобрѣла полную фактическую независимость. Уже тотъ фактъ, что сухопутная добыча казаковъ получается отбитіемъ ея у татаръ, говоритъ въ пользу того, что генуэзскіе казаки не были татарами; да и отношеніе генуэзцевъ къ татарамъ и фактическое положеніе татаръ въ генуэзскихъ колоніяхъ было весьма и весьма неважнымъ. Кафа нѣсколько разъ вела успѣшныя войны съ ханомъ и, добившись независимости отъ него, сохраняла все время непріязненныя отношенія къ татарамъ.

Глава 17-я Статута говоритъ: «Принимая во вниманіе, что отъ братскаго пріятельства и связей гражданъ Кафы или части ихъ съ ханомъ Крымскимъ или его подданными и вассалами возникаютъ большіе убытки и ущербъ для г. Кафы и Генуэзской общины, въ особенности потому, что обыватели, получая отъ хана и его подданныхъ подарки, выдаютъ потомъ всякіе секреты, — постановляемъ, опредѣляемъ и подтверждаемъ, чтобы никто изъ обывателей обоего пола, какого бы они ни были званія, не смѣли въ дальнѣйшемъ ни сами, ни черезъ кого - либо иного брать подарковъ. А ни принимать татарина въ домѣ, а ни давать ему помѣщенія въ гостинницѣ, подъ угрозой штрафа отъ 25 до 100 соммовъ*). Половина штрафа принадлежитъ доносчику, имя котораго сохраняется въ секретѣ, а другая половина и подарокъ принадлежатъ общинѣ».

Въ другой главѣ Статута воспрещалось даже говорить съ послами татаръ въ городѣ и за городомъ до тѣхъ поръ, пока они не побывали у консула.

При такомъ отношеніи къ татарамъ со стороны генуэзцевъ, ясно, что они не могли принять на службу казаковъ татарскаго происхожденія, къ тому же еще и магометанъ по религіи.

*) Соммъ — монетная единица. Также и у Донцовъ XIV вѣка равнялась по вѣсу 5 съ пол. унціямъ чистаго серебра — 100 аспрамъ.

Не могли быть казаками и другіе *инородцы мусульманскаго вѣроисповѣданія* уже по одному тому, что всѣмъ мусульманомъ вообще было воспрещено ношеніе оружія въ предѣлахъ генуэзскихъ колоній. Даже постоянные обыватели г. Кафы — мусульмане «сарацины» (арабы и другіе мусульмане) — не имѣли этого права. Статутъ прямо говоритъ о сарацинахъ, «которыхъ много живетъ въ Кафѣ любя ее».... что они — въ большей части, наивеличайшіе непріятели христіанской вѣры — не смѣли и думать впредь имѣть какое-либо оружіе для нападенія или обороны»... Другой же параграфъ гласилъ, что «турки и иные сарацины, которые пріѣзжаютъ моремъ, не имѣютъ права выгружать какое - либо оружіе и даже выходить съ нимъ на берегъ».

Однимъ словомъ, только христіане имѣли право ношенія оружія и пользованія всѣми правами гражданства. Сомнительно, чтобы обыватели Кафы, евреи, пользовались полными правами, т. к. то было время воинствующаго католицизма. Кафинскіе епископы — католики — не разъ дѣлали попытки ввести ограниченія для инославныхъ христіанъ, но встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны Генуэзскаго правительства, для котораго торговые интересы и миръ обывательства были дороже догматическихъ разногласій.

Неполноправные граждане генуэзскихъ колоній Черноморско - азовскаго побережья и Кубанскихъ земель носили названіе «каплюковъ», которые управлялись по правиламъ «устава хозарскаго» и судились своимъ тудуномъ. При желаніи они легко могли пріобрѣсти полноправное гражданство генуэзской колоніи. Согласно главы 72-й Статута, «обыватели Кафы, которые со своими семьями прожили одинъ годъ въ городѣ или въ предмѣстьяхъ, должны считаться генуэзцами, а не капюками и судить ихъ обязанъ консулъ, а не «тудунъ». Ранѣе мы видѣли, что казаки не могли быть обывателями г. Кафы, но, конечно, имъ не возбранялось, по окончаніи своей годичной службы, осѣдать въ Кафѣ, обзаводиться семьями и пріобрѣтать генуэзское гражданство. Такимъ образомъ, выходитъ, что *казаки - оргузіи не могли быть ни татарами, ни мусульманами, ни генуэзцами, а были только христіанами, людьми вольными*, совершенно *ни отъ кого независимыми*, даже *ни чьими-либо слугами* — существенныя качества и нашего вольнаго казачества. *Служба* ихъ была *добровольною* — главнымъ образомъ — *охраною и конвойною*. *Добычничество* было узаконеннымъ способомъ ихъ существованія и наживы. Все это характерныя черты, присущія нашему Вольному Казачеству и у себя дома и на службѣ во внѣ.

Но есть и еще одно обстоятельство, указывающее на сильное вліяніе славянскихъ традицій въ дѣлѣ празднованія генуэзцами дня св. Ивана. Въ Войскѣ Запорожскомъ день св. Ивана 24 іюня игралъ значительную роль. Въ Новой сѣчи на этотъ день съѣзжалось казачество въ сѣчь и производились лѣтніе выборы старшины. Вообще же въ пережиткахъ правъ и обычаевъ нашего Вольнаго Казачества мы находимъ очень много общихъ чертъ, которыя приписываются казачеству татарскому,

но которыя мы встрѣчаемъ и у казачества на службѣ въ Генуѣ.

Въ день св. Ивана въ генуэзскихъ колоніяхъ казакамъ подносилось угощеніе, въ городѣ производилась иллюминація, жгли костры и смоляныя бочки.

Святой Іоаннъ Предтеча пользовался большимъ уваженіемъ у казаковъ донскихъ и запорожскихъ. У донцовъ, въ ихъ отпискахъ и грамотахъ временъ самостоятельнаго существованія Войска, св. Іоаннъ часто фигурируетъ, какъ одинъ изъ патроновъ Войска. Донцы часто призываютъ «напомнить престолъ Предотечевъ и постоять за него», а престолъ находился въ церкви св. Іоанна въ Азовѣ, откуда донцы вынезли главную свою войсковую святыню — образъ святителя, съ датой 683 года. Образъ этотъ еще въ XVIII ст. находился въ ихъ главномъ городкѣ Черкасскомъ. На Дону же прежде, съ молодыми казачатами, при достиженіи ими трехлѣтняго возраста, производился обрядъ посаженія на коня: подстригался чубъ по казачьи, отецъ сажалъ сына на коня, опоясывалъ его саблей, а потомъ отправлялись съ кумовьями и родственниками служить молебенъ св. Іоанну, послѣ чего происходило пиршество.

Генуэзцы и венеціанцы близко сталкивались съ казачествомъ на черноморскомъ побережьи.

Азовъ — нѣдь, это венеціанская Тана. Черезъ него ѣздили на Донъ и по Дону къ Москвѣ не только суражскіе купцы (Сурожъ — Судакъ — Сугдея) изъ генуэзцевъ и венеціанъ, а и отважные добычники, ходившіе, равно какъ и казаки, черезъ Иловлинскую переволоку, на Волгу и Каспій.

Это былъ путь не только добычниковъ, но и купцовъ того времени.

Торговые пути изъ Крыма на западъ въ Европу, пролегали черезъ Запорожскія земли. Исконная казачья переправа на торговомъ шляху, черезъ Днѣпръ у острова Тавани, извѣстна еще во времена вел. кн. Литовскаго Витовта, современника Дмитрія Донского. Уже тогда на переправѣ стояла таможня и собирались платежи и пошлины.

На лѣвомъ берегу Днѣпра, недалеко отъ одной изъ Сѣчей запорожскихъ, былъ богатый генуэзскій городъ Бѣлозерка: онъ былъ разрушенъ Мамаемъ въ 1380 году. И владѣтельница Бѣлозерская переселилась на днѣпровское правобережье.

Генуэзцы вербовали себѣ воиновъ на Днѣпрѣ. И въ годъ паденія гор. Кафы, ея епископъ былъ какъ разъ въ Кіевѣ, съ просьбой о военной помощи противъ турокъ. Казаки донскіе и запорожскіе были очень близки къ генуэзцамъ.

Возникаетъ интересный вопросъ о народности генуэзскихъ казаковъ — вопросъ, на который отвѣтить весьма трудно. Они могли быть и изъ горскаго населенія Предкавказья и Кубани: — черкасовъ, которые въ тѣ времена были христіанами: могли они быть и изъ *бродячаго вольнаго русскаго элемента* черноморско - азовскихъ степей, который, внѣ всякаго сомнѣнія, оставался тамъ и во времена татарскаго господства; могли быть и изъ *казачества Болоховскаго*, сосѣдившаго на западѣ съ правобережнымъ Запорожьемъ: могли они быть и *потомками* бывшаго обывательства *древне - русскаго княжества Тмутараканскаго*, главный городъ котораго находился на Таманн; могли быть и *донскими эмигрантами изъ бродниковъ — Руси степовой*, которая подъ напоромъ полчищъ Тамерлана и Тахтамыша, въ концѣ XIV ст. подалась съ Дона и Гребней на Яикъ, Кавказъ, въ Малую Кабарду и на московскія земли.

Слѣдуетъ еще указать и на то обстоятельство, что въ статутѣ г. Кафы 1316 года упоминаются православныя русскія церкви — «Россорум», что указываетъ на присутствіе въ Кафѣ значительнаго числа украинско или южно - русской людности, ибо у европейцевъ Московія, еще нѣсколько столѣтій послѣ этого года, не носила названія Руси, *имя же Русь* было *присвоено* исключительно Украинѣ, а отчасти и *бродникамъ* южныхъ степей. Да и въ 1316 г. Москва и связанныя съ нею княжества не имѣли еще абсолютно никакого политическаго и торговаго значенія, т. к. едва начинали оправляться отъ частныхъ татарскихъ разгромовъ XIII-го вѣка.

Непрерывная связь нашего Донского казачества съ черкасами, а Запорожскаго — съ хозарами и черкасами была занечатлѣна въ многочисленныхъ староказачьихъ лѣтописяхъ, преданіяхъ, повѣствованіяхъ, въ легендахъ, о ихъ происхожденіи, и даже въ самой Запорожской (первой казачьей) конституціи 1710-го года. Можетъ это были однѣ только легенды и заблужденія, не основанныя ни на чемъ иномъ, кромѣ какъ на созвучіяхъ словъ «казакъ», «черкесъ» и желаніяхъ отдѣлить себя отъ массы русскаго народа, но, во всякомъ случаѣ, еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія эти убѣжденія были тверды въ Донскомъ и Запорожскомъ казачествахъ.

Для насъ характерна и хозарская традиція генуэзцевъ, связывавшая имя бывшей хозарской имперіи съ занятыми ими территоріями азовско - черноморскаго побережья, а населеніе ея — съ хозарскими законами. Весьма возможно, что и это обстоятельство — *преемственность хозарской традиціи у генуэзцевъ, перенесено было въ наше Вольное Запорожское Казачество* отъ нихъ же. Оно тѣмъ болѣе могло имѣть мѣсто, что мы имѣемъ прямыя указанія на то, что граждане и правительственныя лица генуэзскій колоній, въ своихъ путешествіяхъ по торговымъ и служебнымъ дѣламъ въ Галицію и Центральную Европу, проѣзжали не только по территоріямъ *Запорожскимъ и Болоховскимъ*, но и вербовали тамъ изъ мѣстной вольницы охотниковъ на генуэзскую службу для борьбы съ турками.

Мы уже указывали на связь слова оргузіи съ узами — торками и берендеями (Черными Клобуками), растворившимися въ окраинномъ населеніи украинскихъ земель, на которыхъ появилось и запорожское казачество.

Въ генуэзскі времена, въ XIV - XV в., никакихъ узовъ узовъ, равно какъ и хозаръ, уже не существовало, но историческая традиція могла быть еще свѣжей и легко могла быть переносима на тогдашнее казачество; такимъ образомъ подъ категорію «казаковъ - оргузіевъ» могли быть одинаково подводимы и «казаки - черкасы», жители Днѣпра и Кубанско - кавказскаго предгорья и

Русь степовая, кровно связанная съ черно - клобуковою и черкасскою людностью. Тѣмъ болѣе, что уже донцамъ конца XIV ст., въ преданіяхъ, связанныхъ съ Куликовской битвой 1380-го года, приписывалось имя казачье.

Можно почти навѣрняка сказать, что и на генуэзской службѣ въ XIV ст. уже существовали казаки, ибо Статутъ 1448 года началъ составляться съ 1413 г., въ дополненіе и измѣненіе цѣлаго ряда частныхъ Статутовъ, которыхъ было много издано между 1311 - 1413 годами. Къ тому же Статутъ 1448-го года не есть цѣликомъ полный: онъ производитъ впечатлѣніе развивающаго и закрѣпляющаго нѣкоторыя узаконенія болѣе ранняго характера — въ частности въ раздѣлѣ, касающемся службы казаковъ и ихъ видовъ довольствія. Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, по Статутъ генуэзскихъ колоній азовско - черноморскаго побережья проливаетъ свѣтъ на положеніе Вольнаго Казачества въ первой половинѣ XV-го в., когда о немъ еще ничего не было слышно въ древне-русскихъ лѣтописныхъ и иныхъ документахъ. Въ исторіи Вольнаго Казачества много есть такихъ выпавшихъ звеньевъ, которыя только съ большимъ трудомъ, по вездѣ и всюду разбросаннымъ осколкамъ, можно возстановить.

Россійская исторія не занималась этими вопросами: она тенденціозно производила Вольное Казачество отъ бѣглыхъ изъ московскихъ и литовско-польскихъ предѣловъ и умалчивала о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчили ея построеніямъ. Намъ уже удалось*) освѣтить жизнь казачьихъ предковъ на Дону отъ времени упадка Тмутараканскаго княженія.

Теперь мы попляемъ вольно - казачье звено XV-го вѣка, начиная съ первой его половины, въ сосѣднихъ съ Допомъ южныхъ предѣлахъ. Передъ нами будетъ еще трудная задача освѣтить забытое исторіей *Болоховское Вольное Казачество*, о которомъ уже знаемъ съ половины XIII-го в., и которое, подъ именемъ *казаковъ болоховскихъ*, упоминается *запорожцами* въ половинѣ XVII-го столѣтія: *Гребенское — какъ эмиграцію* съ Дона въ концѣ XIV-го в. на Кавказъ и казачество *Великаго Войска Кубанскаго, занимавшее территорію б. Кубанско-генуэзскихъ колоній и теперешняго Кубанскаго Черноморья, въ XVII-XVIII вѣкахъ*. Только тогда наше Казачество получитъ полную картину былого его славныхъ предковъ и предшественниковъ, когда оно ясно уяснитъ себѣ эволюцію казачьихъ историческихъ событій въ далекомъ прошломъ. Уяснитъ, осознаетъ себя и пойметъ, что оно есть исконнее на своихъ родовыхъ территоріяхъ, исконнее и суверенное.

Д-ръ С. Федоровъ

*) Въ предыдущихъ работахъ.

ТРИ БРАТА

СКАЗКА

I

Есть курганъ въ степи широкой
Возлѣ Дона голубого,
На своемъ вѣку немаломъ
Видовъ видывалъ онъ много.
То, чему онъ былъ свидѣтель,
Разскажу своимъ внучатамъ:
Подрастутъ они, разскажутъ
Сказку юнымъ казачатамъ.
И пойдетъ она отъ дѣда
Къ внукамъ, правнукамъ и далѣ,
И запомнятъ наши дѣти
То, что мы въ степяхъ слыхали.
... ...
Эхъ, давненько это было
(Сдалека зайду, съ начала).
Въ этотъ годъ травою буйвой
Степь пышнѣе заростала, —
Широка была, привольна,
Безъ ложбинки, безъ кургана.
И пришли, и жить въ ней стали
Три татарскихъ сильныхъ хана.
Жили тихо, жили мирно,
Далѣ — болѣ, шире — далѣ.
Только разъ они случайно
Вѣсть такую услыхали:
«Никому не знать откуда,
(Съ вешнимъ снѣгомъ что-ль родились?)
Только слышно — въ степи вольной
Трое братьевъ появились.
Трое сильныхъ, гордыхъ, смѣлыхъ.
Ихъ сердца — три слитка стали.»
И хозяева степные
Казаками — ихъ прозвали.

II

Не шумитъ трава степная,
Не гудитъ стрѣла на волѣ. —
У татаръ идетъ смятенье,
Плачь и горе въ Дикомъ Полѣ.
Въ Дикомъ Полѣ — плачь и горе:
Мутенъ Донъ потекъ весною;
Городки растутъ по степи;
Казаки идутъ войною...
Казаки пошли войною,
Но полки ихъ — невелики.

Скаутъ имъ навстрѣчу орды
Многочисленны и дики.
И у Дона Голубого.
Гдѣ ковыль доросъ до тины,
Въ схваткѣ страшной, жаркой сѣчѣ
Сшиблись вольныя дружины.
Бьются... Топотъ. Гики. Стоны.
Лязгъ, удары раздаются...
Казаки татаръ сшибаютъ,
Казаки могуче бьются...

... ...
Солнце къ степи клонитъ взоры.
Солнце тихо засыпаетъ,
Казаки татаръ разбили.
Ночь бѣгущихъ покрываетъ...
... ...
Сослужили службы кони.
Степь татарами покрыта.
Слава тѣмъ, кто былъ сильнѣе,
Намять вѣчная убитымъ.

III

Такъ-то, дѣтки, такъ-то, внучки.
Въ ясномъ небѣ — воронъ рѣетъ,
Въ синемъ морѣ — чайка плачетъ,
Въ степи вольной — кровь алѣетъ,
Въ полѣ чистомъ кони скачутъ.
Казаки татаръ разбили.
Но... къ закату страшной битвы
Старшій братъ, красавецъ В о л я,
Палъ, стрѣлою пораженный —
Знать, его такая доля.
У татаръ полки въ смятеньи
Бьютъ ихъ слѣва, съ тылу, справа...
Палъ мечомъ сраженный въ темя
Средній братъ, могучій — С л а в а.
И... когда враги бѣжали.
Множа нехристей могилы,
Былъ убитъ ударомъ въ спину
Самый младшій, юный — С и л а.
... ...
Удалялся шумъ бѣгущихъ...
Надъ разбитою ордою
Сабли молніей сверкали.
Надъ убитыми, что тѣни,
Кони вѣрные стояли.
... ...
Гей вы, кони, кони - други.
Пѣсню вамъ спою особо.
Вы одни друзьями были
Отъ купели и до гроба.
Вы одни друзьями были
И мы твердо это знали,
Но, къ бѣдѣ своей великой,
Мы и васъ порастеряли.
Гей, вы, кони, сердце ноетъ.
Много горя мы видали...
Эхъ, вернуся къ сказкѣ снова
(Внуки слушать перестали).
... ...
Такъ-то, милые дѣтишки...
Гдѣ, бишь, вы мнѣ перебили.
Да, такъ, Слава, Сила, Воля
Въ схваткѣ той убиты были...
Говорить совсѣмъ не буду,
Какъ ихъ войскомъ хоронили,
Какъ курганъ надъ ними выросъ,
И въ курганѣ ихъ зарыли...
... ...
Ну, на нынче, видно, хватитъ,
Нѣтъ у дѣда больше силы...

IV

Да, такъ вотъ, вчера немного
Уморился я, ребята.
Гдѣ-же старому тягаться
Съ молодыми? Пострѣлята,
Все веселую хотите.
У меня веселыхъ нѣту.
Коль угодно слушать дѣда,
Такъ извольте слушать эту...
... ...
Ну, и такъ, похоронили
Казаки своихъ убитыхъ
И, какъ водится донынѣ,
По убитымъ вкругъ кургана
Поминанье совершили.
На поминкахъ много нѣли
Да и выпили немало.
И, вотъ тутъ то степь въ испугѣ
Злыя рѣчи услыхала:
«Что намъ Воля, Сила, Слава?
Черезъ нихъ погибло много.
Коль татары ихъ побили.
Такъ туда имъ и дорога.
Все они куда-то звали.
Все бы имъ съ врагами биться.
Нѣтъ, довольно воевали —
Будемъ съ ханами мириться!»
Мутенъ Донъ. По небу тучи.
Вѣтеръ воетъ. Буря злится.
Ханы вѣрятъ и не вѣрятъ

— Казаки пришли мириться!..
Казаки пришли съ повинной,
Чубъ предъ ханами склонили.
О мечтѣ убитыхъ братьевъ
Казаки не говорили.
«Животы свои намъ жалко.
Что намъ Слава, Сила, Воля?
Коли вы ихъ перебили.
Не хотимъ и мы ихъ болѣ.»
И вернулися отъ хановъ
Въ станъ разбитый у кургана,
И уснули. Да не спали
Три татарскихъ грозныхъ хана.

V

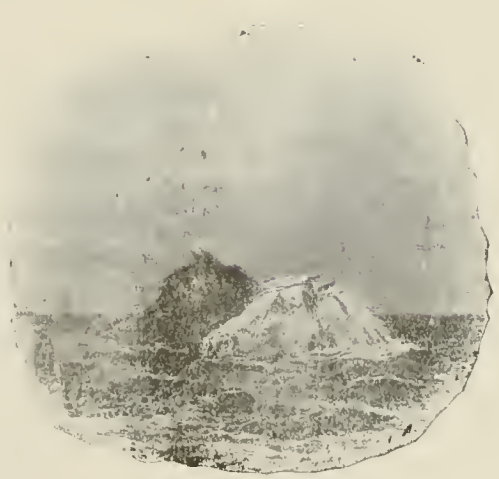
Ночь безъ звѣздочки единой
Степь широкую покрыла.
Спятъ похмѣльные съ поминокъ.

Спитъ безмолвная могила.
Что тамъ?
Будто шорохъ слышенъ...
Не въ шеломѣ-ль мышь мостится?
Будто шагъ несмѣтной рати...
Буря-ль гдѣ-то лѣсомъ мчится?..
Нѣтъ, не буря... нѣтъ... не вѣтеръ,
Ги-э-гей!.. теперь пропали.
Ханы — лисами подкрались.
Ханы — волками напали.
... ...
И когда съ побѣдой полной
Ханы въ степь ушли зарею.
Въ Донъ унали рѣки крови, —
Сталъ онъ Красною рѣкою.
... ...
Гей, ковыль, трава степная,
Ты расти все вверхъ да прямо,
Призакрой тѣла казачьи
Отъ воронъ и злого срама.
Гей, ты, вѣтеръ въ полѣ чистомъ,
Поднимися темной тучей,
Позасыпь тѣла убитыхъ
Ты пескомъ донскимъ сыпучимъ.
Гей, ты, Донъ — отецъ родимый,
Обойди ты степь - могилу,
Затяни ее песками,
Погреби подъ мягкимъ иломъ.
... ...
Такъ-то, дѣтки, такъ-то, внучки,
Такъ-то вѣрить разнымъ ханамъ.
Имена ихъ вамъ, ребятки,
Не скажу я — знать вамъ рано...
... ...
И съ тѣхъ поръ, весною ранней,
Въ тотъ же день, передъ зарею,
Войско проситъ мертвыхъ братьевъ
Снова въ степь итти войною.
Но...
Лежатъ они въ могилѣ.
Нѣту больше въ чистомъ полѣ,
Кто-бъ мечталъ о Славѣ, Силѣ,
Кто служилъ бы вольной Волѣ.

П. Поляковъ

Бѣлградъ
1929

Замѣтки по исторіи Украинскаго казачества

Крѣпкій, осадистый, точно вросшій въ землю, упорный и настойчивый, суровый на видъ и обильно сдобренный неисчерпаемымъ и здоровымъ юморомъ, нѣвунъ — Божьей милостью, создавшій наилучшій и богатѣйшій въ мірѣ эпосъ — чудесную пѣсню и неподражаемую сказку, несокрушимый въ борьбѣ и работѣ и неудержимый въ весельи, когда онъ бѣшено несется въ своемъ національномъ огневомъ танцѣ, гопакѣ — таковъ украинецъ. Таковымъ его создала суровая безжалостная исторія и чудесная природа его Родины.

Красочна, но печальна глубоко волнующая судьба украинскаго народа — особенно его подѣпровской части, а главнымъ образомъ — его казачества, явившагося въ XV, XVI и XVII вѣкахъ наслѣдникомъ славы великокняжеской Кіевщины.

Едва-ли хоть одна страна въ мірѣ пережила столько бурь, столько кровавыхъ страницъ, столько драматическихъ паденій, героическихъ подъемовъ, новыхъ паденій, новыхъ воскресеній, — сколько ихъ вписала въ свою исторію центральная часть Украины — Кіевщина, со своимъ казачествомъ.

Природа щедро наградила Украину своими дарами. Умѣренный, здоровый, ласковый климатъ, богатѣйшій, плодороднѣйшій въ мірѣ черноземъ, многоводныя, судоходныя рѣки, море, связывающее съ другими государствами, трудолюбивый, мужественный народъ... «Край, гдѣ все обильемъ дышетъ». Чудесная страна, такъ дивно воспѣтая поэтомъ:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
И пышны гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.

Налицо всѣ данныя для процвѣтанія, для созданія мощной государственности, богатой, привольной и счастливой жизни.

Но исторія судила иначе.

Послѣ краткаго періода блестящей кіевской государственности, когда великіе князья съ ихъ дружинами потрясали стѣнами Царьграда, проникали въ далекія юго - восточныя степи Хозарскаго царства, громили печенѣговъ и половцевъ, когда ихъ слава гремѣла по всѣмъ странамъ Европы, а европейскіе государи считали честью родниться съ ними, — въ XIII вѣкѣ, подъ ударами татаръ, царство украинцевъ - поляпъ, Кіевъ, сходитъ со сцены. Исторія его точно проваливается, о немъ забываютъ. Судьба его соединяется съ судьбою Литовскаго, а затѣмъ и Польскаго государствъ и растворяется въ ихъ исторіи.

Въ XVI вѣкѣ Кіевщина снова появляется на исторической сценѣ въ оригинальномъ, нигдѣ въ мірѣ, кромѣ юго - востока Европы, не повторенномъ видѣ — въ образѣ казачества, этого своеобразнаго рыцарскаго ордена — сермяжнаго, чисто народнаго ордена чести и свободы. Украинское казачество, во главѣ съ его сердцевиной, Запорожьемъ, являющимся совершеннѣйшимъ воплощеніемъ идеи казачьей вольности, — на протяженіи двухъ вѣковъ ведетъ героическую борьбу за свою свободу и честь противъ четырехъ могущественныхъ противниковъ, скорѣе даже враговъ: Польши, Москвы, Турокъ и Крыма.

Пролито море крови и слезъ. Трудно представить себѣ сумму страданій, какую вынесъ за то время дѣйствительно многострадальный и глубоко героическій Казацко - украинскій народъ. Польской шляхтой православныя церкви отдавались въ аренду евреямъ. Для потѣхи ксендзы и помѣщики запрягали въ экипажи украинскихъ людей. Гнетъ и издѣвательство доведены были до предѣловъ современнаго московскаго большевизма.

Возставало казачество за родной народъ, воздавало сторицей угнетателямъ, снова падало подъ давленіемъ неравныхъ силъ. Снова рѣки крови заливали тучныя и плодородныя степи Богомъ благословенной, но людьми искалѣченной страны. Поляки сдирали кожи съ вождей, четвертовали, сажали на колъ...

Высочайшаго напряженія борьба за право жить по своему укладу на Украинѣ достигаетъ въ половинѣ XVII вѣка, въ героическія времена Богдана Хмѣльницкаго, лучшаго и талантливѣйшаго изъ сыновъ казачества.

Рядъ блестящихъ, головокружительныхъ казацкихъ побѣдъ надъ польскими войсками, предводимыми знаменитѣйшими ихъ военноначальниками и даже самимъ королемъ, потрясли Польшу до основанія.

Казалось, украинское казачество достигло своихъ цѣлей: оно могло диктовать побѣжденному условія, какія хотѣло. Но въ послѣдній моментъ его предаютъ союзники — крымскіе татары. И плоды побѣдъ оказываются ниже тѣхъ, на которые можно было разсчитывать.

Однако не такъ татарское предательство было гибельно, — наибольшее пагубное значеніе имѣло какъ и въ нашей противоболыневицкой борьбѣ, отсутствіе не только у казачьихъ массъ, но и у самихъ ихъ вождей опредѣленной политической программы, не было символа вѣры, не было отточеннаго умомъ и сердцемъ взлелѣяннаго идеала. Были лозунги, выдвинутые инстинктомъ, рефлексомъ, побужденіями зоологическими — избавиться отъ польскаго кнута, который сегодня больно бьетъ по шкурѣ. О будущей системѣ общественныхъ и государственныхъ отношеній никто не думалъ или думали мало.

Такой безпрограмностью отличаются и всѣ послѣдующія освободительныя движенія украинскаго народа, включительно до Мазепы, т. е. до времени Петра I, при которомъ украинскому казачеству нанесенъ настолько сокрушительный ударъ, что отъ него оно не могло уже никогда оправиться. При Петрѣ Украина вновь сходитъ съ исторической сцены, какъ бы проваливается въ бездну забвенія вплоть до революціи 1917 года.

А между тѣмъ, было время, когда Украина привлекала исключительное вниманіе европейскихъ государствъ. Сначала — въ періодъ расцвѣта Кіевскаго Великаго Княжества. А затѣмъ въ эпоху Богдана Хмѣльницкаго и во времена Мазепы.

Движеніе Хмѣльницкаго не только потрясло до основанія могущество Польши, но возбудило горячій интересъ ко вновь возникающей на востокѣ Европы силѣ — Украинскому казачеству съ его вождемъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, имя котораго пріобрѣтаетъ широкую извѣстность въ государствахъ Западной Европы, слѣдившей съ исключительнымъ интересомъ за сношеніями казачьяго вождя съ Турціей, Швеціей, Трансильваніей Бранденбургомъ и Австріей. Самъ Кромвель, протекторъ Англіи, пишетъ письмо Хмѣльницкому, приглашая его къ совмѣстной борьбѣ противъ папистовъ.

Въ 1610 г. во Франціи появляется книга де-Боплана — «Описаніе Украины». Эта книга переводится на англійскій, нѣмецкій и латинскій языки.

Въ 1663 году въ Парижѣ издается еще одна французская работа: «Исторія войны казаковъ противъ Польши» — Пьера Шевалье, гдѣ авторъ называетъ Хмѣльницкаго «Кромвелемъ, воспроизведеннымъ въ Россіи».

Въ 1671 году въ Парижѣ появляется новая работа — П. Липажъ Вансіеннъ: «Истинное происхожденіе казачьяго движенія противъ Польши».

Можно было бы назвать еще цѣлый рядъ книгъ, изданныхъ за границей въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, трактующихъ Украинскій вопросъ.

Движеніе Мазепы съ цѣлью создать, при помощи Карла XII, самостоятельное государство, снова привлекаетъ вниманіе Европы, и снова появляется цѣлый рядъ литературныхъ работъ, посвященныхъ украинскому вопросу.

Эпоха Мазепы вдохновила и Вольтера, который написалъ въ 1731 году книгу: «Исторія Карла XII, короля шведскаго», гдѣ великій французскій писатель говоритъ: «Украина всегда стремилась быть свободной, но, будучи окружена Москвой и Польшей, она принуждена была искать покровителя въ этихъ государствахъ». Будучи, по словамъ Вольтера, слишкомъ порабощена Польшей, Украина отдалась затѣмъ подъ власть Москвы, которая третировала украинцевъ, какъ рабовъ: сначала они пользовались правомъ выбирать себѣ вождя, а вскорѣ таковой сталъ назначаться Москвой.

Въ 1771 г. на нѣмецкомъ языкѣ написана книга генераломъ Манштейномъ, также трактующая объ украинскихъ казакахъ.

Въ 1788 г. въ Парижѣ издана работа Бенуа Шерера по исторіи Запорожскаго и Украинскаго Казачества.

Этотъ авторъ сравниваетъ исторію казаковъ съ исторіей античныхъ народовъ. «То же спартанское воспитаніе, то же упорство въ защитѣ своей родины и своихъ очаговъ».

Наконецъ, исторія украинской борьбы за независимость вдохновила геніальнаго англійскаго поэта Байрона, написавшаго извѣстную поэму, названную именемъ гетмана — «Мазепа».

Такое количество литературы, появившейся въ XVII-XVIII в.в. по украинскому вопросу, свидѣтельствуетъ о томъ живѣйшемъ интересѣ, который европейское общественное мнѣніе удѣляло этой новой, появившейся на востокѣ силѣ.

Необходимо отмѣтить, что, расцѣнивая столь высоко (сравненіе съ античными народами) украинскихъ казаковъ, европейскіе писатели не считали ихъ русскими, «россійскими», въ нынѣшнемъ смыслѣ, людьми.

По мнѣнію европейцевъ, украинцы были народомъ славянскаго племени, какъ поляки, московиты и др., но имѣвшимъ самостоятельную исторію, отдѣльный языкъ, бытъ и особое міросозерцаніе.

Французъ Казимиръ Деламаръ, депутатъ и собственникъ журнала «La Patrie» въ 1869 г. въ своей петиціи, представленной сенату имперіи, пишетъ: «Эти два народа суть московиты и рутены, смѣшанные подъ общимъ именемъ русскихъ. Находясь между Москвою и Польшею, рутены (украинцы), къ которымъ только и относили нѣкогда имя русскихъ, были завоеваны московитами въ послѣднемъ (XVIII) вѣкѣ. И народъ завоеватель приложилъ къ себѣ названіе народа побѣжденнаго, чтобы дать себѣ видимое право для господства надъ нимъ. Вотъ почему нынѣ слова московитъ и русскій намъ кажутся тождественными, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности для историка они радикально различны.

Это намѣренное смѣшеніе позволило московитамъ поглотить даже самое исторію рутеновъ (Кіевское государство), какъ будто послѣдующая политика можетъ дѣйствовать на исторію прежнихъ эпохъ».

«Нужно правду сказать», продолжаетъ авторъ: «дѣйствительно въ Европѣ есть забытый народъ, которому только и принадлежало имя русскій. Этотъ народъ — рутены, нація въ 15 милліоновъ.*) Уничтоженъ ли этотъ народъ? Конечно нѣтъ. Онъ существуетъ, онъ имѣетъ исторію, которую нельзя смѣшивать ни съ исторіей Польши, ни тѣмъ менѣе Москвы. Онъ имѣетъ свои традиціи, свой языкъ, одинаково отличный отъ россійскаго и польскаго. Онъ имѣетъ свою, рѣзко отмѣченную индивидуальность. Исторія должна одинаково отличать рутеновъ и отъ москвичей и отъ поляковъ, такъ какъ они были различны въ прошломъ, какъ различны въ настоящемъ».

Такъ говорилъ французскій писатель и политическій дѣятель 60 лѣтъ тому назадъ. А вотъ, что говорятъ въ нынѣшнее время иностранцы.

Въ своей книгѣ «Проблема независимости Украины», изданной въ Парижѣ въ нынѣшнемъ году (1931), Эммануилъ Эненъ, депутатъ отъ г. Парижа, пишетъ: «Этническую границу между русскими и украинцами легко провести. Съ одной стороны видишь деревни, спланированныя и построенныя въ духѣ украинскомъ; съ другой — въ стилѣ русскомъ. Въ украинскихъ деревняхъ бѣленькіе домики покрыты соломой, которая спускается на четыре стороны. Эти деревни какъ бы вставлены въ окружающую зелень: впереди нихъ всегда имѣется веселенькій садикъ. Въ то же время жилища великорусскія, печально вырисовываются на обнаженномъ горизонтѣ. Они построены изъ некрашенаго дерева, даже не струганнаго, вида мрачнаго. Рѣдко ихъ окружаетъ садъ, рѣдко ихъ веселитъ какое либо дерево... Дворы, внутренность жилищъ великоруссовъ и украинцевъ также совершенно различны. На границѣ деревни украинскія и великорусскія часто сосѣдствуютъ. Но не увидишь никогда домовъ, построенныхъ частью по типу украинскому, частью въ духѣ великорусскомъ. Оба стиля никогда не смѣшиваются».

Столь же, а можетъ быть, еще и болѣе значительная разница существуетъ и въ міросозерцаніи и въ психологіи этихъ двухъ вѣтвей славянской расы, и въ ихъ фольклорѣ: и въ сказкѣ, и въ пѣснѣ — въ ея напѣвѣ и содержаніи. Повторяемъ, что едва ли другой народъ можетъ сравняться съ украинцами въ смыслѣ богатства народнаго эпоса.

**
*

Сравнивая исторію донского казачества съ таковой же украинскаго, мы, съ одной стороны, находимъ у нихъ много общаго. Мы знаемъ, что въ этническую структуру того и другого казачества входитъ значительный процентъ примѣси тюркской крови.

Касохи, или касахи — они же и черкасы, — дали даже свое имя подпѣпровскимъ украинамъ. Они же вошли значительнымъ элементомъ въ донское казачество, перенося названіе народное «касахъ», «казакъ» сначала

*) Нынѣ около 40 милліоновъ.

въ профессіональномъ смыслѣ, а потомъ и въ національномъ какъ на донцовъ, такъ и на поднѣпровцевъ. Много общаго въ бытѣ и психологіи тѣхъ и другихъ, въ ихъ военныхъ пріемахъ, въ боевой тактикѣ. Но есть большая разница въ исторіи созданія и развитія казачьей государственности у донцовъ и украинцевъ, разница, проистекающая, главнымъ образомъ, отъ географическаго и международнаго ихъ положенія.

Донское казачество, рожденное изъ смѣси славяно-руссовъ и тюркскихъ племенъ, пережившее бурю татарскаго нашествія, — послѣ разложенія золотой орды, имѣло всѣ данныя для свободной самоорганизаціи и развитія своей государственности.

Кочевыя племена, обрывки могущественнаго татарскаго государства, были не страшны донцамъ — они съ этими сосѣдями если не дружили, то легко справлялись. Турецкая имперія, равно Крымское ханство, были отдѣлены отъ Дона морями Азовскимъ и Чернымъ. Между Дономъ и Москвой, самымъ опаснымъ по своимъ имперіалистическимъ тенденціямъ сосѣдомъ, лежало огромное и пустынное Дикое Поле.

Вотъ почему, съ первыхъ же дней, исторія застаетъ Донское казачество народомъ стройно организованнымъ и въ бытовомъ и въ государственномъ отношеніи — республикой, основанной на непосредственномъ народоправствѣ, съ атаманомъ въ качествѣ главы государства.

Въ международныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями (не исключая и Москвы) Донцы эту независимость опредѣленно подчеркиваютъ: «Здравствуй, царь, въ Кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихомъ Дону», говорятъ они московскимъ царямъ и, когда нужно, ревниво охраняютъ свой престижъ — престижъ суверенаго народа, не останавливаясь передъ самыми крайними мѣрами — напримѣръ, побійство на Кругѣ пословъ: Московскаго — Карамышева, турецкаго — Кантакузена, посягнувшихъ на достоинство и суверенную честь Донского казачества.

У Донцовъ было опредѣленное политическое міросозерцаніе, строго и отчетливо выработанный, сердцемъ глубоко освоенный государственый идеалъ; почему и исторія Донцовъ не знаетъ такой анархіи, какая царила на Украинѣ и губила тамъ казачье дѣло. Вотъ почему и соціальная и экономическая структура Дона представляется выдержанной въ строгомъ равноправіи, въ послѣдовательно во всѣ стороны общественной и государственной жизни проведенной демократичности.

Ни въ героическій періодъ своей независимости, ни въ послѣдующія времена — можно сказать до самаго царствованія Екатерины II — на Дону не знали крѣпостного крестьянства, *не говоря уже о томъ, что донскіе казаки не только никогда не были персонально въ крѣпостной зависимости, но и не видѣли никакихъ поползновеній, въ этомъ направленіи со стороны кого бы то ни было. Такія поползновенія въ условіяхъ донской соціальной и политической обстановки, при психологіи Донского казачества, были бы просто немыслимы и даже безумны.*

Совсѣмъ иначе сложилась исторія Украинскаго Казачества.

Нѣкогда свободное населеніе Кіевскаго Княжества въ своей пограничной, предстепной части, послужившее родиной казачества, волею исторіи попавшее сначала подъ власть Литвы, а затѣмъ и Польши, принуждено было испытать весь гнетъ польско - шляхетскаго режима, съ его политической анархіей — безвластіемъ королевскаго правительства, полновластіемъ своевольной шляхты, безправіемъ низшихъ слоевъ, — крестьянства въ особенности.

Уже въ XIV и XV вѣкахъ на Украинѣ, по примѣру Польши, сталъ создаваться классъ номѣщиковъ изъ потомковъ старыхъ русскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, которые съ теченіемъ времени, прельщенные мишурой внѣшней культурности польскаго шляхетства, утеряли и православіе своихъ предковъ и связь съ своимъ народомъ — ополячились, создали мѣстное, украинское шляхетство. Кромѣ того, польскіе короли щедрой рукой (какъ впослѣдствіи Императрицы Елизавета и Екатерина II своимъ любимцамъ) раздавали имѣнія польскимъ панамъ, закрѣпляя за ними нѣкогда свободныхъ гражданъ Кіевской Руси — главнымъ образомъ, въ правобережной Украинѣ. Днѣпровское лѣвобережье въ тѣ времена было почти не заселено: оно было подъ непосредственными ударами Крымскихъ татаръ. Кромѣ того, какъ и въ Дикомъ Полѣ, здѣсь бродили шайки всякихъ «охочихъ» людей, промышлявшихъ охотой, рыбной ловлей, а то и просто разбоемъ.

Богатѣйшія, свободныя и привольныя степи манили предпріимчивыхъ людей всякихъ положеній. Туда шли и горожане, и любящій авантюры шляхтичъ, а особенно угнетенное польско - помѣщичьимъ режимомъ крестьянство. Изъ этихъ то вольныхъ людей и создалось Украинское Казачество. Радикальнѣйшая, т. е. наиболѣе независимая, свободолюбивая часть его образовала на островахъ Днѣпра знаменитую Запорожскую Сѣчь, не признававшую власти ни царя, ни короля, ни султана, ни хана, ни Украинскаго гетмана.

Такимъ образомъ, Украинское Казачество создалось изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ реакція противъ соціальнаго гнета, противъ польско-шляхетскаго режима. Такое происхожденіе Украинскаго Казачества опредѣлило въ значительной степени и его исторію, особенно исторію его борьбы за свою свободу, поневшую болѣе соціальный, революціонный характеръ, чѣмъ характеръ политической борьбы за независимость.

Несомнѣнно, что въ исторіи Украинскаго Казачества больше драматизма: она богаче красками, чѣмъ исторія Донского Казачества, но исторія послѣдняго значительно стройнѣе, системнѣе. На ней лежитъ печать отчетливо выработаннаго народомъ политическаго міросозерцанія.

Классовый характеръ борьбы Украинскаго Казачества рѣзко сказался въ жесточайшихъ расправахъ съ польской шляхтой, съ евреями - арендаторами и въ стремленіи казачества добиться себѣ привиллегированнаго по-

ложенія среди остального населенія, т. е. имѣть собственную выборную администрацію, свои суды. Національный характеръ борьбѣ придавалъ религіозный мотивъ — уравнять православіе съ католичествомъ.

Такой классовый интересъ казачьей борьбы свойственъ и первымъ революціоннымъ вспышкамъ и являлся главнымъ возбудителемъ борьбы въ эпоху Богдана Хмѣльницкаго. Этимъ объясняется и то странное явленіе, что, одержавъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ польскими войсками, нанесъ Польшѣ сокрушительные удары, Хмѣльницкій самъ испугался своего успѣха.

Въ его планъ входило только желаніе добиться увеличенія числа реэстровыхъ (узаконенныхъ) казаковъ, получить право замѣщать командныя должности только казаками и сравнять въ правахъ православіе и католичество.

Сокрушительный же ударъ, нанесенный Польшѣ, открывалъ пути къ полной независимости Украины, къ созданію самостоятельнаго Украинскаго государства.

Политическое мышленіе тогдашней казачьей старшины не могло вмѣстить такихъ широкихъ перспективъ, ибо не было къ этому совершенно подготовлено.

Только вернувшись въ Кіевъ, Хмѣльницкій увидѣлъ, что народныя стремленія пошли дальше плановъ вождей, что украинскія массы — и духовенство, и крестьянство, и кіевская интеллигенція, — окрыленныя успѣхами борьбы, не хотятъ довольствоваться тѣми узкими рамками, въ которыя вылился практически результатъ героической борьбы.

И Хмѣльницкій, подхлестнутый духовнымъ подъемомъ народныхъ массъ, уже не соглашается на тѣ условія, которыя ему предлагаютъ послы польскаго короля, и въ минуты раздраженія обѣщаетъ «прогнать ляховъ за Вислу».

Послѣдующая борьба ведется Гетманомъ уже при расширенной программѣ. Передъ взорами Гетмана и старшины начинаетъ рисоваться независимое Княжество Русское, какъ наслѣдіе стараго, славнаго Кіевскаго Государства.

Но всѣ эти стремленія и планы представлялись казачьей старшинѣ въ чрезвычайно неопредѣленныхъ формахъ, которыя часто сбивались на старую классовую платформу — достиженіе узко - сословныхъ казачьихъ интересовъ.

Повторяемъ, что такое отсутствіе опредѣленнаго идеала, ясно выраженнаго и твердо всѣми усвоеннаго политическаго символа вѣры и загубило столь блестяще начатое Хмѣльницкимъ дѣло борьбы за право и свободу, ибо, послѣ договора, заключеннаго съ королемъ Яномъ Казиміромъ, которымъ только расширялись права казачества, — крестьянское населеніе, наряду съ казаками проявившее необыкновенное геройство и жертвенность и въ результатѣ ничего не получившее, стало охладѣвать и эмигрировать за московскую границу, далѣе на востокъ, въ область нынѣшнихъ губерній Харьковской, Воронежской и части Курской, гдѣ составило, такъ называемую Слободскую Украину.

Тѣмъ же отсутствіемъ политическаго идеала и программы характеризуются и всѣ послѣдующія освободительныя движенія во времена гетмановъ — Выговскаго, Юрія Хмѣльницкаго, Дорошенко, Мазепы и др.

Структура украинскаго общества, созданнаго подъ вліяніемъ и по образцу Польши, носила ярко выраженный сословно помѣщичій характеръ. Оно состояло: 1) изъ старшины всякихъ ранговъ, владѣвшей крестьянами, 2) казаковъ, лично свободныхъ землепашцевъ, но легко могущихъ лишиться земли и попасть въ кабалу, и 3) массы безправнаго крѣпостного крестьянства. Противорѣчіе классовыхъ интересовъ, разумѣется, также не могло содѣйствовать успѣху борьбы и противъ Польши, а впослѣдствіи и противъ Москвы

Въ послѣдующихъ номерахъ «Казачьяго Дѣла» мы подробнѣе остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся явленіяхъ исторической жизни Украинскаго Казачества. Пока же считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на бьющее въ глаза сходство борьбы украинскаго казачества противъ Польши и Москвы, имѣвшее мѣсто триста лѣтъ тому назадъ, съ таковою же борьбою, которую мы ведемъ противъ большевиковъ: тѣ же предпосылки, та же идеологическая неопредѣленность и зигзагообразность, а вслѣдствіе этого тотъ же неудачный результатъ.

Большевизмъ вначалѣ казачество встрѣтило безъ вражды: значительная часть какъ бы даже пріяла его. И только, когда новый режимъ затронулъ соціальные и экономическіе интересы и религіозный вопросъ (какъ во времена Богдана Хмѣльницкаго), казачество реагировало дружнымъ возстаніемъ — возстаніемъ стихійнымъ, построеннымъ на отрицаніи большевизма, но безъ всякаго положительнаго политическаго идеала.

Казачество смотрѣло на большевицкое нашествіе какъ на печальный эпизодъ, на какое то недоразумѣніе, на дѣло рукъ Ленина, Троцкаго и ихъ партійцевъ, и надѣялось, что «случайное» недоразумѣніе будетъ скоро и легко ликвидировано; и жизнь пойдетъ по старому.

Только въ процессѣ затянувшейся борьбы, передъ взорами казаковъ сталъ вырисовываться — не сразу, а постепенно — истинный смыслъ происходящихъ событій. Когда казаки увидѣли, что передъ ними не Троцкіе и не Ленины, а организованный русскій народъ, одухотворенный и экзальтированный большевицкимъ или короче — грабительскимъ идеаломъ, заряженный глубочайшей ненавистью къ казачеству, — только тогда казаки стали понимать, что большевицкій напоръ на нихъ не случайный эпизодъ, зависящій отъ случайныхъ авторовъ. Причина оказалась далеко глубже и лежала въ непримиримой противоположности двухъ міровъ: казачьяго — свободолюбиваго, государственно настроеннаго и порядливаго, и великорусскаго, политическія и соціальныя настроенія котораго всегда колебались отъ анархіи къ рабству и обратно, что подмѣчено было иностранными наблюдателми еще въ началѣ XVII стол.

Какъ 300 - 100 лѣтъ тому назадъ московскій народъ ненавидѣлъ Новгородцевъ и исковитянъ за ихъ свободный укладъ и ликовалъ по поводу разгрома Новгорода и жесточайшей расправы съ новгородцами, такую же ненависть проявилъ онъ и къ свободному казачеству, осмѣлившемуся не пойти за большевицкими идеалами.

Когда опредѣлился, такимъ образомъ, истинный смыслъ большевицкаго нашествія на Казачьи Земли, передъ нами властно сталъ вопросъ о пересмотрѣ базиса, на которомъ была построена борьба. Тогда то изъ-за соціальныхъ предпосылокъ во весь ростъ и неотвратимо всталъ вопросъ борьбы за политическій идеалъ. Ясно опредѣлилось, что великорусскій народъ и казачество, какъ огонь и вода, суть элементы несоединимые, и если у казачества есть въ наличіи воля къ сохраненію себя, какъ опредѣленной народности съ особой исторической жизнью, то ему надлежитъ разъ навсегда отдѣлить свою судьбу отъ великорусскаго племени и организовать собственное государство, за независимость котораго и вести борьбу.

Къ сожалѣнію, эта идея не была своевременно усвоена всѣмъ казачествомъ, да и осуществляться стала на исходѣ героическаго періода борьбы, когда сутолка различныхъ политическихъ элементовъ и теченій, царившая въ руководящихъ сферахъ «бѣлаго» фронта, разложила уже и волю къ борьбѣ, и вѣру въ вождей.

Такимъ образомъ, повторилась въ общихъ чертахъ картина, что и во времена Богдана Хмѣльницкаго и другихъ, менѣе яркихъ вождей Украинскаго Казачества, не могшихъ вмѣстить идею независимости, которую сама жизнь, т. е. украинскій народъ преподносилъ имъ въ готовомъ и уже побѣдами осуществленномъ видѣ.

Примѣчательно одно явленіе, на которое нельзя не обратить вниманія — мы хотимъ сказать о Донскомъ Казачествѣ. Мотивы и методы противобольшевицкой борьбы Донцовъ и эволюція ихъ политическихъ настроеній были таковы же, какъ и другихъ казачьихъ народовъ, т. е. столь же неопредѣленны и несоотвѣтственны съ реальными слагаемыми, опредѣлившими политическую обстановку борьбы.

Если же мы обратимся ко времени за три вѣка назадъ, мы увидимъ, что Донцы той эпохи, какъ мы и выше сказали, имѣли опредѣленный отчетливый политическій идеалъ, выражавшійся въ идеѣ полной государственной независимости. Этотъ идеалъ они твердо, непоколебимо и жертвенно защищали и, руководствуясь имъ, строили свою политическую, соціальную и экономическую жизнь.

И вотъ, въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ годахъ донцы оказались менѣе сознательными, чѣмъ были ихъ предки триста лѣтъ назадъ. Двухсотлѣтнее пребываніе подъ тяжелой московско-петербургской рукой не прошло для нихъ безслѣдно, заглушивъ въ нихъ тѣ ключи живого духа, которые одухотворяли нашихъ предковъ — рыцарей, можетъ быть, и сермяжныхъ, но истинныхъ рыцарей свободы, образъ которыхъ, столь величественно вырисовывается въ такихъ неповторенныхъ подвигахъ, какъ напримѣръ, — славная, героическая борьба за городъ Азовъ съ турками, двинувшими противъ Донцовъ силы, числомъ въ нѣсколько десятковъ разъ ихъ превосходившія. Однако годы тяжкихъ испытаній заставили казачество глубже вдуматься въ причины нашихъ «побѣдъ и пораженій». За границей казачья мысль особенно усиленно работаетъ по уясненію прошлаго и въ поискахъ путей будущаго. И все больше ширится, углубляется и крѣпнетъ увѣренность въ томъ, что единственный путь къ возрожденію, развитію и укрѣпленію казачества — это путь его самостоятельнаго государственнаго бытія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Ив. Степневъ

СТАНИЦЯ

Станиця, Господи, Станиця!
Неначе писанки в святки.
Неначе гарна молодиця
Удята в сукню та стрічки.

Садки сплилися у віночок,
З садків білiють хаточки;
А від воріт, а ж у садочок
Стоять шнурочком маківки.

В садках пташина скрізь луная
Он звід зігнувся й ніби спить.
З віеходу вітер повівая,
Та з листям тихо гумонить.

Із верху кріе вромін совця,
В ставу водицю серебрить.
А у млині коло віконця
Верба теченько шелестить.

В повітрі видно між садками
Верх церкви сонечком блистить,
З якого иноді часами
Дзвін гучно й солодко гудить...

Мій рідний край! станиця мила!
Чи можна вам чужинцем буть?
Чи е у світі така сила,
Яка б заставила забуть,

Вас, милі й рідні мої квіті,
Та на чужину проміпять?
Хоч вік блукати буду в світі,
А вас не кину все ж кохать.

**
*

Обінчилося і змовкли вже гармати,
На дворі ніч і півень вже співа.
А гук сумний луная тихо з хати
Там плаче хтось... не спить... не спочива.

То неня плаче знову за синочком.
Кати червоні бідного взяли,
За те, що він подав аж дві сорочки
Братам, як ті станицею тягли.

Малий він був... — з п'ятнадцяти звернуло:
Не знав, що дать сорочку брату — зло.
Того, — хто зробе се в питьмо тягнуло,
А бо ж і на розстріл його вело.

Брати же шли у купі з козаками...
Ну як же ім сорочки не подать?
Конем в ночі таємними стежками
Спішив, що б в край станиці полк догнать.

Догнав... Оддав і хутко повернувся.
Червоні ж вже станицю заняли.
Аж близь воріт на вартових наткнувся.
Сердешнього як ворога й взяли.

Заря ще в небі темнім не засяла:
Ще соловейко ранню не співав:
Ще неня Господа спасти прохала,
А вже він у гноях як спін лижав.

І цілий день лежав, а пси лизали:
Ніхто не смів його землею вкрить:
І ноччу тільки нені вже сказали,
Що син її розстріляний лежить.

І от, як місяць заховався в хмару,
А тінь упала на тої з садка, —
Забула неня за сувору кару,
Пішла ховати рідного синка.

Ось рипнули вже двері потихеньку,
Вже темна постать видко близь садка,
Вже на гноях зігнулася старенька,
Ховала в яму рідного синка.

Сховала так, що б пси хоч не лизали,
Що б тіло грішне сонце не пекло,
Що б хоч очей тих гави не клювали;
Що б лехше в грудях бідній їй було.

І кажну ніч тепер, як згасне сонце,
Як місяць мовчк станицю обгляда:
Вона в хатині сяде близь віконця,
І сльози потичуть як та вода.

Баганько сліз гірких ви пролили,
О нені милі, нещасної Кубані!
Води здається меньше у лимані
Чим ваших сліз в раю, що вам дали.

Так хай же ваші сльози рідне кріють;
Обліють кров замучених синів,
І правду в рідному краю посіють,
І волю викують для козаків.

Гнат Макуха

НЕ ПОРА ЛИ?

10 лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ казаки покинули свои родныя земли и распылились по всему земному шару. Много пришлось имъ пережить, многіе изъ нихъ не выдержали этой суровой бѣженской жизни, вдали отъ своихъ родныхъ куреней, и ушли въ тотъ міръ — откуда нѣтъ возврата.

Ушли старые казаки, хранители казачьихъ традицій; на ихъ мѣсто стала молодежь, воспитанная заграницей, но помнящая разсказы стариковъ про былую казачью жизнь. Правда, обстановка взяла свое. Заграницей молодежь воспитывалась безъ надзора старыхъ казаковъ, часто даже подъ руководствомъ людей, не знающихъ казачьей жизни, иногда ненавидящихъ все казачье, какъ нѣчто «самостійное». Конечно, такіе руководители сбивали съ толку молодыхъ и поселяли въ ихъ душахъ недовѣріе ко всѣмъ новымъ казачьимъ движеніямъ и идеямъ. Этимъ наставникамъ можно еще простить ихъ невольный грѣхъ предъ Казачьей Землей. Но было и хуже. Свои казаки — руководители, увлеклись общерусской партійностью, тянули туда же молодыхъ казаковъ. Этимъ нельзя простить и ихъ дѣло можно назвать только преступленіемъ передъ своими Родными Краями. Въ теперешней Совѣтской Россіи Казачество сознательно уничтожается и, казалось бы, что здѣсь, заграницей, очутившись въ болѣе свободныхъ условіяхъ жизни, казаки должны были объединиться и всѣ свои силы приложить къ созданію единой *казачьей* мощи, поставивъ своей цѣлью освобожденіе и возрожденіе Родныхъ Краевъ. Вмѣсто этого старшее поколѣніе ведетъ партійную грызню, увлекая за собой молодежь. Такъ никогда мы не вернемся въ Родныя Земли, никогда не увидимъ своихъ родныхъ и близкихъ, которые остались нести коммунистическое ярмо. Нужно старшему поколѣнію забыть свою принадлежность къ разнымъ партіямъ, привлечь къ себѣ всю казачью молодежь, не потерявшую еще вѣру въ возрожденіе Казачества и жаждующую вернуться въ свои станицы и хутора. Но этого нѣтъ пока, и нѣтъ надежды, что будетъ. Потеряна вѣра въ старшихъ, въ ихъ желаніе возродить Казачество. Молодежь видитъ, что вождямъ некогда заниматься ихъ руководствомъ, что не могутъ они отказаться отъ «партійности». Пробуютъ молодые казаки свои силы въ созданіи казачьихъ организацій, своей литературы, но изъ этого ничего большого не выходитъ, ибо нѣтъ еще опыта въ веденіи большого серьезнаго дѣла. Тѣмъ не менѣе, не пора ли

намъ, молодымъ казакамъ, объединиться между собой, оставить въ покоѣ всѣ русскія партіи и создать свою организацію, взявъ девизомъ «Освобожденіе Казачества отъ краснаго ига». Несмотря на то, что наставники наши не воспитывали, а иногда даже стремились погасить Казачій Духъ, всетаки, я думаю, что не совсѣмъ еще онъ угасъ въ нашихъ сердцахъ и мы сможемъ еще кое что сдѣлать. Какъ будто бы «Лига Возрожденія Казачества», издающая журналъ «Казачье Дѣло», поставила правильную цѣль — Возрожденіе Казачества и Освобожденіе Казачьихъ Земель отъ большевиковъ какой угодно цѣной, и есть надежда, что это дѣло не заглохнетъ. Если же она поставила цѣль правильно, значитъ нужно собраться всей казачьей молодежи вокругъ этого очага Возрожденія Казачества, отдать ему свои молодые, еще неизрасходованныя силы и провести въ жизнь его цѣль и стремленія. Надѣюсь, что это *будетъ* и вновь мы увидимъ снои родныя степи, вновь возродится, станетъ снободнымъ Казачество и никогда уже больше не допуститъ надъ собой никакого насилія. Будетъ жить такъ, какъ жили наши вольные предки, казаки, не признававшіе надъ собой никакой власти кромѣ Выборнаго Атамана и Войскового Круга.

Молодой Донецъ

Загребъ.

Памяти Азовскихъ героевъ

Ровно черезъ двѣсти девяносто лѣтъ послѣ снятія турецкой осады съ Азова (въ 1641 г.) въ Парижѣ, въ субботу 27 сентября (ст. ст., 10 окт. по н. ст.) 1931 года, по иниціативѣ нѣсколькихъ членовъ Лиги Возрожденія Казачества, была отслужена традиціонная на Дону панихида по героямъ Азова и всѣмъ казакамъ, погибшимъ при защитѣ родины. Судьбѣ было угодно, чтобы суббота подъ Покровъ въ этомъ году совпала со днемъ окончанія знаменитаго въ исторіи казачества Азовскаго сидѣнія, событія, равнаго которому, трудно найти не только въ казачьей или русской, но и во всей міровой исторіи.

Ежегодно, какъ намъ достовѣрно извѣстно, до 1925 года, эта традиціонная панихида на Монастырскомъ урочищѣ, около часовни, сооруженной въ 1867 году, совершалась казаками Сарочеркасской и ближайшихъ къ ней станицъ по древнему казачьему обычаю въ послѣднюю субботу подъ Покровъ. Только въ этомъ году за границей мы попытались объединиться въ традиціонной молитвѣ съ казачествомъ, которое живетъ на Дону и помнитъ и чтитъ славныя страницы своей исторіи.

При закладкѣ капличы въ Монастырскомъ была вложена слѣдующая надпись: «Во славу Преблагаго Бога, Пресвятыя Его Богоматери и защитника Азова св. Іоанна Предтечи, заложенъ памятникъ сей въ честь и вѣчную славу Донскихъ героевъ, покорившихъ Россійской державѣ Азовъ въ 1637 г. и защитившихъ его въ 1641 г. отъ 300-тысячной Турецкой арміи».

Славная страница въ исторіи всего казачества, ибо мы достовѣрно знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ участвовали Запорожцы, а можетъ быть, были представители и другихъ казачьихъ войскъ. Но, многіе ли изъ казаковъ знаютъ подробности этого исключительнаго подвига?

«Весною 1637 года въ Монастырскомъ городкѣ собиралось то грозное Донское ополченіе, которое порѣшило въ *Войсковомъ Кругу*, «идти взять городъ Азовъ и утвердить въ немъ православную вѣру». Въ часовнѣ Монастырскаго городка, какъ повѣствуетъ исторія, приготовившіеся къ походу воины пѣли молебны, клялись во взаимной вѣрности и, призывая въ помощь Бога, отсюда двинулись къ стѣнамъ Азова.

Въ продолженіи осады Азова, съ апрѣля до половины іюня, казаки терпѣли немалыя потери своихъ собратій, тѣла которыхъ они перевозили оттуда, какъ говоритъ преданіе, для погребенія въ Монастырскій городокъ. Приготовившись наконецъ ко взрыву города и рѣшительному приступу къ оному, казаки очистили себя постомъ, молитвою, исповѣдью у отцовъ духовныхъ и, прощаясь взаимно другъ съ другомъ, твердо рѣшили поддержать честь своего оружія, постоять за Православную вѣру, за святой храмъ и умереть, если такъ суждено, но не посрамить себя.

Въ 1 часа ночи 18 іюня, взорвавъ подкопъ и разрушивъ, такимъ образомъ, часть стѣны, казаки мгновенно со всѣхъ сторонъ бросились на приступъ и послѣ кровопролитной битвы овладѣли городомъ.

По взятіи Азова казаки утвердились въ немъ всѣмъ войскомъ, т. е. мѣстопребываніе главнаго войска перенесено было изъ Монастырскаго городка сюда. Здѣсь, въ Азовѣ, побѣдители возобновили древній христіанскій храмъ Іоанна Предтечи и соорудили новый храмъ во имя святителя Николая Чудотворца.

Послѣ шести-лѣтняго обладанія Азовомъ, въ 1641 г. казакамъ пришлось выдержать болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ осаду или знаменитое въ лѣтописяхъ Азовское сидѣніе. Отстоявъ Азовъ противъ значительныхъ силъ турецкой арміи и флота, казаки лишились здѣсь болѣе 3 тысячъ, а по другимъ сказаніямъ, около 6 т. своихъ товарищей, павшихъ на развалинахъ Азова. Въ воздаяніе такихъ безпримѣрныхъ подвиговъ казаковъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, щедро наградивъ оставшихся живыми, повелѣлъ всѣхъ тѣхъ, которые во время взятія Азова въ 1637 г. и при осадѣ его Турками и Крымцами въ 1641 г., пали за православную христіанскую вѣру, за ихъ къ Государю службу, за кровь и за многое осадное нужное терпѣніе, «на Москвѣ и въ городѣхъ въ соборныхъ церквахъ и въ монастырехъ поминать во всю четыредесятницу, пѣть панихиды и обѣдни служить и на просвирномисаніи и во октеніяхъ поминать, а послѣ четыредесятницы, имена ихъ въ сенадики написать въ соборехъ и монастырехъ въ вѣчное поминовеніе».

Въ 1642 г. казаки, по повелѣнію Государя, оставили разоренный Азовъ, вывезли изъ него церковную святыню и все, что было возможно и перенесли главный свой войсковой станъ сначала на Махинъ островъ, а потомъ къ Раздорамъ (впрочемъ не надолго) и наконецъ въ черкасскій городокъ». (Памятная книжка Войска Донскаго на 1868 г. стр. 175-176.).

На Москвѣ и по всей Руси приказано было поминать славныхъ героевъ на вѣчное поминовеніе, а ихъ потомки не всегда даже знаютъ и имена тогдашнихъ славныхъ вождей казачьихъ: Ивана Каторжнаго, Михаила Татаринова, Тимоѳея Яковлева, Наума Васильева, Осѣна Петрова. Особенно необходимо отмѣтить имя героя взятія Азова Михаила Ивановича Татаринова и славнаго защитника Азова Осипа Петровича Петрова, бывшихъ Атаманами войска въ то время.

Изъ отписки Атамана Михаила Ивановича Татаринова мы знаемъ, что по взятіи Азова тамъ было «азовскихъ пушекъ двѣсти большихъ и середнихъ и малыхъ, а старыхъ (казачьихъ. П. А. Н.) девяносто четыре». (Акты относящіеся къ исторіи Войска Донского, т. 1, стр. 19.) и тѣмъ не менѣе Азовъ былъ взятъ. И съ этимъ вооруженіемъ отбился отъ врага, который имѣлъ 835 пушекъ (П. Н. Красновъ. Картины былого Тихаго Дона).

Азовская исторія всегда должна быть въ нашей памяти. На ней мы должны воспитывать свою мысль и волю. Старые казаки умѣли отдавать свою жизнь за идею, умѣли постоять за себя, за честь свою и свободу.

Намъ здѣсь за границей необходимо закалить свой духъ и поднять его на такую же высоту, на какую поднялись герои Азова. Первымъ шагомъ на этомъ пути можетъ быть память о герояхъ Азова и молитвенное единеніе, какъ съ ними, такъ и съ нашими братьями дома, въ традиціонной панихидѣ въ субботу подъ Покровъ.

***

Славно было взятіе Азова, еще болѣе славнымъ было Азовское сидѣніе, а результатомъ этого оказалось не возвеличеніе, а умаленіе казачества.

До этого казачество было грозной силой, съ которой всѣ должны были считаться, но потери подъ Азовымъ обезсилили его и Москва это учла. По взятіи Азова казаки принуждены были обратиться за помощью къ Москвѣ и не только за матеріальной, но и за живой силой, а главное съ просьбою включить Азовъ въ Русское государство. Былъ по этому поводу созванъ въ Москвѣ въ 1642 г. спеціальный Земскій Соборъ и на немъ одержало верхъ враждебное казакамъ боярство. Оно понимало, что Азовъ достался казакамъ не дешево, а усиленіе казачества было имъ не интересно: поэтому, помогая ему матеріально, они отказались дать казакамъ живыя силы. Боярство правильно разсчитывало, что туркамъ побѣда (если она возможна) достанется не дешево и тогда Москва можетъ быть рѣшающей силой, противъ которой турки не посмѣютъ воевать. А казачество, тоже, если оно побѣдитъ, будетъ такъ обезсилено, что утратитъ свое значеніе и вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Сразу изъ враждебной боярству силы, казачество окажется, если и не послушнымъ ему, то во всякомъ случаѣ не тѣмъ сильнымъ противникомъ, какимъ оно было

во времена Грознаго и особенно въ смутное время, когда боярство принуждено было подчиняться казачьей волѣ, что особенно сказалось въ моментъ борьбы за Москву съ поляками и при выборахъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Теперь картина мѣнялась и боярство правильно разсчитало свой ходъ. Казаки проявили невѣроятное геройство въ борьбѣ за Азовъ, но въ результатѣ вышли изъ этой борьбы обезсиленными. Отсюда искаліе свѣжихъ силъ съ Москвы (уже въ 1616 г. было послано на Донъ 3 тысячи охочихъ вольныхъ людей изъ украинскихъ городовъ — Столѣтіе Военнаго министерства, т. XI, ч. I, стр. 51), небывалый притокъ голытьбы на Донъ, необходимость вывода ихъ съ Дона, осуществленный Степаномъ Разинымъ и какъ результатъ, присяга донскихъ казаковъ на вѣрность Алексѣю Михайловичу въ 1671 году (впервые на Дону).

Казаки оказались прекрасными воинами и гражданами, но плохими политиками. Еще худшими политиками оказались мы и до сихъ поръ стремимся не исправить этотъ свой недостатокъ, а по возможности уклониться отъ политики. Согласно же законамъ физики, что матерія не терпитъ пустоты, за насъ ее дѣлаютъ всѣ, кому не лѣнь и, ясно, не къ пользѣ казачества.

П. А. Поповъ

СРЕДИ ПЕЧАТИ

Г. Мельниковъ въ номерѣ 6 «Родимаго Края» дѣлаетъ очередной и, какъ всегда, забавный выводъ противъ самостійниковъ. Если раньше онъ грозилъ и имъ, и всѣмъ, сомнѣвающимся въ непогрѣшимости и безгрѣшности «вождей», атаманскими громами вплоть до висѣлицы, то сейчасъ хочетъ терроризировать (замашки совѣтскія!) казачью массу шутовскимъ утвержденіемъ, что

«Здѣшніе крики о самостоятельной Казакіи даютъ лишній поводъ большевикамъ, подъ видомъ опасенія прихода несуществующихъ польско - казачьихъ войскъ, расправляться съ казачествомъ и выселять крѣпкихъ казаковъ съ Кубани, Дона и Терека въ Астраханскую губернію, на Уралъ и въ Сибирь, чтобы освободиться отъ элемента, который можетъ быть опасенъ имъ въ случаѣ десанта въ казачьихъ краяхъ».

Не высокаго же мнѣнія г. Мельниковъ о казакахъ, когда дѣтскими играми хочетъ ихъ заставить, въ безконечномъ сидѣніи за границей, прикусить языкъ и отъ всякой политической работы во имя Родины отказаться.

«Если, говоритъ Мельниковъ: «вы здѣсь будете разговаривать не по его, Мельниковой, шпаргалкѣ, то вашихъ тамъ выселятъ въ Сибирь и проч.».

А если по Мельниковской шпаргалкѣ, то что же? Или въ его шпаргалкѣ вопросъ о борьбѣ съ большевиками исключенъ? Вѣроятно, да!

Ну, а, вотъ, русская эмиграція, въ видѣ разныхъ партій, кричитъ о борьбѣ съ большевиками — ей тоже не надо разговаривать? По Мельникову, выходитъ, что разстрѣлы спецовъ, кулаковъ, массовыя высылки въ Архангельскіе и проч. лѣса есть вина эмигрантовъ, которымъ нужно тоже молчать и похлопывать глазами.

Словомъ, сиди и не рипайся. Или, какъ въ «Свитаньѣ на Гончаривци» хохолъ поетъ:

«Я улицей пройдуся, тай горилочки напьюся,

А ты, жинко, сни, сни, сни собѣ, сни»...

Замѣточка г. Мельникова коротенькая — короче комариного носа, а курьезы въ ней длиннѣе слоноваго хобота.

Полюбуйтесь, въ самомъ дѣлѣ, этой мудростью:

«Самостійники даютъ поводъ большевикамъ, подъ видомъ опасенія прихода несуществующихъ польско - казачьихъ войскъ, расправляться съ казачествомъ, чтобы освободиться отъ элемента, который можетъ быть имъ опасенъ въ случаѣ десанта въ казачьихъ краяхъ».

Съ одной стороны «несуществующія войска», а съ другой — возможный десантъ этихъ «несуществующихъ войскъ».

Большевики, конечно, глупенькія дѣтки — они не знаютъ, что существуетъ, чего нѣтъ въ дѣйствительности — съ ихъ то идеальной развѣдкой!

«Несуществующія войска» дѣлаютъ десантъ. Это шедевръ. Умри, Денисъ, лучше этого не скажешь...

Намѣренно запутался въ трехъ соснахъ г. Мельниковъ или нарочито, чтобы запутать казаковъ?

Мы - то знаемъ, конечно, гдѣ «собака зарыта»: «самостійники — охъ, эти самостійники... организуютъ силу и потянутъ ко Іисусу»...

Нашелъ Мельниковъ и опору своей политико-соціалистической концепціи въ лицѣ «бывш. Окр. Атам. Сальскаго Округа, генер. Генералова».

Этотъ «молодчага» разрѣшилъ казачій вопросъ чрезвычайно просто — по-генеральски: «Казаковъ», говоритъ онъ: «осталось 25 процентовъ на Дону, а большинство — евреи, армяне, русскіе люди. Какія же тутъ могутъ быть рѣчи о казачествѣ?»

Словомъ, махнулъ рукою и стеръ Донцовъ съ лица земли. Похоронилъ казачество, да еще и осиновый колъ въ его могилу забилъ. И доволенъ, и улыбка до ушей. Патріотъ!!

Впрочемъ, что же и требовать отъ человѣка? Что ему казачество — что онъ Гекубѣ и что ему Гекуба? Не окружнымъ атаманомъ — такъ капитанъ - исправникомъ, а нѣтъ — такъ хоть становымъ приставомъ будетъ. Если возможно, то и еврейскимъ раввиномъ — лишь бы двадцатаго жалованье платили. Эхъ, войсковая старшина, войсковая старшина!

Казачья Хроника

31 ЯНВАРЯ 1930 г. ВЪ 3 ЧАСА ДНЯ ВЪ ПОМѢЩЕНІИ РЕСТОРАНА «КАЗАКЪ», 27, Bd LA-TOUR-MAUBOURG Métro : La-Tour-Maubourg ЛИГА ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА УСТРАИВАЕТЪ ПУБЛИЧНОЕ СОБРАНІЕ, НА КОТОРОМЪ БУДЕТЪ ПРОЧИТНЪ ДОКЛАДЪ : «БОЛЬШЕВИЗМЪ И КАЗАЧЕСТВО». ПОСЛѢ ДОКЛАДА — ПРЕНІЯ. ВХОДЪ СВОБОДНЫЙ.

НА ПОКРЫТІЕ РАСХОДОВЪ ПО УСТРОЙСТВУ СОБРАНІЯ БУДЕТЪ ВЗИМАТЬСЯ: СЪ ЧЛЕНОВЪ ЛИГИ ПО 1 ФР., СЪ ПОСТОРОННИХЪ ЛИЦЪ — ПО 2 ФР.

***

Каждое воскресенье въ 3 часа дня въ помѣщеніи ресторана «Казакъ» — 104, r. St Charles, Лига В. К. К. устраиваетъ собранія, посвященныя: 1) одно воскресенье — разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ въ засѣданіяхъ Центральнаго К-та, на которыя допускаются и постороннія лица; 2) второе воскресенье — работамъ семинара (по вопросамъ политическимъ, экономическимъ, финансовымъ, военнымъ и бытовымъ). 3-го января 1932 г. будетъ засѣданіе Центр. К-та, а 10-го семинаръ. Въ работахъ семинара могутъ участвовать и постороннія Лигѣ лица.

***

Казаки !

Читайте и распространяйте журналъ

„Казачье Дѣло“

***

Руководимыя неутомимыми кубанскими педагогами, супружеской четой Маріи В. и Григоріемъ В. Омельченко, издательства «Кубань» и «Чешско - украинская книга» въ Прагѣ (Прага X, Пижишка, 1617 III) съ 1927 г. выпустили цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ кубанскому казачеству, Кубани и выдающимся чешскимъ культурнымъ дѣятелямъ.

Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на рядъ изданій, посвященныхъ кубанскому Атаману - писателю Кухаренко (Г. В. Омельченко) и на фундаментальный трудъ М. В. Омельченко о первомъ чешскомъ президентѣ «Т. Г. Массарикъ».

Книги эти и интересны, и высокополезны для всѣхъ читателей, такъ какъ знакомятъ съ выдающимися личностями своей эпохи, дѣлами и примѣромъ которыхъ слѣдуетъ учиться тѣмъ, кто любитъ свою Родину и стремится помочь ей достигнуть наивысшаго блага — свободы.

Весьма цѣнно изданіе кубанскихъ пѣсенъ, съ нотами, собираемыхъ давно и любовно инженеромъ Зайцемъ.

И что еще цѣннѣе, что люди эти работаютъ тихо, скромно, безъ субсидій, безъ поддержекъ, собирая скромные гроши, урывая у себя вездѣ и во всемъ, лишь бы послужить родному народу и Родинѣ.

Письма съ Родины

ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬИ

Въ Харбинѣ получены свѣдѣнія о тяжеломъ положеніи въ Забайкальской области. Въ письмѣ, полученномъ изъ Харбина, пишутъ:

«Притокъ новыхъ бѣженцевъ съ нашей родины продолжается. Прибѣжавшіе въ Харбинъ и другіе пункты Манчуріи изъ разныхъ мѣстъ Забайкалья говорятъ почти одно и тоже. За послѣдній годъ положеніе какъ отдѣльныхъ, такъ и всего населенія въ цѣломъ сильно измѣнилось въ худшую сторону. Въ Забайкальи весь скотъ перебили и все, включая потроха и кровь отъ убитаго скота, отсылаютъ на западъ. Мѣстное населеніе, когда-то богатое скотомъ, вынуждено ѣсть конину, верблюжину, а сейчасъ есть распоряженіе ЦКА ловить крысъ.»

«Аресты и высылки производятся массовые. Даже женщинъ и дѣтей, убѣжавшихъ за границу и лишенцевъ, высылаютъ изъ своихъ поселковъ и увозятъ неизвѣстно куда. Такъ сдѣлано было въ мартѣ въ нѣсколькихъ поселкахъ по Аргуни. Отъ этого ада народъ бѣжитъ за границу и въ лѣса.»

«Всѣ ждутъ избавленія изъ-за границы, надѣются на эмиграцію, которой помогутъ иностранцы (§§). Никакой интервенціи не боятся, пойдутъ за кѣмъ угодно. Можно съ увѣренностью сказать: появись на родинѣ вооруженный отрядъ изъ-за границы, человѣкъ въ 500, и въ нѣсколько дней около него будутъ десятки тысячъ, встанутъ напомощь почти поголовно. Но, къ сожалѣнію, этого мало, — вѣдь всю эту массу надо кормить. На мѣстныя средства сейчасъ расчитывать не приходится.»

«Нужно, чтобы товарищи съ кѣмъ-либо подрались. Они сами, повидимому, боятся этого или, наоборотъ, хотятъ.»

«Все время твердятъ населенію о возможномъ нападеніи на нихъ со стороны Польши, руководимой Франціей.»

А населеніе на это говоритъ: «скорѣе бы».

Отношенія у Совѣтовъ и съ Китаемъ и съ Японіей весьма плохія. Конференція въ Москвѣ врядъ-ли закончится благополучно, т. к. требованія китайцевъ — отдать КВ ж. д., согласно заявленія Карахана въ 1919-20 г.г., и выводъ войскъ изъ Монголіи, не выполнимы для СССР.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, замѣтно усиленіе охраны р. Аргуни, но пока нѣтъ свѣдѣній о сильномъ увеличеніи красныхъ войскъ на Д. Востокѣ.

К.В. ж. д. сейчасъ находится въ рукахъ большевиковъ. Если здѣсь что-либо заварится, то нашему брату будетъ тяжело. Сидимъ на-авось и ничего предпринять нельзя.»

ВЪ БЫВШЕЙ ЖИТНИЦѢ РОССІИ

О томъ, какъ обращаются коммунисты съ хлѣборобскимъ населеніемъ въ казачьихъ земляхъ мы знаемъ изъ отчаянныхъ писемъ нашихъ близкихъ, но до чего совѣтская власть обобрала когдашнюю житницу Россіи, только теперь слышимъ. Приводимъ выдержку изъ отчаяннаго письма съ Кубани:

«Въ половинѣ марта въ нашихъ газетахъ было объявлено постановленіе лишить хлѣбнаго пайка многій ненужный элементъ, ужъ не говоря о насъ иждевенцахъ, но даже служащихъ учрежденій, безработныхъ рабочихъ и многихъ иныхъ (какъ говоритъ сынъ «и прочую сволочь), въ виду того, что не хватаетъ запасовъ хлѣба — вы тамъ за границей много покушали нашего хлѣба. Но это не было еще при-

ведено въ исполненіе, а потому я и молчалъ, не писалъ, еще скажутъ: провокація, это у насъ водится. А числа 25-го мнѣ уже хлѣба не дали и теперь я на частномъ, какъ и многіе прочіе. Посему цѣны на него и раньше большіе еще выше скакнули, да и не только на него, а и на другіе продукты, бывшіе къ нему подспорьемъ. Казенный же хлѣбъ получаютъ теперь только рабочіе заводовъ, фабрикъ, предпріятій, высшія учебныя заведенія и немногіе служащіе, кромѣ избранныхъ. Копѣекъ 50 обходится это теперь мнѣ въ день при моемъ старческомъ аппетитѣ — полъ кило на два дня. Столько лѣтомъ кричали объ урожаѣ, а все расплылось въ пространствѣ, теперь должны платить 1 р. 80 коп. - 2 руб. за кило, а за 1 р. 30 коп. такой страшный, хуже того, что мы получали по хлѣбной карточкѣ, казенный, за 20 коп. кило, по 300 граммъ въ день, а ужъ желудки не считали, такъ тотъ хоть дешево былъ.

А еще другая напасть — керосинъ исчезъ, хоть нефтепрогонный заводъ въ городѣ и промыслы подъ бокомъ; освѣщать нечѣмъ, электричество давно уже обрѣзали въ частныхъ домахъ и на улицахъ, темень, страшно и ходить по вечерамъ, грабятъ, да и пищу сварить не на чемъ — примусы и керосинки насъ выручали — угля и дровъ то не докупишься и нѣтъ ихъ. Даютъ только полнопайнымъ членамъ Кооператива по литру на пять дней за рубль литръ, а мы не имѣемъ права быть полнопайными — это у насъ избранные, намъ шишъ. Что дѣлается въ очередяхъ, одинъ ужасъ: люди встаютъ въ 4 часа утра, а чуть припоздаешь, ничего не получишь, давка, слезы, обмороки, крикъ, да при холодѣ съ морозомъ на вѣтрѣ, попробуй выстоять. Послѣ очереди всегда болѣемъ, но слава Богу, присыхаетъ на насъ, «як на собаци». Ничего нигдѣ нѣтъ, а на базарѣ на возахъ сидятъ окаянныя муміи и тоже стараются съ насъ не то, что кожу содрать, а проглотить со всѣми кишками, хуже всякихъ собакъ стали люди другъ къ другу; пользуются тѣмъ, что у нихъ продуктовъ мало, а насъ, голодающихъ много, жалуются, что ихъ обдираютъ, а сами сидятъ на возахъ и жрутъ бѣлый хлѣбъ да копченую рыбу, о которой мы и понятія не имѣемъ, значитъ у нихъ хватаетъ на это, а дома молоко и масло надоѣло. Не удивляйтесь такой желчи, нѣсколько дней хожу даромъ по базару и не могу ничего купить за свои гроши, можетъ къ Пасхѣ подвезутъ больше, но будетъ еще дороже. и теперь малое чайное блюдце муки стоитъ 50 коп., а до новаго урожая 3 мѣсяца. Можно и съ голода подохнуть, получая даже отъ сына, подумайте — послалъ онъ мнѣ малость денегъ телеграфомъ, а я ихъ получилъ только черезъ три недѣли, а посылку черезъ 7 мѣсяцевъ — завалялась - де, хоть кажется Сибирь и не далеко такъ отъ насъ, тамъ теперь наши на заработкахъ.

А тутъ еще несчастье, какъ разъ когда пишу пришла «бригада», двѣ дѣвченки комсомолки, провѣрять наши документы и нашла, что мое ижднвенское свидѣтельство старо — 6 мѣсяцевъ; пытался имъ пояснить, что на такомъ разстояніи, да при нашей почтѣ, не могу же его обмѣнивать каждый мѣсяцъ, къ тому же и учрежденія сердятся, такъ не вѣрятъ: можетъ, вашъ сынъ уже и не служитъ или «лищенецъ», а вы имѣете право на полученіе хлѣбнаго пайка. Говорю: такъ намъ же хлѣба и не даютъ! — Ну, что жъ, не даютъ теперь, а при урожаѣ будутъ давать. Они то о географіи никакого понятія не имѣютъ, гдѣ это наши въ Сибири. — А сколько вамъ лѣтъ? — спрашиваютъ. — 67, — отвѣчаю. — Да и зажились же вы тутъ всѣ, дѣдка, самое старье, — говорятъ. — Да, — говорю, — зажились, и не рады, а живемъ, — а мысленно добавилъ, чтобы подвергаться еще издѣвательствамъ такихъ потаскушекъ, какъ вы, да чтобы кормильцы наши работали до изнеможенія. Они то вѣдь прикрѣплены къ работѣ, какъ крѣпостные помѣщичьи. Говорилъ я уже это съ дрожью въ голосѣ, хлопнулъ дверями и ушелъ, а въ комнатенкѣ - чуланѣ и заплакалъ горькими слезами, долго не могъ успокоиться — Господь смерти не даетъ, а рукъ на себя наложить, какъ другіе дѣлаютъ совѣсть христіанская не позволяетъ, а какъ завидуешь каждому, кто тихо скоропостижно умираетъ, только и молишь Бога о томъ, чтобы смерть послалъ. Простите вы меня.

Дорогой мой братъ и другъ — здравствуй!

Сердечный привѣтъ Мартѣ.

Не знаю, получаешь ли ты мои письма, ибо такая адская цензура. Но такъ хочется написать о своемъ житьѣ, бытьѣ. Слишкомъ тяжело живется и хочется подѣлиться. Всѣ члены моей семьи живы и здоровы. Шлютъ вамъ сердечный привѣтъ. Теперь опишу, какъ живется.

Если бы возсталъ изъ мертвыхъ Аракчеевъ, то онъ остался бы очень доволенъ воплощеніемъ своей мечты. Государственное крѣпостное право. Полное обезличеніе личности съ полной безцѣнностью. Личности нѣтъ, есть рабочая сила, за трудъ которой платятъ нищенскій минимумъ, лишь бы не подохнуть. Рабочіе заводовъ получаютъ 400 грамъ рѣзаного хлѣба, служащіе 200 грамъ. Кромѣ ничего. Даже махорки-табаку не получаемъ. Сейчасъ эта махорка выдается только колхозникамъ-ударникамъ въ посѣвной кампаніи. Мяса и жировъ давно не видимъ, мануфактура и обуви давно такъже нѣтъ. Что касается галошъ, то ихъ можно легко купить за границей наши, въ Россіи не купишь. Не смотря не обильный урожай въ прошломъ году, въ нашемъ городѣ сейчасъ даютъ рабочимъ и служащимъ рѣзаного хлѣба на 2 копейки въ день и только. Даже дѣтямъ не даютъ, не говоря уже о прочемъ населеніи. Правда, существуютъ товары по коммерческимъ цѣнамъ — пальто 190 — 300 руб. Сахаръ 3 р. 50 кило. Чулки дамскіе 25 руб. Ботинки 40 — 50 руб. Рыночныя цѣны : мука 30 — 60 руб. пудъ, мясо 1 — 1 р. 50 Коп. фунтъ. Рыбы ни за какія деньги не купишь — ея нѣтъ на рынкахъ. Яйца 2 р. 50 — 3 р. десятокъ. Молоко 2 р. 50 четверть — помнишь четверть? Масло 6 — 8 руб. фунтъ. Вотъ вообрази, какъ можетъ существовать человѣкъ, получая 60 — 80 руб. въ мѣсяцъ съ семьей въ 4 — 5 человѣкъ.

Жалкое, голодное, оборванное житье. Литература и искусство — умерли. Т. е. онѣ существуютъ только въ правительственной газетѣ. Драма и Кино — просто хроника. Ваши заграничныя картины не бываютъ — ибо тамъ рисуется слишкомъ хорошая жизнь — она развращаетъ молодежь. Эта городская картина жизни. Деревня : нищета полураздѣтая, полуголодная.

Рабскій трудъ — крохи пищи. Не слышно пѣсенъ, веселья, какъ бывало. Жуткую тишину села по временамъ нарушаетъ только пѣніе пѣтуховъ. Да иногда пьяная пѣсня сквозь слезы — запоздалаго колхозника, возвращающагося изъ города. Сейчасъ, какъ никогда забираютъ народъ. Этимъ арестованнымъ народомъ наполнены всѣ свободные дома. Закрыта даже часть магазиновъ и кино-театровъ, гдѣ сидятъ крестьяне, охраняемые комсомольцами. Что съ нимъ будетъ и для чего берутъ неизвѣстно. Говорятъ на работы, ибо на работы добровольно не идутъ — на шахты, постройки жел. дорогъ и лѣсныя разработки. Вотъ картина бытовая теперешнихъ дней. Вы тамъ не повѣрите, какъ можно держать въ такомъ рѣзкимъ. Да повѣрь, другъ мой, — что русскаго человѣка можно держать въ какихъ угодно условіяхъ — онъ терпѣливъ, какъ никто. Теперь, можетъ быть, у васъ говорятъ противное. Не вѣрь. Бываютъ или продажные журналисты, или делегаціи рабочихъ, которымъ показываютъ въ большихъ городахъ только самое лучшее. Да иногда пріѣзжаютъ представители фирмъ, которымъ необходимо продать только товары. Чтобы узнать истинную картину, нужно отъѣхать въ первую деревню и пожить хотя недѣльку.

Ты живешь, я вначалѣ былъ большимъ сторонникомъ этого строя, теперь, другъ мой, такой ужасъ сковываетъ меня. Я, кажется, постарѣлъ на 20 лѣтъ, видя, когда работаешь, какъ волъ, и голодаетъ семья—дѣти, и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже,

что невольно зарождается желаніе, а когда же появится люди — какихъ бы мастей не были, но освободи отъ этого кошмара. Такъ дальше жить невозможно. Ты скажешь, а пятилѣтка, которая такъ хорошо выполняется — цифры, хотя вещь упрямая, но она можетъ ложная такъ же, какъ люди-лжецы, которые пишутъ эти цифры. Развѣ можно вѣрить нашимъ газетамъ, ибо онѣ есть партійные органы. Ибо нѣтъ свободы слова и печати. На всемъ виситъ замокъ, — самый грубый, деспотичный. Если заглянуть въ исторію, то нынѣшняя наша жизнь — хуже татарскаго ига, хуже всякой реакціи, монархіи любого времени. Ну, кажется довольно. Иногда только хочется, — чтобы скорѣе произошла та же картина съ нашимъ населеніемъ, чтобы оно имѣло представленіе, что такое рай русскій и, можетъ быть, сообща сдѣлаемъ что нибудь лучшее, — хотя эта мысль ужасна. Пока желаю тебѣ пользоваться всѣмъ хорошимъ. Еще разъ цѣлую тебя. Сердечный привѣтъ Мартѣ.

Твой **И. Б.**

29. IV 31 г.

Представители журнала „Казачье Дѣло“

С. А. С. Штаты :

МАСЛОВЪ (Mr MASLOV)
237. East 10 th St. New-York N. I.
U. S. A.

Чехо-Словакія :

Д-ръ С. ФЕДОРОВЪ
Прага XIV, Nusle-Ûdoli, Iaromirova, 456.
И. С. БОИКО
Bratislava VI, Zahradnicka, 70.

Юго-Славія :

П. ПОЛЯКОВЪ
Іована Ристича, 15. Београд

Болгарія :

Н. М. ПАВЛОВЪ
Гара Владая. Софійская околія

Франція :

KNUTANGE (MOSELE)
Г. И. КОРОЛЕВЪ
4, rue de la Republique, 4

LYON-VAISE (RHONE)
Mr NICOLSKY
45, Quai Jaijr, 45

МАРСЕЛЬ (B. Rh.)
Mr NOSSE
Comp. „Victor-Hugo“. Refuge Russe.

BOURGET-BLANC-MESNIER
Mr MAZANOFF
131, rue des Alauettel. Blanc-Mesnil

IMPRIMERIE D'ART
FRANCO-RUSSE
77, rue Mouton-Duvernet, 77
PARIS-14e
Téléphone : Invalides 28-74

Типографія оборудована по послѣднему слову техники

Работы выполняются

БЫСТРО, ДЕШЕВО, АККУРАТНО

Афиши, летучки, бланки для писемъ, счета, конверты, меню, адресныя карточки, циркуляры, каталоги, проспекты, книги, журналы и проч.

Impr. d'ART, 77, r. Mouton Duvernet. Inv. 28-74 Le Gérant : M. Salles Pierre.

Подписная цѣна

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КазачьеДѣло„

ВЫХОДЯЩІЙ ВЪ ПАРИЖѢ

подъ редакціей Коллегіи

ВО ФРАНЦІИ :

На 12 мѣс. . . . 42 фр.
» 6 » . . . 23 »

ЗАГРАНИЦЕЙ :

На 12 мѣс. . . 2.00 ам. долл.
» 6 » . . 1.20 » »

Адресъ
Администраціи « Лиги Возрожденія Казачества »
и Редакціи « Казачьяго Дѣла » :
La Ligue de la Renaissance des Cosaques
78, rue Levis — Paris - 17e
Для денежной Корреспонденціи :
Mr Th. JELTOUKHIN — тотъ же адресъ.

Imprimerie d'Art Franco-Russe
77, rue Mouton Duvernet — 14e

N 11° LA CAUSE DES COSAQUES PARIS

Мартъ 1937 Mars 1937

Цѣна номера во Франціи 3 фр. Prix du numéro 3 frs en France

КАЗАЧЬЕ ДѢЛО

ОРГАНЪ «ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА»

(MENSUEL)

Organe de « La Ligue de la Renaissance des Cosaques »

Донская казачка XVII в. въ домашнемъ костюмѣ.

N° 11 «LA CAUSE DE COSAQUES» Paris

Мартъ 1937 **Mars 1937**

Цѣна № во Франціи 3 фр. Prix du numéro **3** frs en France

„ Казачье Дѣло “

ОРГАНЪ ЛИГИ ВОЗРОЖДЕНІЯ КАЗАЧЕСТВА »
(MENSUEL)
Organe de « **La Ligue de la Renaissance des Cosaques** »

Содержаніе: Наша программа, **Г. Каревъ;** Постановленіе Чрезвычайнаго Общаго Собранія Членовъ Лиги Возрожденія Казачества; О созывѣ Донского Войскового Круга, **А. Бояриновъ;** Замѣтки о казачьихъ политическихъ теченіяхъ за границей, **А. Бояриновъ;** Къ исторіи самостійнаго движенія на Дону, **Г. Каревъ;** Необходимъ единый фронтъ казаковъ-націоналистовъ, **Шамба Балиновъ;** Къ памяти объ Азовской эпопеѣ, **А. Бояриновъ;** Русская «общественность и казачьи «вожди» въ Парагвайскомъ вопросѣ, **Скороходовъ;** Игнатъ - Казаки, **Ф. Урюпинскій;** Замѣтки объ Янычарахъ, **П. М. Поляковъ;** Русскіе о казакахъ, **П. Поповъ;** Чингисъ - Ханъ, **Ф. Желтухинъ;** Вынужденное объясненіе, **Г. Каревъ;** Постановленіе Лиги отъ 5 декабря 1936 г.; Камо грядеши?, **Анатолій Гнутовъ;** Очередныя «шалости» г. Граббе. **А. Кулягинъ;** Среди печати: Хроника; Объявленія.

НАША ПРОГРАММА

Постановленіемъ чрезвычайнаго общаго собранія членовъ «Лиги Возрожденія Казачества» отъ 29 октября 1936 г., которое мы печатаемъ ниже, изъ программы Лиги исключено примѣчаніе къ пункту 3-му. Такимъ образомъ нынѣ Лига Возрожденія Казачества отвергаетъ даже въ «принципѣ возможность въ будущемъ свободнаго вхожденія Казачьихъ Земель въ составъ Россійскаго Государства». По какимъ же мотивамъ это, въ сущности говоря, совершенно невинное примѣчаніе, ни въ какой степени на дѣятельности Лиги не отражавшееся, — было исключено изъ программы? Въ постановленіи ихъ указано около десятка, но всѣ они сводятся къ тремъ: 1) примѣчаніе это было внесено въ программу лишь по соображеніямъ тактическимъ, 2) русская эмиграція въ огромномъ большинствѣ нынѣ стремится прежде всего къ сохраненію территоріальнаго единства Россіи, а не къ сверженію большевистской власти и 3) единственными нашими союзниками въ борьбѣ за освобожденіе отъ совѣтскаго ига явятся лишь народы, стремящіеся къ отдѣленію отъ Россіи.

Остановимся болѣе подробно на первомъ мотивѣ. Прежде всего, какіе же тактическія соображенія заставили, въ свое время, Лигу Возрожденія Казачества внести въ программу это примѣчаніе? Вѣдь, основатели Лиги не въ меньшей степени и не позже, чѣмъ кто-бы то ни было, являлись сторонниками самостоятельнаго существованія Казачьихъ Земель. Это въ достаточной степени подтверждается хотя бы печатаемымъ далѣе докладомъ Предсѣдателя Донской делегаціи на Мирной Конференціи, Г. И. Карева, Донскому Атаману, не говоря уже о Донскихъ основныхъ законахъ.

Главнымъ мотивомъ, заставившимъ основателей Лиги внести въ программу примѣчаніе къ пункту 3-му, являлось стремленіе привлечь къ самостійному движенію наибольшее число казаковъ. Примѣчаніе преслѣдовало цѣли чисто психологическаго характера, ибо ясно же, что всякое самостоятельное государство имѣетъ право, именно въ силу своей суверенности, объединяться такъ или иначе съ другимъ государствомъ. Объ этомъ незачѣмъ говорить особо. Авторы примѣчанія хотѣли, слѣдовательно, оттѣнить и подчеркнуть, что никакого враждебнаго чувства къ Россіи вообще у нихъ нѣтъ, что самостійное движеніе среди Казачества диктуется всецѣло интересами самихъ казаковъ и что не **вражда къ Россіи**, а **любовь къ Казачеству** заставляетъ насъ идти самостійнымъ путемъ. Основатели учитывали тотъ фактъ, что у насъ слишкомъ мало силъ, особенно силъ культурныхъ, способныхъ къ государственному строительству, чтобы отталкивать отъ самостійнаго движенія лицъ, психологически не порвавшихъ еще связей съ Россійскимъ государствомъ, но ставящихъ тѣмъ не менѣе интересы Казачества на первое мѣсто. Мы сможемъ построить Казачье государство только въ томъ случаѣ, если значительная часть казачьяго народа и казачьей интеллигенціи примкнетъ къ нашему движенію и активно приметъ участіе въ этомъ строительствѣ. Такъ было, напр., на Дону при Атаманѣ Красновѣ, когда подавляющее большинство казачьей массы и казачьей интеллигенціи активно приняло участіе въ строительствѣ Донского Государства. Такъ не было на Кубани гдѣ подавляющее большинство военной интеллигенціи было противъ Кубанской государственности, и это привело къ Екатеринодарской трагедіи — повѣшенію А. И. Кулабухова и разгрому Рады. Несмотря на то, что на слонахъ самостійное движеніе на Кубани носило болѣе острый характеръ, чѣмъ на Дону. Кубанцамъ не удалось создать не только своей государственности, но даже — своей отдѣльной Кубанской арміи, — что сдѣлали, — безъ какихъ либо самостійныхъ цѣлей, — Уральцы и Оренбурцы. Неудачу эту можно объяснить только неумѣлойпостановкой вопроса о независимости Кубани тогдашними Кубанскими политическими дѣятелями.

Тактическая ошибка, совершенная на Кубани и приведшая къ такимъ трагическимъ послѣдствіямъ, еще болѣе въ грубой формѣ повторилась здѣсь, за-границей, при возникновеніи «Вльно - казачьяго» движенія. Основная масса, вѣрнѣе — подавляющее большинство казачьей эмиграціи состояло изъ военныхъ, — рядовыхъ казаковъ, совсѣмъ молодыми людьми попавшими на военную службу, и неуспѣвшими ознакомиться ни съ бытомъ, ни съ политикой Казачьихъ Краемъ, и офицеровъ, — въ большинствѣ мало знакомыхъ съ политическими вопросами. Всѣ получали указанія и разъясненія отъ высшаго начальства, настроеннаго единонедѣлимчески. Всѣ они вынуждены были обращаться къ русскимъ учрежденіямъ и къ русскимъ газетамъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они считали себя стопроцентными русскими людьми. Поэтому появленіе журнала «Вольное Казачество» съ рѣзкими, часто грубыми и

нетактичными выпадами противъ Россіи и русскихъ, произвело на казачью массу очень отрицательное впечатлѣніе и сослужило самостійному казачьему движенію очень дурную службу. Самые простые и ясные, казалось бы, вопросы, которые на Дону, напр., не вызывали никакого сомнѣнія, сдѣлались спорными, запутанными и начали вызывать раздраженіе и злобу. «Вольно-казачье», а за нимъ и все самостійное движеніе, получило въ глазахъ казачьей массы отпечатокъ чужеземнаго вліянія и даже продажности. Надо было поэтому показать казакамъ, что самостійничество не есть проявленіе раздуваемой иностранцами злобы къ Россіи, а вызывается исключительно интересами самихъ казаковъ. Вотъ причина появленія въ программѣ Л. В. К. примѣчанія къ пункту 3, къ слову сказать вызвавшаго въ свое время, при обсужденіи программы, рѣзкую критику среди самихъ основателей Лиги.

Нынѣ все это отошло въ прошлое. Нынѣ Казачество довольно хорошо разбирается въ политическихъ вопросахъ и мы не видимъ нынѣ никакихъ основаній для дальнѣйшаго оставленія въ программѣ вышеуказаннаго примѣчанія.

Обратимся теперь къ другимъ мотивамъ. Событія указываютъ, что не далекъ тотъ день, когда «русскій вопросъ» вновь будетъ поставленъ во всю ширину и глубину. Въ предвидѣніи этого, русскіе эмигрантскіе политическіе вожди и даже русская эмигрантская масса рѣзко измѣнили свое отношеніе къ совѣтской власти: вмѣсто борьбы съ большевизмомъ появилось «оборончество», защита «русской» территоріи хотя бы и подъ совѣтской властью. Между тѣмъ, неизбѣжно одно изъ двухъ: или совѣтская власть будетъ побѣдительницей, и тогда большевистская революція восторжествуетъ въ мірѣ, и мы вновь испытаемъ на себѣ всѣ ея прелести; или же совѣтская власть будетъ разбита, восторжествуетъ самостійное движеніе и Совѣтская Имперія распадется на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ. Въ этомъ случаѣ отъ насъ будетъ зависѣть имѣть свое независимое и свободное Казачье Государство. Третье рѣшеніе, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые русскіе люди, полагающіе возможнымъ произвести въ моментъ войны національную революцію и побѣдоносно продолжать войну, — исключается. Это — несбыточная и дѣтски наивная мечта, совсѣмъ не къ лицу такимъ почтеннымъ людямъ, какъ напр. ген Деникинъ. Подобный опытъ былъ произведенъ въ февралѣ 1917 года. Въ то время вѣдь тоже говорили, что революцію надо сдѣлать, дабы побѣдно закончить войну. А какой «побѣдой» закончилась февральская революція, намъ всѣмъ хорошо извѣстно. Мы полагаемъ даже, что интересы самого русскаго народа требуютъ нынѣ раздѣленія Имперіи. Русскій народъ настолько нынѣ ослабѣлъ, что ему одному было бы не по силамъ защитить всю имперскую территорію и вести надлежащую имперскую политику. Вотъ что пишетъ по этому вопросу издающаяся въ Берлинѣ русская газета «Наше Слово»:

«На очередь становится вопросъ о продолженіи процесса распаденія Россіи и при томъ какъ съ Запада, такъ и съ Востока. Нужно имѣть смѣлость сказать: распадъ Государства въ извѣстные историческіе моменты **ничѣмъ неостановимъ, неизбѣженъ.** Больше того — единственный путь возрожденія. Вопросъ идетъ о спасеніи самого національнаго **ядра.** А оно въ данный моментъ не можетъ вмѣстить въ себѣ большихъ государственныхъ и территоріальныхъ задачъ... Только на почвѣ отказа отъ «національно-историческихъ задачъ», на почвѣ сокращенія территоріи возможна національная консолидація, собираніе силъ для новаго культурнаго творчества».

Такъ смотрятъ на свое положеніе сами русскіе люди. Намъ же, казакамъ, выходъ одинъ: если мы хотимъ существовать, мы должны создать свое независимое Казачье Государство. Для достиженія этой цѣли Лига Возрожденія Казачества зоветъ братьевъ Казаковъ въ свои ряды.

Г. Каревъ.

Постановленіе Чрезвычайнаго Общаго Собранія Членовъ Лиги Возрожденія Казачества

29 октября 1936 года

По вопросу объ исключеніи изъ программы Лиги примѣчанія къ пункту 3-му

Общее Собраніе Членовъ Лиги Возрожденія Казачества, обсудивъ вопросъ объ исключеніи изъ программы Л. В. К. примѣчанія къ пункту 3, гласящаго:

Лига Возрожденія Казачества допускаетъ въ принципѣ возможность въ будущемъ свободнаго вхожденія Казачьихъ Земель въ составъ Россійскаго Государства, если таковое будетъ построено на принципахъ, пріемлемыхъ для населенія Казачьихъ Земель, но въ данный моментъ жизненные интересы Казачества требуютъ, по ея мнѣнію, установленія государственной жизни на принципѣ полной независимости, —

и принимая во вниманіе:

а) Съ одной стороны:

1) что названное примѣчаніе внесено было въ программу лишь по соображеніямъ тактическимъ, имѣвшимъ важное значеніе въ первый, подготовительный періодъ дѣятельности Лиги,

2) что подготовительный періодъ дѣятельности Л. В. К. законченъ,

3) что нынѣ Зарубежное Казачество въ массѣ отошло отъ аполитичности, въ которой пытались держать его единонедѣлимческіе «вожди», и раздѣлилось на два лагеря: опредѣленныхъ самостійниковъ, сторонниковъ образованія Независимаго Казачьяго Государства, и единонедѣлимцевъ, сторонниковъ возрожденія Казачьихъ Краевъ въ составѣ единой Россіи; причемъ число первыхъ увеличивается, а послѣднихъ уменьшается;

4) что въ этомъ измѣненіи настроенія Казачества несомнѣнную и немалую роль сыграла и Л. В. К.;

в) Съ другой стороны:

5) что цѣлый рядъ признаковъ указываетъ на измѣненіе отношенія не только массы, но и руководителей русскаго Бѣлаго Бѣженства къ Совѣтской Россіи, причемъ выясняется явное стремленіе значительной части къ защитѣ Совѣтской Россіи отъ враговъ не только внѣшнихъ, но и «внутреннихъ»,

6) что «Бѣлые» русскіе ставятъ себѣ непреложной цѣлью сохраненіе единства территоріи Россіи, даже въ моментъ господства, совѣтской власти, не допуская отдѣленія отъ нея и, тѣмъ самымъ, освобожденія отъ совѣтской тиранніи отдѣльныхъ краевъ и областей,

7) что такое устремленіе русскихъ «Бѣлыхъ» эмигрантовъ порождаетъ непримиримое противорѣчіе между цѣлями Русскаго народа сохранить во что бы то ни стало захваченныя территоріи — съ одной стороны, и съ другой — стремленіемъ Казачества не только освободиться отъ совѣтской власти **какимъ бы то ни было** путемъ, но и создать свое самостоятельное государство;

г) имѣя въ виду наконецъ:

8) что въ предстоящей неизбѣжной борьбѣ за освобожденіе Казачества и его Краевъ лозунгъ «за Независимое Казачье Государство» долженъ быть и будетъ выдвинутъ на первый планъ и, въ силу этого, требуетъ ясности и опредѣленности:

9) что единственными союзниками Казаковъ въ этой борьбѣ явятся лишь народы, стремящіеся къ отдѣленію отъ Россіи,

ПОСТАНОВИЛО:

1) Примѣчаніе къ пикту 3 программы Л. В. К. исключить.

2) Поручить Правленію войти въ переговоры о болѣе тѣсномъ сотрудничествѣ съ другими самостійными группами и организаціями.

3) По прежнему продолжать работу по распространенію идей Л. В. К. среди казаковъ и по привлеченію новыхъ членовъ и принимать участіе во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни Казачества.

О Созывѣ Донского Войскового Круга

Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя у насъ имѣются изъ разныхъ источниковъ и странъ разселенія Донского Казачества за границей, мысль о созывѣ Донского Войскового Круга живо занимаетъ и волнуетъ вниманіе широкихъ слоевъ нашей общественности, оказавшей воздѣйствіе и на старый руководящій элементъ нашего Верховнаго Учрежденія. Вслѣдствіе чего мы имѣемъ въ рукахъ воззваніе группы членовъ Донского В. Круга и его Президіума, находящихся въ Прагѣ, воззваніе, адресованное ко всѣмъ членамъ Круга съ просьбой обсудить и принципіальную и организаціонную стороны вопроса.

«Воззваніе» мотивируетъ необходимость призванія къ жизни Д. В. Круга соображеніями нижеслѣдующаго порядка: «... Тяжелое положеніе Донского Казачества извѣстно всѣмъ. Усилія всѣхъ казачьихъ общественныхъ группировокъ облегчить положеніе Казачества оказываются безплодными и малоавторитетными: Донскому Казачеству потребовался такой его общественный органъ, который былъ бы связанъ съ массой его, связанъ съ родною Донскою Землею, такой общественный донской органъ, который имѣлъ бы большія основанія говорить и дѣйствовать именемъ всего Донского Казачества».

Съ такой мотивировкой необходимости функціонированія В. Круга нельзя не согласиться, какъ нельзя отрицать значительности той роли, которую онъ могъ бы сыграть, какъ факторъ организующій, направляющій и контролирующій.

Если не все благополучно у казаковъ другихъ Войскъ, то у насъ, донцовъ, положеніе во всѣхъ отношеніяхъ вызываетъ особенно большую тревогу. То, что творится сейчасъ формальной «верхушкой» не только вноситъ разложеніе въ бытовую нашу жизнь за границей — хуже: такая «дѣятельность» бьетъ по самой идеѣ Казачества, угрожая тяжелыми послѣдствіями въ будущемъ, къ моменту освобожденія и возрожденія нашихъ Казачьихъ Краевъ.

Повторяется старое явленіе, начавшееся при Петрѣ Великомъ, съ момента уничтоженія Дон. В. Круга. Избавившись въ то время отъ контроля Властнаго Хозяина Земли Донской, войсковая администрація и окружающая ее старшина занялись, и сейчасъ же и безнаказанно, расхищеніемъ донскихъ земель, правовыхъ и духовныхъ казачьихъ цѣнностей, стремясь сдѣлать изъ казаковъ военный инструментъ и орудіе для своихъ эгоистическихъ интересовъ.

То же самое явленіе повторяется и сейчасъ за границей. Семнадцать лѣтъ тому назадъ, вопреки своей волѣ, Кругъ пересталъ фукціонировать. И мы знаемъ, что произошло — то же расхищеніе матеріальныхъ, правовыхъ и духовныхъ цѣнностей Казачества. Сейчасъ матеріальныхъ цѣнностей у насъ нѣтъ, но имѣющійся значительный запасъ исконныхъ моральныхъ цѣнностей опорочивается, опошливается и обезцѣнивается превращеніемъ казачьей идеи въ неприличную карикатуру. Разумѣется, при наличіи Донского В. Круга, такому явленію не могло бы быть мѣста, и нынѣ только онъ, Верховный Хозяинъ Донской, можетъ положить конецъ такому ненормальному и тяжелому положенію вещей.

Съ этой точки зрѣнія, повторяемъ, отрицать важности дѣйственной роли Д. В. Круга нѣтъ никакихъ основаній.

Вся бѣда въ томъ, что мысль и акція по созыву Круга возникли очень поздно, послѣ его семнадцатилѣтняго, хотя и вынужденнаго, бездѣйствія.

Тогда, въ первые годы нашего пребыванія за границей, обстановка ставила на разрѣшеніе Д. В. Круга реальнѣйшія задачи: перевыборы Донского Атамана, провѣрку и контроль дѣятельности правительства, организацію казачьей массы и распоряженіе имѣвшимися крупными денежными средствами, съ использованіемъ ихъ для устройства казачьяго быта за границей. Но въ многолѣтней настойчивой борьбѣ за созывъ В Круга въ то время я встрѣтилъ непреодолимыя препятствія. Теперь мы и пожинаемъ печальные плоды такого отношенія къ нашему Верховному Хозяину.

Конечно, сейчасъ поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Мы только не видимъ, какія заданія нынѣ ставятся Кругу, мы не знаемъ программы его будущей дѣятельности, хотя бы въ общихъ чертахъ.

«Возрожденіе Д. В. Круга явилось бы огромной важности началомъ возникновенія общественнаго и моральнаго центра и руководящаго начала въ жизни Донского Казачества». Такими словами опредѣляется Иниціативной Группой будущая роль Войскового Круга. Опредѣленіе очень туманное, неопредѣленное, въ которое можно воплотить любое содержаніе. Идти на Кругъ съ такимъ заданіемъ нельзя, и Иниціативной Группѣ необходимо, хотя и въ общихъ чертахъ, но все же въ болѣе опредѣленныхъ формахъ, поставить тѣ первостепенной важности вопросы, которыми придется заняться В. Кругу.

Мы также не скрываемъ отъ себя особой деликатности положенія Д. В. Круга съ точки зрѣнія политической. Международная политическая ситуація настолько напряженна и въ тоже время такъ измѣнчива, что, наряду съ неизбѣжностью катастрофическихъ событій, трудно учесть, по какимъ линіямъ эти событія будутъ развиваться. При наличіи такихъ обстоятельствъ, правильная оріентація чрезвычайно затруднительна, и Войсковой Кругъ можетъ легко попасть впросакъ и, пойдя по неудачно выбранной политической линіи, можетъ нанести непоправимый ударъ по тѣмъ внѣшнимъ возможностямъ, которыя могутъ содѣйствовать освобожденію Нашихъ родныхъ Краевъ.

Такое деликатное положеніе диктуетъ особую осторожность въ вопросахъ нашей внѣшней политики. Да и вообще руководящимъ элементамъ В. Круга необходимо заранѣе вырѣшить, какихъ вопросовъ можно касаться, какихъ, по тактическимъ соображеніямъ, торгать нельзя.

По поводу сомнительности полномочій членовъ Дон. В. Круга, съ точки зрѣнія формальной, можно много спорить, но моральное ихъ право на представительство Донского Казачества едва-ли оспоримо, какъ лицъ въ свое время избранныхъ всею Донскою Землею и никѣмъ не замѣненныхъ. Формальное ихъ право основывается также на томъ соображеніи, что на ихъ мѣсто нѣтъ новыхъ членовъ. Кругъ стараго состава долженъ функціонировать, ибо пустоты на мѣстѣ этого Учрежденія не можетъ быть допущено ни на одну минуту. Представимъ себѣ такое положеніе. Мы на Родинѣ. Полномочія членовъ Круга кончились, новыхъ выборовъ еще не произведено. Возникаетъ экстренная необходимость созыва Круга, какъ это и было неоднократно на Дону — хотя бы, напримѣръ, во-время «Калединскаго мятежа». Естественно, что въ этомъ разѣ призванъ будетъ старый Кругъ и онъ имѣетъ право продолжать свои функціи до замѣны его членами новаго избранія. Кругъ, какъ часовой, покидаетъ свой постъ, когда ему прибываетъ смѣна.

Мы не видимъ, на какія средства расчитываетъ Иниціативная Группа для созыва Круга, а средства потребуются очень большія и взять ихъ изъ бѣженскаго кармана нельзя. Нужно полагать, что у иниціаторовъ имѣются какія то конкретныя данныя для разрѣшенія этихъ вопросовъ, иначе, вѣдь, вся акція выльется въ теоретическіе разговоры, въ невыполнимую мечту.

Что касается утвержденія, что у Дон. В. Круга найдутся враги, которые постараются дискредитировать его, противъ этого спорить не приходится. Враги эти, и старая и новая старшина, имѣлись и на Дону, но тамъ они передъ Властнымъ Хозяиномъ Земли принуждены были свою вражду затаить въ глубинѣ души. Здѣсь они всѣ наружи, ихъ всѣ знаютъ, но ихъ не такъ много и нанести особеннаго ущерба Войсковому Кругу они не въ силахъ, ибо всему Казачеству идея стариннаго чашего народоправства кровно дорога. Агита-

ція противъ Круга со стороны «верхушки» начинается уже и сейчасъ, но все это — покушеніе съ негодными средствами.

Обращаясь къ пун. 8 «Воззванія» мы не уяснямъ себѣ, что разумѣется подъ организаціей, именуемой Делегатскимъ Съѣздомъ? Изъ кого, гдѣ и какимъ образомъ этотъ съѣздъ предполагается осуществить? Затѣмъ, мы считаемъ совершенно недопустимымъ избраніе этимъ съѣздомъ Президіума Круга, ибо Предсѣдатель избирается самимъ Кругомъ, а Товарищи Округами и утверждаются тоже Кругомъ. Вообще же нужно всемѣрно избѣгать нарушенія существующихъ насчетъ организаціи Круга и его функцій соотвѣтственныхъ положеній, дабы не дать лишняго оружія его врагамъ.

Ставя вышеприведенные воспросы, мы надѣемся, что Инициативная Группа освѣтитъ ихъ съ возможной опредѣленностью и точностью.

Въ заключеніе повторяю, что созывъ Донского Круга, при наличіи къ тому средствъ и возможностей, очень желателенъ, но при условіи тщательной и вдумчивой подготовки къ этой акціи — подготовки и программной и технической, съ учетомъ всей сложности международной политической обстановки, дабы успѣшно провести Кругъ черезъ всѣ подводные камни (а ихъ не мало), чтобы и самъ Кругъ не потерпѣлъ крушенія и не посадилъ бы на мель и дѣла освобожденія Родныхъ Казачьихъ Краевъ отъ большевицкаго ига.

А. Бояриновъ,
Товарищъ Предсѣдателя Л. В. Круга.

Замѣтки о казачьихъ политическихъ теченіяхъ за границей

Нельзя отрицать, что казачья политическая мысль за пореволюціонный періодъ продѣлала большую работу, и если не во всей казачье - эмигрантской массѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ ея ведущей части имѣются въ наличіи опредѣленные взгляды на принципы нашихъ «побѣдъ и пораженій», на пути къ освобожденію отъ большевистской тиранiи и на будущія судьбы нашихъ Родныхъ Краевъ. Разумѣется, взгляды эти различны, и это неизбѣжно, какъ и во всякой общественно - политической средѣ, и опредѣляются они многими причинами. Здѣсь играютъ роль и возрастъ, и прежнее дореволюціонное общественное положеніе субъкта, и воспитаніе, и темпераментъ, личная заинтересованность и другія привходящія обстоятельства. Но у всѣхъ наблюдается одно общее: враждебно - отрицательное отношеніе къ коммунистическо - большевистскому режиму, воля къ борьбѣ противъ него и стремленіе къ возрожденію казачества въ той или иной формѣ. Если въ нашей средѣ и есть исключенія, т. е. люди, симпатизирующіе совѣтской власти (большевиствующіе), то это единицы, совершенно на общемъ казачьемъ фонѣ незамѣтныя и вида обще - казачьяго лица не мѣняющія. Наличіе продѣланной казачьей политической мыслью работы, а слѣдовательно и наличіе опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и даже программъ даетъ намъ основаніе надѣяться, что грядущія международныя событія, неизбѣжно долженствующія оказать рѣшающее вліяніе и на судьбы коммунизма вообще и на будущее Казачьихъ Краевъ въ частности, — не застанутъ насъ врасплохъ, какъ это было въ эпоху семнадцатаго и послѣдующихъ годовъ, когда мы очутились предъ лицомъ грозныхъ событій совершенно общественно - политически неподготовленными, безъ опредѣленной идеологіи, безъ программъ и безъ ясныхъ, отчетливыхъ лозунговъ и, слѣпо слѣдуя за любымъ краснословіемъ любого демагога, проиграли борьбу, имѣя въ наличіи большія психологическія и матеріальныя данныя, чтобы выйти изъ этой борьбы побѣдителями.

«Каждый солдатъ долженъ знать свой маневръ», говоритъ военная мудрость. Тѣмъ паче свой маневръ долженъ знать каждый гражданинъ въ области общественно-политической, дабы не стать слѣпымъ орудіемъ, «сѣрою скотинкою» въ рукахъ политическихъ дѣльцовъ и авантюристовъ и, такимъ обраомъ, и себя и судьбу своей Родины обезпечить отъ такихъ трагедій, какія мы пережили и продолжаемъ переживать до настоящаго времени. Съ этой точки зрѣнія глубоко преступна роль тѣхъ «вождей» и ихъ приспѣшниковъ, которые часто за границей, или по недомыслію, или вслѣдствіе нечистыхъ, эгоистическихъ побужденій, призывали и призываютъ казаковъ — «не заниматься политикой», зовутъ къ политической слѣпотѣ, къ роли послушнаго орудія въ рукахъ очередного «капрала, взявшаго политическую палку въ руки». Такіе призывы столь же ненормальны и абсурдны, какъ еслибы кто-либо вздумалъ проповѣдывать въ наше время обыкновенную книжную безграмотность.

Да мы и не можемъ не заниматься вопросами политическими, ибо не въ нашихъ силахъ забыть Родину, вычеркнуть изъ нашей памяти, изъ нашей души пережитое и переживаемое, не можемъ мы уйти отъ самихъ себя, какъ бы мы того ни хотѣли. И никакія фабрики, ни фермы, ни заботы настоящаго дня не оторвутъ насъ отъ мыслей о судьбѣ нашей многострадальной Родины, съ которой связана и личная наша и нашихъ дѣтей и близкихъ судьба. День и ночь думая объ этихъ судьбахъ, мы уже тѣмъ самымъ занимаемся политикой. Разница только въ степени активности каждаго отдѣльнаго лица, каждой отдѣльной группы...

Международная обстановка настоящаго дня, когда не только Европа, но и весь міръ стоитъ предъ лицомъ и накануне неизбѣжныхъ рѣшающихъ событій, когда человѣчество рѣзко раздѣлилось на два враждебныхъ и вооруженныхъ до зубовъ загеря, — національный и интернаціонально - коммунистическій — готовыхъ каждую минуту броситься другъ на друга, чтобы рѣшить вопросъ о дальнѣйшей структурѣ человѣческаго общества, когда несмотря на всѣ усилія, пацифистски настроенныхъ политическихъ вождей свернуть на иной путь ходъ событій, фатально развивающихся въ направленія вооруженнаго конфликта,—оказывается не въ силахъ ни государственныхъ дѣятелей, ни цѣлыхъ, мирно настроенныхъ націй, — въ этотъ отвѣтственный историческій моментъ и мы, казаки, должны постараться опредѣлить и найти свое мѣсто въ грядущей борьбѣ, и въ будущихъ событіяхъ принять участіе не какъ пассивные статисты, а какъ активные борцы за извѣстную идею, за будущее возрожденіе нашихъ родныхъ народовъ, чтобы не проиграть игру снова и на этотъ разъ навсегда.

Наростающія событія властно поэтому диктуютъ намъ необходимость разобраться въ тѣхъ политическихъ теченіяхъ, которыя къ настоящему моменту болѣе или менѣе отчетливо опредѣлились въ средѣ заграничнаго казачества, сдѣлать характеристику этихъ устремленій, указать на ихъ сильныя и слабыя стороны и, такимъ образомъ, выяснить тотъ политическій багажъ, съ которымъ мы можемъ выступить на активныхъ роляхъ въ предстоящемъ международномъ спорѣ.

Имѣющаяся достаточно обильная казачья литература, въ видѣ журналовъ и брошюръ, а особенно въ этомъ отношеніи цѣнная книга «Казачество», изданная Казач. Союзомъ и включающая въ себѣ многочисленныя статьи различныхъ казачьихъ общественно - политическихъ дѣятелей по интересующему насъ вопросу, — даютъ достаточный матеріалъ для подведенія итоговъ казачьей политической мысли и классификаціи ея по различнымъ идеологическимъ признакамъ.

Мы не претендуемъ на исчерпывающее обслѣдованіе столь важнаго и сложнаго вопроса. Въ небольшой журнальной статьѣ этого сдѣлать нельзя. Но хотя бы въ поневолѣ эскизной, схематической формѣ подойти къ нему нужно и разсмотрѣть его хотя бы въ общихъ чертахъ и своевременно, и крайне необходимо.

Заграничная казачья политическая мысль къ данному моменту идетъ двумя главными, рѣзко разграниченными, линіями — единонедѣлимческой и сепаратистской, на обыденномъ языкѣ называемой «самостійной». Въ то время, какъ сепаратистское теченіе, несмотря на нѣсколько отдѣльно другъ отъ друга дѣйствующихъ группировокъ, представляетъ собою цѣльную, идеологически единую, политическую концепцію, съ очень незначительными тактическими различіями, единонедѣлимческій секторъ включаетъ въ себя нѣсколько теченій, съ значительно отличающей ихъ другъ отъ друга идеологіей и тактикой. Среди нихъ имѣются чистые унитаристы, т. е. сторонники безоговорчнаго включенія Казачьихъ Краевъ въ составъ будущей Россіи, есть автономисты, областники и, наконецъ, федералисты, мыслящіе будущую Рос-

сію союзнымъ государствомъ, на подобіе Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ или Швейцаріи.

Въ выработкѣ того или иного изъ указанныхъ міросозерцаній несомнѣнно играли и играютъ роль, помимо субъективныхъ данныхъ, и факторы объективнаго порядка: вопросъ расовый, т. е. этническое происхожденіе казачества, прошлая исторія казачества и его взаимоотношеній съ Россіей въ періодъ самостоятельной казачьей государственности, и въ особенности въ эпоху императорскую, когда казачество введено было въ составъ Россійской имперіи.

Расовый элементъ, при выработкѣ казачьей идеологіи, имѣетъ, какъ у всякаго народа, большое значеніе, ибо вопросомъ крови, вопросомъ породы опредѣляется въ значительной степени и психологическое содержаніе: китаецъ — не только отличается отъ другихъ формой своихъ глазъ или черепа, или другими анатомическими признаками, но и особыми свойствами души, какъ отличается нѣмецъ отъ француза, славянинъ отъ турка и т. д.

Вопросъ о происхожденіи казачества достаточно подробно освѣщенъ въ самостійной литературѣ, и здѣсь мы ограничимся только нѣсколькими дополнительными на этотъ счетъ замѣчаніями.

Въ своихъ утвержденіяхъ о происхожденіи казачества путемъ его зарожденія еще до временъ татарскаго нашествія изъ мѣстныхъ элементовъ, славянскихъ и тюрско-татарскихъ, входившихъ въ составъ Тмутараканскаго княжества и жившихъ на юго-востокѣ Европы, отъ Кавказскихъ горъ до Подонья, самостійная литература основывается на многочисленныхъ историческихъ документахъ: византійскихъ, арабскихъ, русскихъ и др. Единонедѣлимцы являются приверженцами теоріи происхожденія казаковъ отъ русскихъ людей, бѣжавшихъ отъ гнета московской власти, отъ каторжныхъ условій самодержавно - рабовладѣльческаго режима.

«Донское казачество», говоритъ И. Н. Ефремовъ - донецъ («Казачество» стр. 175): «являясь протестомъ противъ этихъ темныхъ сторонъ Московскаго государства и уходя за его предѣлы, несло, однако, съ собою на берега «Тихаго Дона», во всей неприкосновенности, идею единства Россіи и своего ей служенія.., Донскіе казаки считали себя и были въ дѣйствительности передовымъ отрядомъ русскаго народа, раздвигавшимъ предѣлы Русскаго государства».

«Казаки умѣли сочетать любовь къ Родинѣ - Россіи съ любовью къ своимъ Казачьимъ Краямъ», утверждаетъ Зенковъ - донецъ (тамъ же, стр. 183).

Н. Ф. Рощупкинъ - терецъ («Казачество» стр. 261) пишетъ: «Одно несомнѣнно и безспорно — это то, что Казачество и по своему происхожденію и по духу и по существу является плотью отъ плоти и костью отъ кости русскаго народа... На протяженіи вѣковъ оно неизмѣнно сохраняло вѣрность своей Великой Родинѣ, безгранично и во имя ея счастья и блага взропотно любило свою Матушку - Русь и сознательно жертвовало своей кровью и жизнью».

«Оно (казачество) явилось самобытнымъ продуктомъ русскаго народа и русской жизни» (Букановскій - терецъ — тамъ же, стр. 101).

«Казачество является продуктомъ русской стихіи» (Бигаевъ - терецъ — тамъ же, стр. 80).

У Корочецева - донца (тамъ же,стр. 206) читаемъ: «Оно (казачество) сознавало себя плотью отъ плоти, кровью отъ крови своей Матери Россіи... Не вражда за то, что пришлось уйти куда то, не чувство неблагодарности, а сознаніе необходимости помогать ей (Россіи) руководило имъ».

Такой взглядъ на происхожденіе Казачества свойствененъ всѣмъ единонедѣлимцамъ, какихъ бы оттѣнковъ они ни были. При чемъ, характерной чертой этихъ утвержденій служитъ отсутствіе какой бы то ни было исторической документаціи, и на чемъ основанъ такой взглядъ, неизвѣстно. Поэтому мы вправѣ поставить вопросъ, не возможно ли съ такой же основательностью утверждать, что казаки происходятъ отъ англичанъ, турокъ, китайцевъ или... жителей Марса?

Подобный единонедѣлимческому взглядъ на происхожденіе Казачества могъ родиться только у людей, не пожелавшихъ или не имѣвшихъ возможности болѣе углубленно заняться этимъ вопросомъ, у людей довольствующихся казенной, во имя политической цѣлесообразности, изобрѣтенной теоріей, со школьнаго возраста вколоченной въ наши головы, привлекательной своей простотой и избавляющей отъ трудной головоломной работы по углубленію въ изученіе этого предмета.

Не вдаваясь въ подробности, (за неимѣніемъ мѣста) — мы вправѣ задать вопросъ. Если Казачество образовалось на югѣ изъ россійскихъ бѣглыхъ людей и взяло на себя добровольную миссію «защиты границъ Матери - Россіи», то почему же такое Казачество не появилось на западныхъ границахъ въ сосѣдствѣ съ Литвою, съ Ливонскими Рыцарями — тамъ вѣдь тоже надо было охранять границы въ вѣковой борьбѣ съ западными, достаточно воинственными сосѣдями? Почему такое же Казачество не создалось въ странахъ прибалтійской Руси, ибо эти предѣлы подвержены были частымъ вторженіямъ норманновъ? Почему приморскіе русскіе люди, какъ новгородцы и другіе, сами мореходы, пассивно терпѣли эти набѣги, даже платили дань, въ то время, какъ казаки, находясь въ болѣе трудныхъ условіяхъ, не только никакой дани туркамъ, государству болѣе, чѣмъ норманны, могущественному, не платили, но сами потрясали стѣнами ихъ городовъ и даже самой столицы — Цареграда. Почему такое Казачество не образовалось ан сѣверо - востокѣ и востокѣ, куда также отъ россійскаго гнета уходилъ рускій человѣкъ и гдѣ также были племена ему враждебныя, и гдѣ также требовалась защита границъ? Почему для этой защиты московское правительство принуждено было посылать ратныхъ людей изъ центра? Почему, наконецъ, мы на протяженіи всей исторіи и на пространствѣ всей обширной россійской громады не встрѣчаемъ и намека на тѣ черты характера и быта, какими опредѣляется само понятіе Казачества?

Академикъ Ознобишинъ такъ характеризуетъ русскій народъ въ его отношеніяхъ къ борьбѣ съ Новгородской и Псковской народными республиками:

«Нашествіе и покореніе Новгорода сопровождалось насиліями и убійствами, напоминавшими времена Батыя. Москвичи, привыкшіе повиноваться единоличной власти своихъ князей и ихъ боярамъ, съ ужасомъ глядѣли на новгородцевъ, осмѣлившихся критически относиться къ этой власти. Въ то время, когда тысячи новгородцевъ гибли подъ мечами москвичей, когда тысячи плѣнныхъ отправленныхъ въ Москву, умирали дорогою отъ холода и голода, когда все имущество новгородцевъ было разграблено или сожжено, а жены и дочери изнасилованы, — въ это время всеобщей гибели братьевъ славянъ, народъ московскій ликовалъ въ неописуемомъ восторгѣ, молебствовалъ и сердечно, искренне былъ радъ тому, что строптивые князьямъ новгородцы истреблены въ корень и что ихъ буйное самоуправленіе, вѣче, уничтожено и отнынѣ новгородцы, приближаясь къ особѣ московскаго великаго князя, должны будутъ падать ницъ передъ символомъ власти и не иначе себя называть, какъ холопами Московскаго царя. При гибели вѣча Новгородскаго не только ликовалъ народъ простой, но даже святители московскіе принимали въ этомъ живѣйшее участіе и старались задѣвать самыя святыя и завѣтныя струны новгородскаго сердца».

Характеристика яркая и отчетливая. Спрашивается, есть ли здѣсь черты, которыя позволяли бы утверждать, что Казачество, вольнолюбивое, само свободное и уважающее свободу другихъ, основанное на началахъ народоправства и пронесшее вѣрность этимъ принципамъ чрезъ всѣ терніи своей многовѣковой и многострадальной исторіи, чтобы это Казачество было плотью отъ плоти того русскаго народа, который, отъ царя и патріарха до простолюдина, ликовалъ по поводу уничтоженія новгородскаго народоправства, методами безконечныхъ жестокостей, грабежа, убійствъ, разоренія, насилій, напоминавшими времена Батыева нашествія? И не видимъ ли мы въ страшномъ разгромѣ Казачества большевицкой Русью повтореніе того же, что такъ ярко изображено г. Ознобишинымъ?

Великорусскій народъ, образовавшійся изъ помѣси славянъ съ племенами чуди, веси, муромы и пр., стоявшими на самой низкой ступени и не имѣвшими даже жилищъ, впитавшій въ себя шаманство, изувѣрство, и окаянство этихъ народностей, во всѣхъ проявленіяхъ своего внутренняго содержанія,прежде всего максималистъ: максималистъ и въ лѣни, и въ бунтѣ, и въ религіозныхъ и философскихъ воспріятіяхъ, и въ своихъ поискахъ всемірной правды, несуществующаго града Китежа.

Всѣ философскія, и религіозныя, и соціальныя системы, перенесенныя на великорусскую почву, вырождались обязательно въ уродливыя формы. Мы — свидѣтели, во что претворено пришедшее съ Запада экономическое ученіе Маркса — въ сплошное изувѣрство, въ планетарный разбой, отъ котораго пришелъ бы въ ужасъ самъ творецъ соціализма.

Религіозное теченіе христовщина, тоже зародившееся на Западѣ, на великороссійской почвѣ претворилось въ изувѣрскую хлыстовскую секту, съ ея отвратительными картинами свальнаго грѣха и ихъ чудовищнымъ ученіемъ, что основа грѣха — это женская лѣность и что единственный и кратчайшій путь ко спасенію — это стадное удовлетвореніе плоти. Представитель этой секты Кондратій Селивановъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія пошелъ еще дальше и основалъ секту «скопцовъ». Эта секта имѣла особый успѣхъ въ губ. Тамбовской, Орловской, Калужской и пр.

Въ XVIII вѣкѣ тоже съ Запада въ Малороссію было занесено духоборческое ученіе, прекрасное и по формѣ и по содержанію — религія духа. Представителемъ ея въ Малороссіи былъ извѣстный, столь уважаемый Л. Н. Толстымъ, фи-

лософъ Сковорода. Здѣсь это ученіе захватило широкія массы и, развиваясь нормально, отъ своей первоначальной чистоты ничего не утеряло. Будучи перенесено въ Великороссію, оно немедленно же принимаетъ уродливыя, изувѣрскія формы, и представитель здѣшнихъ сектантовъ, Побирохинъ, провозглашаетъ себя Христомъ, и свое потомтсво также наслѣдственными Христами.

Свойства души народной нигдѣ такъ ярко не сказываются, какъ въ воспріятіяхъ религіозныхъ и соціально - политическихъ. И указывая на приведенные примѣры, мы хотѣли сказать, что ни въ Малороссіи, ни на Дону, гдѣ также существовали разныя секты, подобныхъ великорусскимъ, уродливыхъ уклоновъ, такого изувѣрства исторія не знаетъ. Въ этомъ огромная, рѣшающая разница между двумя мірами, казачьимъ и великорусскимъ, и считать первое производнымъ отъ второго — это идти наперекоръ очевидности, логикѣ и здравому смыслу.

Прибавьте къ этому фигуры Никиты Пустосвята, протопопа Аввакума, тѣхъ двадцать тысячъ сектантовъ, которые во времена Петра, во имя спасенія души, живьемъ сожгли себя на кострахъ—и вы поймете, что люди эти изъ другого міра съ народами юга Россіи въ своей природѣ ничего общаго не имѣющіе.

Итакъ, если, какъ мы сказали выше, россійскіе люди не могли создать ничего подобнаго Казачеству на западѣ, сѣверѣ, на востокѣ, несмотря на подходящія условія, то, очевидно, что въ русскомъ народѣ нѣтъ нужныхъ для этого духовныхъ элементовъ, а посему не могъ онъ создать Казачество и на югѣ. И если оно создалось здѣсь, то изъ наличія другихъ, жившихъ здѣсь, народностей, а именно — изъ помѣси славянъ, тюрко - татаръ и иныхъ кровей. Да и можно ли думать, что не умѣвшій въ ближайшихъ къ своимъ границамъ мѣстахъ создать что либо подобное, русскій крестьянинъ или десятокъ - другой таковыхъ пошелъ бы создавать Казачество на Дону, отдѣленномъ тысячеверстной пустыней отъ его жилья, на пустомъ, необитаемомъ Дону, въ условіяхъ всякихъ опасностей и отъ дикаго звѣря, и отъ бродячаго татарина, и отъ голода и холода. Только загипнотизированная россійской великодержавностью мысль можетъ придумать такую фантастическую теорію.

Г. г. единонедѣлимцы утверждаютъ, что, бѣжавъ отъ россійскаго гнета на Донъ, русскій человѣкъ уносилъ съ собою горячую любовь къ Матери - Россіи, стремленіе охранять и раздвигать ея предѣлы. Есть ли въ этой сладчайшей лирикѣ какая либо внутренняя логика? Можно ли, убѣгая изъ каторжной тюрьмы, уносить съ собою горячую къ ней любовь? Можно ли стремиться къ раздвиганію предѣловъ этой тюрьмы и охранять ея стѣны? Мы знаемъ изъ исторіи другое. Какъ только Москва продвигалась въ сторону казачьихъ городковъ, такъ населеніе ихъ снималось съ мѣстъ и уходило дальше отъ «возлюбленной» Россійской руки. Такъ было на югѣ во времена Бориса Годунова и первыхъ Романовыхъ, такъ было и въ другихъ казачьихъ войскахъ. Казачество — это не великорусскій народъ ни въ психологическомъ, ни въ расовомъ отношеніи. Оно это доказало съ особенной яркостью въ періодъ 17, 18 и слѣдующихъ годовъ.

Великоруссы пріяли большевизмъ, а казаки объявили ему борьбу на смерть. Великоруссы проявили по отношенію казаковъ такія звѣрства, такую жестокость, какую выявили ихъ предки по отношенію новгородцевъ и псковичей, въ то время, какъ казачьей природѣ насиліе органически противно.

Русскій народъ разрушилъ свой домъ (Россію), а мы за сохраненіе своего дома боролись на смерть.

Россійская демократія (Милюковъ, Керенскій и пр.) обанкротилась, ибо она не отвѣчала народному русскому нутру и не была имъ поддержана, а Казачество блестяще выдержало экзаменъ.

«Казачьи земли — это не административно территоріальныя единицы, губерніи, отдѣленныя одна отъ другой условной чертой. Это Края, заполненные глубокимъ историческимъ содержаніемъ и этимъ же содержаніемъ ограниченные отъ своихъ сосѣдей. Это особые, законченные, оригинальные, самобытные организмы, жившіе, живущіе и желающіе жить по своему особому укладу. У нихъ своя идеологія, своя психика, своя программа, свой бытъ. Исключительно красочнымъ, глубоко трагическимъ содержаніемъ краевой исторіи, уходящей въ туманы сѣдой старины, объясняется горячая любовь казаковъ къ своей казачьей Родинѣ — ихъ патріотизмъ. У каждаго народа романтика прошлаго, историческое его содержаніе — мощный возбудитель патріотизма». Въ такихъ яркихъ, отчетливыхъ и вѣрныхъ формахъ обрисовываетъ Казачество Короленко.

И казаки - единонедѣлимцы, и многіе русскіе люди и иностранцы признаютъ въ казакахъ наличіе высокаго патріотизма, горячей любви къ своей казачьей Родинѣ, любовь къ свободѣ, высоко развитое чувство долга и рыцарскаго чувства собственнаго достоинства. Гдѣ же вы видите эти черты у великорусскихъ массъ? Въ чемъ онѣ проявились во время великой войны, въ трагическіе годы революціи и большевистской тираніи? Какъ эти черты сказывались въ отвѣтственныя эпохи русской исторіи? Въ Смутное время, когда казаки пришли освобождать Москву отъ поляковъ и наводить порядокъ, когда они хотѣли уничтожить институтъ рабства и ввести казачье народоправство, русскій человѣкъ предпочелъ идти въ разбойничьи шайки, которыя, подъ именемъ казаковъ и, такимъ образомъ, опорачивая Казачество, грабили и разрушали свое же русское государство, свой домъ.

Когда въ 1812 году казаки выставили на борьбу противъ французовъ всѣхъ, отъ 16-лѣтнихъ до глубокихъ стариковъ, и сдѣлали, по заявленію наполеоновскаго генерала Морана, для спасенія Россіи больше, чѣмъ всѣ русскія арміи, въ это время русскій народъ, не давшій для борьбы и полвины своего сотава, занимался въ тылу опять таки разрушеніемъ своего же государства. Дворянство всячески уклонялось отъ выполненія своего долга, а крестьянство грабило и жгло помѣщичьи усадьбы.

Да, казаки — патріоты, они горячо любятъ свою казачью Родину, ибо ихъ Родина — это прошлое, наполненное блестящимъ содержаніемъ. Они привязаны къ своимъ традиціямъ, ибо это — вѣхи ихъ историческаго пути. Для казака — Донъ, Кубань, Уралъ — это звучитъ гордо.

Чѣмъ гордиться русскому человѣку? Боярынъ, дворянинъ были холопами царя, бывали биты батогами, считали это за честь и писали царю — даже потомки владѣтельныхъ князей: «Твой рабъ Васька Шуйскій». Что любить въ прошлой исторіи крестьянину? Рабство, порку на конюшнѣ и внѣ конюшни, мѣну человѣка на щенка? Вотъ почему послѣдній трагическій отрѣзокъ русской исторіи съ такой оголенной очевидностью показалъ, что у русскаго народа нѣтъ того духовнаго содержанія, безъ котораго не мыслимо построеніе здоровой общественности и прочной государственности, организаціи того, что называется націей.

«Нація — это сообщество людей связанныхъ воспоминаніемъ о блестящихъ дѣлахъ, совершенныхъ въ прошломъ и надеждою на совершеніе столь же блестящихъ въ будущемъ», говоритъ Ренанъ. Этому мѣрилу удовлетворяетъ Казачество и имѣетъ всѣ права на самостоятельное устройство своей судьбы въ духѣ его національныхъ, бытовыхъ и психологическихъ особенностей и въ интересахъ развитія его духовнаго и физическаго содержанія на пользу себѣ и будущихъ подолѣній.

Въ этомъ бѣгломъ, схематическомъ очеркѣ мы ограничились нѣкоторыми психологическими контрастами между великорусскимъ народомъ и Казачествомъ, не затрагивая вопроса объ его этническомъ происхожденіи — во-первыхъ за тѣсными рамками журнальной статьи, а во-вторыхъ — этотъ вопросъ достато чно освѣщенъ въ самостійной литературѣ.

Что касается взаимоотношеній Казачества и Россіи какъ въ періодъ его самостоятельнаго государственнаго бытія, такъ и въ императорскую эпоху, послѣ потери независимости и включенія въ составъ Россійскаго государства, то и на этотъ предметъ у всѣхъ единонедѣлимцевъ существуетъ приблизительно одинаковый взглядъ, съ небольшими различіями въ варіантахъ. Мы здѣсь не принимаемъ въ расчетъ казаковъ - младоросовъ, этого, по меньшей мѣрѣ страннаго и довольно сомнительнаго явленія среди казаковъ, мѣняющаго свое лицо чуть ли не каждый сезонъ, докатившагося до объявленія себя второй совѣтской партіей, а затѣмъ, совсѣмъ недавно, трансформировавшагося въ Союзъ государствъ, а на дняхъ снова перевернувшагося въ Союзъ казачьихъ войскъ, и все это въ рамкахъ младоросской, т. е. второй совѣтской партіи.

Мы не принимаемъ въ расчетъ и нѣкоторыхъ генераловъ и старыхъ полковниковъ, утверждающихъ, что никогда никакихъ самостоятельныхъ казачьихъ государственныхъ образованій не было, что Казачество создалось изъ бѣглыхъ русскихъ помѣщичьихъ людей, что оно вѣрой и правдой служило Матушкѣ - Россіи отъ юности до гробовой доски, что оно, раздвигая и охраняя границы, въ этихъ условіяхъ было счастливо, росло, богатѣло и развивалось культурно, «по-американски» (Бигаевъ - терецъ, стр. 80), что въ будущемъ оно должно также служить, служить и служать и если его переселять куда нибудь на азіатскія границы, то оно должно идти безпрекословно и раздвигать и охранять...

О такомъ упрощенномъ историческомъ и соціально-политическомъ міровоззрѣніи говорить, конечно, не приходится, а остается только руками развести.

Большинству единонедѣлимцевъ въ общемъ свойственны въ трактуемомъ вопросѣ нижеслѣдующія положенія:

1) Казачество до конца XVII в. жило самостоятельной государственной жизнью, но будучи кровно и духовно связано съ Россіей, служило ей не за страхъ, а и за совѣсть, помогало своимъ блестящимъ участіемъ въ войнахъ, оберегало и расширяло границы и выполняло всѣ велѣнія московскихъ царей.

2) Оно никогда себя не отдѣляло отъ Россіи, ни въ психологическомъ, ни въ бытовомъ и соціальномъ отношеніяхъ.

3) Петромъ Великимъ оно лишено было независимости, и съ этихъ поръ начинаетъ суживаться его право самоуправленія.

4) Теряя постепенно свои права и привиллегіи, ко времени революціи оно ничѣмъ уже не отличалось отъ крестьянства, которое къ этому моменту было избавлено отъ подушной подати, единственно отличавшей его отъ казачества.

5) Политика Центральнаго Пр-ва направлена была къ тому, чтобы, лишая казачество его исконныхъ правъ, постепенно его расказачить и сравнять съ русскимъ крестьянствомъ.

6) И въ императорскій періодъ также Казачество оказало Россіи неисчислимыя услуги своей военной доблестью, принимало блестящее участіе во всѣхъ войнахъ, снаряжаясь на свой счетъ; оно также расширяло границы и являлось носителемъ и проводникомъ русской культуры на окраинныхъ земляхъ государства; оно своими военными подвигами создало себѣ неупадаемую славу.

7) Какъ правительство, такъ и русская интеллигенція относились къ казачеству отрицательно, а интеллигенція даже враждебно. И лѣвые и правые круги одинаково желали его уничтоженія.

8) лишенное права на самоуправленіе, задавленное непосильной и несправедливой системой отбыванія воинской повинности, превращенное въ военныя поселенія, имѣя въ своемъ распоряженіи недостаточное количество земли, казачество пришло въ экономическомъ отношеніи въ упадокъ, обнищало и было сильно задолжено.

Эти положенія у разныхъ казачьихъ общественныхъ дѣятелей и группъ выражены съ большей или меньшей яркостью, съ большей или меньшей энергіей, въ зависимости отъ темперамента и умонастроенія авторовъ, но общій ихъ смыслъ таковъ. Есть конечно и отклоненія въ ту и другую сторону отъ этого средняго типа міросозерцанія, и отклоненія крупныя, но тѣмъ не менѣе свойственыя нѣкоторому количеству казачьей интеллигенціи — главнымъ образомъ, военной. Генералъ Черячукинъ («Казачество», стр. 303) пишетъ: «Свободолюбивые казаки, какъ потомки выходцевъ изъ Россіи, съ давнихъ поръ считали себя въ зависимости отъ царей Московскихъ, и чѣмъ дальше мы углубляемся въ историческія времена, тѣмъ больше преданности сквозитъ во всѣхъ поступкахъ казаковъ». Въ какіе историческіе источники углублялся почтенный генералъ, чтобы вынудить столь дѣтски наивное утвержденіе? На днѣ какой исторіи онъ нашелъ такую «сквозящую» преданность? Не только ни одинъ серьезный историкъ, но и всякій маломальски знакомый съ этимъ вопросомъ, никогда не позволилъ бы себѣ «махнуть» такое фантастическое утвержденіе Г. г. Черячукинымъ подобная концепція, конечно, по душѣ, но это не значитъ, что нужно очевидную истину извращать до такой уродливой формы — это и не честно и неумно.

Въ опроверженіе подобныхъ утвержденій мы приведемъ нѣсколько историческихъ документовъ, авторитетныхъ и доказательныхъ.

Въ книгѣ Русскаго Военнаго Министерства, изданной по поводу столѣтія этого Министерства, въ источникѣ, думается, имѣющемъ для г. г. Черячукиныхъ особый вѣсъ, говорится (стр. 48): «До послѣдней четверти XVII столѣтія донскіе казаки были совершенно независимы отъ Москвы и въ отношеніи другихъ своихъ сосѣдей вели свою политику, часто совершенно не соотвѣтствующую видамъ Московскаго Пр-ва... Казаки, однако, далеко не всегда повиновались московскимъ указаніямъ, и когда въ 1636 году на Донъ была прислана опальная грамота съ патріаршимъ отлученіемъ Войска отъ церкви, за неисполненіе царскихъ наказовъ жить въ мирѣ съ азовцами, то казаки убили царскаго посла Карамышева»... Если бы г г. Черячукины и проч. «углубились» хотя бы до этого Министерскаго изданія, то, они, очевидно, убѣдились бы, что историческая правда очень далека отъ безусловной преданности, «сквозняками» проникающей черезъ всѣ казачьи поступки, далека отъ безпрекословнаго исполненія царскихъ велѣній.

Въ 1622 году Войсковой Атаманъ Епиха Родиловъ писалъ въ Москву: «Наше войско — люди вольные и въ неволю (т. е. по приказу) не служатъ». Въ 20-хъ годахъ XVII вѣка Донское войско, несмотря на настойчивыя просьбы Москвы дважды отказалось отъ посылки отряда казаковъ на помощь въ войнѣ съ Польшей.

Въ 1630 году оно также отказалось отъ участія въ войнѣ, вмѣстѣ съ Москвой и Турціей, противъ Польши, мотивируя свой отказъ несовмѣстимостью съ казачьими традиціями союза съ басурманами противъ христіанскаго короля Польши — «а къ турскому султану намъ не хажывать (на помощь)».

Несмотря на неоднократныя домогательства Москвы, Донское Войско категорически отказывалось отъ принесенія присяги царю. «И крестнаго, государь, цѣлованія на Дону, какъ и зачался Донъ казачьими головами, не повелось», говорили въ своей отпискѣ Донцы.

Приведенными документами совершенно опредѣленно характеризуются взаимоотношенія Казачества и Московскаго государства. Казачество было независимой республикой и никакія велѣнія Москвы не считало для себя обязательными. Отрицать участіе казаковъ въ войнахъ на сторонѣ Москвы никто не станетъ, ибо это было бы идти противъ исторической правды, но это участіе происходило не на основахъ подчиненности, а на договорныхъ, союзническихъ началахъ равнаго съ равнымъ. Играли здѣсь роль и побужденія идеальнаго порядка — общность религіи и языка, но, главнымъ образомъ, соображенія матеріальной выгоды. Казаки, по глубокимъ историческимъ основаніямъ, не могли заниматься въ то время земледѣліемъ; оно было и запрещено подъ страхомъ смертной казни, и единственнымъ источникомъ добыванія средствъ къ жизни оставалась война, дававшая и жалованье, и добычу. Война была ихъ ремесломъ, и они использовали его такъ же, какъ ихъ предки бродники, продававшіе свою шпагу тому или другому изъ удѣльныхъ князей, въ ихъ междуусобныхъ войнахъ, но въ битвѣ на Калкѣ сражавшіеся на сторонѣ татаръ, ибо это было для нихъ выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ — и въ матеріальномъ и политическомъ. И унизительной торговля своей шпагой по тѣмъ временамъ совсѣмъ не считалась. Княжескія дружины въ удѣльно - вѣчевую эпоху тоже не были прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту и лицу и часто мѣняли своихъ господъ изъ соображеній выгодности. Швейцарцы и средневѣковые ландскнехты и рыцари также изъ военнаго ремесла сдѣлали предметъ заработка и наживы и также служили тому, кто больше платитъ. И ремесло ихъ не только не считалось унизительнымъ, а наоборотъ пользовалось особымъ почетомъ.

Съ русскимъ народомъ Казачество себя никогда не отождествляло, а напротивъ, себя ему противопоставляло. Такъ, когда на Дону узнали, что нѣкто Полѣновъ въ Москвѣ называетъ себя донскимъ казакомъ, то Войсковой Кругъ потребовалъ отъ царскаго правительства разслѣдованія и ареста этого самозванца. Противопоставленіе себя русскому народу проходитъ чрезъ всю послѣдующую казачью исторію вплоть до настоящаго времени. Историкъ Ригельманъ (въ половинѣ XVIII в.) говоритъ, что «казаки бываютъ очень недовольны, когда ихъ называютъ русскими».

Выписка изъ приговорной книги Черкасской станицы за 1778 годъ гласитъ: «1778 года 6 дня на ономъ сборѣ наказанъ былъ станицы нашей отставной казакъ Данила Качергинъ за поруганіе зятя своего Федора Кастрикина и за названіе его русскимъ человѣкомъ».

Въ XVIII же вѣкѣ издано было Донскимъ Пр-вомъ распоряженіе, воспрещающее казакамъ жениться на иногородныхъ, а казачкамъ выходить за неказаковъ замужъ. Такимъ образомъ и легенда объ отождествленіи казаками себя съ русскими людьми отпадаетъ. Если такое отождествленіе и существуетъ, то не въ казачьей толщѣ, а среди интеллигенціи, штатской и военной, воспитанной въ русской школѣ и вскормленной на россійскихъ теплыхъ мѣстечкахъ.

Хотя и въ очень смягченныхъ тонахъ, но единонедѣлимцы такъ же, какъ и самостійники, признаютъ, что упадокъ казачества начался со временъ Петра Великаго, положившаго начало уничтоженію казачьей свободы въ распоряженіи своими судьбами. Со сведеніемъ къ нулю роли Войскового Круга, уничтоженіемъ выборности Атамановъ, для Казачества началась новая эра, отмѣченная безграничнымъ произволомъ и Атамановъ и войсковой старшины, безконтрольной эксплоатаціей народа и расхищеніемъ казачьихъ земель. Къ концу XVIII столѣтія расхищено 1 милліонъ 600 тыс. десятинъ; впослѣдствіи цифра эта повысилась до 3 1/2 милліоновъ, плюсъ одинъ милліонъ отданъ подъ частныя коневодства съ смѣхотворной платой по 3 коп. за десятину. Помѣщики имѣли по 100 - 300 - 500 десятинъ на одну мужскую крестьянскую душу, когда на казака приходилось по 6 - 10 десятинъ.

Любопытное оправданіе подобному хозяйничанью старшинъ мы находимъ у И. Н. Ефремова («Казачество», стд 176), потомка Атамановъ Ефремовыхъ. Онъ пишетъ: «Образованіе класса войсковой старшины и появленіе на Дону неказачьяго земледѣльческаго населенія (крестьянъ) не могутъ быть объяснены какими то кознями своекорыстныхъ старшинъ... Земледѣліе долго считалось занятіемъ недостойнымъ казака; оно было въ Россіи дѣломъ крѣпостного крестьянина. Но, между тѣмъ, возраставшее казачье населеніе не могло уже пропитаться хлѣбомъ, который присылался Московскимъ правительствомъ въ жалованье войску Донскому Допущеніе въ Донскія Степи земледѣльческаго крестьянскаго населенія было хозяйственной необходимостью. Заселяя ненужныя (?) тогда казакамъ земли, старшины дѣлали государственное дѣло, служили нуждамъ всего Войска». Оправдывая старшину этимъ чисто классово - помѣщичьимъ сужденіемъ, г. Ефремовъ забываетъ, что у казаковъ было по 6 - 10 десятинъ на человѣка, а у помѣщиковъ десятки и даже сотни тысячъ (у Себрякова 250 тыс.), слѣдовательно и тогда казачья земля не могла быть «ненужной». Кромѣ того, земледѣліе было запрещено не только казакамъ, но и всѣмъ другимъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, а когда запретъ отпалъ, то свобода занятія этимъ трудомъ одинаково принадлежала и казакамъ и, такимъ образомъ, никакой казачьей нуждѣ въ крестьянскомъ земледѣліи мѣста не было. Между прочимъ, стоя на позиціи И. Н. Ефремова, можно, вѣдь оправдать и русскую помѣщичье-рабовладѣльческую систему — оба соціальныя явленія одного порядка.

Мало того, что старшины захватывали войсковыя земли, они врывались въ казачьи юрты, селили на нихъ своихъ крестьянъ, выживали казаковъ, безнаказанно разоряли ихъ и грабили. Объ этомъ говорятъ многочисленные документы. Такъ, между прочимъ въ 1796 году распоряжался въ Филоновской станицѣ вліятельный старшина Курнаковъ. При наличіи Войскового Круга на такія дѣянія, разумѣется, не только никто не посмѣлъ бы рискнуть, но и подумать объ этомъ, подъ угрозой попасть «въ куль да въ воду». Войсковой Кругъ былъ уничтоженъ, и Донское казачество пошло къ упадку, ко временамъ революціи очутившись лишеннымъ всѣхъ правъ на самоуправленіе и превратившись въ рабовъ, закрѣпощенныхъ государству воинскою повинностью до того, что каждый иногородній, пришедшій на Донъ, былъ болѣе свободенъ здѣсь, чѣмъ самъ хозяинъ Дона - казакъ, ибо казакъ, обязанный службою до 40-лѣтняго возраста, не имѣлъ права, безъ разрѣшенія Окружного Атамана, отлучиться изъ своей станицы, въ то время, какъ иногородній былъ воленъ распорядиться собою, какъ ему угодно. Казакъ съ 18 - лѣтняго возраста впрягался въ военную лямку, а иногородній занимался своимъ ремесломъ, налаживая свое дѣло и богатѣлъ, не затрачивая ни копейки на воинскую повинность. Часто казакъ, задолжавшій обществу за справу на службу, съ молодыхъ лѣтъ до старости лишался даже и пайка. Ко времени революціи 50 % казачьяго населенія было настолько разорено, что не въ состояніи было обрабатывать своей земли.

Обращаясь къ вопросу о службѣ Казачества Россіи, какъ на поляхъ сраженій, такъ и въ смыслѣ охраны и расширенія границъ государства, мы видимъ странное явленіе. У единонедѣлимцевъ красной нитью проходитъ восторгъ и упоеніе казачьей доблестью, жертвенностью, геройствомъ и неисчислимыми и неоцѣнимыми услугами, оказанными Россіи. Можно подумать, что вся жизнь казачьяго народа исчерпывается его воинскими подвигами, что казакъ родился для того, чтобы только служить, сражаться, доблестно умирать и «расширять границы». Ему какъ будто чужды законныя для каждаго человѣческаго существа стремленія къ счастію, семейному уюту, соціальные и хозяйственые запросы, ему заказанъ судьбою весь тотъ сложный и многообразный комплексъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ, который по праву принадлежитъ всякому человѣку. Когда французскій, англійскій или русскій общественый дѣятель или писатель говоритъ о жизни своего народа, то онъ главное вниманіе обращаетъ на его духовные элементы, на хозяйственные, правовые, бытовые и проч. запросы. Наша интеллигенція, особенно военная, исчерпываетъ весь вопросъ восторгомъ передъ военной ролью казаковъ, ихъ службою на полѣ брани, ихъ воинскими подвигами, не желая заглянуть за кулисы этой казовой стороны.

Да, казаки доблестно служили Россіи — это знаетъ весь міръ. Ихъ высокія военныя качества особенно цѣнятъ иностранцы, гораздо выше, чѣмъ русскій народъ. Самъ Великій Наполеонъ сказалъ, что съ казаками онъ завоевалъ бы міръ, и его генералъ Моранъ считаетъ, что казаки для спасенія Россіи сдѣлали больше, чѣмъ всѣ русскія арміи. Все это прекрасно, и мы казачьей доблестью гордимся не меньше другихъ, но попробуемъ заглянуть за кулисы этой блестящей сцены. Что тамъ мы видимъ?

Съ юныхъ лѣтъ казакъ уходилъ на службу, предѣломъ которой была старость и немощность, вѣдь только при Александрѣ I срокъ службы былъ ограниченъ 30 годами. Снаряжались казаки за свой счетъ и служили поголовно, одновременно дѣды, отцы и внуки, бороздили всю Россію, Европу и Азію, клали головы во всѣхъ странахъ. Сколько лишеній, сколько страданій и тягчайшихъ драмъ ими пережито! А возвратившись на Родину, они, старые и немощные, являлись обузой для семьи и, чуждые ей, принуждены были питаться мукосѣемъ, щавелемъ, пріобрѣтенной славой и пышными царскими манифестами. А какія трагедіи переживали семьи во главѣ съ матерью - казачкой, принужденной на своихъ плечахъ выносить всю тяжесть хозяйства и воспитанія и опять таки снаряженія на службу дѣтей. Конечно, г. г. генераламъ и прочимъ начальникамъ и служба, и казачья слава были на великую пользу: она давала и матеріальныя выгоды и льстила тщеславію.

Да, въ 1812 году казаки прославились на весь міръ, спасли Россію, взяли 70 тысячъ плѣнныхъ, несмѣтную добычу, но дома нашли расхищеніе земель, нищету и старшинскій гнетъ.

Де-Романо пишетъ, что въ массѣ казачій народъ подавленъ нуждою, а нѣсколько десятковъ богачей все поглотили и присвоили крестьянъ, лучшія земли и пр.

Правду говорятъ единонедѣлимцы, что правительство стремилось уничтожить казачество. Еще въ 1802 г. Государственый Совѣтъ откровенно заявилъ: «Неоспоримо, что виды правительства въ отношеніи управленія казачьихъ войскъ всегда клонились къ тому, чтобы привести ихъ въ единообразіе съ прочими обывателями». Этотъ взглядъ неуклонно проводился въ жизнь, и къ революціи Казачество представляло уже изъ себя форму, лишенную присущаго ей содержанія. Также отрицательно относилось къ Казачеству и общественность, и правая и лѣвая, такихъ же взглядовъ держалась и Государственная Дума. Курьезно, что въ 1905 - 1906 годахъ казаки спасли Росію отъ развала, а помѣщиковъ отъ утери имѣній, а тѣ же помѣщики - монархисты въ награду внесли въ Думу законопроектъ объ отобраніи у казаковъ земель (Волгинъ) для надѣленія крестьянъ. О лѣвыхъ партіяхъ и говорить не приходится — они всемѣрно добивались уничтоженія казачества. Все это признаютъ и наши единонедѣлимцы.

Впрочемъ, предоставимъ самимъ единонедѣлимцамъ разсказать, каково было отношеніе къ казачеству въ различныхъ россійскихъ кругахъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу Н. М. Мельниковъ (федералистъ): «Къ нимъ (казакамъ), дисциплинированнымъ и сильнымъ организаціей, обращается каждая власть. Демократы и соціалисты враждебно относились къ казакамъ раньше и ругали ихъ опричниками и палачами, когда казаки исполняли приказы царя, и само же правительство демократа кн. Львова, а затѣмъ и соціалиста Керенскаго, обратилось къ тѣмъ же казакамъ весной и лѣтомъ 1817 года на фронтѣ и 3-5 іюля въ Петроградѣ съ тѣмъ же приказомъ — пустить въ ходъ противъ бунтующей толпы и революціонныхъ организацій не только нагайку, но и винтовку. И казаки исполнили приказъ министра соціалиста, какъ и раньше исполняли, когда онъ исходилъ отъ царя. Смутилась душа казака — въ чемъ же дѣло? Исполнялъ приказъ царя, сграждая отъ потрясеній все государство и въ отвѣтъ слышалъ изступленную брань: «нагаечниковъ», «опричниковъ». Исполнилъ приказъ революціонной демократической власти, спасая ту же Россію отъ разрушителей, и опять, изъ уличной толпы неслся тотъ же дикій вопль и ругань... А дальше еще большій надломъ. Торжественно похоронили убитыхъ 3 іюля большевиками казаковъ, а черезъ короткое время казаки увидѣли на свободѣ тѣхъ, въ кого правительство приказывало имъ стрѣлять, какъ во враговъ родины. Арестованные главари были выпущены тѣмъ же правительствомъ и открыто громили казаковъ «опричниками и нагаечниками». Такъ смотритъ на положеніе Казачества въ Россіи единонедѣлимецъ Н. М. Мельниковъ. Что и говорить, картина сочная и яркая, и такое сужденіе не единолично: оно свойственно почти всѣмъ здравомыслящимъ единонедѣлимцамъ.

Каково было отношеніе къ казакамъ въ періодъ антибольшевистской борьбы, мы прекрасно знаемъ. Какъ смотрѣла на нихъ Добровольческая армія, во главѣ съ Главнокомандующимъ, его окруженіемъ и всѣ сотни тысячъ русскихъ людей, спасавшихъ свою жизнь за казачьими спинами и ѣвшихъ казачій хлѣбъ, — мы испытали на своей шкурѣ.

Мы знаемъ, что Добрармія и весь облѣпившій ее многотысячный россійскій наплывъ съ чадами, домочадцами, съ шпіонами, спекулянтами и собачками, сѣвъ на пароходы подъ прикрытіемъ отборнѣйшихъ казачьихъ полковъ, уплыли заграницу, бросивъ эти казачьи полки на съѣденіе большевикамъ...

Что же дѣлать въ будущемъ, какъ Казачеству устраивать свою жизнь?

Кажется, положеніе ясно. Въ двухсотлѣтнемъ сожительствѣ Казачества съ Россіей, казаки нашли только страданія, горе, пренебреженіе, грубѣйшее насиліе надъ своими правами, лишившись всѣхъ, искони имъ принадлежащихъ, привиллегій и свободъ. Всѣ партіи и слои русскаго населенія относились къ нимъ съ враждою и недовѣріемъ — отъ монархистовъ до соціалистовъ и большевиковъ, отъ дворянъ до крестьянъ, — и за ихъ безгранично. большія заслуги платили черной неблагодарностью и оскорбительнымъ пренебреженіемъ. Выводъ логически напрашивается одинъ: такъ продолжать нельзя, нужно искать иныхъ основъ для устройства своей жизни.

Если человѣкъ пошелъ по дорогѣ которая его завела въ трясину, то онъ возвращается обратно и ищетъ другой путь. Если хлѣборобъ нѣсколько разъ испробовалъ посѣвъ на землѣ и получилъ вмѣсто хлѣба плевела, сорныя травы, то онъ оставляетъ эту землю и идетъ на другую. Мы на россійской почвѣ, кромѣ плевелъ, ничего не пожали и слѣдовательно должны ее оставить и пойти по другому пути. А, вотъ, единонедѣлимцы дѣлаютъ изъ всѣхъ предпосылокъ совершенно неожиданный выводъ: мы должны оставаться въ лонѣ Матушки Россіи.

Чѣмъ объяснить такой логическій, а скорѣе психологическій феноменъ — именно психологическій? Намъ думается, что такое міросозерцаніе у нашей старой интелигенціи складывается подъ гипнозомъ фикціи бывшей Великой Россіи, что воспоминанія о тѣхъ благахъ, какими интеллигенція пользовалась въ прежнія царскія времена на теплыхъ мѣстечкахъ, а особенно сравненіе тѣхъ благъ съ тяжкимъ заграничнымъ положеніемъ, давятъ на ихъ волю и не позволяютъ безпристрастно, трезво обсудить реальныя данныя казачьей исторіи — и старой и новой. Мечты влекутъ неотразимо къ прошлымъ картинамъ спокойной и обезпеченной жизни, къ матеріальному и психологическому комфорту. Вотъ, почему, дѣлая правильные діагнозы, наши интеллигенты приходятъ къ выводамъ совершенно несоотвѣтственнымъ предпосылкамъ.

М. А. Горчуковъ («Казачество», стр. 128) пишетъ: «Многіе недруги изъ русскихъ людей не могутъ заставить себя признать историческую и политическую цѣность Казачества, которыхъ хватаетъ часто лишь на столь же высокомѣрную, какъ и наивную усмѣшечку въ адресъ «мнимыхъ претензій казаковъ». И далѣе (стр. 130): «Вѣдь, неизвѣстно какая она (власть) будетъ, а по историческому опыту отъ нея трудно ожидать должной объективности и справедливости къ Казачеству». Мыслитъ М. А. Горчуковъ правильно, а зоветъ казаковъ къ тѣмъ же русскимъ людямъ, которые «насмѣхаются надъ казачьими претензіями» и «отъ власти которыхъ нельзя ожидать ничего добраго для Казачества». Позволяю себѣ сдѣлать, между прочимъ, одно замѣчаніе. Несправедливое и непріязненное отношеніе русскихъ людей къ казакамъ было не только дома, въ Россіи, но оно ярко сказывается и здѣсь, за границей, и проявляется повседневно въ бѣженскихъ бытовыхъ отношеніяхъ.

Когда въ Сербіи казаки добивались полученія земли на Коссовомъ полѣ, — и дѣло приходило къ благополучному разрѣшенію, — россійская общественность аттестовала казаковъ, какъ воровъ и разбойниковъ, и вопросъ съ землею провалився. Въ Парижѣ изъ Нансеновскаго сбора Русскій Распредѣлительный Комитетъ получаетъ болѣе чтырехъ сотъ тысячъ фр. въ годъ для благотворительныхъ цѣлей. Изъ нихъ въ прошломъ году казаки получили 4500 фр., а въ предыдущіе ни гроша, хотя имѣютъ право по своему количеству на 60 съ лишкомъ тысячъ франковъ въ годъ. Это — два примѣра изъ тысячъ, но они характерны. И не «нѣкоторые» русскіе относятся враждебно къ казакамъ, а огромное большинство, а особенно круги руководящіе, которые и будутъ устраивать будущую судьбу и Россіи и Казачества.

Когда вы спрашиваете, какъ единонедѣлимцы мыслятъ будущее Казачества въ составѣ Россіи, не думаютъ ли они, что оно будетъ совсѣмъ уничтожено? Вамъ отвѣчаютъ: «нѣтъ, у Казачества слишкомъ большія заслуги предъ Россіей, слишкомъ оно цѣнно, и русскій народъ, устроивъ свою жизнь на началахъ народоправства, отнесется съ уваженіемъ къ правамъ казаковъ и сохранитъ ихъ, предоставивъ имъ право на свободное самоуправленіе». Мы полагаемъ, что такое утвержденіе, какъ противорѣчащее всѣмъ историческимъ даннымъ, основано на мечтѣ. Серьезный же политическій дѣятель не имѣетъ права строить свои планы на авось, и такое легкомысленное отношеніе къ судьбамъ Казачества преступно. Единонедѣлимцы говорятъ, что вопросъ казачій разрѣшится за круглымъ столомъ, т. е. на будущемъ Учредительномъ Земскомъ Соборѣ. Возможно, но сколько тамъ будетъ казачьихъ представителей — капля, и эта капля въ россійскомъ морѣ потонетъ, и большинствомъ голосовъ Казачество можетъ быть уничтожено разъ и навсегда.

Самостійники, подходя къ разрѣшенію вопроса о будущемъ Казачества съ учетомъ всѣхъ историческихъ и политическихъ данныхъ, и полагая, что въ столь серьезномъ дѣлѣ не можетъ быть мѣста гаданіямъ, утверждаютъ, что въ составѣ будущей Россіи Казачество неизбѣжно обречено на сломъ. Съ точки зрѣнія русскихъ людей Казачество отыграло свою роль охранителей границъ и, являясь пережиткомъ, формой бсзъ содержанія, сукомъ въ глазу народа, не можетъ имѣть мѣста въ будущей государственной системѣ. И никакое правительство, какого бы цвѣта оно ни было, не станетъ проводить иного взгляда, ибо на него будетъ давить народная масса, какъ она давила когда то на каязей и царй, какъ давитъ и на большевиковъ.

Стихійно расширяясь, русскій народъ захватывалъ новыя земли, грабилъ племена и, не ассимилируя ихъ, шелъ дальше. Московскіе князья и цари принуждены были считаться съ фактомъ и, вопреки своему желанію, ибо такое расширеніе, ослабляя центръ, не соотвѣтствовало ихъ взглядамъ — все же присоединяли новыя земли, къ своей державѣ. Такъ было до Петра I, съ эпохи котораго только начинается планомѣрная политика расширенія.

Большевики тоже вначалѣ торжественно обѣщали свободу и самоопредѣленіе народамъ Россіи, но впослѣдствіи, подъ давленіемъ народа, пассивнымъ, но непреодолимымъ, также должны были обратиться на путь исконной россійской политики централизаціи и стали дѣйствовать въ направленіи, обратномъ своимъ деклараціямъ.

Итакъ, русскій народъ не потерпитъ суествованія казачьихъ народныхъ республикъ съ ихъ привиллегированымъ положеніемъ и стихійно ихъ уничтожитъ. Такъ было всегда, такъ есть теперь, иначе не можетъ быть и въ будущемъ.

Можно ли серьезно говорить о томъ, что, сдѣлавшись демократическимъ государствомъ, Россія съ уваженіемъ отнесется и къ народоправству казачьему? Подъ большимъ вопросомъ стоитъ способность и воля россіянъ къ народоправству. Слѣдуетъ снова вспомнить его отношеніе къ демократическому строю во времена Керенскаго, его поведеніе по отношенію къ казачьему народоправству, ибо давно пора бросить легенду, что мы боролись съ интернаціоналомъ. Казаки знаютъ, что дрались они съ кондовымъ россійскимъ человѣкомъ. Стоитъ вспомнить и разгромъ жесточайшій, дикій и разбойный народоправства Новгорода и Пскова, когда этому восторженно рукоплескали всѣ, отъ царя и Патріарха до простого мужика.

Находятся нѣкоторые господа старые военные, которые серьезно трактуютъ о возможности переселенія казаковъ на какія то азіатскія границы. Мы отлично понимаемъ этихъ людей съ психологіей бродниковъ или ладскнехтовъ. Имъ гдѣ бы ни служить, лишь бы платили жалованье, Но массы казачьи глубокими корнями связаны съ Родными Краями, имѣющими для нихъ не только значеніе «кусковъ земли», но какъ заполненные глубокимъ и блестящимъ историческимъ содержаніемъ, — эти массы такого исхода не примутъ. Достаточно вспомнить трагическое дѣло переселенія шести донскихъ полковъ на Линію (1796 г.), когда эти полки бросили мѣсто службы и, избравъ новыхъ командировъ, явились на Донъ съ протестомъ, когда весь Донъ взволновался, когда поднялся по всему краю стонъ и плачъ, возстали станицы, жестоко усмиренныя, и когда Екатерина Великая принуждена была отказаться отъ своего плана.

Иные говорятъ объ оказачиваніи Россіи. Это уже изъ области чистой фантазіи. Казака изъ крестьянина росчеркомъ пера не сдѣлаешь, какъ не превратишь ворону въ орла, тамбовскую сирку въ донского скакуна. Да на протяженіи исторіи такія попытки казаками уже и дѣлались — въ Смутное время и въ эпоху Степана Разина, — и разбились объ отсутствіе въ натурѣ русскаго человѣка необходимыхъ для оказачиванія элементовъ.

Нѣтъ, казачій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только путемъ созданія казачьихъ независимыхъ республикъ. Толь-

ко при этихъ условіяхъ казачество будетъ жить и процвѣтать. А оно имѣетъ на это всѣ права — и историческія, и психологическія, и экономическія. Исчезновеніе его съ исторической сцены недопустимо. Это значило бы вычеркнуть изъ жизни явленіе, въ міровой исторіи исключительное, совершеннѣйшее воплощеніе наилучшихъ чертъ человѣческой природы: любви къ свободѣ, равенству и братству, осуществленныхъ казаками задолго до французской декларации правъ и проведенныхъ въ жизнь на началахъ не формальнаго, сплошь и рядомъ фальшиваго демократизма, какъ мы наблюдаемъ на Западѣ, а на основахъ естественнаго и чистѣйшаго народоправства.

«У насъ нѣтъ лучшихъ, мы всѣ равны, а лучшіе тѣ, кого мы выберемъ» — такъ когда то писали наши славные предки Московскимъ царямъ. И этотъ принципъ пронесенъ казаками жигымъ и неумирающимъ черезъ всѣ многовѣковыя политическія и соціальныя бури и невзгоды, живетъ въ ихъ душахъ и сейчасъ и служатъ залогомъ будущаго возрожденія Казачества во всей его красѣ и мощи.

А. Бояриновъ.

Къ Исторіи самостійнаго движенія на Дону

Въ Редакцію «Казачьяго Дѣла» доставленъ для напечатанія интересный историческій документъ: докладъ Предсѣдателя Донской делегаціи на Мирной Конференціи въ Парижѣ, на имя Донского Атамана и Комиссіи Законодательныхъ Предположеній Войскового Круга. Документъ этотъ написанъ въ іюлѣ 1919 года, т. е. въ тотъ періодъ, когда наши войска находились подъ Орломъ и когда побѣда надъ большевиками казалась безспорной. Несмотря на это авторъ доклада смотрѣлъ на будущее Казачества очень пессимистически и, анализируя обстановку, предсказалъ наше окончательное пораженіе. Въ этомъ документѣ указаны также соображнія, почему казаки должны быть самостійниками. Соображнія эти не лишены значенія и для даннаго момента.

Редакція.

RÉPUBLIQUE DU DON

Mission Diplomatique
à la Conférence de la Paix

КОПІЯ

Іюль 1919 года.

Донскому Атаману и

Комиссіи Законодательныхъ Предположеній Войскового Круга.

Только на дняхъ изъ кубанскихъ газетъ, присланныхъ Кубанской делегаціей, я случайно узналъ, что Донской Войсковой Кругъ засѣдалъ до 1-го іюня с. г. До этого времени никакихъ свѣдѣній о Кругѣ не было, поэтому я не писалъ докладовъ Войсковому Кругу.

Положеніе здѣсь въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ.

Ни одно изъ Правительствъ Западной Европы и Америки не можетъ сказать что оно обладаетъ реальной силой сколько нибудь значительной. Событія въ Одессѣ и Севастополѣ, а равно случаи отказа въ повиновеніи англійскихъ солдатъ на сѣверномъ фронтѣ, и моряковъ около Кронштадта — тому достаточно убѣдительные примѣры. Рабочіе Франціи, Италіи и Англіи въ большей своей части на сторонѣ большевиковъ. Сейчасъ въ столкновеніяхъ между Правительствомъ и руководителями рабочихъ пока побѣда на сторонѣ Правительства, но съ каждымъ разомъ Правительство теряетъ свои силы, а противная сторона усиливается*). Не будетъ неожиданнымъ если революціонное движеаіе здѣсь восторжествуетъ, если не сейчасъ, то черезъ полгода. Учитывать это обстоятельство необходимо, такъ какъ тогда всякая помощь со стороны союзниковъ прекратится.

Правительства союзныя, главнымъ образомъ англійское, нынѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія борьбы съ большевизмомъ до побѣднаго конца, но нельзя сказать, чтобы такое ихъ настроеніе было прочно и неизмѣнно. Главной причиной ихъ стремленія свергнуть большевиковъ является желаніе прежде всего получить съ Россіи свои долги и боязнь распространенія большевизма у себя. Поэтому и Англійское, и Французское, и даже Американское Правительства признаютъ и поддерживаютъ лишь тѣ организаціи и силы, которыя обѣщаютъ имъ взять Москву и заплатить долги**). Сами по себѣ вопросы права, воли народа и пр. ихъ интересуютъ чрезвычайно мало. Вотъ почему они поддерживаютъ Колчака и Деникина, а не Донъ, не Кубань, не Украину и т. д.: ни Донъ, ни Кубань, ни Украина не могутъ дѣйствитекьно обѣщать, что они возьмутъ Москву и заставятъ русскій народъ выплатить свои обязательства по отношенію къ союзникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу сказать, что настроеніе ихъ является прочнымъ. Зависитъ оно главнымъ образомъ отъ успѣховъ воюющихъ сторонъ. Когда въ мартѣ и апрѣлѣ большевики одерживали побѣды, союзники не прочь были ихъ признать, съ условіемъ, конечно, что большевики обязуются заплатить имъ всѣ долги. Успѣхи Колчака помѣшали этому, и союзники рѣшили создать благопріятную имъ Всероссіюскую власть путемъ **полупризнанія** (а не признанія) Колчака. Нынѣ Колчакъ разбитъ и, къ сожалѣнію, вѣроятно, безнадежно.*) Это подтверждается, помимо уступки громадной территоріи, также тѣмъ, что многіе изъ его полковъ перешли на сторону большевиковъ, а также появленіемъ крупныхъ большевистскихъ отрядовъ въ его тылу. Такихъ отрядовъ появилось нынѣ уже около 8-ми, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ создались цѣлыя совѣтскія республики. Однимъ словомъ, Колчакъ разбитъ вслѣдствіе развала въ тылу и на фронтѣ. Одной изъ причинъ пораженія Колчака является полупризнаніе его Верховнымъ Правителемъ. Обстоятельство это дало возможность большевикамъ развить огромную пропаганду противъ Колчака и привлекло на ихъ сторону даже правыхъ соціалистовъ-меньшевиковъ и соціалистовъ - революціонеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слухи о томъ, что Колчакъ идетъ съ 100.000 японцевъ дали возможность большевикамъ подпереть свои призывы къ борьбѣ съ «контръ-революціей» мотивами національными. И любопытно, что даже въ средѣ офицерства появилось много сторонниковъ Совѣтской власти. Я самъ встрѣчалъ здѣсь въ Парижѣ русскихъ офицеровъ, безусловно небольшевиковъ, которые заявляли, что нынѣ они стали бы въ ряды Ленина, а не Колчака, такъ какъ они не могутъ допустить разрѣшенія русскаго вопроса японцами. Настроеніе же западно - европейскаго общественнаго мнѣнія характеризуется заявленіемъ англійской газеты «Таймсъ», которая все время вела упорную пропаганду за признаніе Колчака Верховнымъ Правителемъ: «Мы поставили ставку на плохую лошадь». Въ настоящее время въ поискахъ за «хорошей лошадью» они останавливаютъ свое вниманіе на Деникинѣ, немилосердно афишируя его. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ только и Деникинъ будетъ разбитъ, они будутъ заигрывать съ большевиками. Въ этомъ ихъ подгонять будетъ также и то соображеніе, что германцы уже вступили въ сношенія съ Россіей. Послѣ снятія блокады съ Германіи (она снята) Германія получитъ возможность вести черезъ свои руки всю европейскую торговлю съ Россіей, а это начинаетъ не на шутку безпокоить французовъ и англичанъ.

Теперь — каково положеніе на нашемъ фронтѣ и каково его ближайшее будущее? Три причины дали возможность развить блестящій успѣхъ на югѣ: 1) переброска силъ южнаго фронта на восточный, 2) возстаніе Донскихъ казаковъ и 3) прибытіе танковъ. Нынѣ большевики, покончивъ съ Колчакомъ, вновь обратили свое главное вниманіе на югъ и это не замедлитъ сказаться, такъ какъ силы казаковъ ограничены, а танки безъ людей не дѣйствуютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ безумная политика Деникина и его антуража создала намъ на югѣ совершенно реальную угрозу въ лицѣ Грузіи, Сѣвернаго Кавказа и Азарбейджана, которые нынѣ настроены чрезвычайно враждебно противъ Деникина. Всякая неудача Деникина будетъ ими использована для того, чтобы раздѣлаться съ этой постоянной угрозой. Поэтому мы здѣсь смотримъ на наше будущее пессимистически. Мы боимся, что наши войска будутъ разбиты и на этотъ разъ окончательно. Да и невозможно однимъ казакамъ вести войну со всей Россіей,

*) Въ послѣднемъ засѣданіи палаты Клемансо получилъ по вопросу о дороговизнѣ жизни меньшинство. Ушелъ пока одинъ Министръ Продовольствія.

**) Вопросы объ этомъ мнѣ задавались представителями Американскаго, Англійскаго и Французскаго Правительствъ.

*) По мнѣнію военнаго обозрѣвателя «Таймса» нуженъ теперь цѣлый годъ, чтобы Колчакъ возвратилъ утерянныя имъ позиціи.

а тѣмъ болѣе завоевать ее. По нашему мнѣнію, интересы Казачества не позволяютъ жертвовать жизнями всего Донского населенія ради блага Россіи. Точка зрѣнія эта, пріемлемая для Деникина и др. залетныхъ птицъ, является преступной для Донского казака.

Поэтому мы считаемъ здѣсь громадной политической ошибкой, реальной опасностью для Дона всякое заявленіе: 1) о признаніи Колчака Верховнымъ Правителемъ, 2) декларированіе своихъ намѣреній о созданіи единой Россіи, да еще недѣлимой. Мы считаемъ даже, что политической ошибкой, не отвѣчающей интересамъ Донского Казачества, является заявленіе объ устроеніи будущей государственной жизни Россіи черезъ Учредительное Собраніе. Мы считаемъ, что опасность признанія большевицкой власти еще не миновала. Но если Вы признаете Колчака или даже Учредительное Собраніе, то какое основаніе у Васъ не признавать большевицкую власть послѣ того, какъ Союзники признаютъ ее, какъ законную и дѣйствительную выразительницу воли русскаго народа? Если Вы признаете волю русскаго народа для себя обязательной (а это такъ, такъ какъ вы признаете не только Учредительное Собраніе, въ которомъ большинство составитъ Большевизія, но даже Колчака, который ровно никого не представляетъ), то Вы должны признать и волеизъявленіе этого народа, установившаго у себя большевистскую власть. Между тѣмъ, что намъ, Донскимъ казакамъ, даетъ такая декларація? Сочувствіе русскихъ эмигрантовъ насъ объѣдающихъ, и больше ничего. Что оно у насъ отнимаетъ? Оно дѣлаетъ нашими врагами всѣ новыя государственныя образованія — Грузію, Азербейджанъ, Дагестанъ, Украину, Бѣлоруссію, Литву, Латвію и Эстонію, которыя всѣ имѣютъ войска, но не только не склонны, послѣ этого, помогать намъ въ нашей борьбѣ съ большевиками, но, естественно, радуются нашему пораженію. Наша связь съ добровольческой арміей, съ Деникиными, Драгомировыми и Лукомскими и безъ того отбросила насъ въ лагерь самой темной реакціи, которая выбила всякую почву для проявленія къ намъ какого либо сочувствія со стороны русскихъ дѣйствительно реальныхъ силъ (я считаю реальными русскими силами, помимо большевиковъ, соц.-револ. и с.-д. меньшевиковъ, т. е. крестьянъ и рабочихъ), а такая декларація совершенно насъ изолируетъ. Даже съ нашими спасителями кубанцами мы настолько рѣзко разошлись, что потеряли всѣ точки соприкосновенія, помимо одной — борьбы съ большевиками.

Учитывая всю обстановку, какъ она мнѣ здѣсь представляется, я стоялъ и стою на совершенно иной точкѣ зрѣнія и въ своихъ взглядахъ и въ своей дѣятельности. Я думаю, что тѣми силами и пріемами какія употребляютъ и Колчакъ и Деникинъ, большевизмъ разбитъ не будетъ. Я думаю, что въ силу этого союзники по цѣлому ряду мотивовъ къ осени, ну можетъ быть къ зимѣ признаютъ большевицкую власть. Въ силу этихъ двухъ соображеній я стоялъ и стою на самостійной точкѣ зрѣнія. Въ своей первой нотѣ я заявилъ протестъ противъ признанія большевиковъ Всероссійской властью и настаивалъ на невключеніи насъ въ сферу вліянія совѣтской власти. По цѣлому ряду мотивовъ во второй своей нотѣ я протестовалъ и противъ признанія Колчака Всероссійской властью и вновь настаивалъ на признаніи насъ самостоятельнымъ Государственнымъ образованіемъ. Ибо, повторяю, если мы сегодня признаемъ власть Колчака, то завтра на этомъ основаніи насъ могутъ включить въ составъ Государства Россійскаго, управляемаго законнымъ, т. е. признаннымъ большевицкимъ правительствомъ.

Вотъ все что я считаю нужнымъ сказать здѣсь. Если Правительство считаетъ мои взгляды и мои дѣйствія неправильными, я покорнѣйше прошу отозвать меня немедля. Если Правительство раздѣляетъ мою точку зрѣнія и одобряетъ мои дѣйствія, я прошу убѣдительно прислать мнѣ настоящія полномочія, ознакомить съ положеніемъ на мѣстѣ и снабдить деньгами. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ чего либо добиться, имѣя такое «полномочіе», какъ «представитель при дипломатической миссіи, возглавляемой С. Д. Сазоновымъ». И до сихъ поръ С. Д. Сазоновъ никого не представляетъ и никого не возглавляетъ. Даже бывшее здѣсь русское политическое совѣщаніе, а нынѣ «совѣтъ четырехъ», возглавлялъ не Сазоновъ, а кн. Львовъ. Нельзя также добиться здѣсь чего либо безъ денегъ. Чтобы добиться успѣха нуженъ шумъ, а чтобы произвести шумъ, нужны деньги. И третье необходимое условіе — это связь съ родиной. Невозможно работать, не зная даже состава своего Правительства, не говоря уже о политическомъ положеніи, взглядахъ и инструкціяхъ Правительства. Я уже нѣсколько разъ писалъ Вамъ объ этомъ. Я указывалъ, что если Правительство не согласно съ моими взглядами, оно должно меня отозвать немедля. Я до сего времени не получилъ ни строчки въ отвѣтъ, хотя возможность сноситься у Дона, я полагаю, — не меньшая, чѣмъ у Кубани, не говоря уже о частныхъ лицахъ. Лучше совсѣмъ не имѣть никакого Представительства, чѣмъ имѣть его въ такомъ положеніи, какъ наше.

Теперь у Васъ, можетъ быть, возникаетъ вопросъ: почему же мы не возвращаемся на Донъ? Отвѣчаю: во-первыхъ, потому, что безъ разрѣшенія не имѣемъ права, а во-вторыхъ, потому, что считаемъ присутствіе здѣсь Донской Миссіи необходимымъ. Въ свое время, когда разсматривался вопросъ о признаніи большевиковъ, мы — Кубань, Сѣверный Кавказъ и Донъ — протестовали передъ Конференціей и Англійскимъ Парламентомъ и Правительствомъ противъ признанія и настаивали на невключеніи насъ въ большевистскую территорію. Если вторично возникнетъ вопросъ о признаніи большевиковъ, — необходимо имѣть здѣсь полномочную Донскую Миссію, которая могла бы авторитетно заявлять протесты и входить по этому вопросу въ тѣ или другія соглашенія.

Между прочимъ, прилагаю здѣсь условія мирнаго соглашенія, предложенныя въ мартѣ - апрѣлѣ союзниками большевикамъ и тѣми принятыя.

Г. Каревъ.

Необходимъ единый фронтъ казаковъ-націоналистовъ

Семнадцать лѣтъ продолжается наша тяжкая скитальческая жизнь. Столько же лѣтъ страдаютъ наши братья на родной землѣ подъ жесточайшимъ террористомъ московскихъ сатраповъ. Наши братья, тамъ, зажатые въ страшные красные тиски, не въ состояніи открыть свои сокровенныя думы, тѣмъ болѣе производить какія либо подготовительныя работы для освободительной борьбы.

Но у тѣхъ казаковъ, кои разбросаны по всему міру, духъ свободенъ, мысль вольна. И они, отчетливо сознающіе свой сыновній долгъ передъ Роднымъ Казачествомъ, всѣ эти годы, несмотря на жестокіе удары судьбы, внимательно анализировали причины нашего прошлаго пораженія, стараясь найти путь и возможность для освободительной борьбы, идею, могущую вдохновить казаковъ на жертвенную борьбу.

Этой идеей явилась — идея самоопредѣленія угнетенных народовъ СССР, а возможность наступленія момента реальной борьбы за свободу казаки - націоналисты связывали съ неизбѣжнымъ обостреніемъ отношенія между двумя мірами — міромъ интернаціонализма и міромъ націонализма, точнѣе съ обостреніемъ отношеній (ихъ логической развязкой) между СССР, съ одной стороны, а съ другой — тѣмъ блокомъ національныхъ государствъ, который, въ силу неумолимаго закона жизни, долженъ былъ возникнуть и который сегодня уже создается.

Эта идея охватила значительный кругъ казаковъ-эмигрантовъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что въ настоящій моментъ въ средѣ казачьей эмиграціи нѣтъ ни одной живой, подкупающей и одухотворяющей идеи, кромѣ идеи государственной независимости Казачьихъ Краевъ.

Если объективно разобраться въ томъ, что происходитъ въ казачьемъ политическомъ мірѣ, то ничего яркаго, кромѣ казаковъ - націоналистовъ (самостійниковъ) найти нельзя. Все остальное — игра старыхъ политическихъ дѣльцовъ, политическое мышленіе которыхъ остановилось и заморозилось давнымъ - давно, приблизительно четверть вѣка тому назадъ.

А если присмотрѣться внимательно къ тому, что происходитъ въ мірѣ, то нельзя не придти къ заключенію, что благопріятный моментъ (быть можетъ, въ послѣдній разъ) для завоеванія и запрѣпленія свободы и независимости Казачества приблизился къ намъ вплотную.

И есть большое опасеніе, что судьбоносныя событія застанутъ насъ неприготовленными, въ положеніи тѣхъ Евангельскихъ Дѣвъ, которыя не подготовились къ приходу Жениха.

Тысячи казаковъ - націоналистовъ, разбросанныхъ по всѣмъ странамъ свѣта, охваченныхъ одной, для всѣхъ дорогой идеей, организаціонно не объединены, зачастую тратятъ свою энергію и силы на взаимную критику, принимающую иногда нездоровыя формы. Есть среди нихъ, въ совер-

шенно достаточномъ количествѣ молодой, живой политической силы, есть старые политическіе работники, военные спеціалисты. Но всѣ они вынуждены, въ силу организаціонной несліянности, дѣйствовать разрозненно, часто во вредъ другъ другу.

Сліянію, организаціонному единству мѣшаютъ ,прежде всего, честолюбіе, самолюбіе, корысть, отсутствіе сознанія — свое личное подчинить общему, высшему. Одни страдаютъ любовью къ пустымъ титуламъ, болѣзненнымъ сознаніемъ, что они въ своей персонѣ олицетворяютъ лучшія качества Демосфена и Наполеона одновременно; другіе, в силу ограниченности своего общаго и политическаго кругозора, не видятъ дальше своего «хутора» и, напечатавъ гдѣ нибудь нѣсколько строкъ, считаютъ себя пупомъ земли; третьи руководствуются и такими мотивами: если мнѣ нѣтъ выгоды и славы, то пусть пропадаетъ все!

А масса, увлеченная идеей, видя борьбу честолюбій, приходитъ въ недоумѣніе, пугливо озирается, бросается отъ одного «вождя» къ другому, иногда утрачиваетъ свою вѣру.

Всему этому главной причиной служитъ — отсутствіе политической культуры, опыта работы въ этой области.

Но передъ происходящими въ мірѣ событіями, приближающимися въ своей развязкѣ, помня свою отвѣтственность и моральный долгъ, всѣ казаки - націоналисты должны проникнуться чувствомъ самоотреченія, сознаніемъ необходимости единенія всѣхъ политическихъ единомышленниковъ и каждый на своемъ мѣстѣ и въ мѣру своихъ силъ должнъ дѣлать все, что идетъ на пользу объединенія. Нужно убить любовь къ высокимъ, но пустымъ (въ нашемъ положеніи) титуламъ! Необходимо подавить свое личное я. Каждый обязанъ попытаться немного подняться выше и посмотрѣть хоть немного подальше.

Единство, а черезъ него — къ Независимости и Свободѣ, — должно быть лозунгомъ каждаго казака-націоналиста.

Я знаю, что сейчасъ ставить вопросъ о немедленномъ организаціонномъ сліяніи, быть можетъ, нельзя. Но немедленно, сейчасъ можно и нужно поставить вопросъ такого порядка:

а) необходимо рѣшительно и немедленно прекратить всякую полемику между казаками - націоналистами, къ какому бы крылу они ни принадлежали;

б) честно и искренно признать, что каждое крыло казаковъ - націоналистовъ (редакція журнала «ВК», Центральное Правленіе ВК-КН, Лига Возрожденія Казачества и Вольноказчій Кошъ въ Бѣлградѣ) суть звенья единаго политическаго казачьяго движенія.

в) не ограничиться только прекращеніемъ взаимной полемики, но заключить взаимное обязательство активно и дѣйственно другъ друга подерживать путемъ совмѣстнаго устнаго, печатнаго и дѣлового выступленія, взаимнымъ сотрудничествомъ въ органахъ этихъ группъ.

Это, конечно, не есть полное объединеніе, о чемъ сейчасъ ставить вопросъ трудно, при наличіи дурныхъ личныхъ отношеній между многими, но это есть первый и необходимый шагъ къ конечному и необходимому объединенію всѣхъ казаковъ, исповѣдующихъ идею государственной независимости Казачества, въ одну мощную, стройно организованную политическую семью.

Сохраняя сегодня свою организаціонную самостоятельность, каждая изъ этихъ группъ, проникнутая доброй волей, руководимая одной идеей, своей повседневной практической работой, взаимной поддержкой, подготовить необходимыя условія и почву, на которой будетъ возможна полная спайка и единеніе.

Я лично отъ себя, на свой страхъ и рискъ, дѣлаю это предложеніе руководящимъ центрамъ перечисленныхъ выше группъ казаковъ - націоналистовъ, въ надеждѣ, что къ нему отнесутся съ должнымъ вниманіемъ, съ доброй волей и нужной честностью, и тогда это большое дѣло будетъ осуществлено ко благу Родного Казачества.

Шамба Балинов.

П. С. Къ свѣдѣнію тѣхъ, кои лично ко мнѣ относятся нехорошо, желаютъ найти въ моей скромной работѣ врага, или видятъ конкурента на высокое положеніе, заявляю: никогда мотивами такого порядка я не руководствовался, лично для себя въ казачьемъ политическомъ мірѣ никакого положенія и выгодъ не добивался и не добиваюсь. Дѣлалъ и дѣлаю это потому, ч то я хорошо знаю свою силу и не лѣзу туда, куда мнѣ не надо. Если во мнѣ есть честолюбіе, то оно съ избыткомъ удовлетворяется тѣмъ положеніемъ, какое я занимаю въ своей чисто калмыцкой національной организціи. Дай Богъ, чтобы хватило силъ для нужной работы въ этомъ скромномъ масштабѣ.

Ш. Б.

Къ памяти объ Азовской эпопеѣ

18 іюля 1937 года исполнится триста лѣтъ со дня взятія донскими казаками, совмѣстно съ запорожскими, города Азова, которымъ они затѣмъ владѣли до 1642 года, въ теченіе пяти лѣтъ защищая его отъ турецкихъ попытокъ возвратить обратно. Въ исторіи эта, безпримѣрная по мужеству и искусству, борьба горсти казаковъ противъ могущественнѣйшей и находившейся въ расцвѣтѣ своей славы турецкой имперіи извѣстна подъ именемъ «Азовскаго Сидѣнія». Ввиду приближающейся трехсотлѣтней годовщины, вспомнимъ вкратцѣ эту славную страницу нашего казачьяго прошлаго.

Азовская крѣпость, основанная еще до Р. Х. греками, а впослѣдствіи перешедшая въ руки турокъ, являлась ключомъ къ Дону и препятствовала донскимъ казакамъ проходить въ Азовское, а затѣмъ и въ Черное море, для набѣговъ на турецкія владѣнія, — набѣговъ, дававшихъ казакамъ добычу, какъ средство для существованія. Издавна донцы стремились къ устраненію этого препятствія, и въ 1637 году начали рѣшительно готовиться къ походу на Азовъ. Въ это время на Донъ пришло около 4000 запорожцевъ, направлявшихся на службу въ Персію. Донцы ихъ отговорили отъ ихъ намѣренія и убѣдили остаться съ ними, обѣщая и добычу и содержаніе и предложивъ совмѣстно взять Азовъ, чтобы затѣмъ имѣть возможность свободно нападать на европейскія и азіатскія побережья Чернаго моря.

Послѣ совмѣстнаго совѣщанія на Монастырскомъ Яру, донцы и запорожцы, частью р. Дономъ, частью сухимъ путемъ двинулись къ Азову, который и осадили 24 апрѣля, раздѣливъ свое войско на четыре части. Бывшіе въ городѣ турки считали предпріятіе казаковъ невыполнимымъ и надъ ними смѣялись. Казаки повели правильную осаду, врывались въ землю, устраивали окопы, валы и туры и, такимъ образомъ, приближаясь почти вплотную къ самымъ крѣпостнымъ стѣнамъ. Къ сожалѣнію, во время осады получился недостатокъ въ деньгахъ, порохѣ, свинцѣ и другихъ запасахъ, и казаки начали было уже отчаиваться въ возможности достиженія поставленной цѣли, но въ это время изъ Москвы прибылъ войсковой атаманъ Иванъ Каторжный съ нѣсколькими сотнями верховыхъ казаковъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, присланы были отъ московскаго правительства и деньги и боевые припасы, вслѣдствіе чего атака на городъ была поведена съ большей энергіей. Среди донцовъ былъ одинъ казакъ, родомъ нѣмецъ, по фамиліи Иванъ Арадовъ, знающій инженерное дѣло. Ему поручено было вести подкопъ подъ крѣпостныя стѣны. Четыре недѣли работали казаки втайнѣ, а турки надъ ними только потѣшались, говоря: «Бывала васъ подъ Азовомъ и не такая сила, а городу гибели не было, и сколько въ городской стѣнѣ камней, столько подъ Азовомъ легло казачьихъ головъ». Когда подкопныя работы закончились и порохъ былъ заложенъ, казаки, отслуживъ молебенъ, исповѣдавшись и причастившись и простившись другъ съ другомъ, приготовились къ приступу. Въ четыре часа утра, 18 іюля 1637 г., подкопъ былъ взорванъ, значительная часть стѣнъ съ бывшими на нихъ людьми и припасами взлетѣла на воздухъ. Казаки, со своимъ Атаманомъ Михаиломъ Татариновымъ во главѣ, бросились въ атаку. Сѣча была настолько жестока, что рѣзались даже ножами. Турки метнулись въ степь, но ихъ тамъ догоняли и уничтожали. Часть гарнизона и жителей укрылись въ замкѣ, но казаки немедленно овладѣли и этимъ убѣжищемъ. Послѣ побѣды казаки привели въ порядокъ городъ и перенесли сюда главное управленіе Войска; при чемъ возобновили бывшую раньше здѣсь церковь Іоанна Предтечи, построенную еще въ 637 году.

Можно представить себѣ удивленіе и обиду гордаго турецкаго султана, когда извѣстіе о взятіи казаками Азова дошло до Царьграда, но, будучи занятъ войною съ персами, турецкій султанъ не могъ ничего рѣшительнаго предпринять къ его обратному завоеванію, приказавъ, однако, татарамъ начать военныя дѣйствія противъ казаковъ съ цѣлью отобранія крѣпости. Однако такія попытки кончались для татаръ полной неудачей. Тѣмъ временемъ казаки, имѣя свободный доступъ въ Чорное море, усилили свои побѣдоносные набѣги на турецкія владѣнія. Наконецъ, въ 1641 году, поль-

зуясь перемиріемъ съ персами, султанъ Ибрагимъ приказалъ готовиться къ походу на Азовъ. Морскія силы — 45 галеръ и множество мелкихъ судовъ, — вручены были Піали Агѣ, а сухопутныя — Силистрійскому пашѣ, Гусейнъ Делію. Въ составъ послѣднихъ входили: 50.000 крымскихъ татаръ, 10.000 черкесъ, 20.000 янычаръ и 20.000 спаговъ и «великое множество» молдаванъ и волоховъ. Въ Азовѣ въ то время находилось 1400 вооруженныхъ казаковъ и 800 женщинъ, которыя, по выраженію историка Ригельмана, «достойны къ причисленію въ гарнизонъ, потому что онѣ въ защищеніи города немалую славу заслужили».

24 іюня 1642 г. турки окружили Азовъ и пошли на приступъ огромными силами. Семь дней длился бой съ большимъ ущербомъ для турокъ, но безъ всякаго успѣха: они потеряли до 6000 чел. убитыми да взлетѣло на воздухъ на одномъ подкопѣ двѣ тысячи янычаръ.

Самое активное участіе въ оборонѣ Азова принимали и женщины казачки. Отмѣчая ихъ геройство, историкъ говоритъ, что онѣ не только доставляли мужьямъ пищу и боевые припасы, но «на приступающихъ бросали зажженыя смоляныя кружки, горячую смолу, кипятокъ и проч. огненныя орудія и никакого страху не оказывали». Въ концѣ концовъ, турокъ нельзя было заставить идти на приступъ ни силою, ни увѣщаніями. Къ тому же, скоро у нихъ началъ ощущаться недостатокъ какъ въ съѣстныхъ, такъ и въ боевыхъ припасахъ.

Турецкое командованіе рѣшило попытаться деньгами и обѣщаніями склонить казаковъ къ сдачѣ крѣпости и черезъ своихъ знатныхъ посланцевъ предложило защитникамъ крѣпости 42.000 червонцевъ. Принявъ вѣжливо парламентеровъ и выслушавъ ихъ предложенія, казаки твердо заявили, что у **них для успѣшной обороны имѣется достаточно и оружія и храбрости** и съ тѣмъ посланцевъ обратно отпустили. Нужно отмѣтить, что турки не знали истиннаго количества защитниковъ Азова и какъ бы они отъ плѣнныхъ казаковъ ни старались получить свѣдѣнія о ихъ числѣ, но никакія послулы, ни мучительства, не помогали: плѣнные казаки съ непоколебимымъ мужествомъ и достоинствомъ переносили пытки, но секретовъ крѣпости не выдавали. И турки имѣли сильно преувеличённое представленіе о числѣ защитниковъ. Къ тому же, вслѣдствіе недостаточной бдительности татаръ, расположенныхъ выше Азова, въ крѣпость часто проникали свѣжія казачьи части, привозившія съ собою и нужное продовольствіе и боевые припасы.

Пополнивъ недостатокъ въ огнестрѣльныхъ и другихъ припасахъ, турки съ новой энергіей атаковали Азовъ и уже овладѣли раскатомъ Забороломъ съ имѣвшимися на немъ 14 пушками, но казаки контръ-атакой отбили турокъ, нанеся имъ сокрушительный ударъ. Въ этомъ бою турки потеряли 7500 чел. Неудачная осада, огромныя потери и наступавшая осенняя непогода породили среди турокъ отчаяніе, уныніе и болѣзни, и ихъ главное командованіе вновь обращается въ Царьградъ за помощью, но получаетъ лаконическій отвѣтъ: «паша, возьми Азовъ или отдай голову». Тѣмъ не менѣе 5 октября 1642 г. турки принуждены были осаду снять и уйти. Въ первое время въ Константинополѣ, въ Москвѣ и Польшѣ отказывались вѣрить этому, ибо знали, что количество казаковъ - защитниковъ, по сравненію съ огромными турецкими силами, ничтожно, и самъ Азовъ совсѣмъ не представляетъ недоступной твердыни.

Разгнѣванный султанъ приказалъ готовить новый походъ, сорганизовавъ новую, сильнѣйшую армію. Зная это и понимая, что они не могутъ бороться безконечно съ могущественной турецкой имперіей, казаки предложили Москвѣ взять въ свое владѣніе Азовъ, правильно расцѣнивая всю важность для Россіи обладанія этой крѣпостью, но Москва отказалась отъ этого подарка, а на протесты султаната, обвинившаго Москву въ соучастіи съ казаками, дала знаменательный отвѣтъ, что «дѣла азовскія ея не касаются, что совершены они заграницей и не ея подданными, безъ ея вѣдома, а тѣмъ менѣе ея повелѣнія и приглашенія».

Узнавъ о приближеніи могущественной турецкой арміи, казаки, забравъ женъ и дѣтей и все имущество и разрушивъ крѣпость, оставили Азовъ и ушли въ Черкаскъ. Такъ кончилось знаменитое «Азовское Сидѣніе».

Азовская эпопея — наша гордость, наша слава, самая блестящая страница нашего прошлаго. Не только въ русской военной исторіи, но и въ міровой подобныхъ подвиговъ нѣтъ. Три-четыре тысячи гарнизона, изъ коихъ четвертая часть женщинъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ успѣшно защищаютъ плохо оборудованную крѣпость противъ въ сорокъпятьдесятъ разъ сильнѣйшей арміи, снабженной всѣми тогдашними техническими средствами — и не только съ успѣхомъ защищаютъ но и разбиваютъ, деморализуютъ и заставляютъ эту армію снять осаду и уйти, понеся огромнѣйшія потери.

Азовское Сидѣніе — наша школа. На этихъ страницахъ нашей исторіи должны воспитываться наши молодыя поколѣнія, исторія Азова должна стать настольной нашей книгой. Знать мы ее должны во всѣхъ подробностяхъ, въ ней искать утѣшеніе въ несчастіяхъ и вдохновеніе на будущіе подвиги во имя нашей славной Родины и въ память нашихъ славныхъ предковъ.

Но, кромѣ того, исторія Азовскаго Сидѣнія служитъ яркимъ, рѣшительнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ ложности теоріи, что казаки происходятъ отъ русскихъ рабовъ, бѣжавшихъ въ наши степи отъ произвола правительства и помѣщиковъ — теоріи, въ политическихъ цѣляхъ искусственно созданной русскими историками и, къ стыду нашему, исповѣдуемой и проповѣдуемой нѣкоторыми казаками, не стѣсняющимися самымъ беззастѣнчивымъ образомъ извращать историческую дѣйствительность или нарочито ее не замѣчать. Возможно ли допустить проявленіе такого высокаго коллективнаго мужества и рыцарскаго достинства у рабовъ или ихъ дѣтей? Вспомните отвѣтъ казаковъ на предложеніе турками деньгъ за сдачу крѣпости. «Мы», сказали казаки: «для успѣшной обороны крѣпости и достаточно припасовъ и храбрости имѣемъ». Отвѣтъ, достойный спартанскаго царя Леонида на предложеніе персовъ сдаться: «приди и возьми». Возможно ли допустить у русскаго раба наличіе такого искусства, какое было оказано въ защитѣ Азова казаками? Вспомните, что еще не такъ далеко ушли времена, когда русскій новобранецъ не могъ отличить правую руку отъ лѣвой и когда ему привязывали на правое плечо сѣно, а на лѣвое солому и командовали «на сѣно, на солому», вмѣсто «направо, налѣво». Допустить происхождсніе казаковъ, защитниковъ Азова, отъ такихъ рабовъ — явная нелѣпость, несовмѣстимая съ законами человѣческой природы. Правильно говоритъ Иванъ Стпеневъ («Замѣтки по исторіи Донского Казачества» — «Казачье Дѣло № 1): «Изъ вѣкового раба не сотворишь рыцаря, какъ изъ тамбовской сивки не сдѣлаешь донского скакуна». Добавимъ, что самая лучшая сивка все-таки скакуномъ не станетъ.

Мужество, воинская доблесть не есть особые духовные элементы, свойственные отдѣльнымъ лицамъ. Истокомъ ихъ является восоко развитое чувство сбственнаго достинства и чести. Нѣтъ такихъ людей, если они нормальны, которые не дорожили бы жизнью и не убѣгали бы отъ смерти. И чѣмъ сильнѣе и здоровѣе организмъ, тѣмъ естественно и прочнѣе нити, привязывающія его къ жизни. Извѣстно, вѣдь, что тяжко больные люди или оджившіе старики легче разстаются съ жизнью, чѣмъ молодые и здоровые. И мужественному человѣку боязнь смерти такъ же естественна, какъ и трусу, но у мужественнаго настолько развито чувство собственнаго достоинства, что онъ предпочтетъ лучше умереть, чѣмъ оказаться трусомъ и опозориться даже въ собственномъ мнѣніи. Тотъ, кто бывалъ въ бояхъ и смотрѣлъ въ лицо смерти, тотъ отлично это душевное состояніе знаетъ. Французскій король Генрихъ IV, одинъ изъ храбрѣйшихъ людей, въ сраженіяхъ, ощущая естественный приступъ страха, обращался къ самому себѣ: «Что же ты, презрѣный мѣшокъ, трусишь?» Итакъ, мужество есть слѣдствіе высокоразвитого чувства собственнаго достоинства, доминирующаго надъ животнымъ страхомъ и сводящаго этотъ страхъ на нѣтъ. Такое качество можетъ развиться только у людей свободныхъ, воспитанныхъ въ теченіе столѣтій въ постоянной вооруженной борьбѣ съ врагами, когда самымъ цѣннымъ духовнымъ элементомъ у человѣка считалось именно наличіе мужества и храбрости. Въ такой же обстановкѣ, и это понятно, воспитываются и братство, и чувство взаимной выручки, и вѣрность долгу, т. е. тѣ рыцарскія качества, которыми въ высокой степени должны были обладать казаки, чтобы дать столь гордый отвѣтъ туркамъ: «мы для успѣшной обороны достаточно припасовъ имѣемъ и храбрости», и чтобы проявить такую вѣрность долгу и стойкость, какая сказалась въ отказѣ казаковъ - плѣнниковъ сообщить туркамъ секреты крѣпости, хотя этихъ казаковъ подвергали всякимъ мученіямъ.

Недаромъ англичанинъ Кларкъ описываетъ казаковъ, какъ «сознательныхъ гражданъ, полныхъ чувства собственнаго достоинства , а русскихъ крстьянъ опредѣляетъ не иначе, как «рабами грубыми и лукавыми».

Кстати ужъ приведемъ еще одинъ историческій фактъ, въ корнѣ разрушающій легенду о созданіи казачества русскими бѣглецами. Послѣ азовской борьбы донское казачество сильно уменьшилось количественно, а такъ какъ со всѣхъ сторонъ ему угрожали враги, то войсковыя власти просили Москву прислать имъ въ помощь русскихъ людей. Разрѣшенъ былъ наборъ, причемъ каждый волонтеръ получалъ отъ Московской власти 5 руб. (по тому времени большія деньги), ружье и, конечно, пропитаніе. Явилось больше трехъ тысячъ людей. Привелъ ихъ въ 1646 г. на Донъ Атаманъ Чесночихинъ вмѣстѣ съ московскимъ посломъ Жданомъ Кондыревымъ. И что же получилось? Ознакомившись съ обстановкой на Дону, половина волонтеровъ, еще до всякихъ военныхъ походовъ и сраженій, разбѣжалась, а другая послѣдо-

вала ихъ примѣру послѣ первыхъ же боевъ. Такъ создавали россійскіе люди казачество..

Обратимся къ Азовскому Сидѣнію. Ежегодно на Монастырскомъ Яру, около часовни, совершалась казаками Старочеркасской и окрестныхъ станицъ панихида по героямъ Азова. При закладкѣ этой часовни была начертана надпись: «Во славу преблагого Бога, Пресвятой Его Богородицы и защитницы Азова Св. Іоанна Предтечи, заложенъ памятникъ сей въ честь и вѣчную славу Донскихъ героевъ, покорившихъ Россійской Державѣ Азовъ (исторически невѣрно — не Россійской державѣ, а себѣ. А. Б.) и защитившихъ его отъ 300-тысячной турецкой арміи».

Въ будущемъ, 1937 году 18 іюля, какъ мы сказали выше, исполнится 300 лѣтъ со дня взятія Азова, а слѣдовательно и начала «Сидѣнія». Наша священная обязанность, нашъ патріотическій долгъ — ознаменовать этотъ юбилей съ наибольшей торжественностью, почтить память нашихъ героевъ — предковъ наидостойнѣйшимъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что въ день трехсотлѣтія будутъ отслужены панихиды, сдѣланы доклады и пр. — въ теченіе оставшихся до этой даты пяти мѣсяцевъ необходимо написать подробную исторію Азовской эпопеи, издать рядъ брошюръ, помѣстить въ казачьихъ журналахъ рядъ статей, а, можетъ быть, и художественныхъ произведній. Тема благодарная и богатая и съ исторической, и политической, и военной, и соціально бытовой точекъ зрѣнія.

Въ Парижѣ, какъ извѣстно, намѣчено созданіе аппарата который бы занялся организаціей ознаменованія трехсотлѣтняго юбилея «Азовскаго Сидѣнія». Въ добрый часъ, помогай Богъ!

А. Бояриновъ.

Русская „общественность“ и казачьи „вожди“ въ Парагвайскомъ вопросѣ

Одно время вопросъ о переселеніи въ Парагвай очень волновалъ и казаковъ и русскихъ бѣженцевъ. Многіе, имѣвшіе средства, уѣхали за океанъ, устроились тамъ недурно, звали и зовутъ туда своихъ знакомыхъ. У неимущихъ былъ надежда переселиться при помощи Нансеновскаго оффиса, эту надежду поддерживавшаго и пославшаго спеціальную комиссію въ Южную Америку на предметъ изученія на мѣстѣ условій поселенія. Изъ сдѣланныхъ членами комиссіи докладовъ выяснилось, что Парагвай произвелъ на нихъ хорошее впечатлѣніе, что условія для устройства тамъ эмигрантовъ вполнѣ подходящія.

Казалось бы, все шло отлично. Нужно только было приступить къ осуществленію такого переселенія. Какими финансовыми средствами обладалъ Нансеновскій Оффисъ мы точно не знаемъ, извѣстно одно: такъ называемый марочный Нансеновскій сборъ, взимаемый съ бѣженцевъ во всѣхъ странахъ, предназначался для цѣлей переселенія за океанъ. Однимъ словомъ, Оффисъ, посылая коммиссію въ Ю. Америку, очевидно, серьезно рѣшилъ этотъ вопросъ осуществить, а слѣдовательно имѣлъ для этого нужныя средства. Увѣренные въ близкомъ осуществленіи своей мечты, тысячи бѣженцевъ, желавшихъ вырваться изъ тяжкихъ условій существованія въ Европѣ, стали готовиться къ переселенію.

Но... какъ в сегда, въ послѣднюю минуту появится «но» и испортитъ все дѣло. Г. Гансону, предсѣдателю Нансеновскаго оффиса, пришла въ голову мысль — посовѣтоваться съ представителями русской общественности въ Парижѣ — и, какъ и нужно было ожидать, вопросъ былъ проваленъ, ибо «русская общественность» естественно должна была высказаться противъ.

Мы снова поднимаемъ Парагвайскій вопросъ потому, что онъ, кромѣ его спеціальнаго переселическаго значенія, имѣетъ огромный смыслъ болѣе широкій, какъ показатель той губительной роли, какую эта «общественность» играетъ вообще въ жизни и судьбѣ бѣженства.

Г. Гамсонъ, какъ и другіе иностраные дѣятели, наивно думаетъ, что то, что онъ разумѣетъ подъ «русской общественностью», дѣйствительно представляетъ общественное мнѣніе бѣженства. Мы отлично знаемъ, что эта «общественность» никого не представляетъ, что она образовалась захватнымъ порядомъ изъ нѣсколькихъ десятковъ милостивыхъ государей, другъ друга выбравшихъ во всевозможные комитеты, что они, какъ паразиты, съ первыхъ дней нашего исхода за границу, впились клещами въ бѣженскую массу, прожили и огромныя средства, вывезенныя изъ Россіи, разбазариваютъ и тѣ, которыя имѣемъ бѣженской нужды собирали и собираютъ за границей.

Естественно, что она, эта «общественность», должна была высказаться противъ переселической акціи, чтобы захватить въ свои руки предназначенныя для переселенія средства. И дѣйствительно эти деньги, вмѣсто ихъ прямого назначенія, по линіи заокеанской акціи, теперь распредѣлены между всякими бѣженскими организаціями: тутъ и Красные кресты, и сестричества, и т. Федоровъ со своими студенческими организаціями, гдѣ иные числятся по многу лѣтъ студентами, получая пособія, тутъ и «Голодная Пятница», и «любители украинской пѣсни» — болѣе шестидесяти организацій съ курьезными названіями и смѣхотворными заданіями. И всѣ эти организаціи, всѣ эти голодныя пятницы, а по существу голодныя акулы, питаются за счетъ того нансеновскаго сбора, который является налогомъ на русскую бѣдноту, на нищихъ, туберкулезныхъ, больныхъ, стариковъ, голодныхъ, не имѣющихъ крова, ночующихъ подъ мостами, ибо всѣ они обязаны платить нансеновскій сборъ, иначе не получатъ документа о личности.

Такова роль самозванной русской общественности въ провалѣ парагвайскаго вопроса, такова ея роль и вообще во всѣхъ вопросахъ бѣженской нужды.

Тѣ безпомощные старики, тѣ туберкулезные, тѣ голодные и бездомные, кто несетъ давдцать пять франковъ нансеновскаго сбора должны знать кому они ихъ отдаютъ — сотнямъ лѣнтяевъ - паразитовъ, семнадцать лѣтъ сосущихъ обезкровленное бѣженское тѣло.

Тѣ, кто надѣялся вырваться изъ когтей нужды, сжимающей насъ здѣсь, въ Европѣ, и устроиться по человѣчески въ гостепріимныхъ странахъ за океаномъ, пусть они знаютъ, кому обязаны проваломъ своей мечты и пусть помнятъ, что такую заботу о своей судьбѣ они испытываютъ не въ первый и не въ послѣдній разъ.

Необходимо замѣтить, что вмѣстѣ съ россійскими представителями проваливали парагвайскій вопросъ и представители казчества донской атаманъ гр. Граббе и «профессоръ» Марковъ*). Всѣ, между прочимъ, помнятъ, какъ широковѣщательно обѣщалъ Граббе устроить казаковъ и въ Парагваѣ, и въ Сиріи, и въ Африкѣ и пр. Какъ назвать его поступокъ? Нѣтъ ли здѣсь общаго съ клятвенными обѣщаніями, данными имъ 4 августа 1935 г. которыя онъ на другой день нарушилъ.

Впрочемъ, впослѣдствіи онъ объяснилъ свой поступокъ тѣмъ, что хотѣлъ устроить казаковъ въ Сиріи къ тамошнимъ шейхамъ для защиты ихъ имѣній, т. е. отдать въ рабство, чтобы... тамъ ихъ уничтожили арабы.

Кстати на этомъ собраніи гр. Граббе въ рѣчи, произнесенной по французски, назвалъ себя суверенымъ главою Дона (государемъ), а казаковъ своими подданными (сюже), чѣмъ чрезвычайно позабавилъ публику. Кто сатнетъ сомнѣваться, что такія рѣчи очень пахнутъ Шарантономъ? **).

Скороходовъ.

*) Не надо смѣшивать съ другими Марковыми. Этотъ господинъ служилъ у большевиковъ, когда мы противъ нихъ боролись, и выѣхалъ заграницу лѣтъ шесть тому назадъ съ дипломатическими «вализами» и совѣтскимъ паспортомъ и здѣсь «опекаютъ» казаковъ такъ же, какъ опекалъ ихъ въ 18 и 20 годахъ на Родинѣ.

**) Шарантонъ — домъ сумасшедшихъ подъ Парижемъ.

Игнатъ-Казаки

(„Inat-Cosaques" — Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et Tartares. Amsterdam 1784)

Послѣ свирѣпаго подавленія Петромъ Великимъ Булавинскаго бунта, сотни плотовъ съ повѣшенными казаками плыли внизъ по теченію Дона, Хопра и Медвѣдицы. Князь Долгорукій жестоко мстилъ за смерть брата. Ужасомъ было объято казачество. Нѣсколько тысячъ семействъ, во главѣ съ легендарнымъ героемъ Игнатомъ Некрасовымъ, принуждены были покинуть отцовскіе дома, родное пепелище — Родной Край — и искать убѣжища въ сосѣднемъ государствѣ, въ Крымскомъ Ханствѣ.

Слава о храбрыхъ степныхъ рыцаряхъ, казакахъ, въ то время была извѣстна далеко за предѣлами Дона и Днѣпра. Среди природныхъ воиновъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, населявшихъ югъ нынѣшней Россіи, Крымъ и Кавказъ, имя казака было окружено легендой.

Крымскіе татары хорошо знали казаковъ, — часто съ ними воевали, но и часто были кунаками, и когда Некрасовъ съ горстью своихъ соратниковъ, отбиваясь отъ многотысячной арміи Долгорукаго, вошелъ въ предѣлы Крымскаго Хана, то былъ встрѣченъ съ почестями. Казакамъ отвели лучшія земли по Кубани.

Въ 1755 г. баронъ Тоттъ былъ посланъ королемъ Франціи въ Турцію для изученія языка и нравовъ Турецкой Имперіи, гдѣ и пробылъ 10 лѣтъ, а въ 1767 г. былъ назначенъ представителемъ короля Франціи при дворѣ Крымскаго Хана. Въ 1769 году Турція объявила войну Россіи. Соединенной арміей турокъ и татаръ командовалъ Крымскій Ханъ, Крымъ Гирей, личный другъ барона Тотта, принявшаго участіе въ походахъ, вмѣстѣ со своими двумя секретарями французами и находившагося все время при ставкѣ Хана.

Здѣсь баронъ Тоттъ впервые встрѣчается съ казаками, о которыхъ онъ много слышалъ, живя въ Константинополѣ и Бахчисараѣ. Нѣкоторыя страницы его мемуаровъ рисуютъ намъ образъ казака, какъ смѣлаго, безстрашнаго, легендарнаго рыцаря степей. Обратимся къ этимъ страницамъ.

«Эта нація, — пишетъ Тоттъ: — эмигрировала изъ Россіи и жила на Кубани. Ее возглавлялъ нѣкій Игнатъ, болѣе дороживній своей бородой, чѣмъ свободой. Онъ ушелъ къ Хану со своей многочисленной свитой, чтобы избѣжать жестокостей Петра Перваго.

Татары находили сходство въ словахъ: Инатъ — настойчивый, упрямый — по татарски — и Игнатъ — христіанское имя, откуда и получилось прозвище «Инатъ - Казакъ», такъ за ними и оставшееся. Казаки сохранили христіанство, и ихъ знамена были украшены крестами. Они ѣли свинину и возили въ походѣ засушенные окорока и всюду ихъ выставляли, чтобы наглядно подчеркнуть магометанамъ, что они своей вѣрѣ не измѣнили.

Турки очень удивлялись, что татары довѣряли большое знамя Магомета казакамъ, и я часто слышалъ разговоръ по этому поводу, но татары находили, что знаямя Магомета въ вѣрныхъ рукахъ».

Казаки составляли почетную свиту Крымскаго Хана и охраняли его знамя. Знаменщикомъ былъ по традиціи эмиръ арміи, ассистентами — два лучшихъ офицера, державшіе по бокамъ знамени зеленые огни. За знаменемъ слѣдовали сотни казаковъ, тоже со своими знаменами.

Походъ былъ зимою. Стояли страшные холода. Рѣки замерзли. Переправлялись по льду, но онъ еще не былъ достаточно крѣпокъ. Вотъ описаніе переправы черезъ рѣку Ингулъ.

«Татары, болѣе привычные къ переправамъ по льду, легко скользили на своихъ лошадяхъ и въ нѣсколько минутъ переходили рѣку цѣлыми полками. Турецкая же кавалерія, состоящая, главнымъ образомъ, изъ славянъ и грековъ, всегда испытывала большія затрудненія. Часто ледъ ломался, и цѣлые взводы тонули.

При переправѣ черезъ Ингулъ, одинъ изъ такихъ взводовъ, во главѣ съ знатнымъ туркомъ, пошелъ подъ ледъ. Турки, скопившіеся по обѣимъ берегамъ, подняли крикъ и вопль, и особенно горевали, что у этого знатнаго турка былъ большой кошелекъ съ золотомъ. Ханъ со свитой молча наблюдалъ эту картину. Вдругъ изъ свиты Хана вышелъ казакъ и, обратившись къ туркамъ, сказалъ: «Я вамъ достану кошелекъ, если вы дадите мнѣ два золотыхъ». Стояли большіе холода, и подобное предложеніе ошеломило турокъ. «Съ замираніемъ сердца я слѣдилъ за казакомъ», пишетъ баронъ Тоттъ: «онъ быстро раздѣлся до тола, попросилъ указать точное мѣсто гибели турка и нырнулъ въ прорубь. Проходили секунды за секундами, а потомъ минуты — казака не было. Тысячи турокъ и татаръ замерли. И вдругъ черезъ нѣсколько минутъ показался казакъ, держа кошелекъ въ рукѣ. Этотъ успѣхъ такъ ободрилъ турокъ, что они начали просить казака достать также и пистолеты съ дорогой чеканкой. Безстрашный казакъ снова погрузился въ воду и досталъ пистолеты, а потомъ, спокойно одѣвшись, побѣжалъ догонять тронувшіяся сотни».

Интересно описаніе атаки на Польскій Красникъ:

« При атакѣ на Польскій Красникъ, поляки засѣли въ лѣсу, и никакъ ихъ нельзя было выбить. Турецкая конница нѣсколько разъ неудачно ходила въ атаку, каждый разъ возвращаясь съ большими потерями. Ханъ былъ очень разсерженъ. Атаманъ конгоя казаковъ предложилъ Хану выбить поляковъ. Получивъ согласіе, казаки спѣшились и быстро выбили поляковъ изъ лѣса, приведя 40-50 человѣкъ плѣнныхъ и потерявъ 8-10 человѣкъ убитыми. Ханъ со свитой направился въ Красникъ, проклиная трусливыхъ турокъ и восхваляя храбрыхъ казаковъ. Вдругъ изъ лѣса, по направленію къ Хану, вышелъ турецкій эмиръ пѣшкомъ, неся осторожно въ рукахъ годову убитаго (древній турецкій обычай — отрубать голову убитаго врага и приносить къ ногамъ главнокомандующаго). Ханъ, видя эмира, говоритъ мнѣ: «Видите вы этого мерзавца. Онъ перебилъ мнѣ аппетитъ, но замѣтьте, онъ еле держитъ голову, которую отрубилъ». Эмиръ приблизился къ Хану и, бросивъ голову къ ногамъ его лошади, произнесъ пожеланіе, чтобы всѣ враги Хана были обезглавлены. Между тѣмъ, Ханъ уже угадалъ въ отрубленной головѣ одного изъ своихъ казаковъ. «Несчастный», сказалъ Ханъ эмиру: «Какъ могъ ты его убить? Ты боишься его мертваго даже, а живой онъ бы тебя съѣлъ! Это — одинъ изъ монхъ Инатъ-казаковъ, убитый при атакѣ лѣса. Кто-то тебѣ помогъ, и чтобы меня обмануть, отрубилъ ему голову, а у тебя едвали хватило бы смѣлости». Озадаченный турокъ началъ оправдываться, говоря, что это онъ убилъ казака и что это врагъ. Ханъ приказалъ осмотрѣть оружіе эмира: ножъ, саблю и пистолеты. Слѣдовъ крови не нашли. Эмиръ былъ тотчасъ же зарубленъ свитой».

Безпримѣрная храбрость Инатъ-казаковъ сдѣлала ихъ популярными у татаръ и турокъ. Турецкіе Султаны очень дорожили ими и не давали никому въ обиду. Когда Россія продвинулась до праваго берега Кубани, и остатки запорожцевъ образовали Кубанское войско, Инатъ-казаки ушли на лѣвый берегъ. Будучи раздѣлены рѣкою, казаки часто сталкивались между собою изъ-за рыбной ловли. Иногда дѣло доходило до кровопролитія и плѣненія. Въ дѣлахъ Новоросійскаго губернатора мы находили приказы Екатерины о немедленномъ возвратѣ Турціи плѣненныхъ Инатъ - казаковъ, — иначе Султанъ грозилъ войной Россіи. Такъ защищала Турція своихъ храбрыхъ казаковъ

Прошелъ вѣкъ... Во время русско - турецкой войны 1877 _ 78 г. г. русскія войска заняли Добруджу. Бригада донскихъ казаковъ вошла въ поселеніе Инатъ - казаковъ. Въ «Запискахъ» казачьяго офицера есаула Швитко, мы находимъ описаніе пріема оказаннаго командиру бригады, генералу графу Орлову - Денисову. Послѣдній остался этимъ пріемомъ очень доволенъ и спросилъ Инатъ - казаковъ, почему они не возвращаются на Родину? Отвѣтъ былъ совершенно неожиданный для генерала, а именно — Инатъ - казки сказали: «Намъ здѣсь лучше».

Ф. Урюпинскій.

Замѣтки объ Янычарахъ

Казачья исторія — непочатый край. Волею судебъ намъ не суждено знать такъ хорошо нашу исторію, какъ знаютъ свою другіе народы. Причиной этого является главнымъ образомъ то обстоятельство, что наши историческіе архивы или были уничтожены татарами, или же просто затерялись, а царскіе были для насъ почти недоступны, по извѣстнымъ намъ причинамъ.

И намъ приходится по неволѣ искать «нашу исторію» въ архивахъ другихъ странъ, — странъ, чья исторія такъ или иначе сплетена съ казачьей, гдѣ казаки оставили какой-либо историческій слѣдъ.

Прежде всего мы должны остановиться на странѣ, вліяніе которой на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ съ такой силой отразилось на Казачествѣ, чьи нравы, обычаи, и, частично, языкъ, такъ особенно привились у казаковъ.

Страна эта — Турція.

Роль Турціи въ исторіи Казачества огромна, и обратно, какъ мы увидимъ дальше, немалую роль сыграли и казаки въ исторіи Турціи.

Мы знаемъ о казачьихъ набѣгахъ на Турцію, но надо сказать, что и турки платили намъ той же монетой.

Во время каждаго изъ такихъ набѣговъ, турки, какъ правило, забирали все что только можно: молодыхъ казаковъ, если они случайно находились въ городкахъ, забирали въ плѣнъ и затѣмъ продавали въ рабство, или же отсылали на галеры; дѣвушекъ продавали въ гаремы, а стариковъ убивали; дѣтей-же или убивали, или же просто оставляли на произволъ судьбы. Все имущество предавалось огню.

Въ тѣ времена турки вели частыя войны съ другими, въ особенности съ латинскими народами. Они видѣли закованныхъ въ латы рыцарей, видѣли ихъ отвагу и бояхъ, и часто, ища нѣкогда легкихъ побѣдъ, находили жестокія пораженія...

Они видѣли, что турецкіе солдаты, отважные по натурѣ, не отвѣчали требованіямъ войны того времени. Былое счастье побѣдъ отъ нихъ отвернулось.

— Нужно было найти какую-то новую силу, воспитывать ее на новыхъ началахъ, чтобы ее противопоставить рыцарямъ.

...Часто надъ этимъ задумывались командныя турецкія головы...

И вотъ одной изъ этихъ головъ пришла мысль:

Казаки отважный и воинственный народъ, это мы знаемъ и испытали. Вмѣсто того, чтобы убивать или оставлять на произволъ судьбы ихъ дѣтей(ибо каковъ отецъ — таковъ и сынъ) — будемъ обращаться съ ними бережно, привозить въ Турцію и воспитывать изъ нихъ, за счетъ государства, отличныхъ солдатъ и преданныхъ мусульманъ

Мысль оказалась геніальной

На оттоманскомъ горизонтѣ засіяла новая звѣзда — — янычары*).

Янычары! Кому неизвѣстна роль и значеніе янычаръ въ военной исторіи Турціи? Это они приводили въ трепетъ враговъ Султана, это отъ ихъ ударовъ трещали христіанскіе черепа. Но мало кому извѣстно, что янычарами — въ первую, наиболѣе славную эпоху существованія этого войска, — являлись въ огромномъ большинствѣ молодые казачата, во имя Аллаха ставшіе опорою трона султановъ и державшіе въ своихъ рукахъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій судьбы всей Оттоманской Имперіи.

Но всякая война сопряжена съ потерями, которыя нужно быстро кѣмъ-то пополнять. А пополнялись они кѣмъ угодно, часто первымъ попавшимся сбродомъ, ничего общаго ни съ традиціей, ни съ установомъ янычаръ, не имѣвшимъ.

Мало-по-малу отъ былого казачьяго кадра остались ключъ, — отъ фанатичной религіозности — одно воспоминаніе, а отъ устава — ничего.

Армія янычаръ (доведенная одно время до 25 тысячъ) уже не представляла изъ себя ту, когда-то несокрушимую силу, она разваливалась.

Послѣ славныхъ побѣдъ, начались пораженія, и янычары, вмѣсто того, чтобы быть грозными врагу, становятся грозными... мирному населенію.

— Начинаются убійства, насилія, грабежи. Ихъ произволъ дошелъ до того, что они сажали на тронъ угодныхъ имъ султановъ, а ненужныхъ просто убивали. Они стали полными властителями Турціи.

Вотъ что по этому поводу говоритъ турецкій историкъ **Ассадъ - Эфенди:** «При Сулейманѣ I-мъ они столько разъ дѣлали возстаніе и предавали жилища разгрому! — Сколько крови они пролили при немъ и его преемникахъ. Тысячи и тысячи жертвъ, среди которыхъ было много ученыхъ, именитыхъ гражданъ и благочестивыхъ мусульманъ пали подъ ихъ ударами». — «Они умертвили четырехъ султановъ и свергли съ трона четырехъ другихъ».

Армію янычаръ нужно было срочно реорганизовать.

Первымъ хотѣлъ это сдѣлать султанъ Махмудъ I-й (1730-1754). Но ни ему, ни его преемникамъ — Мустафѣ III-му, Абдулъ- - Гамиду I, ни Селиму III-му — по тѣмъ, или инымъ причинамъ, сдѣлать этого не удалось. А она, тѣмъ временемъ, превратилась уже въ настоящую общественную опасность. Ни о какой реорганизаціи уже не могло быть рѣчи, ее нужно было просто, какимъ-то образомъ уничтожить.

— «Въ мечети, называемой Ортаджами, — продолжаетъ историкъ Эссадъ - Эфенди, — находившейся посреди ихъ казармы, и превращенной ими въ вертепъ, было нѣсколько экземпляровъ Корана, подаренныхъ благочестивыми прихожанами. На листѣ одного изъ нихъ они нарисовали виньетку изъ оружія и сдѣлали богохульственную надпись. Позже этотъ Коранъ, съ этой надписью, по приказу свыше, былъ выставленъ, въ назиданіе потомству, въ той самой залѣ, гдѣ хранился плащъ Пророка».

— «Нужно было бы цѣлые томы, чтобы изобразить десятую долю ихъ преступленій противъ религіи, трона и націи».

Первымъ поднялъ вопросъ объ ихъ уничтоженіи энергичный султанъ Махмудъ. Заручившись согласіемъ военачальниковъ и духовенства, онъ въ 1826 году собралъ Великій Совѣтъ Муфтіевъ, на которомъ былъ разработанъ и одобренъ планъ уничтоженія янычаръ. Здѣсь, въ послѣдній разъ, одинъ изъ муфтіевъ въ своей рѣчи воскресилъ былую славу янычаръ. Онъ провелъ параллель между когда-то побѣдоносными янычарами, преданными религіи и трону, и теперешнимъ сбродомъ. Вотъ, что объ этомъ говоритъ Ассадъ-Эфенди:

— «Посмотрите уставъ организаціи янычаръ, во времена первыхъ монарховъ, особоенно при Сулейманѣ I-мъ и сравните его съ настоящимъ. Развѣ такимъ онъ долженъ быть? — Во времена Сулеймана и то побѣдной памяти, развѣ янычары не упражнялись каждый день въ казармахъ съ оружіемъ, употребляемымъ въ тѣ времена? — А ихъ начальники, развѣ избирались среди первыхъ проходимцевъ? — Нѣтъ, они избирались среди избранниковъ, которые ночью или днемъ, лѣтомъ или зимой, были всегда въ распоряженіи своихъ частей».

Послѣ долгихъ и жаркихъ преній наконецъ, приказъ, или, вѣрнѣе, приговоръ, былъ подписанъ — Смертный приговоръ янычарамъ.

Около 20-ти тысячъ буйныхъ головъ, янычаръ пали съ плечъ въ 1826 году.

Такъ печально закончилась интересная глава въ исторіи Оттоманской Имперіи о янычарахъ.

А начали эту главу — невольно, но и доблестно — наши казаки.

П. М. Поляковъ.

*) ЕНІ - ЧЕРІ — новый солдатъ. въ смыслѣ-же коллективномъ, какъ въ данномъ случаѣ, — новое войско, новая армія.

Русскіе о казакахъ

(Журналъ „ Станица “ № 19 іюль 1936 г.)

Передъ нами 19 № журнала Парижской студенческой станицы. Специфически студенческой жизни въ журналѣ изъ 16 съ пол. стр. отведено полстраницы, на которой описывается устроенная станицей «чашка чая». Остальной печатный матеріалъ никакого отношенія къ студенчеству не имѣетъ, развѣ только своимъ дѣтскимъ лепетомъ напоминаетъ о незрѣлости авторовъ.

Съ чувствомъ сожалѣнія должны указать, что несерьезный характеръ имѣетъ и выдержка изъ неопубликованнаго труда проф. ген. Н. Н. Головина — «О казачествѣ», которая занимаетъ 5 стр. журнала. На разборѣ этой выдержки мы должны остановиться болѣе подробно, ввиду особо-важнаго значенія затрагиваемой въ ней темы и большого научнаго вѣса автора указаннаго труда.

«Исторія Россіи», говоритъ Головинъ: «является исторіей страны, которая непрерывно колонизуется — такъ опредѣлилъ важнѣйшую особенность русской исторіи ея лучшій знатокъ — проф. В. О. Ключевскій. Наиболѣе активнымъ элементомъ въ этомъ основномъ процессѣ русской исторіи являлось казачество. Оно представляло собою авангарды тѣхъ колонизаціонныхъ потоковъ, которыми потекло русское крестьянство, послѣ того, какъ начали убывать волны монгольскихъ кочевниковъ, залившія весь югъ и юго-востокъ Восточной Европейской равнины и прокатившіяся въ серединѣ 13 вѣка въ видѣ татаръ Батыя черезъ всю Кіевскую и Московскую Русь». При чемъ, г. Ключевскій рисуетъ казаковъ элементомъ аморальнымъ, нерелигіознымъ и анархическимъ.

—

Соглашаясь съ проф. Ключевскимъ, что «исторія Россіи является исторіей страны, которая непрерывно колонизуется», мы рѣшительно оспариваемъ его мнѣніе въ отношеніи Казачества. Мы полагаемъ, что проф. Ключевскій не занимался спеціально Казачествомъ и исторіи его не зналъ, а имѣлъ смутное представленіе на основаніи скудныхъ печатныхъ трудовъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ этомъ проф. Ѳ. Титовъ (Труды Кіевской Духовной Академіи за 1910 г. томъ 2-й, стр. 139-149). «Проф. академикъ В. О. Ключевскій въ своемъ новомъ «Курсѣ русской исторіи», коснувшись казачества, даетъ такую мрачную характеристику его религіозно-нравственнаго миросозерцанія, жизни и быта его, — характеристику, необходимо замѣтить, основанную на тѣхъ источникахъ, какіе находились въ распоряженіи историка. «Ватаги степныхъ промышленниковъ», говоритъ онъ (Ключевскій): «выдѣляли изъ своей среды боевыя дружины, жившія набѣгами на сосѣднія страны, а изъ этихъ дружинъ правительство вербовало пограничную стражу. Всѣ эти разряды козаковъ одинаково смотрѣли на степь, искали тамъ поживы и этими поисками въ большей или меньшей степени способствовали оборонѣ постоянно угрожаемой юго-восточной окраины государства. Съ Люблинской уніей малороссійское козачество поворачивается лицомъ назадъ, на то государство, которое оно доселѣ обороняло. Международное положеніе деморализовало эту сбродную и бродячую массу, **мѣшало зародиться въ ней гражданскому чувству.** На сосѣднія страны, на Крымъ, на Турцію, Молдавію, даже Москву, козаки привыкли смотрѣть, какъ на предметъ добычи какъ на «казацкій хлѣбъ»... увидѣли въ своемъ государствѣ врага еще злѣе Крыма и Турціи и съ конца 16-го вѣка начали оппокидываться на него съ удвоенной яростью. **Такъ, малороссійское козачество осталось безъ отечества, значитъ, безъ вѣры. Тогда весь нравственный міръ восточно - европейскаго человѣка** держался на этихъ двухъ, неразрывно связанныхъ одна съ другою основахъ, — на отечествѣ и на отечественномъ Богѣ. Рѣчь Посполитая не давала казаку ни того ни другого. **Мысль, что онъ православный, была для козака смутнымъ воспоминаніемъ дѣтства или отвлеченной идеей, ни къ чему не обязывавшей и ни на что непригодной для казачьей жизни.** Во время войны они обращались съ русскими и ихъ храмами нисколько не лучше чѣмъ съ татарами, и хуже, чѣмъ татары. Православный русскій панъ Адамъ Кисель, правительственный комиссаръ у казаковъ, хорошо ихъ знавшій, въ 1636 г. писалъ про нихъ, что они очень любятъ религію греческую и ея духовенство, **хотя въ религіозномъ отношеніи болѣе похожи на татаръ, чѣмъ на христіанъ. Казакъ оставался безъ всякаго нравственнаго содержанія.** Въ Рѣчи Посполитой едвали былъ другой классъ, стоявшій на болѣе низкомъ уровнѣ нравственнаго и гражданскаго развитія: развѣ только высшая іерархія малороссійской церкви передъ церковной уніей могла потягаться съ казачествомъ въ этомъ отношеніи. (Смотри В. О. Ключевскій «Курсъ русской исторіи» ч. 3, стр. 140-141).

«Но вотъ что мы читаемъ о томъ же самомъ въ трудѣ проф. Жуковича (говоритъ проф. Титовъ), пользовавшагося въ данномъ случаѣ сочиненіемъ Кіевскаго Митрополита Іова Борецкаго (1620-1631), который весьма близко и хорошо зналъ запорожское казачество, его вѣрованія, бытъ и настроеніе. «Казакъ», писалъ о нихъ митрополитъ Іовъ Борецкій вмѣстѣ съ другими западно - русскими іерархами въ протестаціи отъ 28-го апрѣля 1621 года: «нашъ родъ, наши братья и христіане православные. О нихъ думаютъ, что они простецы, не имѣющіе ни знанія, ни разума, что они отъ духовныхъ получили внушеніе.... У нихъ отъ природы острый умъ и Богомъ дарованная разсудительность. Ревность же по вѣрѣ, усердіе и любовь къ церкви издавна живутъ у нихъ и процвѣтаютъ... До сего дня они рождаются, крестятся и живутъ въ той христіанской вѣрѣ, которую ихъ предки, вмѣстѣ съ Владиміромъ Св. приняли отъ константинопольской церкви. **Живутъ они не какъ язычники, а какъ христіане:** имѣютъ, священниковъ, изучаютъ Св. Писаніе, знаютъ Бога и правила своей церкви... Когда пускаются въ море, они прежде всего, творятъ молитву, свидѣтельствуя, что за вѣру христіанскую идутъ на невѣрныхъ. **Другою своею цѣлью ставятъ освобожденіе взятыхъ въ неволю.** Даютъ при этомъ обѣты: часть добычи своей удѣлить на церкви, монастыри, госпитали и на духовенство. **Ради спасенія души своє йвыкупаютъ невольниковъ.** Церкви новыя и монастыри строятъ и обогащаютъ... Вѣдомо и слышно далеко, что они не только не нуждаются въ побужденіяхъ къ тому со стороны духовныхъ лицъ, но и сами наблюдаютъ какъ за ними, такъ и за мѣщанами, **напоминаютъ имъ даже съ угрозами, чтобы въ вѣрѣ никакой не было перемѣны,** и чтобы съ отступниками-уніатами не было общенія. Достаточно вспомнить о томъ, что недавно было и что недавно произошло въ Печерскомъ монастырѣ изъ-за того, что кіевскій бискупъ вошелъ въ алтарь. Какой ропотъ былъ и какое раздраженіе. Едва ихъ успокоили. Жалобу на монаховъ печерскаго монастыря подали въ самое Запорожье, въ генеральное коло...» и т. д. (Труды Кіевской Духовной Академіи за 1910 годъ т. 2-й. стр. 143-144).

Думаемъ, что вышеуказанной выдержки изъ рецензіи проф. Титовад остаточно для того, чтобы признать мнѣніе проф. Ключевскаго недостаточно обоснованнымъ и высказаннымъ имъ только по недостатку знакомства съ исторіей Казачества.

То же мы вынуждены сказать и омнѣніи проф. Н. Н. Головина о казачествѣ, напечатанномъ въ № 19 журнала «Станица». Мнѣніе это высказано по давно выработанному трафарету, безъ достаточнаго знанія исторіи Казачества Тотъ же проф. Ключевскій говоритъ, что основу исторіи народа нужно искать въ памяти самого народа: «Начало исторіи народа должно обозначаться какими либо явственными, уловимыми признаками. Ихъ надобно искать прежде всего въ памяти самого народа. Первое, что запомнилъ о себѣ народъ, и должно указывать путь къ началу его исторіи. Такое воспоминаніе не бываетъ случайнымъ и безпричиннымъ. Народъ есть населеніе нетолько совмѣстно живущее, но и совокупно дѣйствующее, имѣющее общій языкъ и общія судьбы. Потому, въ народной памяти обыкновеннон адолго удерживаются событія, которыя впервые коснулись всего народа, въ которыхъ весь онъ принялъ участіе и черезъ это совокупное участіе впервые почувствовалъ себя единымъ цѣлымъ. Но такія событія обыкновнно не проходятъ безслѣдно не только для народной памяти, но и для народной жизни: они выводятъ составныя части народа изъ разрозненаго состоянія, соединяютъ его силы для какой-либо общей цѣли и закрѣпляютъ это соединеніе какой-либо связующей, для всѣхъ обязательной формой общежитія. Таковы, по моему мнѣнію, два тѣсно связанные между собою признака, обозначающіе начало исторіи народа; самое раннее воспоминаніе его о самомъ себѣ и самая ранняя общественная форма, объединившая его въ какомъ либо совокупномъ дѣйствіи». («Курсъ русской исторіи», проф. В. О. Ключевскій ч. 1, изданіе 3-е, стр. 120121).

Первая же писанная «Исторія о Донскихъ Казакахъ ген. Ал. Ригельмана говоритъ: «Хотя всѣмъ, и едва ли не цѣлому свѣту, по древности, а паче по храбрости въ военныхъ дѣлахъ, не менѣе жъ и по удальству, о находящихся въ Россіи

Донскихъ Казакахъ извѣстно; но съ коихъ времянъ и изъ какихъ людей они при своемъ мѣстѣ начало свое возъимѣли, уповательно, мало кто вѣдаетъ, ибо и сами они о себѣ прямо своего начала сказать не могутъ, а мнятъ, будто бъ они отъ нѣкоихъ вольныхъ людей, а болѣе отъ Черкесъ и Горскихъ народовъ, взялись, и для того считаютъ себя природою не отъ Московскихъ людей, и думаютъ заподлинно только обрусѣвши живучи при Россіи, а не Рускими людьми быть. И по такому ихъ воображенію никогда себя Московскими не именуютъ, ниже любятъ, кто ихъ Москалемъ назоветъ, и отвѣчаютъ ына то, что «Я де, не Москаль, но Русской и то по закону и вѣрѣ Православной а не по природѣ» («Исторія о Донскихъ Казакахъ» Ал. Ригельмана, стр. 3).

Бауэръ въ книгѣ «Древнія и Крымскія извѣстія» (стр. 79), изданной въ 1-й четверти XVIII в., пишетъ: «Казаки почитались всегда за храбрый и сильный народъ. По свидѣтельству Константина Порфирогенеты, извѣстны были они уже въ 948 году и жили въ нынѣшней Кабарадѣ близъ Кавказскихъ горъ... Польскіе писатели объявляютъ о нихъ разныя неосновательныя басни. Но сіе показываетъ токмо подлую ихъ ненависть противъ сего храбраго народа. Особливо укоряютъ они ихъ тѣмъ, будто они состоятъ изъ бѣглыхъ людей. Хотя то и подлинно, что они всегда принимали Россіянъ, Поляковъ и другихъ, которые у нихъ искали прибѣжища. Однакожъ сіе не мало тому не препятствуетъ, чтобъ козаковъ не можно почитать за древній и по ихъ состоянію за изрядно учрежденный народъ»...

Наконецъ Е. Ознобишинъ, историкъ и заслуженный археологъ въ газетѣ «Донскія Областныя Вѣдомости» говоритъ: «Басня, переданная Броневскимъ (В. прим. П. П.). о бѣглыхъ москвичахъ, основавшихъ Донское казачество, не имѣетъ основаній и не выдерживаетъ критики.

Въ 15 в., въ моментъ появленія казаковъ на Дону, въ Россіи (т. е. Московіи) не было еще крѣпостного права и всякій могъ переходить съ одного мѣста на другое, предполагать же, что бѣглые были исключительно преступники, тоже нѣтъ основанія. Какое число преступленій надо было совершить, чтбы образовалась цѣлая масса, цѣлые тысячи преступниковъ, гдѣ то увидѣвшихъ другъ друга, сговорившихся бѣжать куда то въ неизвѣстныя страны, къ неизвѣстнымъ народамъ и, явившись на мѣсто въ низовья Дона, сейчасъ же сумѣвшихъ проявить умъ, смѣтливость, отвагу, успѣвшихъ пріобрѣсти оружіе, составившихъ правильное общество(безпощадное для преступленій въ ихъ средѣ), управляемое вѣчемъ и имѣвшее толковыхъ грамотѣевъ, умѣвшихъ писать царямъ. Всѣ эти предположнія — одна фантація и можно положительно доказать, что бѣглые московскіе люди могли явиться на Донъ только тогда, когда были увѣрены, что найдутъ тамъ пріютъ и защиту, т. е. уже долго спустя послѣ появленія донцовъ на Дону, послѣ закрѣпощенія крестьянъ и послѣ церковнаго раскола (17 в.), а въ другое время изъ Россіи на Донъ являлись единицами».

Вотъ свѣдѣнія, очевидно неизвѣстныя проф. Н. Н. Головину, которыя ясно указываютъ на происхожденіе Казачества изъ какихъ то другихъ источниковъ, а не великорусской крестьянской стихіи, которая явилась на Донъ значительно позже. Косвенными доказательствами того, что Казачество образовалось и дѣйствовало независимо отъ элементовъ великорусскихъ, можетъ служить и то, что въ моментъ зарожденія крѣпостного института (половина 16 вѣка). Казачество представляло уже изъ себя значительную силу. Мы видимъ, что въ 1551 г. Донскіе казаки берутъ оброкъ съ сильной турецкой крѣпости Азовъ, въ 1552 г. принимаютъ значительное участіе во взятіи города Казани, а въ 1557 г. Астрахани. Еще ранѣе въ 1410 году 37.000 казаковъ участвуютъ въ знаменитой битвѣ подъ Танненбергомъ, а въ 1380 г. принимаютъ какое то участіе въ Куликовской битвѣ, о чемъ говорятъ и два сказанія о чудотворныхъ иконахъ — Донскія и Гребневскія (Забѣлинъ. Историческое Описаніе Московскихъ Ставропигіальныхъ мон.).

Народная же память хранитъ воспоминанія и о событіяхъ еще болѣе раннихъ, что показываетъ преемственность населенія съ прежними насельниками мѣстности, занимаемой теперешнимъ Казачествомъ. Въ Донскомъ Историческомъ Архивѣ, хранимомъ въ настоящее время въ Прагѣ, имѣется фотографія, подаренная хранителю Донского Музея Х. И. Попову любителемъ донской старины Траплинымъ съ надписью, что эта фотографія изображаетъ Храмъ построенный на «Гремучемъ Колодцѣ» (теперешней станицы Платовской), мѣстѣ, гдѣ проходили первоучители славянъ Кириллъ и Меѳодій. Фотографія эта относится къ 90 годамъ прошлаго вѣка. А вотъ что мы читаемъ въ газетѣ «Народна Политика» (Прага, 1933 годъ № отъ 5 іюля) въ рецензіи на книгу доктора Ф. Прикрила «Памятники св. Кирилла и Меѳодія»: «Первая апостольская дорога вела обоихъ братьевъ въ Македонію. По возвращеніи были недолгое время въ Константинопольскомъ монастырѣ, а послѣ Императоръ Михаилъ послалъ ихъ къ донскимъ казакамъ. Тамъ, около Херсона, они нашли тѣло св. Климента 4, папы римскаго, изгнаннаго Императоромъ Трояномъ». Обоснованіемъ для этого является преданіе, обнаруженное въ 1910 году въ Хилендарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ.

Проф. Головинъ утверждаетъ: «когда иго было свергнуто,великорусское крестьянство потянулось на плодородныя земли, лежащія въ бассейнѣ р,. Дона, а Малорусское — въ степи, широкой полосой окаймляющія нижнее теченіе р. Днѣпра».

«Уходя уже въ 14 вѣкѣ «казаковать» на эти земли, крестьяне селились небольшими общежитіями, готовыми своими собственными силами защитить себя отъ набѣговъ кочевниковъ. Эти первые колонисты и образовали: Великорусскіе — Донское казачество, Малорусскіе — Низовое Малороссійское казачество». («Станица» № 19, стр. 9). Это не только упрощенно-дѣтское пониманіе казачьей исторіи, но и явное извращеніе всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Авторъ очень просто расправляется съ мѣстнымъ населеніемъ, забывая и Сарайскую и Подонскую митрополіи (1365 г.) и малороссійское Казачество, охватывавшее территорію дореволюціонныхъ губерній Черниговской, Житомирской, Кіевской, Полтавской и всю близъ нихъ лежащую мѣстность въ моментъ присоединенія Украины (1654 г.) къ Московіи, населеніе которыхъ почти сплошь считало себя казаками по происхожденію и добивалось перехода на то же положеніе, на которомъ находилось Казачество реестровое. Реестровое же Казачество и Запорожское было малою частью, выдѣленной изъ этой казачьей массы.

Мы видимъ, что во времена Іоанна Грознаго казаки не только участвуютъ во всѣхъ его войнахъ, но одновременно ведутъ и независимую отъ него политику по завоеванію и освоенію новыхъ земель. Освоеніе Терека, Волги, Яика, Сибири происходитъ не по указаніямъ Царя, а часто вопреки ему. Все это показываетъ на значительную численность Казачества и на его прекрасную организованность, способную къ дѣйствіямъ въ широкомъ масштабѣ, наложившую свой отпечатокъ на дѣятельность всей восточной Европы того времени и на дѣятельность всей западной половины Азіи. Это никоимъ образомъ не могли быть новопришельцы, какъ ихъ изображаетъ проф. Головинъ, ибо противникъ ихъ былъ очень грозенъ и въ дальнѣйшемъ не разъ былъ значительныя и хорошо вооруженныя русскія силы. Нѣтъ, Казачество въ это время было прекрасно организованною и отлично вооруженою силою, что мы видимъ хотя бы на примѣрѣ Ермака. Мы видимъ, что несмотря на неоднократныя неудачи, Казачество довльно быстро осваиваетъ намѣченный районъ и преодолѣваетъ сопротивленіе противника.

Мы полагаемъ, что великорусскій человѣкъ вообще неспособенъ воспринять то міросозерцаніе, которое свойственно казаку. Великороссу,ка къ это говоритъ и проф. Н. Н. Головинъ, говоря объ иногородникъ, свойствененъ «анархическій укладъ мыслей, порождаемый долгимъ пребываніемъ въ рабствѣ». Отсюда всегдашнее столкновеніе двухъ противоположныхъ міросозерцаній: казачьяго — свободнаго, самодисциплинированнаго, не признающаго чужого произвола и съ другой стороны, россійскаго — анархическаго, безудержнаго въ самвольствѣ, но легко подчиняющагося часто даже дикому произволу, опирающемуся на силу.

Даже лучшіе представители россійской государственности не могутъ ужиться съ казачьей традиціей и чувствомъ соціальной дисциплины, что вызывало неоднократные конфликты съ Атаманами Поповымъ и Красновымъ и, наконецъ, знаменитый разгромъ Кубанской Рады съ смертнымъ приговоромъ ея членамъ, краснорѣчиво подтверждаетъ это.

П. Поповъ.

Чингисъ-Ханъ

(Докладъ генерала Ф. С. Маркова)

Легендарная фигура Чингисъ - Хана мало извѣстна широкой публикѣ да и о роли татаръ въ исторіи Азіи и Европы существуютъ смутныя и превратныя понятія. Принято думать, что имперія Великаго Монгольскаго завоевателя представляла изъ себя многочисленныя, желѣзной рукой Чингиса объединенныя, орды полудикихъ кочевниковъ, жестокихъ и кровожадныхъ, несшихъ въ завоеванныя страны потокъ и разрушеніе. Такое представленіе не отвѣчаетъ истинѣ.

Роль татаръ была, конечно, огромна - особенно въ исторіи народовъ, населявшихъ россійскую равнину. Ихъ вліяніе на судьбы Россіи во многихъ отношеніяхъ было бѣдственнымъ, но одними отрицательными сторонами это вліяніе не исчерпывается.

Россію татары застаютъ въ состояніи анархіи, раздѣленную на многочисленные княжескіе удѣлы, находящіеся въ постоянной враждѣ и войнѣ между собою, что не могло не отразиться на всѣхъ сторонахъ народной жизни. Политическая, и какъ ея слѣдствіе, и экономическая анархія вели къ упадку и мощи и культуры, начавшей было расцвѣтать со временъ Владимира Св.

Заинтересованные въ исправномъ поступленіи дани, татары естественно не могли поощрить такого порядка вещей и начали стремиться къ насажденію твердой власти, поддерживая и поощряя правителей умныхъ и твердыхъ. Только при такой татарской политикѣ возможенъ былъ расцвѣтъ Московскаго великаго княжества, впослѣдствіи превратившагося въ силу достаточно мощную, чтобы свергнуть татарское господство.

Въ обстоятельномъ докладѣ ген. Ф. С. Маркова передъ нами прошли интересныя картины быта и взаимоотношеній различныхъ монгольскихъ племенъ Центральной Азіи. Мы увидѣли предъ собою мощную, геніальную фигуру Чингисъ-Хана, всесторонне освѣщенную, грозную и величественную. Это былъ не только геніальный полководецъ - завоеватель, не только разрушитель царствъ, какъ принято думать, — передъ нашими взорами предстала его дѣятельность и какъ блестящаго организатора и администратора, и мудраго законодателя, и насадителя и покровителя наукъ и искусствъ.

Характерной чертой Чингисъ - Хана и татаръ его времени были вѣротерпимость и невмѣшательство въ духовную жизнь народа, уваженіе къ его традиціямъ.

Въ военномъ отношеніи Чингисъ - Ханъ и его полководцы значительно превосходили своей стратегіей и тактикой европейцевъ и многому ихъ научили. Огромное вліяніе оказали монголы и на духовную жизнь народовъ Востока Европы.

Ихъ мужество было легендарно: въ битвѣ, когда они видѣли, что смерть неизбѣжна, они срывали свои каски и громко кричали, радуясь своей судьбѣ — пусть другіе завидуютъ этой минутѣ славы. Они были ревнивы къ своей чести, и стыдъ имъ казался тяжелѣе смерти. «Какая польза жить безъ чести», повторяли они.

Намъ, казакамъ, особенно интересно и полезно ознакомиться съ эпохой расцвѣта татарскаго могущества, ибо судьбы нашихъ предковъ, ихъ бытъ, ихъ жизнь были тѣсно переплетены съ этимъ народомъ. И, какъ слѣдствіе такого сожительства и кровнаго смѣшенія, мы видимъ много физическихъ и духовныхъ элементовъ въ томъ, что составляетъ содержаніе казаковъ всѣхъ войскъ.

Любопытна легенда о происхожденіи монголовъ. На зарѣ рожденія времени, на отдаленныхъ берегахъ загадочнаго озера, въ лѣсу, на горѣ Кентей, появился волкъ, рыжій съ бѣлыми пятнами, и бѣлая горная коза. Отъ нихъ родился первый монголъ. Эта смѣсь выражена въ глазахъ монгола: хищный зрачокъ съ кровожаднымъ оттѣнкомъ и бѣлокъ свѣтящейся бѣлизны...

Имперія Чингисъ - Хана давно распалась. Народы ее составлявшіе распылились и вошли въ составъ другихъ націй, но слѣды дѣятельности Великаго Монгола живы и сейчасъ въ грандіозныхъ сооруженіяхъ, разбросанныхъ по городамъ центральной и западной Азіи.

Ф. Желтухинъ.

Вынужденное объясненіе

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ я прекратилъ всякое сотрудничество съ нынѣшнимъ Донскимъ Атаманомъ. Въ теченіе всего этого времени я ни письменно, ни устно, ни на публичныхъ собраніяхъ противъ графа М. Н. Граббе, не выступалъ Несмотря на это, я былъ предметомъ постоянныхъ нападокъ какъ со стороны самого графа М. Н. Граббе, такъ и со стороны «услужающихъ» ему. Можно сказать, не было казачьяго собранія, на которомъ гр. Граббе не почтилъ бы меня и возглавляемую мною Л. В. К. своимъ вниманіемъ.

По словамъ графа Граббе и его «созвѣдія», причиною расхожденія Лиги Возрожденія Казачества и моего лично съ зарубежнымъ Донскимъ Атаманомъ является то обстоятельство, что графъ Граббе отказался предоставить мнѣ «министерскій постъ».

Заявляю, что такое объясненіе причинъ указаннаго расхожденія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Единственною причиною этого расхожденія является нежеланіе графа Граббе подчиниться Донскимъ Основнымъ Законамъ.

Графъ М. Н. Граббе былъ выставленъ Лигой Возрожденія Казачества кандидатомъ на постъ Донского Атамана не по соображеніямъ симпатій къ нему, а потому что онъ обѣщалъ свято хранить Донскіе Законы. Объ этомъ онъ не разъ заявлялъ въ разговорахъ и съ представителями Л. В. К. и съ представителями другихъ организацій. Это свое обѣщаніе онъ торжественно подтвердилъ присягой, принесенной имъ въ день провозглашенія его Атаманомъ въ присутствіи полуторы тысячи человѣкъ. Безъ этого предварительнаго условія казаки никогда не избрали бы его своимъ Атаманомъ.

Графъ Граббе былъ награжденъ властью, — т. е. правами и обязанностями, — «опредѣленною основными законами Всевеликаго Войска Донского». Такъ говорится въ избирательной грамотѣ. Донскіе Основные Законы не даютъ самодержавной власти Атаману и требуютъ, между прочимъ, чтобы Донской Атаманъ управлялъ черезъ назначенный имъ Совѣтъ Управляющихъ отдѣлами. Безъ подписи Управляющаго соотвѣтствующимъ отдѣломъ распоряженія Донского Атамана не имѣютъ законной силы. Отвѣтственность за неправильныя распоряженія Атамана несетъ, наряду съ нимъ, подписавшій приказъ Управляющій отдѣломъ.

Казалось бы, что въ этомъ предписаніи закона является невыполнимымъ или вреднымъ интересамъ Казачества, или наконецъ, унизительнымъ для графа Граббе? Такъ управляли Домомъ и Атаманъ Красновъ и Атаманъ Богаевскій. Вѣдь подписываетъ же гр. Граббе свои приказы **не читая**, полагаясь на своихъ безотвѣтственныхъ секретарей

Несмотря на все это, когда я предложилъ вновь избранному Атаману образовать, въ соотвѣтствіи съ основными законами, совѣтъ Управляющихъ отдѣлами, онъ категорически отказался это сдѣлать и просилъ меня принять должность помощника и замѣстителя Донского Атамана. Какъ на причину отказа выполнить требованіе закона онъ указалъ на то, что онъ самъ смѣялся надъ покойнымъ Богаевскимъ за его стремленіе имѣть правительство, и нынѣ не желаетъ, чтобы надъ нимъ смѣялись другіе.

Должности помощника Атамана и предсѣдателя Управляющаго отдѣлами являются однозначащими. По цѣлому ряду причинъ, между прочимъ, по отсутствію у меня нужныхъ для этого матеріальныхъ средствъ, ни та, ни другая меня не устраивали. Въ свое время, я былъ дважды членомъ Донского Правительства **по избранію** Войскового Круга при Атаманѣ Калединѣ, не менѣе отвѣтственныя должности — по назначенію — я занималъ при Атаманахъ: Назаровѣ, Красновѣ, Богаевскомъ — полномочныхъ Донскихъ Атаманахъ — и мнѣ ничего не говорили и не говорятъ фикціи правительственныхъ постовъ при Зарубежномъ Атаманѣ, какъ бы громко онѣ не именовались. Я ставилъ вопросъ принципіально, что, впрочемъ, публично признавалъ и самъ М. Н. Граббе, заявившій на сборѣ Парижской станицы весною 1936 года на вопросъ А. П. Бояринова: «А какъ это лицо (т. е. я) ставило вопросъ: принципіально или лично для себя?» — «Принципіально», отвѣтилъ Атаманъ.

Думаю, что для выясненія вопроса этого заявленія гр. М. Н. Граббе совершенно достаточно.

Г. Каревъ.

Копія.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

1936 года 5 декабря. 78, рю Левисъ, Парижъ, 17 арондисманъ.

Правленіе Лиги Возрожденія Казачества, подъ предсѣдательствомъ Г. Н. Карева, при Генеральномъ Секретарѣ А. И. Бояриновѣ, разсмотрѣвъ циркулярныя распоряженія отъ 3 ноября с. г., подписанная генераломъ Черячукинымъ, въ качествѣ Вр. Исп. Должность Донского Атамана, **п о с т а н о в и л о :** довести до свѣдѣнія генерала Черячукина нижеслѣдующее:

1) Ген. Черячукинъ пишетъ: «вступивъ, по случаю отъѣзда Донского Атамана, гр. Граббе, во временное исполненіе должности Донского Атамана во Франціи, я для координированія общихъ казачьихъ дѣлъ и для рѣшенія нѣкоторыхъ насущныхъ вопросовъ пригласилъ на засѣданіе 2 ноября представителей казачьихъ организацій»... Такъ какъ представители нѣкоторыхъ организацій не пришли, то ген. Черячукинъ дѣлаетъ имъ выговоръ и даже высказываетъ угрозы — «покамѣстъ», говоритъ: «я умолчу ихъ называть». При чемъ добавляетъ, что «разумные казаки по достоинству оцѣнятъ подобное поведеніе и должно осудятъ ихъ».

2) Въ слѣдующемъ циркулярномъ распоряженіи ген. Черячукинъ упрекаетъ донскихъ казаковъ въ томъ, что они не сдержали своего обѣщанія въ смыслѣ денежной поддержки своего Атамана путемъ пріобрѣтенія за установленную плату карточекъ (документовъ о личности).

3) На документахъ, адресованыхъ послѣ этого въ Парижскую Общеказачью станицу, ген. Черячукинъ подписывается уже иначе, а именно: Предсѣдатель Представительства Донского Атамана.

4) Ген. Черячукинъ призываетъ казаковъ къ оказанію помощи вдовѣ покойнаго Атамана Богаевскаго.

5) 19 октября сего года Донской Атаманъ, гр. Граббе, отдалъ нижеслѣдующее распоряженіе, сообщенное, за подписью самого гр. Граббе, Правленію Общеказачьей Парижской станицѣ: «По случаю моего отъѣзда, въ качествѣ замѣстительства вступаетъ представительство». (Основаніе — «Атаманскій Вѣстникъ» № 3).

Изъ вышеуказанныхъ документовъ явствуетъ:

1) Что Донской Атаманъ, гр. Граббе, не назначалъ ген. Черячукина Вр. Исп. Должность Донского Атамана, а слѣдовательно таковое званіе генераломъ Черячукинымъ самозванно имъ присвоено себѣ.

2) Такъ какъ въ приказѣ Донского Атамана, помѣщенномъ въ № 3 «Атаманскаго Вѣстника», сказано что, на случай отлучки или болѣзни Дон. Атамана, его замѣстителемъ является представительство изъ четырехъ человѣкъ, безъ указанія, кто изъ этихъ лицъ предсѣдательствуетъ, то, естественно, что упомянутыя лица должны сами изъ своей среды избрать предсѣдателя. А такъ какъ такового избранія не было, то, подписываясь предсѣдателемъ представительства, ген. Черячукинъ и въ этомъ разѣ самозванно присваиваетъ непринадлежащій ему титулъ. Кромѣ того, не ясно, кѣмъ же считаетъ себя самъ ген. Черячукинъ — Вр. Исп. д. Донского Атамана или Предсѣдателемъ Представительства — или тѣмъ и другимъ одновременно.

3) Донской Атаманъ, гр. Граббе, отдалъ приказъ о своемъ отъѣздѣ 19 октября с. г., но до сихъ поръ, т. е. до половины декабря мѣсяца находится въ Парижѣ и продолжаетъ выполнять атаманскія обязанности. А наряду съ нимъ такія же функціи осуществляетъ и его замѣститель, ген. Черячукинъ, т. е. одновременно существуютъ два Атамана. Получается положеніе, и нарушающее Донскіе основные Законы, и не имѣющее прецедентовъ вообще въ законахъ и практикѣ какой либо другой страны и не сообразное съ здравымъ смысломъ.

4) Изъ акта назначенія ген. Черячукина Вр. исп. д. Донского Атамана во Франціи логически вытекаетъ необходимость назначенія Временныхъ Атамановъ и вовсѣхъ другихъ странахъ казачьяго разсѣянія. Такимъ образомъ должны быть одновременно около дюжины Донскихъ Атамановъ, каковое явленіе не только противорѣчитъ и закону и здравому смыслу, но и ставитъ и самое, столь дорогую для казачества, идею Атаманскаго достоинства въ положеніе и смѣшное и, слѣдовательно, унизительное.

Посему Правленіе Лиги Возрожденія Казачества, по меньшей мѣрѣ, не можетъ не удивляться, что ген. Черячукинъ, при наличіи указанныхъ обстоятельствъ, позволяетъ себѣ дѣлать выговоры казачьимъ организаціямъ, во всякомъ разѣ, законно существующимъ, и даже высказывать по ихъ адресу угрозы.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ упрекѣ донскому казачествувъ нарушеніи имъ даннаго обѣщанія о поддержкѣ своего Атамана, Правленіе Л. В. К. признаетъ, что такое обѣщаніе казачествомъ было дѣйствительно дано. Но дано было, съ другой стороны, и гр. Граббе — устнымъ и печатнымъ словомъ, а впослѣдствіи подтверждено и торжественной присягой — обѣщаніе: не нарушать, а исполнять Донскіе Основные Законы и всѣ казачьи традиціи. Вѣдь, только при этихъ условіяхъ и могло состояться избраніе гр. Граббе въ Донскіе Атаманы. Но, будучи избранъ, онъ началъ свою дѣятельность не только съ неисполненія даннаго обѣщанія и присяги, но и повелъ подрывную работу, направленную къ разрушенію донскихъ казачьихъ установленій (конституціи). А такъ какъ и по закону и по здравому смыслу нарушеніе договора одной изъ договаривающихся сторонъ освобождаетъ и другую сторону отъ его исполненія, то донское казачество вправѣ отказать Дон. Атаману и въ матеріальной и въ моральной поддержкѣ. Оно не только вправѣ это сдѣлать, но и обязано такъ поступить, ибо не можетъ же оно явиться соучастникомъ - пособникомъ дѣятельности Атамана и его окруженія, направленной ко вреду не только донского, но и всего казачества.

Что касается призыва ген. Черячукина о помощи вдовѣ покойнаго Атамана Богаевскаго, то Л. В. К., не будучи организаціей благотворительной, рѣшеніе означеннаго вопроса предоставляетъ личному усмотрѣнію своихъ членовъ. Однако Правленіе Л. В. К. не можетъ не указать на то обстоятельство, что среди казаковъ имѣется немалое количество женщинъ, дѣтей и стариковъ, находящихся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, несущихъ такой крестъ съ первыхъ дней прибытія за границу, а нынѣ дошедшихъ до крайнихъ предѣловъ бѣдствія.

Приведя въ заключеніе всего вышеизложеннаго употребленное ген. Черячукинымъ выраженіе (пунктъ 1) : «разумные казаки» по достоинству оцѣнятъ подобное поведеніе и должно осудятъ ихъ», нельзя не согласиться съ тѣмъ, что «разумные казаки все вышеизложенное должны дѣйствительно достойнымъ образомъ оцѣнить, сдѣлать нужные выводы и соотвѣтственно поступить.

Предсѣдатель Правленія **Г. Каревъ.** Генеральный Секретарь **А. Бояринвоъ.**

Съ подлиннымъ вѣрно: За Ген. Секретаря **Желтухинъ.**

Примѣчаніе: Такое смѣхотворное положеніе, какъ наличіе двухъ донскихъ атамановъ во Франціи, изъ коихъ одинъ исправляющій должность, продолжается до сихъ поръ.

Редакція.

Камо грядеши?

Еще совсѣмъ недавно мы писали («Ковыльныя Волны» № 13-14), что казаки - младороссы мѣняютъ цвѣтъ своей окраски, подобно зайцамъ, по сезонамъ: были унитаристами, автономистами, становились федерлистами, потомъ создавали Союзное Казачье Государство — послѣднее въ № 5 «Казачьяго Цугя». Сейчасъ въ № 7 той же газетки они снова переворачиваются, дѣлаютъ нѣсколько шаговъ назадъ и создаютъ Союзъ Казачьихъ войскъ — титулъ и заданіе, очевидно, болѣе скромные, хотя сопровождаются фразеологіей одинаково пышной, сугубо барабанной, свойственной всѣмъ политическимъ фарсамъ - шумихамъ, и одинаково безсодержательной. Помните басню о двухъ бочкахъ — пустой и полной?

Быстрота перемѣны лица поразительная — какъ въ водевилѣ съ переодѣваніемъ. Какія причины? Одни объясняютъ, со словъ самихъ казаковъ - младороссовъ, что за ними никто не идетъ, и они ищутъ все новыя вывѣски, разставляютъ новыя сѣти, чтобы уловить въ нихъ наивныя казачьи души. Шутники язвительно, при этомъ, вспоминаютъ басню «Квартетъ»:

Проказница мартышка,
Оселъ, Козелъ да Косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ...

Но такъ какъ у нихъ никакого толку не вышло, то шутники заканчиваютъ словами соловья, прилетѣвшаго на шумъ: «Какъ вы ни садитесь, а въ музыканты не годитесь».

Казалось пора было бы принять къ свѣдѣнію и руко-

бодству мудрый совѣтъ соловья, но политическій зудъ казакамъ - младороссамъ не даетъ покоя и несчастные одержимые «изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу»...

Нѣкоторые изъ казаковъ держатся по поводу младоросско - казачьяго водевиля другого мнѣнія и говорятъ, что дѣло тутъ не такъ просто и пахнетъ не только балаганомъ, а политическимъ ереничествомъ, передергиваніемъ картъ и того хуже. Приводится, какъ доказательство, соображеніе, пожалуй, имѣющее вѣсъ: «они-де,молъ, подъ сурдинку, за угломъ, всѣмъ шепчутъ, что съ младоросами покончили, ушли отъ нихъ, а оффиціально об ѣтомъ умалчиваютъ; слѣдовательно, какъ были во второй совѣтской партіи, такъ въ ней и остаются». Послѣднее соображеніе косвенно подтверждается тѣмъ пріѣзомъ, которымъ глава казаковъ - младороссовъ, генералъ Алпатовъ, украшаетъ свое обращеніе къ казакамъ: «въ нашей странѣ стремительно развивается глубокій внутренній процессъ». Утвержденіе, столь свойственное младоросской партіи съ Каземъ - Бекомъ во главѣ, служащее основой ея тактики непротивленія Сталинскому режиму, утвержденіе, безсмыслица котораго доказана въ послѣднее время значительнымъ числомъ иностранцевъ, бывшихъ поклонниковъ совѣтско - русской системы, посѣтившихъ СССР и нынѣ за границей, въ своихъ докладахъ, вскрывающихъ истинное лицо большевизма, со всѣми его ужасающими чертами, и доказывающихъ, что никакой эволюціи въ СССР нѣтъ, что народъ пассивно переноситъ гнетъ, что онъ задушенъ, что никакой воли къ борьбѣ онъ не проявляетъ и проявить не можетъ.Но г. г. Алпатовымъ и Каземъ - Бекамъ сказка о глубокихъ процессахъ нужна для ихъ особыхъ цѣлей, какъ и сказка о великихъ достиженіяхъ Сталина и прочихъ Кагановичей.

Итакъ, мы имѣемъ совершенно, казалось бы, немыслимую организацію — Казачій Союзъ въ рамкахъ второй совѣтской партіи. Казакамъ - легковѣрцамъ не мѣшаетъ напомнить, что и первая совѣтская партія достаточно переполнила чашу страданій Казачества и что, въ случаѣ переворота, расправа съ ней будетъ, очевидно, въ мірѣ невиданная — какъ аукнется, такъ и откликнется; съ совѣтчиками второй партіи, нужно думать, поступлено будетъ не нѣжнѣе.

Между прочимъ, пикантныя вещи находимъ въ № 7 «Казачьяго Пути». Оказывается, что и какъ будто оффиціальныя лица, представители Атамановъ, генералы Малышенко и Хорошкинъ, тоже вошли въ младоросско - казачью вторую совѣтскую партію и зазываютъ въ своихъ обращеніяхъ туда и казаковъ. Что это, недомысліе или смѣна вѣхъ? Полагаемъ, что у казака - рядового окажется больше здраваго смысла и политическаго чутья, чѣмъ у г. г. «генераловъ».

Здѣсь же выступаетъ генералъ Говоровъ, усиленно поучающій казаковъ уму - разуму и столь же усиленно себя рекламирующій, какъ матерого казака, безсмѣннаго Начальника Штабовъ казачьихъ и проч. и проч. и развязно зазывающій «братьевъ станичниковъ» въ ряды казачье - союзно-младоросско - совѣтской партіи. Замѣтимъ, что Говоровъ никакой не казакъ. Такой же казакъ, какъ «казаковавшій» въ Германіи полковникъ Карташевъ изъ вятскихъ жандармовъ, какъ сотрудникъ гр. Граббе Соколовъ — изъ московскихъ адвокатовъ. Много оказывается непрошенныхъ нянекъ у Казачества, а «у семи нянекъ всегда дитя кривое».

Отмѣтимъ кстати и открытіе сдѣланное генер. Алпатовымъ, который говоритъ, что «идея объединявшая казачество — это служеніе Россіи». Мы полагали до сихъ поръ, что основная идея каждаго человѣка и народа: свободно устраивать свою жизнь, какъ можно счастливѣе и лучше. Такъ смотритъ все человѣчество, и французъ, и англичанинъ, и американецъ или японецъ сочли бы безсмыслицей утвержденіе, что они являются на бѣлый свѣтъ съ цѣлью кому то служить. Такого абсурда не допускаютъ и россійскіе люди, ибо нигдѣ и никогда они говорятъ, что идея рускаго народа — служба Россіи. А, вотъ, г. г. Алпатовы, во что бы то ни стало, хотятъ сдѣлать изъ казака слугу, лакея, раба, закрѣпощеннаго государству, силой стремятся загнать казачество въ ярмо и превратить его во вьючное животное для надобностей московскаго барина.

Газетка называется «Казачій Путь», какой ужъ тамъ путь, когда совершенное распутье, или безпутье, а скорѣе — просто распутство. Ну, такъ и назовите — «Казачье Распутство». Это будетъ лучше отвѣчать содержанію газетки.

Казалось бы, что страшная, на протяженіи двадцати лѣтъ переживаемая трагедія, должна была бы насъ образумить и чему - нибудь научить. Нужно, наконецъ, понять, что погоны на плечахъ не могутъ замѣнить доброй головы, а ордена на груди мужественнаго, благороднаго сердца. Надо это понять и... разгенералиться, раскомандириться и разстаршиниться, помня высокій принципъ, который клали наши мудрые предки въ основу своей общественности — «у насъ нѣтъ лучшихъ, а лучшіе тѣ, кого мы выберемъ». — писали они Московскимъ царямъ.

Анатолій Гнутовъ.

Очередныя „шалости" гр. Граббе

24 января сего года на сборѣ Общеказачьей Парижской станицы выяснились очередныя и довольно пикантныя «шалости» Донского Атамана гр. Граббе.

Въ декабрѣ пр. года станицей былъ избранъ въ атаманы Войсковой Старшина Гайдуковъ, пришедшійся не по вкусу гр. Граббе, вслѣдствіе его твердой позиціи въ вопросѣ отстаиванія Донскихъ Основныхъ Законовъ противъ извращенія ихъ Дон. Атаманомъ.

Гайдуковъ доноситъ Донскому Атаману о результатѣ выборовъ, дѣлая ссылку на ст. 89 основн. законовъ, гласящую, что станичные и хуторскіе атаманы, избранные соотвѣтствующими сборами, къ утвержденію не представляются. Гр. Граббе, однако, издаетъ приказъ,ч то онъ избранія Гайдукова не утверждаетъ и требуетъ производства новыхъ выборовъ, приведя въ основаніе сочиненые имъ самимъ, гр. Граббе, законы и напечатанные въ «Атаманскомъ Вѣстникѣ». Налетъ кавалерійскій — и однимъ росчеркомъ пера Дон. Осн. Законы отмѣняются. Словомъ — «революцію кончалъ, конституцію на колъ сажалъ», какъ доносилъ одинъ персидскій сатрапъ своему шаху.

Любопытная подробность: гр. Граббе всенародно кляшійся, что будетъ стремиться къ объединенію всего казачества, отдаетъ приказъ, чтобы донцы вышли изъ сотава Парижской сотницы.

И другой, не менѣе пикантный, штрихъ. Законность своихъ распоряженій гр. Граббе подкрѣпляетъ ссылкой на постановленіе какого-то собранія изъ полутора десятка «милостивыхъ государей», его — загрудняемся, какъ назвать, — то ли пріятелей, то ли примыкающихъ, то ли услужающихъ, — во всякомъ разѣ, готовыхъ, по знаку гр. Граббе, не только Донскую Конституцію, которую они считаютъ клочкомъ бумаги, повергнуть въ прахъ, но и само Казачество преподвести въ рабство Московскому барину. Говорятъ, что, къ сты ду донской демократіи, въ Граббевскихъ «шалостяхъ» и нѣкоторые члены Дон. В. Круга участвуютъ и даже роль руководителей играютъ.

И еще одна, попутная, подробность. Ревизіонную Комиссію, слишкомъ тщательно повѣрявшую атаманскую денежную отчетность, гр. Граббе уничтожилъ, а назначилъ новую — изъ людей типа » «чего изволите, слушаю-съ».

Разсмотрѣвъ дѣйствія гр. Граббе и Станичнаго Атамана В. Ст. Гайдукова, сборъ Парижской Общеказачьей станицы постановилъ: точно руководствоваться ст. 89 Дон. Осн. Законовъ, которую ниже приводимъ полностью:

Ст. 89. Станицы управляются выбранными на три года станичными атаманами, волости — на такихъ же основаніяхъ выбранными волостными старшинами, хутора — хуторскими атаманами и села сельскими старостами, избранными на тотъ же срокъ, **безъ представленія ихъ къ утвержденію въ должности.**

Конечно, отмѣна Основн. Законовъ однимъ росчеркомъ атаманскаго пера есть тягчайшее преступленіе, съ точки зрѣнія нормальныхъ людей и по отношенію людей вмѣняемыхъ, но нельзя же «шалости» дѣтей, и старыхъ и малыхъ, квалифицировать, какъ преступленія.

Недавно, напр., гр. Граббе, на собраніи Россійскихъ общественныхъ представителей, въ присутствіи г. Гансона, предсѣдателя Нансеновскаго офиса, торжественно заявилъ, что онъ — «верховный глава Дона и что казаки — его подданные». Нельзя же и этого, вѣдь, и принимать всерьезъ.

Конечно, всѣ «шалости» гр. Граббе дорого обходятся и могутъ еще дороже обойтись Казачеству въ будущемъ, но что же, — приходится до поры до времени сказать: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало».

А. Кулягинъ.

СРЕДИ ПЕЧАТИ

Предатели

Въ № 15 журнала «Ковыльныя Волны», въ статьѣ «Къ созыву Донского Войскового Круга», генералъ З. А. Алферовъ, характеризуя наличіе сильнаго среди донцовъ теченія въ пользу созыва Д. В. Круга и приводя въ доказательство рядъ станичныхъ приговоровъ, разсказываетъ, между прочимъ, и о наличіи чудовищныхъ, предательскихъ тенденцій, существующихъ среди нашей «донской старшины», находящейся на Балканахъ. Такія настроенія «старшины» насъ не удивляютъ. Они наблюдаются и въ Парижѣ, гдѣ эти господа также стремятся подъ разными соусами — казаковъ-младороссовъ, Казачьихъ Союзовъ и пр. широковѣщательныхъ вывѣсокъ, — предать казаковъ на вѣчное рабство. Мы неуклонно и не зря твердили и твердимъ казакамъ, что и въ историческомъ прошломъ, и нынѣ и въ будущемъ казачество имѣло и будетъ имѣть опаснѣйшихъ враговъ именно среди своей «старшины». Вотъ, что разсказываетъ ген. Алферовъ.

«Есть отзывъ одной станицы въ Югославіи (станичный атаманъ и писарь — генералы), который — слава Богу, пока единственный, — совершенно разнится отъ другихъ приговоровъ. (Этотъ отзывъ — не въ видѣ подписаннаго всѣми участниками сбора приговора, какъ въ большинствѣ случаевъ было, а въ видѣ отношенія, подписаннаго атаманомъ и скрѣпленнаго писаремъ, что естественно вызываетъ сомнѣніе и не безъ основаній, такъ ли дѣйствительно думаетъ станица, аккъ сообщаетъ Правленіе). А оно сообщаетъ, что собраться Кругъ можетъ только съ разрѣшенія... Донского Атамана, и не Кругъ даже, а Казачій Съѣздъ, такъ какъ Кругъ-де утратилъ свои права и потерялъ связь съ казачьей массой».

«Еще враждебнѣе, за весьма малымъ исключеніемъ, относится къ самой идеѣ Круга такъ наз. «Донская старшина», проявляя въ этомъ отношеніи усердіе, достойное лучшей участи. Это все — по духу отколовшіеся отъ Казачества «казаки по паспорту» или «невскіе казаки», по терминологіи покойнаго М. П. Богаевскаго, причислявшаго, между прочимъ, къ «невскимъ казакамъ» и своего брата Африкана Петровича (Засѣданія Донецкаго Окружного Совѣщанія членовъ 1-го Войскового Круга, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Круга М. П. Богаевскаго, при обсужденіи предложенія П. П. Карташова и вообще при обсужденіи кандидатуръ на постъ Атамана, передъ выборами Каледина)».

«Эти отщепенцы Казачества, при одномъ упоминаніи о Кругѣ положительно становятся неприличными, злопыхательствуютъ, «брызжутъ пѣной бѣшеной собаки» на самое идею Войскового Круга. Уходили бы эти господа изъ рядовъ казачества туда, «куда влечетъ ихъ намъ невѣдомая сила». Это — казаки только по недоразумѣнію и по ошибкѣ природы. Многіе изъ нихъ не знаютъ исторіи казачества и буквально смакуютъ позорное мѣсто изъ исторіи Ключевскаго, которому непонятная ненависть къ Казачеству затемнила его большой умъ — мѣсто, гласящее: «Казаки — это отбросы русскаго народа».

«Мнѣ, по поводу такого поведенія «старшины», вспоминается разсказъ моего пріятеля, генералъ-лейтенанта по адмиралтейству, не казака, крупнаго южно-рускаго помѣщика, человѣка умнаго, честнаго, прямого и прямомъ изъ крайне правыхъ».

«Надо сказать, что въ 1921 или 1922 годахъ этотъ генералъ былъ на «Съѣздѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ Юга Россіи», съѣхавшихся изъ разныхъ странъ въ Бѣлградъ. Подъ вліяніемъ преній и принятыхъ этимъ съѣздомъ рѣшеній, мой пріятель мнѣ сказалъ: «Дорогой, сидя на пароходѣ, послѣ нашего съѣзда, я думалъ: люди эти въ эмиграціи ничѣмъ ему не научились и ничего не забыли. И, вотъ, я предложилъ бы слѣдующее. Когда мы вернемся въ Россію, послѣ освобожденія ея отъ большевиковъ, то всѣхъ этихъ нашихъ крупныхъ помѣщиковъ, чтобы они не вредили дѣлу возстановленія Родины, необходимо лѣтъ на пять оставить за границей или на тотъ же срокъ послать въ русскія тюрьмы, или лучше, по-большевицки, вывести въ расходъ».

«Какъ человѣкъ гуманный, я предложилъ бы примѣнить къ «Донской старшинѣ» пунктъ первый изъ трехъ, предложенныхъ почтеннымъ русскимъ патріотомъ, и, во всякомъ случаѣ, не посовѣтовалъ бы имъ счастливить Донъ своимъ туда возвращеніемъ».

Будучи вполнѣ согласны съ заключеніемъ генерала Алферова, мы не можемъ не выразить своего удовольствія, что эти «милостивые государи», т. е. «донская старшина», за границей распоясались и больше не скрываютъ своего истиннаго лица. Казакамъ лучше, когда они будутъ имѣть передъ собою открытыхъ «внутреннихъ враговъ», тогда легче будетъ ихъ обезвредить, примѣнивъ одну изъ мѣръ, выше предложенныхъ.

Новый и неожиданный

« Вольный Казакъ »

Передъ нами новый, чрезвычайно забавный водевиль, сочиненный графомъ Граббе и разыгранный имъ недавно въ городѣ Ліонѣ, во Франціи. Поистинѣ, литературный и сценическій талантъ почтеннаго автора неизсякаемъ — каждый день онъ намъ приноситъ пикантныя новинки, хоть немного отвлекающія насъ отъ заботъ тяжелой повседневной нужды...

Съ новымъ сценическимъ успѣхомъ графа Граббе знакомитъ насъ журналъ «Вольное Казачество» (№ 214), въ замѣткѣ, озаглавленной «Гр. Грабе въ Ліонѣ», подписанной тремя казаками — Н. Калиниковымъ, Н. Юровымъ, Л. Пятилѣтовымъ.

Оказывается, гр. Граббе проявилъ въ Ліонѣ исключительныя симпатіи къ казакамъ-самостійникамъ и съ перваго же шага выразилъ Атаману Донской станицы, Дропову, неудовольствіе, что на собраніе они не приглашены, а затѣмъ въ своей рѣчи заявилъ: «Конечно, трудно жить казачеству безъ Россіи, но если надо, то и это возможно. Уже сейчасъ, въ настоящій моментъ, возможно и освободить, и отдѣлить весь Юго-Востокъ отъ Россіи. Въ частности, это нетрудно будетъ провести въ отношеніи Дона и Кубани».

А дальше уже совсѣмъ изъ «Записокъ изъ дома сумасшедшихъ» Гоголя: Граббе бы освободилъ казачество, но это обйдется очень дорого — по 50.000 золотыхъ рублей на казака, т. е. по 350.000 фр. На милліонъ казаковъ 350 милліардовъ, а на два милліона 700 милліардовъ.

Кому собирается платить такія деньги Граббе — ни ему, никому другому неизвѣстно, конечно. И какія — тысячу милліардовъ франковъ за Донъ и Кубань-! Насъ, конечно, горячечный бредъ гр. Граббе не удивляетъ, но удивительно, что г. г. Дроновы и слушаютъ и даже апплодируютъ. Поистинѣ на всякій товаръ есть свой покупатель.

Но настоящій гвоздь Граббевскаго спектакля заключался въ нижеслѣдующемъ отрѣзкѣ его рѣчи:

«Въ своихъ поѣздкахъ я встрѣчался съ П. А. Билымъ. Казаки-самостійники, — это — настоящіе казаки. Правда, они отъ насъ разнятся тѣмъ, что они болѣе широко забираютъ и нѣсколько рѣзко оформливаютъ свою программу. Тѣмъ не менѣе, съ ними, самостійниками, возможно и навѣрняка придется работать вмѣстѣ въ дѣлѣ освобожденія казачества. Жаль, что ихъ представителей здѣсь нѣтъ».

По поводу заявленія Граббе о его встрѣчахъ съ П. Билымъ, послѣдній въ примѣчаніи дѣлаетъ не лишенное пикантности сообщеніе:

«Не знаю, какъ надо понимать это выраженіе (если оно передано здѣсь правильно), такъ какъ я съ гр. Граббе еще не встрѣчался. П. Билый».

Несчастный Граббе — человѣкъ исходитъ ложью, а полѣчить некому. А все же любопытное было бы сочетаніе — гр. Граббе и Игнатъ Билый:

Фома и Ерема задумали вмѣстѣ жить,
вмѣстѣ рубочку ловить...
Въ мутной водѣ, конечно...

Не лишено красочности выступленіе гр. Граббе и противъ казаковъ - младороссовъ. Замѣтка описываетъ такъ.

Далѣе, вынувъ изъ кармана младоросскую газету «Казачій Путь», гр. Граббе, потрясая ею въ воздухѣ, говорилъ противъ казаковъ - младороссовъ, категорически заявляя: «Какіе тамъ казаки, ибо дѣлаютъ они русское дѣло, а не казачье. Ихъ, казаковъ - младороссовъ, никакъ нельзя сравнивать съ казаками - самостійниками, ибо послѣдніе — казаки - націоналисты, а казаки - младороссы суть русскіе націоналисты и съ ними намъ не по пути».

Курьезно, что апплодировали всѣ: и казаки, и русскіе и «русскіе казаки».

Да, нельзя не повторить знаменитую фразу:

«Бывали хуже времена, но не было подлѣй»...

Мимоходовъ.

О ДѢТСКОМЪ ЛЕПЕТѢ

«СБОРЪ», органъ казаковъ націоналистовъ НТСНП № 1 (6). «СБОРЪ» съ гордостью напоминаетъ всему зарубежью объ участіи Казачества въ созданіи своего Отечества — государства Россійскаго и обѣщаетъ и впредь быть голосомъ казаковъ національно - трудового поколѣнія, голосомъ собирающимъ казаковъ всѣхъ Войскъ у имени Россіи. Пока же этотъ гласъ «голоситъ» довольно младенчески: «Не гоже намъ, на которыхъ лежитъ задача оздоровленія Россіи и Казачества, высунувъ языки, кружится въ сатанинской пляскѣ на могилахъ тысячъ и тысячъ казаковъ (стиль умопомрачительный — **Ред.**), сознательно служившихъ Россіи и тѣмъ возвеличившихъ имя казачье. Ихъ — на это служеніе толкали не глупость и не слабость, какъ увѣряютъ самостійники, а честное отношеніе къ своему долгу, заслонявшему незаслуженныя, несправедливости, обиды и ошибки и общества, и властей». Очевидно казаки національно - трудового поколѣнія забываютъ казачью исторію, хотя бы подавленіе Петромъ Великимъ Булавинскаго возстанія и массоваго истребленія казачества, послѣ котораго казаки отлично служили Россіи, но не потому, что они ее любили, а потому, что принесли присягу, и какъ бы эта присяга у нихъ не была добыта, не считали возможнымъ ее нарушить. И сейчасъ казаки націоналисты («самостійники» по принятому наименованію) честно выполняютъ свой долгъ, ибо они отъ присяги Россіи освобождены, а присягали на служеніе своему Войску, какъ государству независимому, на возстановленіе и возрожденіе этой независимости работаютъ, будучи убѣждены, что только въ условіяхъ суверенаго государственаго существованія возможно возрожденіе Казачества.

П. П.

«ОБЪЕДИНИТЕЛИ — РАЗЪЕДИНИТЕЛИ»

Журналъ «Вольное Казачество» по прежнему дважды въ мѣсяцъ приноситъ своимъ читателямъ все новый и новый матеріалъ для разпобоя. Должны отмѣтить, что въ послѣднее время перемиріе въ національномъ казачьемъ лагерѣ, возвѣщенное въ № 205 - 206, какъ будто совсѣмъ прекращено, да въ полной мѣрѣ оно никогда и не проводилось, ибо борьба съ оппозиціей занимаетъ чуть ли не главное мѣсто въ журналѣ «ВК». Можемъ только сожалѣть объ этомъ и должны откровенно заявить, что та непримиримость, которую проявляетъ къ инакомыслящимъ И. А. Билый, совершенно объясняетъ положеніе въ лагерѣ, признающемъ его своимъ вождемъ. Несмотря на постоянный притокъ новыхъ членовъ, Вольно - Казачья организація не растетъ, а все время почкуется, выдѣляя изъ себя все новыя и новыя развѣтвленія съ общей программой, но организаціонно не звязанныя.

Недостаточно взять въ руки палку, чтобы стать «вождемъ», для этого нужно еще очень многое, а главное — чутье и организаторскій талантъ, а пока, за 10 лѣтъ, мы не видимъ ни того, ниі другого. На одномъ же упорствѣ далеко не поѣдешь и, дѣйствуя, какъ мартышка съ чурбаномъ, полезныхъ результатовъ не добьешься.

Твердить все время о необходимости единенія и одновременно требовать слѣпого подчиненія — значитъ лѣвою рукою разрушать то, что строитъ правая. Упрямство не добродѣтель и далеко не показатель наличія организаторскихъ талантовъ.

П. П.

ХРОНИКА

СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ Д. В. КРУГА ВЪ ПАРИЖѢ.

6 февраля въ Парижѣ состоялось, подъ предсѣдательствомъ А. И. Бояринова, совѣщаніе членовъ Д. В. Круга по вопросу о созывѣ Круга. Явилось девять человѣкъ. Заслушавъ воззваніе Предсѣдателя Круга В. А. Харламова, и Инціативной группы, совѣщаніе нашло, что тезисы воззванія слишкомъ неопредѣленны, что нѣтъ, хотя бы въ общихъ чертахъ намѣченной программы работъ Круга, ч то нѣтъ указаній, на какія средства имѣетъ быть созванъ Кругъ, что и другіе вопросы, связанные съ этой акціей, также представлены столь же туманными, а потому совѣщаніе парижскихъ членовъ Круга пока не нашло возможнымъ высказать опредѣленное мнѣніе по предложенному его сужденію вопросу.

«ГЕНЕРАЛЬСКАЯ СТАНИЦА»

Во исполненіе предписаній гр. Граббе — разрушить Общеказачью Парижскую станицу, — въ воскресенье, 31 января состоялось собраніе инціативной группы по организаціи новой, донской станицы. Инціативная группа состояла изъ десятка генераловъ: Кашинъ, Тараринъ, Агапатовъ. Карповъ и др. — одного полковника, все того же (Медвѣдева) и человѣкъ трехъ казаковъ Извѣстно, что казаки народъ умный, сейчасъ же подмѣтятъ характерныя черты и дадутъ явленію мѣткое опредѣленіе, и новая станица уже именуется — «генеральской».

КУРСЫ ОБЩЕКАЗАЧЬЯГО КУЛЬТУРНО - ПРОСВѢТИТЕЛЬНАГО ОТДѢЛА ПРИ ДОНСКОМЪ АТАМАНѢ.

Мымогли бы только привѣтствовать названное начинаніе, еслибы оно дѣйствительно ставило себѣ задачей расширеніе умственнаго кругозора казачьей массы, дабы дать ей возможность правилно разбираться въ общественно - политическихъ и бытовыхъ вопросахъ прошлаго и настоящаго и способствовало бы уясненію задачъ будущаго казачьяго строительства жизни въ его Родныхъ Краяхъ, но дѣло обстоитъ иначе, и при созданіи этихъ курсовъ, имѣлась задняя цѣль — обработки казаковъ въ духѣ, нужномъ для политическихъ цѣлей, противоположныхъ интересамъ казачества, нужно было гр. Граббе, Краснову, Черячукину, Маркову, Миллеру и пр. воспитать изъ казаковъ слугъ - рабовъ для Матушки-Москвы.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и о такихъ заданіяхъ опредѣленно говоритъ самый подборъ лекторовъ и административная головка курсовъ. Лекторы — московскіе люди, и нѣкоторые съ ярко окрашеннымъ лицомъ ненавистниковъ Казачества. Есть и казакъ — г. Марковъ, послужной списокъ котораго не лишенъ показательной пикантности. Въ 18-20 годахъ, когда мы боролись противъ большевиковъ, этотъ «товарищъ» служилъ въ рядахъ совѣтской власти, т. е. активно работалъ на пораженіе нашего совободительнаго движенія. Затѣмъ, лѣтъ 7 - 8 тому назадъ, съ благословенія большевиковъ, съ дипломатическими визами, этотъ «товарищъ» спокойно выѣзжаетъ за границу и начинаетъ здѣсь устраивать «счастье» казаковъ. Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? Почему его такъ остро стало интересовать казачество, противъ котораго онъ такъ активно боролся на Родинѣ? Кто можетъ отвѣтить на эти вопросы?

Когда то покойный атаманъ Богаевскій, совмѣстоно со Скачковымъ, поручилъ руководство газетой «Казачьи Думы» нѣкоему Пинусу. Это было знаменательно. Казачьи думы, казачья душа, казачья психологія — и воспитатель казачества, его доблести, его духа, хранитель его славныхъ традицій... Пинусъ. Кто онъ былъ? Мы знали въ Польшѣ евреевъ, фаб-

рикантовъ одѣялъ, Ниссовъ. Это какъ будто недалеко отъ Минуса. Словомъ, получается какая то черговская ахинея — какъ если бы обѣдню въ православномъ храмѣ поручили служить турецкому муллѣ или еврейскому раввину. Воспитатели!!!

Достаточно сказать, что покровители «Курсовъ» и ихъ вдохновители — гг. Граббе, Красновъ, Миллеръ и пр., чтобы понять, гдѣ зарыта собака и какую операцію хотятъ произвести надъ казачьей душой.

Въ своей рѣчи ген. Черячукинъ, при открытіи курсовъ, между прочимъ, указалъ, что основы казачьяго міровоззрѣнія — это: вѣрность Россіи, Царю, вѣрѣ православной..., что курсы должны научить насъ, какъ строить будущую жизнь, чтобы жила и благоденствовала Матушка Русь и... Казачьи Края... Казачьи Края, конечно, съ боку припека; наконецъ; что казаки не должны забывать своихъ обязанностей передъ Россіей, что наше счастье только въ лонѣ Матушки Россіи. Словомъ, старая генеральская вѣсня: надѣвайте прежній хомутъ и до истощенія силъ тяните лямку во славу Московскаго барина и казачьяго генерала.

Имѣющій уши слышать, да слышитъ!

Обозрѣватель.

ИЗОБРѢТЕНІЕ «РУССКАГО КАЗАКА»

19 февраля состоялась панихида по «казачьимъ вождямъ», устроенная по иниціативѣ Донского Атамана, гг. Граббе. Поминались: «Всѣ атаманы, офицеры и казаки» — именно, каза-а-ки...

Какъ будто офицеры — не казаки. Очевидно, канцелярія Атамана, воъ главѣ съ гг. Колесовымъ, хочетъ отождествить казаковъ съ солдатами. У рускихъ, вѣдь, дѣлятъ на два сословія — на офицеровъ и солдатъ, у казаковъ же изъ вѣка обстоитъ иначе — казаки всѣ: и офицеры, и генералы, и попы, и архіереи...

ПОКУШЕНІЕ СЪ НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

20 февраля казаки - младороссы устроили собраніе подъ новой вывѣской — Союзъ Казачьихъ Войскъ. Съ докладами и рекламой выступили З. С. Алпатовъ и г. Цымлянскій. Выяснилось,о днако, что, хотя докладчики и утверждали о выходѣ ихъ изъ состава союза младороссовъ, но въ сущности ихъ идеологія и программа остались тѣ же — второй совѣтской партіи, какъ они долгое время себя прокламировали: то-же непротивленіе Сталинской диктатурѣ, то же прокламированіе «быстрыхъ и огромныхъ успѣховъ эволюціи и русскаго народа и совѣтской власти», то же отрицаніе вмѣшательства иностранныхъ силъ въ цѣляхъ ликвидаціи большевизма въ Россіи. Словомъ вывѣска повѣшена новая, а старое содержаніе осталось неприкосновеннымъ, на что нѣкоторые ораторы (А. И. Бояриновъ) и указали, заявивъ, что на такихъ основахъ немыслимо то объединеніе, о которомъ мечтаютъ и къ которому зовутъ казаки - младороссы, совѣтчики второго сорта. Несомнѣнно, что эта новая метаморфоза, г. Алпатова и К-о останется, какъ и прежнія, мертворожденнымъ чадомъ, покушеніемъ съ негодными средствами.

Нужно отмѣтить, что, какъ и всѣ казаче-младоросскія собранія, такъ и это послѣднее отличалось полной дезорганизованностью. Были вдребезги пьяные, съ разбитыми физіономіями, грубо и безсмысленно оравшіе во время выступленія ораторовъ. Тѣхъ же, впрочемъ, пріемовъ держались и внѣшне трзвые «ребята изъ младороссовъ», которые тоже, спрятавшись за колонны зала, какъ Крыловскія дворняжки, лаяли во время выступленія оппозиціонно настроенныхъ къ ихъ партіи ораторовъ. У бѣдняжекъ не хватало мужества открыто и прилично выступить въ защиту своихъ убѣжденій. Картина получилась удручающая, приличная для россійской челяди, а не для дисциплинированнаго казачества. Показательно, что ни президіумъ собранія (казаки-младороссы) ни вожди партіи «никакихъ мѣръ, чтобы посадить на мѣсто своихъ распоясавшихся «молодцовъ», не принимали — очевидно, такое положеніе вещей входитъ въ планъ организаторовъ собранія; очевидно, за неимѣніемъ другихъ средствъ, вожаки расчитывали на подкрѣпленіе своей позиціи нечленораздѣльными возгласами особо назначенной клаки. И при такихъ гнилыхъ и примитивно - наивныхъ организаціонныхъ пріемахъ, казаки - младороссы покушаются на инициативу объединенія казачества!

Наше впечатлѣніе — уважающимъ себя казакамъ на такія собранія, гдѣ нѣтъ элементарныхъ гарантій для свободы слова, гдѣ самые грубые выходки составляютъ неотъемлемую часть организаціонной системы, — на такія собранія ходить нѣтъ смысла и не стоитъ.

Нельзя обойти молчаніемъ одинъ инцидентъ ,имѣвшій мѣсто во время собранія, инцидентъ, какъ будто и незначительный, но очень характерный для нашего проклятаго безвременья. Выступаетъ нѣкій ораторъ, вчера бывшій самостійникомъ, и заявляетъ, что онъ побывалъ въ разныхъ партіяхъ и отовсюду утекъ, не найдя удовлетворенія, и теперь сталъ на точку зрѣнія казаковъ - младороссовъ (къ слову сказать, противъ которыхъ онъ всегда ярко ратовалъ и даже на страницахъ печати). Имя этого «перелета» легкокрылаго мы называть не будемъ — оно никому и ничего не говоритъ. Тутъ важно не имя, а человѣческій документъ, какъ показатель той моральной пустоты, которая свойственна многимъ въ нашемъ проклятомъ безотцовьи, при отсутствіи моральныхъ устоевъ. Бѣдное «дитя» не вѣдаетъ, что творитъ. оно не знаетъ какая разница между порядочной женщиной и проституткой, не знаетъ, что первая вѣрна одному мужчинѣ, а вторая мѣняетъ ихъ каждый день. Въ своей наивности «дитя» заявило, что имѣетъ мужество сказать о своихъ «перелетахъ» совершенно открыто. Но, вѣдь, и проститутка о своемъ поведеніи говоритъ открыто, иначе она не можетъ собою успѣшно тороговать; только такая манера себя вести называется не мужествомъ, а безстыдствомъ...

Насколько цѣнно пріобрѣтеніе казаковъ - младороссовъ въ лицѣ названнаго дитяти, судить нетрудно; впрочемъ — «рубакъ рыбака видитъ издалека», и перворотень переворотню — естественно родной братъ.

Зритель.

А. И. Бояриновъ

«КАЗАЧЕСТВО И РОССІЯ

въ ихъ взаимоотношеніяхъ »

(Три доклада, читанныхъ въ Парижѣ)

Цѣна брошюры ЧЕТЫРЕ франка

Издана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ

Адресъ издательства:

M. Jeltoukhin, 78, rue de Levis, Paris 17e. France

Вышелъ очередной номеръ студенческаго журнала

„СТАНИЦА“

Изданіе по внѣшности красивое, изящное, со многими гравюрами. Содержаніе посвящено А. С. Пушкину — статьи: Гофмана, Кенэ и проч.

Le Gérant : M. Salles Pierre

Impr. d'Art, 77, rue Mouton-Duvernet, SUF. 28-74

подписная цѣна

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Казачье Дѣло"

ВЫХОДЯЩІЙ ВЪ ПАРИЖѢ

подъ редакціей Коллегіи

ВО ФРАНЦІИ :

На 12 мѣс. . . . . 32 фр.

» 6 » . . . . . 17 »

ЗАГРАНИЦЕЙ :

На 12 мѣс. . . . . 2.00 ам. долл.

» 6 » . . . . . 1.20 » »

Адресъ

Администраціи „Лиги Возрожденія Казачества"

и Редакціи „Казачьяго Дѣла":

La Ligue de la Rennaissance des Cosaques

78, rue de Levis—Paris 17e

Для денежной корреспонденціи :

M. Th. JELTOUKHIN—тотъ же адресъ

Генеральный Секретарь Л. В. К. А. БОЯРИНОВЪ

M. Boyarinoff, 15, rue de l'Est, Boulogne s/S, France

Impr. d'Art, 77, rue Mouton-Duvernet. Tél.: Suffren 28-74.